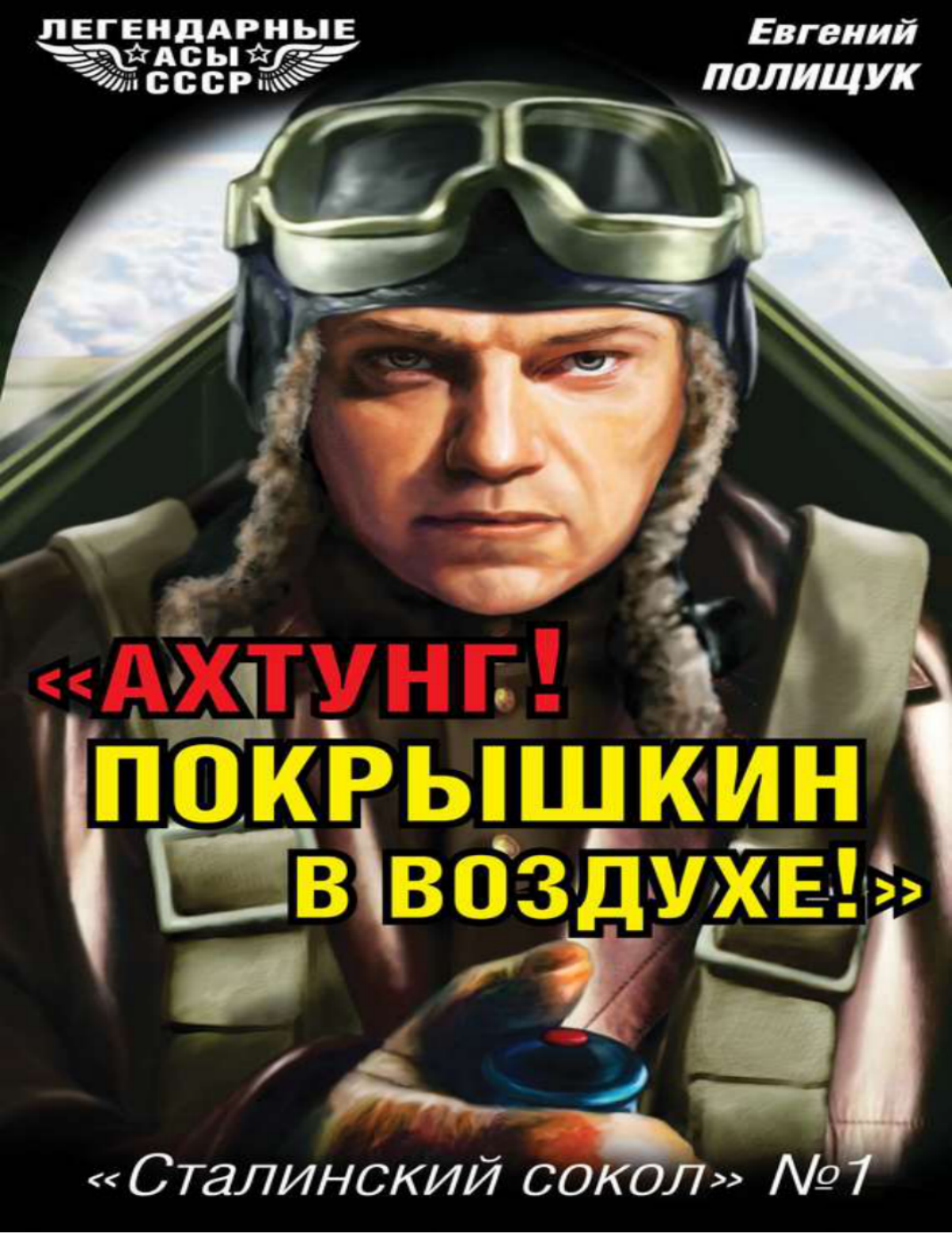
ЛЕГЕНДАРНЫЕ АСЫ СССР

Евгений ПОЛИЩУК

«АХТУНГ! ПОКРЫШКИН В ВОЗДУХЕ!»

«Сталинский сокол» №1

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Ахтунг! Ахтунг! В небе Покрышкин!» – неслось из всех немецких станций оповещения, стоило ему подняться в воздух, и «непобедимые» эксперты Люфтваффе спешили выйти из боя. «Храбрый из храбрых, вожак, лучший советский ас», – сказано в его наградном листе. Единственный Герой Советского Союза, трижды удостоенный этой высшей награды не после, а во время войны, Александр Иванович Покрышкин был не просто легендой, а живым символом советской авиации. На его боевом счету, только по официальным (сильно заниженным) данным, 59 сбитых самолетов противника. А его девиз «Высота – скорость – маневр – огонь!» стал универсальной «формулой победы» для всех «сталинских соколов».

Эта книга предоставляет уникальную возможность увидеть решающие воздушные сражения Великой Отечественной глазами самих асов, из кабин «мессеров» и «фокке-вульфов» и через прицел покрышкинской «Аэрокобры».

- Евгений Полищук
  - От автора
  - Возвращение в Краснодар
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
  - У синего моря
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9

- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15

- Сражения за Крымскую и Мысхако
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
- Борьба за господство в воздухе
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
- Вперед на Донбасс, Мариуполь и Крым
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- 11
- 12
- Эпилог

Евгений Полищук
«Ахтунг! Покрышкин в воздухе!». «Сталинский сокол» № 1»

От автора

«Тревога! Тревога! Покрышкин в воздухе! Покрышкин в воздухе!» – неслось в воздух с земли на Кубани с мая по август 1943 года. Это немецкие наводчики предупреждали своих пилотов – в районе боевых действий появилась смертельная угроза. Крутили в ужасе головами молодые пилоты, лихорадочно разыскивая в небе силуэт красноносой «аэрокобры». Невольно прижимались друг к другу опытные, норовя при первом же удобном случае повернуть на свой аэродром. Появление советского аса всегда было неожиданным, атаки молниеносными, кинжальные удары – смертельными.

Александр Иванович Покрышкин был безоговорочно признан лучшим летчиком-истребителем Великой Отечественной войны всеми советскими специалистами и летчиками-ветеранами. «В бою все средства хороши, – не раз говорил он. – Надо было лишь знать, когда их применять, в какой обстановке и в каких комбинациях».

Не раз встречался в боях Покрышкин с довольно сильными противниками, пилотировавшими, может быть, не хуже его. В таких случаях, прощупав немца, он отказывался от обычных приемов и применял новые. Порой, встретив опытного и хитрого противника, Александр Иванович не мог сразу предугадать его замысел. Тогда он дублировал маневр немца, внимательно наблюдал за каждым его движением и, в конечном счете, ловил его на допущенной ошибке и сбивал.

Все немецкие летчики на Кубани знали фамилию Покрышкина очень хорошо, впрочем, как и фамилии других советских асов – Фадеева, братьев Глинка, Скоморохова, Семенишина и других. За ними специально охотились.

А. И. Покрышкин проявил себя и как выдающийся авиационный педагог, воспитавший целую плеяду блестящих летчиков-истребителей. Только в 16-м гвардейском истребительном полку, а потом в 9-й истребительной дивизии, которыми он командовал, были четыре дважды Героя и тридцать девять Героев Советского Союза. Около девятисот человек были награждены орденами страны.

В предлагаемой книге в литературно-художественной форме описан самый «звездный» период жизни А. И. Покрышкина и его однополчан – участие в боях за Кубань и Крым в 1943 году. За этот год Покрышкин был трижды представлен к званию Героя. Такого история советской авиации еще не знала!

Книга является данью глубочайшего уважения к русским

людям, патриотам своей страны, продемонстрировавшим всему миру образцы высочайшего героизма, мужества и человеческого достоинства. Это попытка связать прошлое с настоящим. Ведь история, наверное, для того и существует, чтобы мы не забывали о подвигах наших отцов и дедов.

В книге использованы воспоминания самого А. И. Покрышкина, его жены Марии Кузьминичны, публикации Ю. А. Жукова, А. В. Тимофеева, Ю. С. Устинова, материалы военных архивов и статьи военных специалистов.

Автор

Возвращение в Краснодар

1

В середине февраля 1943 года Южный фронт, освободив город Ростов, отрезал не успевшую выбраться через ростовскую «горловину» на широкие просторы Украины 17-ю немецкую армию генерал-полковника Руоффа. За ее спиной оказались Черное и Азовское моря.

Разгром этой группировки возлагался Ставкой Верховного Главнокомандования Советской Армии на СевероКавказский фронт. Освободив в ходе ожесточенных боев Пятигорск, Нальчик, Минеральные Воды, Ставрополь, Майкоп и Краснодар, этот фронт 22 февраля свое наступление вынужден был приостановить. Ранняя весна, вызванная ею распутица привели все грунтовые дороги в негодность. Кругом стояла непроходимая грязь. Аэродромы, неоднократно в ходе боев переходившие из рук в руки, от постоянных бомбежек оказались разбитыми, а железные и автомобильные дороги немцы при отступлении разрушили. В итоге войска Северо-Кавказского фронта оказались без боеприпасов, продовольствия, отстали танки и артиллерия.

Гитлеровское командование, используя создавшуюся паузу, руками советских военнопленных и местного населения начало срочно возводить три оборонительные линии под общим названием «Готтенкопф», которые позже русские назовут «Голубой линией». С созданием этих линий обороны Гитлер и его генералы связывали большие надежды, считая, что они позволят сохранить кубанский плацдарм для последующего развертывания с него новых наступательных операций на Кавказе.

Уже 28 марта начальник немецкого генерального штаба генерал Цейтлет сообщил командующему группы армий «А» фон Клейсту: «Фюрер решил, что 17-я армия должна удерживать позицию «Готтенкопф», включив в нее Новороссийск, во что бы то ни стало».

Включение Гитлером города Новороссийска в позиции «Готтенкопф» принесло немецкому командованию немало хлопот. Дело в том, что Новороссийск немцы пока удерживали, но русские под городом ухитрились создать насыщенный войсками плацдарм, который ставил под угрозу все оборонительные линии.

Сил у генерал-полковника Руоффа на Таманском полуострове и кубанском плацдарме было предостаточно – около 350 тысяч солдат и офицеров. К тому же ему планировалось оказать помощь авиацией, которая на Тамани, в Крыму и на юге Украины располагала сетью аэродромов с бетонными взлетными полосами, в то время, как у Северо-Кавказского фронта был единственный

такой аэродром в Краснодаре, но и тот находился на значительном расстоянии от полей будущих сражений. Грунтовые аэродромы в связи с весенней распутицей использовать пока было невозможно.

Меж тем весна уверенно вступала в свои права. Установилась теплая, солнечная погода. Прикубанские чернозолые лиманы заполнялись перелетной птицей. Ночью, когда в лунном золоте плесов играли белобрюхие сазаны, высоко в небе слышалось курлыканье вечных странников – журавли, тяжело помахивая могучими крыльями, летели в свои заветные места. Шумели воды Кубани, кружились под крутояром пенные стремнины, и молочай над отслоенным глинищем вытягивал липкие растопыренные стебли. Поднимались степные травы, пустынные поля, густо помеченные воронками от снарядов и бомб, гостеприимно принимали грачиные стаи.

Восьмого апреля, после полудня, шестерка американских истребителей «аэрокобра» на бреющем с грохотом прошла над взлетной полосой аэродрома в Краснодаре и сделала горку. На высоте около двухсот метров ведущий перевернул свой самолет на спину, потом выровнял его и, заложив крутой вираж, с ходу пошел на посадку. За ним маневр повторили остальные. Один, правда, несколько замешкался, сделав недостаточно энергичный разворот.

– Вот это да! Вот это мастера! – восторженно воскликнул кто-то из летчиков, наблюдавших на стоянке за посадкой новеньких.

– Наши пришли, 16-й гвардейский! – с гордостью сообщил техник, невысокий коренастый крепыш, стоявший рядом с наблюдавшими. – О Саше Покрышкине слышали?

– Нет.

– Ну ничего, скоро услышите, – уже на ходу бросил он, торопливо направляясь к первому из прилетевших истребителей под номером тринадцать. Все прибывшие были с красными обтекателями винтов и такой же красной вертикальной полосой на киле. Несколько непривычно выглядели эти боевые машины: носовая стойка шасси вместо задней опоры, как у наших истребителей, поддерживала самолет спереди, отчего его хвост был постоянно приподнят.

Первая «кобра» закончила пробег, подрулила к краю бетонированной полосы, резко развернулась на месте и затихла. Съезжать с полосы было опасно – кругом стояла непролазная кубанская грязь, и все самолеты теснились на полосе один возле другого, словно воробьи на заборе.

У истребителя, как у автомобиля, открылась боковая дверца, из кабины быстро выбрался летчик, снял с себя и оставил на

крыле парашют, кожаный реглан, быстрым движением привычно одернул гимнастерку со шпалами капитана на петлицах, надел на голову примятую «блинчиком» фуражку, которую достал из-под сиденья, и спрыгнул на землю. Слегка прихрамывая на правую ногу, пилот отошел от самолета в сторонку и остановился.

Был он выше среднего роста, широк в плечах, стройный, с развитой мускулатурой. Во всех его движениях сквозила упругая точность, свидетельствовавшая о хорошем владении своим телом. Его сухощавое, резко очерченное лицо выражало недовольство, он хмуро поглядывал вокруг, осматривая аэродром, видимо, ожидая, пока подойдут его товарищи.

Пять летчиков, весело переговариваясь между собой, уже спешили к нему.

– Как машина, товарищ гвардии капитан? – спросил у летчика подбежавший невысокий техник.

– Подожди, Гриша!

Техник послушно отошел в сторону. Летчики приблизились.

– Неважно садились, – негромким баском отрывисто заговорил капитан. – Ты, Козлов, почему замешкался на вираже? Думал, я не увижу? Так тебя «худой» и срежет, если будешь медлить при посадке. Понял?

– Понял, товарищ гвардии капитан.

«Худыми» летчики между собой называли немецкие истребители «Мессершмитт-109», или просто «Ме-109», или «месс».

– Ладно, пошли на КП. Потом разберемся, – скомандовал капитан, и все энергичным шагом направились в сторону развевающегося вдалеке флажка и стоявшей рядом с небольшим строением – командным пунктом, КП, как сокращенно называли его летчики – легковой автомашины.

Там прилетевшие ранее летчики о чем-то оживленно переговаривались. Прибывшие тоже активно включились в разговоры. Все с тревогой и волнением поглядывали на горизонт – ждали прибытия третьей эскадрильи под командованием Вадима Фадеева. Вел ее опытный пилот, штурман полка Пал Палыч Крюков.

– Куда же твой друг делся, Саша? – спросил у прибывшего капитана командир второй эскадрильи Тетерин, один из тех, кто начал воевать с полком в Молдавии в сорок первом. – Не могли же они пропасть с таким штурманом, как Пал Палыч!

Капитан промолчал. Он вообще по характеру был человеком сдержанным и немногословным. «Действительно, где же они? Все сроки уже прошли, – размышлял он. – Может, с ними что-нибудь случилось на маршруте?»

– Думаю, их можно уже не ждать. Полетное время вышло. Видимо, сели на другом аэродроме, – наконец ответил капитан Тетерину.

Командир вновь прибывшего 16-го гвардейского истребительного полка майор Исаев нервно прохаживался в сторонке. Увидев капитана, он с досадой бросил:

– Вот, Покрышкин, результаты деятельности в полку вашего Иванова. Это не гвардейцы, а разгильдяи!

Иванов командовал полком с начала войны, а летом сорок второго по ранению был отправлен в тыл, и его сменил Исаев.

– Перелетал весь полк, – парировал Покрышкин. – Видимо, командиру самому надо было его вести…

Намек был прозрачен. Исаев плохо летал и побоялся возглавить перелет полка в Краснодар.

– Ты свои привычки указывать начальству брось! – вспылил Исаев. – Видимо, мало мы проучили тебя в прошлом году.

Стоявший рядом с Покрышкиным заместитель командира полка по политчасти Погребной дернул Александра за рукав гимнастерки.

– Не связывайся ты с ним, Саша! Держи себя в руках, – шепнул он.

– А чего он свою злость срывает на Иванове! Нас, боевых летчиков, разгильдяями называет. А сам? За полтора года пребывания в полку он не сделал ни одного боевого вылета! Только и знает, что командовать…

Ответить Погребной не успел.

– Михаил Акимович! – обратился к нему Исаев. – Забирайте людей и устраивайтесь с жильем!

– Есть, товарищ командир!

Погребной махнул рукой, и все летчики дружно двинулись к небольшому строению, видневшемуся вдалеке. Шли и чертыхались – черная тягучая грязь липла к сапогам, превращая их в пудовый груз.

Наконец добрались. В просторном длинном помещении вдоль стен были оборудованы двухэтажные нары, на нижних полках которых уже разместился летный состав 45-го истребительного полка, перебазировавшегося в Краснодар раньше. 16-му пришлось довольствоваться вторым этажом.

С шутками летчики взялись взбивать на нарах соломенные матрасы, раскладывать свои пожитки, с опаской посматривая на тонкие стойки, подпирающие второй этаж, – выдержат ли они.

– Нашего Вадима эти нары точно не выдержат. Клянусь! – бросил кто-то из шутников.

Все дружно захохотали. За тему ухватились и стали дружно

ее развивать.

– Вот нижним достанется!

– Ничего, будут долго помнить гвардейцев!

По бараку то и дело катился хохот.

– Весельчаки прибыли, – сердито пробурчал кто-то с нижнего этажа. – Посмотрим, как они будут веселиться, когда с «худыми» встретятся!

Покрышкин, бегло осмотрев постель, сложил на нее свои пожитки и направился к Погребному, который стоял в конце коридора и о чем-то беседовал с командиром батальона аэродромного обслуживания, или, как все его называли – БАО.

– Таварищ замполит! Разрешите выехать в город – нужно постричься и прикупить кое-что по мелочи.

О мелочах Покрышкин придумал – просто ему хотелось осмотреть город.

– Можешь дать ему машину? – обратился Погребной к командиру БАО.

– Мой «газик» вас устроит? – спросил тот у Покрышкина.

– Вполне.

– Тогда берите и езжайте.

Услышав о предстоящей поездке, стоявшие рядом летчики тут же заявили, что им тоже надо постричься. «Газик» оказался заполненным до отказа.

2

С тяжелым сердцем Покрышкин возвращался в город своей молодости. Здесь до войны он учился летать на планере, в местном аэроклубе поднялся в свой первый самостоятельный полет на «У-2», наконец, здесь добился разрешения на поступление в летную школу и отсюда уехал в городок Кача под Севастополем, чтобы стать военным летчиком. Сколько же сил и энергии он потратил за те девять лет, чтобы завоевать право встать в строй военных летчиков-истребителей! Об этом знал только он один. И произошло все это всего лишь пять лет назад. Пять лет, но сейчас ему казалось, что это было так давно.

Из газет он уже знал, что Краснодар сильно разрушен. И вот сейчас, сидя за рулем набитого летчиками «газика», медленно и осторожно лавируя между завалами камней, срубленных деревьев, воронок, он не узнавал знакомые и близкие его сердцу места. На месте красивых домов стояли закопченные кирпичные остовы стен с пустыми глазницами, бывшими когда-то окнами и дверями, вместо густых тенистых аллей, – обугленные, расщепленные столбы, которые уже никогда не зазеленеют. Где эти зеленые, нарядные, заполненные людьми улицы, залитые огнями витрины магазинов?

Вот здесь была библиотека – сколько раз он брал тут книги, работая над чертежами своих рационализаторских предложений, или когда готовился к экзаменам в Академию военно-воздушных сил. Здесь был кинотеатр, – показывал он ребятам на мрачную каменную коробку, – тут молодые авиатехники смотрели фильм «Веселые ребята», выпуски кинохроники о боях в Испании, а потом бурно обсуждали события в мире. Какой далекой сейчас казалась ему эта война, и как близко принимал он ее тогда к сердцу.

…Он песенку эту твердил наизусть…
Откуда у хлопца испанская грусть?
Ответь, Николаев, и Харьков, ответь:
Давно ль по-испански вы начали петь?
Откуда ж, приятель, песня твоя:
«Гренада, Гренада, Гренада моя».

Кто из комсомольцев не напевал тогда эту песню? А вот и большой дом – «стоквартирка», где он прожил три года. То, что от него осталось, коробку, он узнал сверху, когда подлетал к

Краснодару. Вот там была когда-то его комната…

Офицеры выбрались из «газика» и пошли пешком. Покрышкин показал, где раньше располагался Дом офицеров, незаметно подошли к аэроклубу. Перед его разрушенным зданием Саша остановился и замолчал. Сердце защемило от горестных воспоминаний, ребята, сочувствуя, тоже приумолкли…

Они гуляли уже около двух часов и порядком устали. Увидев на одном из уцелевших зданий вывеску «парикмахерская», кто-то сказал, что неплохо бы все-таки постричься, и все дружно повернули к входу.

В большой комнате помещалось три обшарпанных стола с зеркалами на них и такие же обшарпанные кресла. За первый стол, оказавшийся свободным, сел Покрышкин, и им тут же занялся седой, узкогрудый старик с большим крючковатым носом.

– Вы меня не узнали? – спросил его Александр. – Вы оставались в городе или эвакуировались?

Старый мастер внимательно посмотрел на капитана, и слезы непроизвольно потекли из его глаз. Только теперь он узнал своего клиента, неоднократно стригшегося у него до войны.

Старик всегда был словоохотливым человеком. Раньше от него можно было узнать все городские новости. Теперь он изменился. Радости от неожиданной встречи хватило ненадолго, он как-то сразу сник и тихо заметил:

– Боюсь, что вы вряд ли встретите в городе кого-то из старых знакомых. В Краснодаре больше мертвых, чем живых…

И пока стриг и брил Покрышкина, он медленно, бесстрастным голосом, рассказывал о «новом порядке», установленном немцами в оккупированном городе – о виселицах в парке, о трупах в противотанковых рвах, о «душегубках» – автобусах, в которых людей душили окисью углерода.

В зале стало совсем тихо. Женщины-парикмахерши прекратили работу и скорбно молчали.

Покрышкину стало не по себе. С трудом дождавшись, пока летчики закончили стрижку, он вышел на улицу. Его спутники тоже заторопились.

– Надеюсь всех вас увидеть в моем кресле после победы над врагом!

Они оглянулись. Старый мастер стоял у двери и махал им вслед рукой.

Все молча погрузились в машину и поехали. У Александра крутились в голове строки Симонова:

Когда ты входишь в город свой

И женщины тебя встречают,
Над побелевшей головой
Детей высоко поднимают;
Пусть даже ты героем был,
Но не гордись – ты в день вступленья
Не благодарность заслужил
От них, а только лишь прощенье.
Ты только отдал страшный долг,
Который сделал в ту годину,
Когда твой отступивший полк
Их на год отдал на чужбину…

3

По прибытии из города летчики узнали, что эскадрилья Фадеева так и не прилетела. Пора было устраиваться на ночлег.

Не успели они снять обмундирование, как снаружи послышался треск мотоцикла. Потом он умолк, и через минуту раздалась команда дневального: «Смирно!» Все вскочили.

Покрышкин вместе со всеми встал по стойке «смирно». По коридору барака, прямо на него, быстро шел коренастый военный в фуфайке без знаков различия. За ним едва поспевал командир полка Исаев, делая на ходу окружающим отчаянные знаки. Дойдя до Покрышкина, военный остановился, подал команду «вольно» и первым протянул Саше руку:

– Командир 216-й авиационной истребительной дивизии генерал-майор Борманов.

– Гвардии капитан Покрышкин!

– Присаживайтесь, товарищи! – предложил командир дивизии и сам присел на услужливо подставленную Исаевым табуретку. – Ну как долетели? Нормально? Без одной эскадрильи? Ну, с этим вопросом мы уже разобрались. Эскадрилья в полном составе села у железнодорожной станции Лабинская. Ведущий группы, приняв разлив Кубани за море, решил, что сбился с маршрута, и взял немного правее. Завтра они будут здесь. Бензовозы к ним уже отправлены.

По документам комдив Борманов знал историю прибывшего 16-го гвардейского истребительного полка и был доволен, что гвардейцы, получив двадцать семь скоростных американских «аэрокобр», вливаются в его дивизию в разгар боев на Кубани. Сейчас ему хотелось познакомиться с людьми и узнать их поближе.

– А что это вы, товарищи офицеры, все еще кубики и шпалы носите? А там, на Каспии, вам что, еще погон не вручали? Нет. Ну, мы это быстро исправим. А вас, товарищ капитан, за что наградили орденом Ленина?

Покрышкин от такого неожиданного вопроса даже растерялся.

– За разведку, товарищ генерал, – подсказал сидевший рядом Гриша Речкалов, быстрый на язык парень. – Он танки Клейста разыскал.

– Вот как! – воскликнул Борманов. – Интересно, что это была за разведка.

4

Покрышкин сразу вспомнил бои под Ростовом в конце ноября 1942 года. Измотав противника, наши войска перешли в наступление. Как назло, совершенно испортилась погода, летать группами стало невозможно, и летчики сильно переживали от того, что не могли помочь наземным войскам. Оставалась лишь одна возможность – вылетать в разведку в одиночку.

В один из таких серых ненастных дней его срочно вызвали на командный пункт полка. Собираясь, он хотел прихватить с собой планшет, но, выглянув за дверь землянки, убедился, что карта вряд ли ему понадобится: облака висели так низко, что не виден был даже противоположный конец аэродрома.

Пробежка до КП заняла минуту, и вот он уже стоит перед командиром полка Ивановым, высоким, плотным, широкоплечим человеком с добрыми карими глазами. По тому, как Виктор Петрович протянул ему руку и усадил рядом с собой на табуретку, Покрышкин догадался, что ему предстоит выполнять какое-то важное задание.

– Ну, как твое самочувствие, Покрышкин? – тепло, и хотя он был старше всего на три года, по-отечески ласково обратился Иванов к летчику. Покрышкин давно уже заметил, что командир полка ему симпатизирует, хотя на людях этого никогда не показывает. Но стоило им остаться вдвоем, как они начинали улыбаться друг другу, беседовать по-простому, не соблюдая субординации. Покрышкину всегда хотелось спросить комполка о его здоровье, о его близких, но он стеснялся и только смотрел на него преданными глазами. А Виктор Петрович мог положить руку на плечо летчика и спросить, почему на нем такая старая гимнастерка, что ему пишут из дома. Он всегда внимательно выслушивал все деловые предложения Покрышкина, приговаривая при этом свое излюбленное «хорошо, хорошо», и учитывал их в своей работе.

Вероятно, он не только с Покрышкиным поддерживал такой душевный контакт, но и с другими летчиками тоже, стараясь каждому из них передать частицу тепла своей щедрой души, вселить в это трудное время уверенность в победе над врагом. Ведь недаром же его все так любили в полку и старались во всем ему подражать, особенно в умении пилотировать самолет.

– Хорошее, товарищ майор.

– А знаешь ли ты, Покрышкин, что наш полк представлен к званию «гвардейский»? В старой русской армии были лейб-гвардии Семеновский и Преображенский полки, в Гражданскую

войну была Красная гвардия, а теперь вот и наш 55-й полк вступает в ряды гвардейцев. А разве мы не заслужили такую честь? – спросил майор, оглядывая присутствующих.

– Я думаю, что вполне заслужили, – заметил начальник штаба полка Матвеев.

– Вот я тоже так думаю, – продолжил Иванов. – Ну а теперь к делу: надо лететь, Покрышкин.

– Сейчас?

– Да, только что звонил командир дивизии. Получено важное задание из штаба фронта. Надо, Покрышкин, найти танки генерала Клейста. Комдив грозит – не найдем танки, не быть нам гвардейцами.

– Если лететь, то только одному.

– Безусловно. При такой погоде двое не пройдут.

О танковой группе Клейста в полку уже знали. Проскочив западнее Орехова, проутюжив ряд районов Донбасса, танки достигли Дона. Клейст пытался с ходу взять Шахты, чтобы потом форсировать Дон и обойти Ростов. Но неожиданно столкнулся с яростным сопротивлением советских войск и, получив под Шахтами сокрушительный удар, генерал откатился назад и под покровом ноябрьских туманов куда-то исчез.

Покрышкину предстояло в течение одного-двух часов осмотреть с воздуха все прифронтовые лесополосы, лесочки, долины и села около Шахт, найти эти проклятые танки, указать их точное местоположение, чтобы советское командование могло составить представление, куда могут быть направлены танковые силы группы «Юг». Для советских войск, обороняющихся в районе Донбасса, это был вопрос жизни или смерти.

– Дайте мне двухкилометровку, – обратился летчик к начальнику штаба. – Моя карта малого масштаба и для такого полета не годится.

Никандрыч, так летчики называли между собой своего начштаба, молча расстелил на столе нужную карту, и Покрышкин занялся прокладкой маршрута. «Выйти к Дону, повернуть на юг, потом взять вправо и лететь вдоль дороги, ориентируясь по телеграфным столбам. Дойти до линии железной дороги и снова повернуть влево, – тихо шептал он. – Так, нужно просчитать время пролета каждого ориентира и проиграть несколько вариантов восстановления потерянной ориентировки».

Раздался зуммер полевого телефона. Трубку поднял Никандрыч.

– Да, да, готовимся. Вылетает Покрышкин, – ответил он. Потом протянул трубку Покрышкину:

– Тебя. С тобой хочет говорить командир дивизии.

Саша взял трубку. Сквозь шелест и треск отчетливо послышался высокий голос генерал-майора Осипенко.

– Покрышкин, надо найти танки! – Генерал больше просил, чем приказывал, и это было на него совершенно не похоже. Давно ли он разносил в пух и прах всех, кто ему попадался под горячую руку? Особенно от него доставалось Морозову, Покрышкину и Колесникову, часто в спорах отстаивавшим свое мнение. Покрышкина в начале июля сорок первого он снял с должности заместителя командира эскадрильи и пригрозил, что не даст ему ни одной награды, пока он, Осипенко, будет командовать дивизией. И ведь правда не дал, хотя Саша к ноябрю сорок второго сбил около десятка немецких самолетов, да и других боевых дел совершил немало. Видно, здорово его припекло, раз так заговорил.

– Понял, Покрышкин, надо найти танки! – повторил Осипенко, полагая, что так летчик проникнется важностью предстоящего задания. Чувствуя, что слов «надо найти» недостаточно, он продолжил: – Мы сегодня уже потеряли два «И-16» в этом поиске. Они не возвратились. Знаешь, зачем я говорю тебе об этом?

– Знаю. Я должен возвратиться, товарищ комдив.

– И с данными.

– Есть, вернуться с данными.

– Посмотри на Чалтырь. Там наши окружили вражеские войска. Но главное – танки!

– Есть, главное – танки!

– Найдешь, представим тебя к ордену!

– Задание будет выполнено, товарищ генерал!

Покрышкин положил трубку, повернулся и, увидев стоявшего у двери землянки специалиста по метеорологическому обеспечению боевой работы Кузьмина, шагнул к нему.

– Какая сейчас погода и что ты ожидаешь там? Как с запасным аэродромом? – быстро спросил он.

– Погода плохая, – заторопился Кузьмин, – полная облачность, туман с моросью, горизонтальная видимость в пределах 300-500 метров. Ветер переменный, 3-4 метра в секунду, температура воздуха – плюс два! Такая погода занимает большой район, о запасном аэродроме не может быть и речи. Надо идти только домой.

– Шарик запускал? Какая нижняя сейчас?

– Запускал, запускал перед тем, как шел сюда на доклад. Нижняя у нас 35-40 метров.

Кузьмин виновато опустил глаза, зная, что летчики часто ругают метеорологов за плохие прогнозы.

– Следи за погодой. Понял?

Взяв со стола карту, Покрышкин стремительно вышел из землянки.

Его «МиГ-3» был уже готов к вылету. Техник Гриша Чувашкин даже прогрел мотор. Покрышкин по привычке обошел самолет, осмотрел крепление стоек шасси, потрогал концы крыльев, слегка покачал киль, затем энергично поднялся на крыло, надел парашют и легко бросил тело в кабину.

Через минуту послышался басовитый рев мотора. Прогнав его несколько раз на высоких оборотах и убедившись, что он работает нормально, Покрышкин взлетел.

Почти сразу исчезла видимость. Кузьмин был прав, облачность на указанной высоте, горизонт закрыт, видимость – только перед самолетом.

Он решил строго придерживаться намеченных ориентиров. Только бы не сбиться. Пронеслась станица Богаевская, от нее дорога на Новочеркасск, затем должна быть речка. Где же она? Ага, вот и речка, за ней Чалтырь.

Вот Чалтырь – но что это? По дороге к поселку спокойно движутся немецкие мотоциклисты. Если город окружен, то вокруг него должны быть наши войска? Но пока видны только немцы.

Покрышкин снизился еще – кажется, если бы были выпущены шасси, он бы ударил по головам мотоциклистов. Проскочил Чалтырь, на его южной окраине заметил танки. «Чьи это? Наши? И так много? У наших до сих пор столько не было. Надо подойти ближе».

Легкий доворот, и вот отчетливо видны белые кресты на башнях. На западной окраине Чалтыря их собралось более десятка. «Видимо, это танки из группы Клейста. Но кто же в самом Чалтыре?».

Еще один заход, теперь с другой стороны поселка. По курсу стремительно проносятся пустынные дворы и улочки. «Ага, теперь отчетливо видно, как из домов и траншей ведется огонь в сторону немцев. Значит, в Чалтыре окружены войска, а в штабе армии думают… Необходимо срочно вернуться и предупредить».

Без особых затруднений, по старому маршруту, он вернулся на свой аэродром и сразу доложил в штаб дивизии об обстановке в Чалтыре. Дежурный не поверил, предположив, что Покрышкин ошибся. «Пошлите другого летчика, и все сразу станет ясным», – предложил Александр. Вылетевший вслед за ним летчик подтвердил его данные.

Пока заправляли самолет, Покрышкина опять вызвал командир дивизии и потребовал во что бы то ни стало найти танки.

Саша вылетел вновь. Теперь он решил искать в других местах – у лесополос и проселочных дорог.

К вечеру погода стала ухудшаться. В воздухе замелькали снежинки. За линией фронта он снизился до предела. Вот дымчатым пунктиром мелькнула дорога, размытыми тенями пробежали деревья, телеграфные столбы, дома… «Надо уходить на запад от Новочеркасска».

Навстречу понеслись редкие, но крупные снежинки. Вот где пригодился опыт полетов на бреющем, который он отрабатывал до войны, перегоняя в летний лагерь собранные в Бельцах «МиГи».

«Что это? Что за черный вал несется навстречу? Фу-у… отлегло от сердца. Это мелкая речушка. Вода на фоне запорошенной снегом степи показалась выпуклым, черным валом! Однако никаких следов танков не видно, а горючее уже кончается. Неужели их здесь нет?! Неужели не оправдаю доверия и не найду их? А если они здесь где-то спрятаны и завтра из этого района нанесут удар по нашим войскам? Что скажут тогда командиры и боевые товарищи? Нет, надо осматривать квадрат за квадратом. Еще один, и тогда пойду домой. В крайнем случае полечу еще раз».

И в это мгновение чуть правее по курсу, в стороне от грунтовой, слегка запорошенной снегом дороги, он увидел на стерне ровные параллельные полосы, которые вели к лесополосе. Такие следы остаются только от гусениц танков.

Проскочив лесополосу, он развернулся и наконец отчетливо увидел их: вот они, стоят в кустарнике, в три ряда, плотно прижавшись друг к другу, машин двести… Танки Клейста! Экипажи, черные, как жуки, уверенные, что в такую погоду им нечего опасаться, развели костры. Увидев звезды на крыльях истребителя, с грохотом пронесшегося над самыми их головами, они с перепугу бросились в разные стороны: кто в кусты, кто под защиту брони.

Пролетев над танками, Покрышкин развернулся, намереваясь еще раз пройти над группой, чтобы привязать ее местонахождение к карте и заодно посчитать, сколько же танков прячется в этой лощине. Но пока он маневрировал, немцы опомнились и теперь встретили его таким плотным огнем «эрликонов», что ему пришлось срочно нырять в облака и отваливать в сторону. От разрывов зенитных снарядов облака светились, как от грозовых молний.

«Нашел! Нашел! – Все пело и ликовало внутри. – Задание выполнено – танки в районе Каменного Брода. Теперь они никуда не денутся. Завтра полетит кто-нибудь другой и уточнит, куда

они двинутся», – шептал он, направляясь на свой аэродром.

Домой он добрался быстро – ориентиры, которые он запоминал перед вылетом, не подвели. Быстро зарулив на стоянку, он бегом направился на КП. Первым у входа в землянку ему встретился Кузьмин.

– Как погода? – спросил метеоролог.

– Погода была твоя – как сказал, так и было. Понял?!

И весело хлопнув его по плечу, Покрышкин шагнул в дверь землянки.

– Нашел? – Иванов медленно подымался из-за стола.

– Нашел, товарищ командир! – радостно выкрикнул Покрышкин.

– Ну слава богу! А то мы уже извелись тут. Полетное время подошло к концу, а тебя все нет и нет!

Иванов улыбнулся своей открытой, доброй улыбкой, а вместе с ним улыбались и все присутствующие. Комполка с облегчением опустился на свою табуретку.

Связистка Валя быстро соединилась со штабом дивизии, и летчик коротко доложил: квадрат местонахождения танков и приблизительное их количество. Осипенко поблагодарил. Потом об этой находке в штабе дивизии говорили целую неделю.

А Клейсту так и не удалось тогда нанести по нашим войскам внезапный удар. При выдвижении он был встречен мощным огнем противотанковой артиллерии и, хотя и взял Ростов, но ненадолго. Через несколько дней Красная Армия вновь овладела городом. Покрышкин радовался: его данные помогли наземным частям заблаговременно подготовить противотанковую оборону и в конечном счете выиграть сражение.

Конечно, всего этого Борманову он рассказывать не стал. Отделался короткими односложными ответами, чтобы командир дивизии не подумал, что он хвастает.

5

Меж тем Борманов, потолковав с летчиками еще несколько минут, вдруг переменил тему и заговорил с самым серьезным видом.

– Войска Северо-Кавказского фронта сломили оборону немцев на Тереке и начали наступление с целью освободить Таманский полуостров. Противник стремится не только его удержать и ликвидировать наш плацдарм в районе Мысхако, но сравнительно малыми силами – войсками семнадцатой армии сковать крупные соединения войск нашего фронта и не допустить их переброску в район Курска.

Вот такой расклад, товарищи. Немцы рассчитывают сорвать наступление советских войск с помощью авиации. С этой целью на аэродромах Таманского полуострова и в Крыму они сосредоточили около тысячи самолетов. Кроме того, около двухсот немецких бомбардировщиков базируются на аэродромах Донбасса и юга Украины.

Дав летчикам возможность осознать услышанное, Борманов, остро поглядывая на них глубоко посаженными глазами, продолжил:

– Завтра вы вступаете в бой. Будете прикрывать наземные войска. Учтите: бои идут упорные. У немцев опытные летчики из эскадр «Удет», «Бриллиантовая» и «Мельдерс». Помимо «мессершмиттов» они используют новый истребитель «Фокке-Вульф-190». Наши летчики зарекомендовали себя хорошо. В прошлом месяце 216-я дивизия провела пятьдесят один воздушный бой и сбила шестьдесят пять немецких самолетов. В апреле я ожидаю, что бои будут еще более ожесточенные. Многое будет зависеть от вас, от того, насколько умело вы сумеете применить новую технику. Опыт воздушных боев у вас есть, традиции у полка неплохие.

Комдив вновь сделал паузу и с еще большим нажимом закончил:

– Прошу учесть: с завтрашнего дня я – на переднем крае, на станции радионаведения в районе Абинский. Мой позывной – Тигр. Оттуда буду наблюдать каждый ваш вылет и буду оказывать вам помощь. Помните об этом и знайте: колебаний, нерешительности – не потерплю! Увидел противника – атакуй! Атаковал – бей наверняка! Сбил – доложи. Не сбил – тоже честно доложи! Понятно? Все! Практические указания получите от командира своего полка. Желаю удачи, товарищи!

Генерал встал. Все летчики тоже вскочили со своих мест. Еще

раз внимательно оглядев всех, он поднес руку к козырьку выгоревшей на солнце фуражки и быстрым шагом направился к выходу из барака. Пару минут спустя послышалось удалявшееся тарахтение мотоцикла. Все облегченно вздохнули.

Тут поднялся и представился незнакомый капитан. Оказалось, что это начальник разведотдела 216-й авиадивизии Новицкий. Он тоже решил ознакомить летчиков с обстановкой в районе предстоящих боевых действий.

Из его сообщения следовало, что немцы на главном направлении превосходили русских по численности самолетов вдвое, к тому же они недавно получили новые модификации «мессершмитта».

После сообщения Новицкого в бараке воцарилось напряженное молчание. Летчики-фронтовики прекрасно понимали, что их ожидает.

– Товарищ капитан! – не сдержавшись, поднялся Покрышкин. – Вот вы сообщили нам о мощной группировке противника на главном направлении. А мы, имея менее тысячи самолетов, зачем-то разделили их на несколько авиационных соединений. Правильно ли это? Ведь протяженность фронта здесь небольшая.

– На этот вопрос я вам ответить не могу. Все действия координирует командование ВВС фронта, – выкрутился капитан от неприятного вопроса.

– Понятно! Мы координируем с начала войны, а немцы нас били по частям и гнали до Волги. Потом мы поумнели и создали воздушные армии. А здесь, на Кубани, что? Опять повторение прошлого? Штабов много, а самолетов мало!

– Покрышкин, прекрати задавать глупые вопросы! – оборвал Александра комполка. – Садись!

«Когда же начальники поумнеют и перестанут использовать авиацию разрозненно, – удрученно размышлял Покрышкин, не замечая, что совещание уже закончилось и все занялись своими делами. – Опять придется воевать «растопыренными пальцами», а не «кулаком», как это было в Сталинграде, и, видимо, рассчитывать на себя».

6

Весь оставшийся вечер Покрышкин провел в беседах с летчиками 45-го истребительного полка Дзусова, занявшими нижний ярус наскоро сбитых нар в бараке. В августе сорок второго шестнадцатый гвардейский передавал дзусовцам свои самолеты перед уходом на отдых, поэтому летчики хорошо знали друг друга.

Из рассказов Бориса Глинки, Николая Левицкого он узнал, что немцы часто стремительно наращивают в бою свои силы и таким образом добиваются в схватках количественного преимущества. Нередко они пытаются оттянуть наших в глубь своей территории, для чего высылают в качестве приманки двух-трех истребителей; пробуют фрицы завлечь наших на высоту до семи тысяч метров, где хорошо чувствуют себя «фоккеры» и опасно для летчика кислородное голодание; группы бомбардировщиков всегда прикрывают истребители сопровождения.

Несколько дней назад нашими летчиками был сбит немец, опустившийся на парашюте на нашу территорию. На допросе он показал, что на Кубань переброшены летные группы из Африки и из-под Харькова, все опытные бойцы. Новые модификации «мессершмитта» имеют более мощные моторы и сильное вооружение. За ними трудно угнаться на пикировании, и горку они берут выше. Появилась у немцев новая машина – двухмоторный бронированный штурмовик «Хеншель-129», вооруженный пушками. Очень опасная штука при атаке в лоб.

От друзей он также узнал, что на Кубани 4-й воздушной армией, в которую влился их 16-й полк, командует хорошо знакомый ему генерал-майор Науменко, 5-й армией – генерал-лейтенант Горюнов. Общее командование ВВС фронта осуществляет генерал-лейтенант Вершинин, которого он также знал с 1942 года.

Вернувшись на свою постель, Покрышкин достал свой походный альбом, в котором с конца сорок первого года графически изображал фигуры пилотажа, производил расчеты, осмысливая то, что совершал во время воздушных боев. «Так, говорите, у них высокая скорость, – тихо шептал он, удобно усевшись на своем топчане. – Развивать скорость можем и мы, но не столько за счет мощности мотора, сколько за счет высоты. Тогда ни один «мессер» не уйдет. Завтра же надо показать новую тактику, которую наш полк опробовал на «Як-1».

Он вспомнил, как в июле сорок второго, под Ростовом, их

восьмерка получила задание прикрыть отступающие войска. Тут же на песке перед своим самолетом он начертил схему и разъяснил летчикам: пойдем двумя четверками, одна над другой. Нижнюю, ударную, в составе Бережного, Вербицкого, Мочал ова ведет он. Верхнюю, прикрывающую, в составе Труда, Федорова, Искрина ведет Науменко. Превышение прикрывающей над ударной – пятьсот метров.

Они встретились тогда с тремя десятками «юнкерсов», которых прикрывали десять «мессершмиттов». Четверка Науменко с ходу сбила два «мессера», а остальных увлекла за собой на солнце. В это время четверка Покрышкина подожгла три бомбардировщика «Ю-88». Другие побросали бомбы куда попало и повернули домой. Все произошло буквально в несколько минут.

Следующий вылет договорились строить так: внизу идут наши бомбардировщики или штурмовики, второй эшелон занимают истребители непосредственного прикрытия, которые летят парами с превышением друг над другом, и выше всех следует сковывающая группа из одной или двух пар. Главное при таком порядке – строго соблюдать высоту между «этажами». Именно высота позволяла обеспечить четкое взаимодействие между парами, свободу из маневра и точность стрельбы всей группы.

Новое прививалось нелегко. В первом же бою под Изюмом сковывающая группа «Яков» Федорова ушла за облака и там осталась, а Покрышкину с Бережным, как прикрывающим, пришлось метаться с одного фланга на другой, отражая атаки «мессершмиттов» против наших «Су-2». Сколько с него сошло потов, пока, изловчившись, он, наконец, сбил ведущего немецкой группы, и остальные «мессеры» сразу отвалили.

Потом, на аэродроме, с эскадрильей состоялся жесткий разговор. «Неправильно оценил обстановку и принял неверное решение! – глядя в упор в глаза Аркадию Фадееву стальным, немигающим взглядом, выговаривал Покрышкин. – Вы не имели права отрываться от группы «Су-2». Теперь мне понятно, почему несут потери «Илы», когда вы их сопровождаете… Как командир эскадрильи, требую строгого выполнения поставленной мною задачи, быть в боевом порядке на своем месте… Если впредь кто-то уйдет со своего места прикрытия, я его расстреляю собственными руками. Отвечу за это, но расстреляю, как предателя! Понятно?»

Постепенно, в ходе налетов на Изюм, Сватово, Старобельск, «этажерка» прижилась, и весь полк начал применять этот боевой порядок. Как ни странно, легко и быстро его усваивали новички, гораздо труднее ветераны, привыкшие к своим приемам в бою.

Потерь среди прикрываемых полком штурмовиков и бомбардировщиков практически не было.

«Что ж, завтра предстоит применить нашу испытанную в боях тактику, – продолжал размышлять он. – «Кобра» по мощности мотора и вооружения неплоха, но она все-таки тяжеловата. Следовательно, нужно рассчитывать на конструктивные недостатки «мессершмитта».

Память тут же услужливо подсказала – лето сорок второго. Иванов вырвал его из череды непрерывных, изматывающих до невозможности боевых вылетов и направил в группу генерала Науменко для изучения трофейных «мессершмиттов». Надеясь хоть немного отдохнуть, он охотно согласился. К тому же интересно было изучить машину, с которой постоянно встречаешься в боях.

И вот он в кабине немецкого истребителя. Сразу решил, что будет работать за двоих, – за себя и за немецкого пилота, нападающего на русского летчика или пытающегося ускользнуть от его атак.

«Мессершмитт» вел себя нормально, если не считать, что его заносило при взлете из-за очень близко расположенных друг к другу шасси. Набрав высоту, Саша начал перекладывать машину из одного виража в другой, делал боевые развороты, разгонял на горке, потом шел на восходящие спирали и бочки.

Один недостаток он выявил быстро – «мессер» плохо выходил из иммельмана. Но вот другой – чуть его не угробил.

Он ввел машину в вертикальное пикирование, набрал максимальную скорость. Через секунду решил – пора выводить. Резко налег на ручку управления. Никакой реакции! Машина продолжала нестись к земле. Высота стремительно таяла. Он продолжал со всех сил тянуть ручку на себя. Одна секунда, вторая… Наконец, нехотя, самолет стал задирать нос. От сердца отлегло. Вывести его в горизонтальный полет удалось буквально у самой земли.

После посадки Саша обстоятельно продумал свои действия. Получалось – все делал правильно, ошибок не совершал. С утра он опять ушел в зону и, набрав для предосторожности большую высоту, вновь повторил пикирование. И снова самолет вышел из него с трудом. И так еще несколько раз. Результат тот же.

«Мессершмитт» явно вел себя «дубово».

Вечером он разработал приемы для использования слабостей немецкого истребителя в воздушном бою.

«Все это, конечно, хорошо, но как воспримут мои предложения в новой дивизии? Что скажет командование? О Борманове говорят, как о новаторе, энтузиасте применения

радиосвязи в авиации. Может, он поддержит?» – продолжал размышлять Александр.

Командир дивизии ему понравился: сразу видно, что разбирается в людях и ценит летчиков. Но поймет ли он его? Хотелось подойти к нему и просто поговорить по душам, рассказать о наболевшем и получить в ответ поддержку своим мыслям.

Покрышкин боялся показаться смешным и навязчивым со своими схемами. Скажут – что за птица? Какой-то капитан будет тут перестраивать тактику истребительной авиации, учить нас.

«Ладно, – решил он, укладываясь на жестком соломенном матрасе. – Завтра в бою буду действовать, как решил, а там посмотрим». С этим и заснул.

7

День только начинался. От Кубани поднималась парная теплота. Поблескивала роса. Степь вокруг аэродрома казалась пышнее, нежели днем, во время зноя, когда листья начинают сворачиваться и от того кажутся острее.

Неспешно прохаживаясь перед летчиками, построившимися в шеренгу возле командного пункта, командир полка майор Исаев разъяснял, каким образом полку предстоит изучать район будущих боевых действий.

– Линия фронта проходит по рекам Курка, Кубань, Вторая Псиж, – толковал майор, – потом через балку Адамовича к Станичке и западным скатам Мысхако. Все эскадрильи должны совместной группой вылететь на облет переднего края, и поведет ее кто-то из командиров соседнего, сорок пятого полка, возможно, сам подполковник Дзусов.

Покрышкин тут же представил себе экскурсию, участники которой сгрудятся у переднего края и будут внимательно его изучать. И достаточно внезапно появиться паре «мессеров», как вся эта затея обернется потерями. «А не лучше ли летать четверками и шестерками? При встрече с противником они будут более маневренными и боеспособными», – чуть не сорвалось у него с языка, но наученный горьким опытом своих прошлых отношений с Исаевым, он промолчал. Ведь командир полка опять может расценить его замечание как подрыв своего авторитета.

Уяснив поставленную задачу, летчики уже начали расходиться по своим самолетам, когда Исаев вдруг окликнул Покрышкина. Тот подошел.

– Из штаба дивизии поступило срочное указание – выслать шестерку истребителей на прикрытие Крымской. К ней могут подойти «юнкерсы» с «мессершмиттами». Думаю отправить вашу эскадрилью.

– Есть!

– Справитесь? – Исаев имел в виду ориентировку над незнакомой местностью.

– Приказ будет выполнен, товарищ командир!

– Действуйте!

Направляясь к своим летчикам, Покрышкин подумал: «Исаев, наверное, не знает, что я до войны служил в Краснодаре и всю эту местность знаю, как свои пять пальцев. Ну и пусть не знает, может, это и к лучшему».

Пятерка летчиков из его эскадрильи уже догадалась, что им предстоит вылет на задание. Ожидая командира, они с

серьезными лицами стояли в стороне от остальных.

– Значит, так: – Без лишних слов комэск начал предполетный инструктаж: – Получено срочное указание из штаба дивизии. Идем на прикрытие Крымской. Посмотрите на карту. – Летчики раскрыли планшеты и достали карты. Покрышкин указал на Крымскую: – Вот эта станица. К ней может подойти группа «юнкерсов» под прикрытием «мессершмиттов». Пойдем нашим строем: я с Голубевым внизу, Паскеев с Козловым над нами. Мы – атакующая четверка. Речкалов со Степановым связывают истребителей. Понятно? – острым, лучистым взглядом окинул он их лица.

– Понятно, – за всех ответил Голубев, здоровяк, уверенно чувствующий себя в стихии воздушного боя и уже начавший проявлять нетерпение от излишне подробного, как ему казалось, инструктажа.

Но Покрышкин не спешил. Короткими фразами, словно забивая гвозди, он продолжил:

– В воздухе соблюдать дистанцию… Четко выполнять мои команды… Помните, о чем мы говорили на занятиях… о вертикали. Понятно?

– Понятно, – опять ответил Голубев, а смешливый Гриша Речкалов едва сдержал улыбку.

– Вопросов нет? Тогда по машинам!

Все они прекрасно понимали, о чем идет речь. От «ножниц», приема, который полк начал применять в сорок втором над Каховкой, было решено отказаться. Теперь противника надо было уничтожать внезапными, стремительными атаками, и строй «ножницы» для этого не годился. Покрышкин решил использовать «этажерку».

Состояла она из пары истребителей, расположенных друг над другом с превышением в несколько сот метров, но, в отличие от применяемой под Ростовом, со смещением в сторону солнца. При таком строе и запасе высоты от четырех до шести тысяч метров летчики не опасались никаких неожиданностей. Они прекрасно видели друг друга, и каждый обязан был следить за своим товарищем, защищать его в случае нападения противника сзади.

Большая помощь ожидалась от пункта наведения. Он вовремя должен указать, где находится противник, с тем чтобы ведущий группы мог быстро прикинуть тактическую схему предстоящего боя.

Значительное преимущество «кобр» перед «Яками», на которых они летали в сорок втором, заключалось в том, что американские самолеты были радиофицированы. Это позволяло летчикам поддерживать связь между собой и с землей.

Соответственно, командир группы по ходу боя мог предупреждать подчиненных об опасности и вносить поправки в их действия.

На пункт наведения ВВС фронта, обосновавшийся в четырех километрах от передовой, на главном направлении удара сухопутных войск, западнее станицы Абинской, оперативная группа во главе с генерал-майором Борманoвым прибыла около шести часов утра.

Участок с несколькими разбитыми строениями, выбранный вчера под пункт наблюдения самим генералом, практически уже был готов к работе. Проложена проводная связь, замаскирован около строения «Додж» с радиостанцией.

Через оперативную группу Борманова, а также штаб 4-й воздушной армии, ее командующий генерал-майор Науменко оценивал воздушную обстановку на Кубани, ставил задачи перед командирами авиационных подразделений, организовывал взаимодействие с зенитной артиллерией фронта.

Вообще-то место для наблюдения было не очень удачное. Небольшие бревенчатые постройки, разрушенные и частично сожженные, сиротливо стояли на холме, посреди голого поля. Одно из строений – коробка одноэтажного дома с чудом сохранившимися стропилами – было выбрано для укрытия. На стропила солдаты набросили брезент, и получилась крыша от дождя. В подвале можно было укрыться при артобстреле, который частенько случался, когда немцы пеленговали радиостанцию.

Сохранившиеся участки стены строения были густо покрыты щербинами от пуль и осколков. О том, что здесь была сильная перестрелка, свидетельствовали побитые вокруг дома кусты и выбоины на одиноком дереве, растущем неподалеку. Немцы, судя по всему, сопротивлялись отчаянно. Все окрест было забито сожженной, подбитой и просто брошенной немецкой техникой; убитые в различных позах валялись на дороге, ведущей в станицу Крымскую; еще вчера серые бугорки трупов виднелись повсюду на изрытом траншеями поле, местами уже покрытом зеленой травкой. Сегодня их убрали.

Среднего роста, с крупной седой головой, в своей неизменной походной фуфайке, подранной на плече осколком после одного из недавних минометных обстрелов, генерал расхаживал перед строением и нетерпеливо ожидал, когда связисты наладят связь.

Время от времени он подносил к глазам бинокль и быстро осматривал горизонт. Но причин для беспокойства пока не было. Вокруг было тихо, лишь вдалеке слышалась пушечная канонада.

Патрульная группа «лаггов», поблескивая серебристыми крыльями в лучах восходящего солнца, неспешно барражировала над передним краем.

Наконец, не выдержав, Борманов повернул к автомашине изрытое оспинами смуглое лицо, крикнул грубоватым голосом:

– Тищенко, долго вы там будете еще копаться?

Из крытого тентом «Доджа» тотчас показался поджарый, в годах, майор с наушниками и микрофоном в руках, а вслед за ним молодой, подвижный, весь как на шарнирах, старший лейтенант с табуреткой в руках – адъютант генерала.

– Готово, товарищ генерал!

Тищенко подал генералу наушники и микрофон, а старший лейтенант поставил перед ним табуретку.

Борманов садиться не стал. Сняв фуфайку со словами: «Долго я в рваной одежде буду ходить», – он сунул ее адъютанту. Тот, молча приняв фуфайку, сразу же побежал к мотоциклу, где у него хранились все походные принадлежности.

Генерал надел наушники и только собрался вызвать КП Исаева, командира 16-го гвардейского истребительного полка, которому он отдал команду выслать для патрулирования шестерку истребителей, как сквозь небольшое потрескивание в наушниках послышалось:

– Тигр! Тигр! Я Покрышкин! Иду на работу! Как обстановка?

О своем подходе сообщал командир высланной Исаевым патрульной группы. Борманов вспомнил широкоплечего капитана с орденом Ленина на груди, с которым беседовал в бараке.

– Я Тигр! Обстановка пока спокойная. Будьте внимательны. Скоро должны появиться «юнкерсы», – ответил генерал и подумал: «Новенькие. Как-то они себя сегодня покажут», – по привычке посмотрел на часы: восемь часов тридцать минут. Потом стал всматриваться в небо.

Через минуту со стороны Новороссийска с превышением одна над другой в несколько сот метров показались шесть темных точек. Они стремительно шли к земле в пологом пикировании. Вот уже можно различить очертания «этажерки» из шести «аэрокобр». На высоте двух тысяч метров шестерка выровнялась, потом резко выполнила горку и растаяла в небе, в стороне от солнца. И лишь волна уходящего грохота работы шести двигателей напомнила о ее присутствии мгновение назад над передним краем, но вот и она постепенно стала затихать.

– Здорово, товарищ генерал! – в восторге воскликнул майор Тищенко. – Посмотрите, какой у них запас скорости за счет пологого пикирования! «Прочесали» квадрат и опять ушли на высоту. И смотрите – они двигаются с таким расчетом, что солнце все время находится под углом девяносто градусов к траектории их полета!

– Понятно! – отозвался Борманов. – Если «мессершмитты»

попытаются их атаковать со стороны солнца, как они это любят обычно делать, им придется вести огонь под те же девяносто градусов или под ракурсом четыре четверти. При такой угловой скорости перемещения цели вероятность попадания сводится к нулю. Согласен! Согласен, очень даже неплохо придумано!

В это время в наушниках послышалась команда ведущего: «Разворот на сто восемьдесят». И маятник, набирая скорость, начал движение в обратную сторону.

Но что это? Не прошло и нескольких минут, а около десятка «мессершмиттов», вывалившихся из-за облаков, уже пикировали с высоты на безмятежно крутившую карусель четверку «лаггов».

Борманов схватился за микрофон, намереваясь поторопить патруль, но в наушниках уже послышалось: «Атакую! Речкалов, прикрывайте!»

«Кобра» в крутом пике стремительно сблизилась с ведущим немецкой группы. Сквозь вой моторов прорвался треск пушечной очереди, и красноносый истребитель свечой ушел вверх. «Мессершмитт» вспыхнул, от него полетели по сторонам какие-то куски, а то, что осталось, с воем понеслось к земле, оставляя за собой черный дымный след.

Остальные «мессеры» шарахнулись в разные стороны. Одного тут же в упор расстрелял ведущий из пары прикрытия шестерки «кобр».

И все. Бой закончился в считаные минуты. Теперь о нем напоминал лишь медленно опускающийся на парашюте немецкий летчик из второго сбитого истребителя.

– Здорово! – выдохнул майор Тищенко, наблюдавший за всем происходящим в воздухе, затаив дыхание.

– Передай Исаеву мою благодарность летчикам за проведенный бой, – невозмутимо, словно ничего особенного и не произошло, приказал Борманов. – Ты кормить меня сегодня будешь? – не то шутя, не то серьезно обратился он к адъютанту, который успел уже зашить его фуфайку и, стоя с нею в руках, ожидал, когда комдив обратит на него внимание.

– Один момент, товарищ генерал! – И адъютант опять побежал к мотоциклу.

Меж тем в небе было все спокойно. Немецкие бомбардировщики не появлялись, вероятно, из-за того, что с утра их истребителям не удалось расчистить небо. Шестерка «кобр», то исчезая в небесной глубине, то возникая вновь, мерно раскачивалась, как на качелях, над заданным районом.

Позвонил командующий авиацией фронта генерал-лейтенант Вершинин и справился, как идут дела. Борманов коротко доложил, а на вопрос, «что за номера откалывают новенькие»,

ответил, что еще не разобрался и доложит обо всем позже, когда выяснит все детали. Его непосредственный начальник, командующий 4-й воздушной армией генерал-майор Науменко наблюдал за утренним боем со своего командного пункта. Покрышкина он хорошо знал еще с сорок второго года, когда шли жаркие бои на Дону, поэтому его новшество он воспринял спокойно, словно так и должно было быть.

8

Транспортный «Ю-52» заходил на посадку. Измученный многочасовой болтанкой на пути из авиационной базы истребительной авиации в Кракове на Восточный фронт, посадкой, инструктажем в штабе 52-й эскадры, потом опять полетом, лейтенант Ханс Иохим Биркнер наконец прибывал к месту своей службы – в 3-ю группу 52-й эскадры истребительной авиации рейха.

Третья группа базировалась на Тамани, в районе станицы Тимашевская. Перед взором Ханса открылась величественная панорама: огромный разлив Кубани. Река затопила все плавни, слилась с лиманами и речушками: казалось, что Азовское море подступает к самой Тимашевской.

Южнее, к Черному морю, в небо подымались высокие столбы дыма – там шли бои. В штабе эскадры Биркнеру объяснили, что немецкие войска отчаянно сражаются за Таманский полуостров, стратегически важный участок, что впереди его ожидают ожесточенные воздушные бои – истребители должны наглухо закрыть небо для советских бомбардировщиков. Русские значительно укрепили свои силы в последнее время, у них появились новые истребители, так что придется попотеть.

Самолет мягко коснулся земли. В иллюминаторе видны были рассредоточенные по полю «мессершмитты», чуть дальше два ряда аккуратных палаток для пилотов и технического состава. Едва Биркнер выбрался из транспортника, как к нему подошел адъютант командира группы обер-лейтенант Треппе и вежливо предложил пройти к командиру.

Через минуту они спустились в просторный бункер, освещенный маленькими лампочками от аккумуляторов. Из-за стола, сложенного из двух ящиков для бомб, поднялся высокий, небрежно одетый, черноволосый капитан с Рыцарским крестом на шее – Гюнтер Ралль, лучший снайпер в 52-й эскадре, опытный, толковый летчик. Справившись о здоровье молодого офицера, Ралль без лишних слов принялся его инструктировать:

– Запомни наши правила. Здесь значение имеют только воздушные победы, а не звания. На земле все летчики соблюдают субординацию и строгую воинскую дисциплину. Однако в воздухе все по-другому. Каждое звено ведет тот пилот, который имеет больше побед, который обладает большим опытом и умением. Эти правила соблюдают все без исключения, в том числе и я сам. Если я полечу с унтером, имеющим больше побед, то ведущим пары будет он.

В воздухе часто бывает, что с языка в напряженной обстановке срываются такие слова, которые старшему офицеру никто не осмелится повторить на земле. Во время боя это неизбежно. Однако все, что ты комментируешь в воздухе, следует немедленно забыть, как только ты приземлишься. Ты начнешь летать с унтер-офицером, он будет в воздухе твоим ведущим. И не дай бог, если я узнаю, что ты ослушался его приказа в воздухе только из-за разницы в званиях. Хорошенько запомни все это!

Вдруг ожил громкоговоритель, соединенный с рацией. «Мы возвращаемся! Потеряли двоих! Освободите полосу!»

– Это Крупински? – спросил, оборачиваясь, Ралль.

Только сейчас Биркнер заметил в глубине бункера у рации двух операторов.

– Так точно, господин капитан. Это Крупински, – ответил один из них, тот, что был в очках.

Ралль молчал. Треппе, не дожидаясь указаний командира, отправился на старт, чтобы предупредить дежурного.

Спустя некоторое время в бункер спустились два летчика – один высокий, черноволосый, с лицом боксера – командир 7-й эскадрильи обер-лейтенант Вальтер Крупински, сорвиголова, отчаянный пьяница и первый бабник в 52-й эскадре. За ним следовал белокурый, спортивного сложения парень с мальчишеским лицом – лейтенант Эрих Хартманн.

Об этой паре уже начали говорить в группе. Крупински, по натуре смелый и энергичный, охотно ввязывался в любую воздушную драку, но он был неважным стрелком. Хартманн же, напротив, оказался природным снайпером. Обычно он держался недалеко от своего ведущего, и когда тот отваливал, в очередной раз промазав, Хартманн стремительно сближался и всаживал в жертву пушечную очередь.

– Кто сбит? – сразу спросил Ралль.

– Немитц!

– Вилли?!. Не может быть! – Ралль не верил своим ушам. – Вилли Немитц сбивал англичан в сороковом году над Ла-Маншем, имел победы здесь, на Восточном фронте, опытнейший летчик, награжденный Рыцарским крестом… Невероятно! Как это произошло?

– Ничего не могу понять, Гюнтер, – отвечал Крупински, и вид у него был, как у побитого пса. – Все случилось в одно мгновение. Я только успел заметить, как на горку свечой ушла «кобра», а наш Немитц уже горит. По всей вероятности, он сразу был убит, потому что на позывные не отвечал и не пытался покинуть машину с парашютом.

– А второй?

– Не видел. Кажется, Шмидт. Мы с Буби были вверху. Когда Немитц загорелся, все кинулись в разные стороны.

– Вы что нибудь видели, Хартманн? – спросил Ралль.

Все повернулись к белокурому юноше.

– Они были выше нас, – забавно растягивая слова, начал докладывать Хартманн. – Пикировали не все. Одна пара осталась наверху для прикрытия. Она-то и сбила Шмидта, когда он метнулся наверх. Немитца атаковала «кобра» под номером 13 на большой скорости, поэтому предупредить его я не успел.

– Под номером 13, – задумчиво повторил Ралль. – У русских, если я не ошибаюсь, это число считается несчастливым. До сих пор этот номер нам не встречался, видимо, кто-то из новеньких. – Оператор! – резким голосом капитан окликнул дежурного радиста. – По эфиру проходили сегодня незнакомые нам фамилии?

– Были, господин капитан. – Радист торопливо заглянул в свой журнал: – Вот, нашел. Покрышкин, он, видимо, командир группы, и один из его летчиков – Речкалов.

В отряде был специально подготовленный радист со знанием русского языка, который, настроившись на волну русских летчиков, внимательно следил за их переговорами в воздухе. Вся собранная информация обобщалась и направлялась в штаб эскадры.

«Вероятно, – размышлял Ралль, – под номером тринадцать и летает этот Покрышкин».

– Вот что, Вальтер! – обратился он к Крупински. – Сейчас заправьтесь, подкрепитесь и поднимитесь с Хартманном в воздух. Осторожно пройдитесь над Крымской. Может, вам удастся встретить эту «кобру». Держитесь повыше, за облаками.

– Понятно, Гюнтер.

И оба летчика неспешно вышли из бункера. За ними направился и Биркнер, которому Ралль предложил устраиваться, познакомиться с людьми и осмотреться.

Когда Ханс поднялся наружу, Хартманн стоял невдалеке и о чем-то беседовал с коренастым техником – об этом можно было судить по замасленным штанам этого подвижного, улыбающегося человека. Увидев Биркнера, Хартманн хлопнул по плечу своего собеседника, бросив: «Подожди, Биммель, я сейчас», – быстро подошел к Хансу.

– Эрих Хартманн! – улыбаясь, представился он и протянул для пожатия руку.

– Ханс Биркнер.

– Новенький! – И, не дожидаясь ответа, спросил: – В какую тебя назначили эскадрилью?

– В седьмую.

– Отлично. Будем летать вместе. Вот что, проси, чтобы тебя определили ведомым к обер-фельдфебелю Паулю Россманну. Я у него учился. Отличный парень: добрый, веселый на земле и строгий, спокойный учитель в воздухе. Я у него многому научился.

Потом Хартманн поинтересовался новостями из Германии. Едва Ханс начал рассказывать, как Эриха позвали: надо было готовиться к очередному вылету. Договорились встретиться вечером, на всеобщей эскадрильной пьянке, где будут пить за упокой души Немитца.

Биркнер с завистью смотрел вслед Хартманну: такой молодой, а уже так уверенно себя ведет, видимо, имеет победы в воздухе. «Смогу ли я быть таким?» – подумал Ханс.

9

Эскадрилья Покрышкина, как обычно, стремительно зашла на посадку. Едва истребители зарулили на стоянку, как к ним бросились техники, оружейники, стали выстраиваться в очередь бензозаправщики, автомашины с боеприпасами для подготовки самолетов к очередному вылету. Обычная аэродромная жизнь в войну.

В сторонке Покрышкин приступил к разбору боевого вылета.

– Значит так! – начал комэск. – Дистанцию вы выдерживали строго, маневрировали хорошо, четко взаимодействовали. Сбили двоих – одного я, второго, – он взглянул на Речкалова и тот кивнул головой, – второго Речкалов. Для начала неплохо. Отдыхайте, а я пойду докладывать на КП.

Он надел свою примятую фуражку и только собрался идти, как к ним подошли летчики из соседнего полка, вылетавшие на прикрытие на «Лаггах» первыми, и, перебивая друг друга, оживленно заговорили:

– Ну спасибо, ребята, выручили…

– Здорово вы их атаковали, они, похоже, даже не поняли, откуда вы свалились…

– Да, – сокрушенно почесал затылок молоденький лейтенант, – если бы не вы, наделали бы гады дырок в моей машине…

– Поменьше летайте безобидной стайкой, не будет и дырок, – сказал лейтенанту Гриша Речкалов. Сняв шлемофон, он вытирал вспотевший лоб платком. Гимнастерка на его спине, впрочем, как и у всех из их пятерки, была в темных разводах пота.

– Да, ребята, – поддержал Речкалова Покрышкин, – ваша тактика себя уже изжила. Теперь надо воевать по-новому.

– Как это по-новому, товарищ капитан? – спросил его молоденький лейтенант.

– Гвардии капитан! – вставил острый на язык Речкалов.

Лейтенант смутился. Присмотревшись, Покрышкин узнал его – это был тот лейтенант, с которым они вместе подстригались в Краснодаре.

– А вот так, – начал Александр, но закончить свою мысль не успел.

– Ты что же это, чертяка, – загрохотал кто-то невдалеке, с характерным волжским оканьем, – пока мы плаваем по морям и болотам, ты здесь фрицев крошишь?

Энергично размахивая руками, широким шагом к ним приближался русоволосый гигант с развевающейся рыжей

бородой. За ним торопливо семенил невысокий, коренастый майор. Схватив Покрышкина в свои могучие объятия и несколько раз стиснув, здоровяк воскликнул, да так, что его, наверное, услышали на другом конце аэродрома:

– Сашка! Слышал я, ты по-новому, по-нашему действовал!

– Да, Вадим, как было заранее оговорено, – сдержанно, даже несколько застенчиво от столь бурного проявления дружеских чувств на людях, ответил Покрышкин.

– Поздравляю! Кто воюет по-старому, тот одни дырки привозит. Верно я говорю? – неожиданно обратился гигант к молодому лейтенанту, во все глаза рассматривающему эту необычную фигуру среди невысоких летчиков. И было непонятно, спрашивает он всерьез, или насмешничает.

– Верно, – неуверенно ответил лейтенант, на всякий случай отодвигаясь от незнакомца за спины товарищей.

Подошел невысокий майор.

– Хорошо начали! – радостно заговорил он, пожимая всем руки. – Звонил комдив, просил передать, что доволен вашей работой.

Это был штурман полка Пал Палыч Крюков, один из немногих оставшихся в живых, с кем Покрышкин встретил войну в Молдавии. Его все уважали в полку не только за боевые заслуги, но и за спокойный, уравновешенный характер и даже за манеру держаться с людьми.

– Пошли на КП! – предложил гигант и, обхватив Покрышкина за плечи, увлек за собой.

Это был Вадим Фадеев, приятель Покрышкина, командир той третьей эскадрильи, которая сбилась с курса и вот, наконец, прилетела в Краснодар.

Познакомились они в январе 1942 года в Донбассе. Тогда стояли на редкость крепкие морозы, кабины на «И-16» не обогревались, и летчики отчаянно мерзли.

Как-то на их аэродроме приземлился «ишачок» из соседнего полка и подрулил прямо к землянке, где отдыхал летный состав. Из кабины истребителя вылез здоровенный, широкоплечий детина с черным от холода лицом и рыжей бородой. Первое, о чем сразу подумали высыпавшие из землянки летчики – как такой гигант смог уместиться в маленькой кабине «И-16»-го? Но здоровяка это обстоятельство совершенно не смущало.

Окинув взглядом собравшихся, с любопытством взиравших на его появление, незнакомец улыбнулся, поднял в приветствии руку и пророкотал звучным басом: «Привет геройскому воинству!» Потом подошел к стоявшему с краю Покрышкину, протянул ему свою широченную ладонь, стиснул, словно тисками, протянутую в

ответ, и представился: «Сержант Фадеев». Услышав: «Покрышкин», – тут же прокомментировал: «А, Покрышкин! Знаем… Как же, газеты читаем».

По всему чувствовалось, что этот парень знал себе цену и его не смущала разница ни в возрасте, ни в званиях. Говоря о газетах, он имел в виду публикации в фронтовых выпусках местных газет, в которых неоднократно сообщалось о геройских делах летчиков 16-го авиаполка. О самом Фадееве в дивизии тоже много чего знали, даже слагали о нем легенды. Рассказывали, как в начале войны в Молдавии на своем «И-16» он уничтожил целую колонну румынских кавалеристов. Сначала стрелял по ним из пулеметов, а потом снизился до бреющего и стал рубить их винтом самолета. От рева мотора лошади буквально взбесились, перестали повиноваться, и колонна разбежалась в разные стороны.

А уже этой зимой под Таганрогом, совершив вынужденную посадку на нейтральной полосе перед нашим передним краем, он ухитрился поднять пехотинцев в атаку, и они захватили стратегически важную высоту и одновременно его самолет. Пока начальство разбиралось, кто это организовал наступление, Фадеев успел отбуксировать свой самолет за линию фронта, подлатать его и улететь. Было и многое другое.

На этот раз на аэродром 16-го авиаполка он сел вынужденно. После воздушного боя в баках закончилось горючее. Пока техники заправляли его самолет, подошло время ужина, и вместе со всеми Фадеев отправился в столовую.

В столовой Вадим снял меховой комбинезон, и все увидели на его груди новенький орден Красного Знамени. В первые годы войны, во время отступления, боевыми орденами в Красной Армии награждали редко, и такой орден на груди летчика вызвал у всех невольное уважение. Усевшись за столик, Фадеев тут же достал из кармана гимнастерки какую-то бумажку и аккуратно положил ее перед собой. Покрышкин взял ее и прочитал вслух: «Сержанту Вадиму Фадееву во всех БАО отпускать по две порции питания. С. Красовский». Записку выдал сам командующий армией. Габариты этого летчика были столь велики, что ему требовался двойной продовольственный паек и индивидуальный пошив одежды и обуви. Никакое готовое обмундирование ему не годилось.

Вторично они встретились в конце июля сорок второго года в Дагестане. Тогда командованием воздушной армии было принято решение вывести 16-й гвардейский истребительный полк на отдых, переформирование и прием новых самолетов. Старые в городке Тулатово были переданы в полк Дзусова, а личный состав полка на грузовых машинах двинулся на юг, в район Баку.

Старенький «ЗИС-5», на котором ехала эскадрилья Покрышкина, миновав город Дербент, потерял управление, и летчикам, чтобы не свалиться со злосчастным грузовиком и его неопытным водителем в пропасть, пришлось выпрыгивать из него на ходу. При этом серьезно пострадали комиссар полка Погребной, летчики Федоров и Шульга.

Раненых привезли в госпиталь городка Белиджи, где после ранения поправлялся Фадеев. Покрышкин, совершенно случайно увидев его в госпитале и узнав, что он практически здоров и через пару дней должен отправиться в Баку, где в то время собирались все «безлошадные», тут же предложил ему перейти в свой полк. Фадеев не колебался, ведь у него появилась возможность попасть в гвардейский полк, где к тому же его уже знали. Александр тут же представил Вадима командиру полка Исаеву, заверил, что тот отличный боевой летчик, и вопрос был решен положительно.

Позже они подружились. И не удивительно: слишком много у них было общего. Оба беззаветно любили авиацию, были храбрые, физически сильные, предпочитали резко пилотировать. Понимая друг друга с полуслова, они охотно общались в свободное от службы время.

– Ну как было дело, Саша?

Фадееву не терпелось самому поскорее ринуться в бой.

– Понимаешь, Вадим, – охотно откликнулся Александр, – вначале все шло нормально. Немцы нас не видели, увлеклись «лаггами». Пилот, которого я атаковал, среагировал с опозданием на полсекунды. Этого оказалось достаточно, чтобы его срубить одной очередью, в упор…

– Понятно… «Соколиный удар»…

– Точно, «соколиный удар». Это хорошо. Но дальше со мной произошла досадная неприятность. Слишком резко переломив машину из-за опасности прямого столкновения с горящим «мессером», я на какое-то мгновение потерял сознание от большой перегрузки. Пришел в себя, смотрю – немцы врассыпную, горит уже второй. Позже выяснилось, его Речкалов подбил. И тут мне в голову пришла мысль – а скоростью тоже надо управлять с толком.

– Не понял?

– Понимаешь, скорость нужна при поиске врага и для занятия выгодного исходного положения перед боевым маневром. А в ходе самой схватки сильно разгоняться опасно. Твой избыток скорости немец может использовать в своих интересах. Приглушит резко двигатель, вынудит тебя проскочить мимо, окажется у тебя в хвосте и займет выгодную для атаки позицию. Понял?

– Теперь понял. Мысль дельная. Нужно это учесть. Однако идем на КП, там тебя уже Исаев дожидается.

По дороге на КП их остановил незнакомый капитан.

– Заместитель командира 267-го истребительного полка капитан Исаенко, – козырнув, представился незнакомец. – Прибыл для согласования совместных действий в воздухе. Мы тоже стоим здесь, в Краснодаре.

Покрышкин молча пожал плечами, что означало: «Вместе, так вместе», но вслух сказал:

– Моя группа вылетает через тридцать минут.

Он хотел идти дальше, но тут в разговор включился Фадеев:

– Говорят, у вас «лагги», словно куропатки, над самой землей летают. При таких условиях нам трудно будет взаимодействовать, капитан!

Старшего лейтенанта Фадеева, кажется, совершенно не смущало, что он разговаривает с офицером, старшим его по должности и званию, и что его тон может задевать самолюбие этого офицера.

– Опыта у вас, по слухам, больше, чем у нас, – сдержанно ответил Исаенко. – Да и самолеты в вашем полку, говорят, высший класс. Вот и просим прикрыть в случае чего.

Покрышкин недоверчиво посмотрел на Исаенко: уж не разыгрывать ли надумал их этот капитан. Но нет, выражение лица заместителя командира полка было серьезным. Ему было не до розыгрышей. Он понимал, что этот бородатый самоуверенный старший лейтенант был действительно прав, летали они низко, но что поделаешь – командование требовало придерживаться высоты немецких бомбардировщиков.

– Ладно, прикроем, – скороговоркой бросил Покрышкин, давая понять, что разговор окончен, и они разошлись.

Действительно, когда час спустя «лагги» схлестнулись с «мессершмиттами» в лобовой атаке, шестерка «кобр» ударом сверху сбила двоих, развеяв напрочь воинственный пыл немцев. Вслед им летчики Исаенко тоже сбили одного «худого».

После вылета заместитель командира полка вновь пришел на стоянку 1-й эскадрильи обменяться впечатлениями и поблагодарить за помощь в бою. Покрышкин готовился к очередному, четвертому за этот день боевому вылету.

– А ребята у вас ничего, не из робкого десятка, – заметил он. – Только не пойму: чего вы к земле все время жметесь? В облака попадешь – не убьешься. Слыхал такое присловие, капитан?

– Хорошо тебе рассуждать. Послушал бы ты, что говорит мое начальство, – удрученно возразил Исаенко.

– Ладно, позже потолкуем, – улыбнулся неожиданно доброй улыбкой Покрышкин. – А сейчас извини, некогда. Ты, это, заходи вечером в общежитие…

Они разговаривали, а в это время посадку производила группа, посланная Исаевым на облет переднего края. Покрышкин посчитал – одного самолета не хватало.

Перед вылетом взволнованный Фадеев прибежал к нему на стоянку.

– Саша! Посмотри, что они делают!.. Четырнадцать самолетов вылетают одновременно утюжить небо! Они же столкнутся между собой!

– Это будет еще полбеды, Вадим! Вот если встретятся им «мессы», тогда жди неприятностей… Эта идиотская затея Исаева может нам дорого обойтись…

– Нет, пусть меня отдадут под суд, но я с ним не полечу! Это же явная глупость! – твердо заявил Фадеев.

Молодец, Вадим, добился своего, не полетел, и вот теперь полк вернулся без одного боевого товарища.

Подошли прибывшие летчики и рассказали, как было дело. Их группа неспешно барражировала под облаками на одной высоте. Внезапно из-за облаков выскочила пара «мессершмиттов» и, снайперской очередью сбив «кобру», тотчас опять нырнула в облака, оторвавшись от преследования. Летчику, правда, удалось выпрыгнуть, но новый самолет был потерян.

Больше происшествий в этот день не было. Правда, в бараке, где отдыхал летный состав, около двух часов ночи раздался страшный грохот. Спросонья летчики схватились за одежду, полагая, что это воздушный налет. Когда зажгли свет, увидели, что тонкие стойки нар, как и опасались гвардейцы, не выдержали стокилограммового Фадеева. Весь верхний ярус с шумом обвалился.

Спящий Вадим свалился на своего соседа снизу, летчика 45-го полка Дмитрия Глинку, но оба так устали, что даже не проснулись. Уставшие, они не видели прелести степи, когда над ней, как запоздалый патрульный, появился оранжевый круг, и лунный свет постепенно накрыл обширные пространства кустов и трав бледным лучистым сиянием.

10

После ужина все летчики 3-й группы 52-й эскадры люфтваффе потянулись к палатке, оборудованной под бар, – по традиции предстояло выпить за упокой души Немитца, сбитого русскими над Крымской сегодня утром. Возбуждение от полетов спало, все выглядели уставшими, ко всему безразличными. Исключение составлял никогда не унывающий Пауль Россманн. Он уже травил кому-то из летчиков очередной анекдот. Но вот и он притих. Командир группы Гюнтер Ралль произнес короткую прощальную речь, и все подняли свою рюмки со шнапсом.

Минут тридцать спустя Хартманн вместе с вновь прибывшим Биркнером отошли в сторонку. Хартманн, неряшливо одетый, в замызганной, помятой фуражке был полной противоположностью чистенькому, аккуратному Биркнеру.

– Ну как, договорился? К кому тебя определили? – по привычке растягивая слова, спросил Хартманн.

– Как ты посоветовал, я подошел к Россманну и попросил его взять меня к себе ведомым. Он сразу же спросил, кто мне посоветовал обратиться именно к нему. Я назвал тебя, Эрих. Тогда он согласился.

– Вот и молодец, – промямлил Хартманн, уже прилично захмелевший. – Если бы не Россманн…

– Послушай, Эрих, – перебил его Биркнер, – расскажи лучше, как ты здесь начинал?

– Как начинал? – задумчиво протянул Хартманн, раздумывая, говорить ли правду, потом решил: – Не дай бог тебе так начинать… С самого начала все шло вкривь и вкось. Началось с того, что нашей четверке – Вольфу, Штиблеру, Мерчаду и мне – предложили перегнать на Кавказ штурмовики «Ю-87». На этих штурмовиках мы никогда не летали, но решили, что все самолеты в принципе одинаковы, потихоньку долетим. Я сел в кабину, разобрался с управлением, запустил двигатель и стал выруливать на старт. Двигаюсь по рулевой дорожке, жму на тормоза, а их нет. Представляешь? Пока я соображал, что делать, мой самолет врезался в избушку диспетчера, разнес ее к чертям – вокруг только бумаги полетели.

Вольф взлетел, но у него заклинил мотор. С грехом пополам он как-то приземлился. Многообещающее начало, не правда ли?

Ну ладно, доставили нас на транспортнике в штаб эскадры, потом сюда в группу. Представили командиру фон Бонину. Тот нас проинструктировал, так же, наверное, как и тебя сегодня, потом распределил по эскадрильям: меня с Мерчадом в 7-ю,

Штиблера с Вольфом в 9-ю.

Хартманн заметно оживился, стал говорить громко и быстро. Далее из его рассказа выяснилось, что его определили ведомым к обер-фельдфебелю Паулю Россманну. Глядя на него, можно было подумть, что это какой-то чудак, «с мухами в голове». С утра до вечера распевает песни, улаживает какие-то личные дела, если не с летчиками, то с девицами из обслуживающего персонала. Никак не походил он на серьезного пилота, тем более снайпера, как его рекомендовали.

Ветераны эскадрильи, эти воздушные волки, весело похлопывали Эриха по спине, приговаривая: «Не робей, Хартманн, Пауль отличный парень, с ним не пропадешь. Он всегда приводит своих ведомых домой».

То же ему сказал и его механик Гейнц Мертенс, его верный Биммель.

Хартманну не терпелось поскорее вылететь на боевое задание, он буквально изводил просьбами Россманна. Наконец, на четвертый день его пребывания на базе, Пауль согласился с ним вылететь. Предстояло перехватить группу советских штурмовиков «Ил-2» в районе Прохладного.

Когда они подошли к месту и разобрались с обстановкой, то поняли, что колонну немецких пехотинцев штурмует звено «Ил-2» под прикрытием семерки истребителей «ЛаГГ-3». По команде Россманна они пошли в атаку. На высоте около полутора тысяч метров Хартманн увидел впереди несколько самолетов, окрашенных в зеленый цвет. Недолго думая, он дал полный газ, обогнал Россманна, и открыл огонь. Но все его трассы почему-то ушли выше и левее.

Меж тем цель стремительно приближалась. Опасаясь столкновения, Хартманн резко отвалил в сторону и тут же, к своему ужасу, обнаружил, что он со всех сторон окружен зелеными самолетами, начавшими на него разворачиваться.

С перепугу он бросил свою машину вверх, пробил тонкий слой облаков и увидел, что наверху никого нет, он совершенно один. Эрих приободрился, а тут еще в наушниках послышался спокойный голос Россманна: «Не волнуйся, я тебя вижу. Спускайся вниз, и я тебя подберу».

Хартманн тотчас же выполнил команду, опустился на полторы тысячи, но тут обнаружил, что какой-то самолет идет прямо на него. Он запаниковал, сообщив Россманну, что его преследует противник, спикировал вниз, а потом вообще бросился на запад. «Поворачивай вправо, чтобы я мог сблизиться с тобой», – послышался в наушниках голос ведущего. Хартманн послушно повернул вправо, но неизвестный самолет перерезал

ему курс и стал сближаться.

Теперь Хартманн запаниковал, ударил по газам и понесся куда глаза глядят. В наушниках стоял сплошной треск, Россманна не слышно, а неизвестный самолет продолжал его преследовать.

Когда Эрих наконец опомнился от этой сумасшедшей гонки, индикатор топлива на приборной доске мигал красным цветом – бензина в баке оставалось на пять минут. О том, чтобы дотянуть до своего аэродрома, нечего было и думать. Пришлось сажать машину «на живот», и это произошло, как потом выяснилось, в каких-то тридцати километрах от базы. От досады хотелось рвать на голове волосы.

Дома Хартманн получил страшный разнос от фон Бонина: оторвался от ведущего, без разрешения выскочил на линию огня, пробил облачность, ошибочно принял самолет ведущего за противника, обстрелял его, потом от него убежал, потерял ориентировку и разбил исправную машину. Только теперь до Эриха дошло, что за ним гнался не противник, а его ведущий Пауль Россманн. За эти выкрутасы его сняли с полетов и послали на три дня к техникам ремонтировать самолеты. Лишь спустя некоторое время Хартманну разрешили летать.

– Понимаешь, – продолжил свой рассказ Эрих, – вскоре я обратил внимание на необычную тактику Россманна. После тяжелого ранения в руку он уже не мог, как все, крутить в небе карусель, поэтому сделал ставку на неожиданные атаки. Пауль всегда выжидает, прежде чем атаковать. Увидев противника, он вначале оценивает ситуацию – может ли его атака стать неожиданной для русского. Ведь у нас обычно как – увидел летчик противника и сразу на него бросается. А Россманн не спешит, выбирает мгновение и внезапно бросается в атаку, добиваясь побед и не получая при этом ни одной царапины. Это мне очень понравилось.

Кроме того, Россманн научил меня видеть в воздухе. Чтобы пришло это умение, надо научиться пилотировать самолет так, чтобы это не отвлекало внимания. Потом все чувства обостряются, и ты начинаешь видеть все вокруг, в том числе и самолеты противника. Но для выработки этого умения нужно время, и не всякий ведущий согласится возиться с молодым пилотом. Сплошь и рядом молодых бросают на произвол судьбы. Выжил – твое счастье. А вот Россманн… э-э, да что там говорить! Если бы не он, не знаю, получилось бы из меня что-нибудь путное. Давай-ка еще выпьем!

И они в который раз за этот вечер опрокинули по рюмке шнапса.

– Был у меня еще один памятный случай, – вспомнил

Хартманн. – Я вылетел в составе звена под командованием адъютанта командира группы обер-лейтенанта Треппе. Мы атаковали группу штурмовиков, которую прикрывали десять «ЛаГГ-3». Прорвавшись через заслон истребителей, я, по совету нашего аса Гриславски, подошел к штурмовику сзади и метров с двухсот открыл огонь. «Ил» тут же задымил, вышел из строя и повернул домой. Я за ним. Вдруг из-под его крыла как рванет, полетели обломки, один мне влепил прямо в мотор. Пришлось опять садиться «на живот»!

Из этого случая я сделал вывод – сближаться надо до момента открытия огня. Как только ты его открыл, не важно – попал или не попал, сразу стремительно отрывайся от противника.

– А еще ты с кем летал?

– С унтер-офицером Даммерсом. Это сильный и выносливый пилот. Сначала измотает противника на фигурах высшего пилотажа, потом его обязательно подловит. Удержаться за ним было непросто, поэтому с ним я никого не сбил. Все силы уходили на то, чтобы не оторваться…

– А еще с кем?

– Потом был Альфред Гриславски. Специалист по советским штурмовикам. Недавно его наградили Рыцарским крестом. Потом был Иозеф Цвернеманн. И он, и Гриславски в меру агрессивны, оба хорошо сражаются. От них я научился стрелять с близкой дистанции. Тогда мне впервые пришла в голову мысль – а если связать внезапность Россманна с умением стрелять Цвернеманна. Связал, и стало неплохо получаться.

– Да, ты просто молодец. А как ты с Крупински сошелся?

– Крупински пришел на место командира эскадрильи Соммера в марте этого года. Едва он появился у нас, как сразу отличился. В первом же бою был сбит. Приземлился на парашюте, и едва был доставлен пехотинцами на аэродром, как тут же потребовал новый самолет. Получил новую машину, взлетел, сбил двоих русских и благополучно вернулся на свой аэродром. Его сразу зауважали. Репутация сорвиголовы неслась впереди него. Он такое вытворял в воздухе, что все унтер-офицеры отказались идти к нему в ведомые. Уж очень трудно было его прикрывать.

Хартманн замолчал и стал маленькими глотками отпивать шнапс.

– Как же решился вопрос с ведомым? – не удержался Биркнер.

– Как решился? – задумчиво переспросил Эрих, не в силах оторваться от каких-то своих мыслей. – Решился он очень просто. Пришел как-то ко мне Пауль Россманн и говорит: все унтер-

офицеры просят меня полетать ведомым с Крупински. Хоть он и изрядный грубиян, с лейтенантом он будет вести себя аккуратнее. Россманну я отказать не мог.

Хартманн опять замолчал.

– Ну и что? Ты сам пошел к Крупински?

– Да.

– И что же ты ему сказал?

– Я подошел, назвал себя и сказал, что хочу быть его ведомым…

– Что, прямо так и сказал? – недоверчиво переспросил Ханс.

– Да, так и сказал. Он с удивлением посмотрел на меня, потом спросил, давно ли я здесь. Я ответил – три месяца. С кем до сих пор летал? – был его второй вопрос. Я назвал всех летчиков, о которых только что рассказал тебе. Победы? Я говорю – две. Он рассмеялся, хлопнул меня по плечу и сказал: «Это хорошие летчики. У нас с тобой будет все нормально. Спасибо!» Вот и все.

– Мой бог! – Биркнер не мог скрыть своих чувств. – Вот так запросто подойти и предложить себя одному из известнейших в люфтваффе пилотов! Ученику самого Макки Штайхоффа. Нет, ты определенно очень смелый человек, Эрих! Я бы на такой шаг никогда сам не решился. И что же, вы слетались?

– Слетались, – с ноткой высокомерия в голосе протянул Хартманн. – Очень быстро выяснилось, что Крупински, при всем его мастерстве пилотажника, тот еще мазила. Поэтому я стал держаться к нему поближе. Как только он отваливал, в очередной раз промазав, я, используя те несколько секунд, которые оставались, чтобы «закрыть дыры», оставленные Круппи, старался точно пустить трассу. Так я сбил с ним парочку самолетов.

Но главное, конечно, не в этом. Мы отработали с ним свою тактику боя. Вальтер идет в атаку, я сижу «на жердочке», прикрываю его хвост и сообщаю ему, если появляется новый самолет противника. Если атакую я, Крупински держится повыше и подсказывает мне, как лучше маневрировать, когда следует отрываться. При этом он постоянно повторяет: «Буби, сближайся! Ты слишком рано открываешь огонь». Сегодня, правда, я стрелял издалека, но получилось неплохо – «кобру» подожгли с первой атаки и сразу же отвалили.

– А почему тебя все зовут Буби?

– Это Крупински придумал, а за ним и все стали так называть. А я его зову Круппи. Мы с ним подружились, только к девкам я с ним не хожу.

Биркнер хотел было спросить почему, но постеснялся. Хартманн, словно угадав его намерение, сам объяснил – в Вейльим-Шенбухе живет его невеста, и он хранит ей верность.

Больше на эту тему он не распространялся.

– Давай еще по одной и пойдем спать, – предложил Хартманн. – Что-то я устал сегодня.

Они выпили и не спеша побрели к палаткам.

У своей палатки Биркнер остановился и поднял голову. Прямо перед его глазами стояла над полем тихая луна, а дальше, рассыпаясь в темном южном небе, искрясь, трепетали десятки звезд.

Ханс ощупью нашел свою постель, быстро разделся и лег. Немного погодя в палатку, нетвердо ступая, вошел Россманн. Он посветил фонариком, но Биркнер сделал вид, что уже спит. Россманн что-то пробормотал и, не раздеваясь, плюхнулся на постель.

11

Сигнальная ракета взлетела над аэродромом – команда к вылету очередной эскадрильи. Через минуту шестерка истребителей резво взмыла в небо и взяла курс на Крымскую.

Ночью прошел теплый дождь. Земля, укутанная сизой дымкой, дышала под утро испарениями. На небе – кучевые облака.

Ниже облаков держится ударная четверка во главе со штурманом эскадрильи Паскеевым. Сам Покрышкин с ведомым Александром Голубевым ее прикрывают. Они забрались повыше, идут уступом и чуть сзади. В разрывах облаков Покрышкину отчетливо видна машина Паскеева.

«Интересно, как он себя сегодня проявит, – думал Покрышкин. – Летом сорок второго, при штурмовках немецких войск в районе Сальска, Тихорецка и переправ через Маныч, он вел себя достойно».

В полку долго не могли забыть, как при налете «юнкерсов» на аэродром в Бельцах в первый день войны Паскеев с перепугу бросился к речке, залез по горло в воду и сидел там до тех пор, пока не прекратился налет. Шутники не упускали случая по этому поводу поострить. Со временем он как будто сумел преодолеть свой страх, не раз летал один на разведку, успешно штурмовал вражеские колонны, проводил и воздушные бои. В одном из воздушных поединков в предгорьях Северного Кавказа его подбили, и он лишь чудом в последний момент сумел выпрыгнуть с парашютом из горящего «Яка». Паскеева подобрали и привезли на аэродром колхозники. Сильно обгоревший, он молча лежал в кузове полуторки и терпеливо ждал, когда его отправят в госпиталь.

На удивление всем Паскеев быстро поправился и сам попросился в 16-й гвардейский полк. Этот поступок все летчики восприняли с одобрением.

В часть он прибыл на Каспии и сразу активно включился в освоение новых истребителей, чем, видимо, понравился командиру полка Исаеву.

…Высота пять тысяч метров. В небе все спокойно. Но это ненадолго. Впереди, по курсу группы уже показалось большое черное пятно. Наверняка это немецкие бомбардировщики. Издалека они всегда кажутся единой темной массой.

«Почему бомбардировщики одни. А где же прикрытие? Неужели опаздывает? На немцев это не похоже, – забеспокоился Покрышкин. – Нет, все как у них принято: вон с аэродрома в

Анапе, вздымая пыль, один за другим поднимаются истребители. Расчет точен. Пока бомбардировщики подойдут к линии фронта, «мессершмитты» будут на месте».

– Тигр! Я Покрышкин! К переднему краю подходит первая группа бомбардировщиков! – передал он на станцию наведения. И сразу же своим: – Паскеев! Приготовиться к атаке!

В это же мгновение Саша заметил стремительно приближающуюся к нему пару «мессершмиттов». «Понятно – намерены отвлечь нас с Голубевым от ударной четверки, – прикинул он. – Пока не подошли те, из Анапы, надо этих чертей быстро отогнать».

– Голубев! Прикрой, иду в атаку!

Этой командой он подвел черту: приготовления закончились, начинается воздушный бой.

Две «кобры» с ходу пошли в лобовую атаку. Немцы ее не приняли и, уклоняясь, прыгнули вверх. «Что ж, высота и нам не помешает», – решил Покрышкин и, прибавив обороты, тоже устремился вверх.

«А где же те, что взлетели в Анапе, почему их не видно? – первое, о чем он подумал, когда выровнял самолет и осмотрелся. – Ага, вот и они!»

Десять «мессершмиттов» уже приближались к четверке Паскеева.

«Паскееву нужно развернуться и идти с немцами в лобовую. Когда разойдутся на встречных курсах, его четверка сможет прорваться к бомбардировщикам. Понимает ли ведущий эту тактику? – Покрышкин с беспокойством искал его машину в разрывах облаков. – Вот и она… Отлично! Паскеев так и делает!»

Четверка «аэрокобр» действительно энергично развернулась и стала стремительно сближаться с «мессершмиттами». Вот-вот обе группы скрестят трассы.

«Все… Пора начинать… Почему он медлит?».

– Паскеев, огонь! – не выдержав, крикнул Покрышкин.

И в то же мгновение Паскеев резко отвернул и со снижением пошел в сторону Краснодара, оставляя за собой густую ленту сизого дыма. Его ведомый Козлов по инерции тоже отвернул, но вниз за командиром не пошел. Вторая пара, Речкалов со Степановым, как положено, открыли огонь и разошлись с немцами на встречных курсах.

«Он что, сдурел, что ли? Что он делает? Почему уходит? Неужели опять струсил? Бросил на произвол судьбы трех своих товарищей!» – Покрышкин не находил слов от возмущения.

Ситуация резко изменилась. Слаженные, отработанные боевые действия его шестерки секунду назад, в один миг

рассыпались, как карточный домик. «Хватит возиться с этой парой, надо помогать нижним», – решил Александр и резко бросил свою машину в пике.

Но он опоздал. Самолет Козлова, потеряв управление, уже стремительно падал, а от него горкой уходил «мессершмитт».

«Все-таки подбили Козлова, сволочи!» – мелькнула в голове мысль, но он тут же переключился на другое.

– Речкалов! Пристроиться ко мне!

Тут же спохватился: «А где же Голубев? Черт, забыл его предупредить, когда делал резкий маневр. А он, видимо, не уследил, оторвался и остался один на один с парой «охотников». Те, конечно, своего не упустили. Опытные, гады!» – с горечью подумал он, но тут же в голову пришла другая мысль: «Где бомбардировщики? – Он крутанул головой: – Так, первая девятка уже приблизилась к переднему краю. Атаковать ее немедленно, заставить сбросить бомбы, не доходя до цели!»

– Речкалов! Атакуем!

Тройка краснозвездных истребителей, сделав стремительный разворот, сблизилась с бомбардировщиками и сзади, сверху открыла огонь из пушек и пулеметов. Навстречу неслись красноватые трассы немецких снарядов, но при огромной скорости сближения и под таким углом стрелки были просто не в состоянии вести прицельный огонь.

Нервы у немцев не выдержали. «Юнкерсы» начали отваливать в стороны, беспорядочно сбрасывая свои фугаски.

Рассеяв первую группу бомбардировщиков, тройка «кобр» бросилась на вторую, потом на третью. Закладывая крутые виражи, она носилась в гуще бомбардировщиков, не выходя наверх, не позволяя «мессершмиттам» включиться в бой. Те в растерянности шныряли вверху, ожидая, когда же бомбардировщики очистят небо и русские останутся одни. И они дождались своего.

«Трое против десяти. И боеприпасы на исходе. А бензин? Бензин еще есть… Значит, придется драться». – Покрышкин почувствовал неприятный холодок в груди.

Но «мессеры» неожиданно стали разворачиваться и неспешно потянулись на запад. Оглянувшись, он увидел приближающуюся группу наших истребителей, вызванную «Тигром». От сердца отлегло, теперь можно было возвращаться домой. Они свое задание выполнили.

…Гриша Чувашкин с тревогой всматривался в горизонт. Вот, наконец, показались три точки, через мгновение над аэродромом на бреющем прошли три «кобры». Первой шла машина под номером тринадцать. «Кого же нет? Паскеев давно вернулся.

Значит, сбили двоих», – с беспокойством прикидывал Григорий. Потом он вместе с другими техниками стремительно побежал навстречу заруливающим на стоянку самолетам.

Пока он добежал, Покрышкин уже освободился от парашюта и реглана и, надев свой «блинчик» на голову, легко спрыгнул с крыла на землю.

– Паскеев с Голубевым дома? – отрывисто спросил командир, едва механик приблизился. По всему чувствовалось, что напряжение боя его еще не оставило.

– Паскеев прилетел, а Голубева нет.

– Дай закурить!

Покрышкин взял из протянутой пачки беломорину, быстрым, точным движением прикурил и с наслаждением затянулся.

– А Козлов? – растерянно спросил Гриша.

– Нету Козлова. Сбили его фашисты. Что случилось с машиной Паскеева?

– Говорит, что заклинило мотор… – как-то неуверенно начал объяснять Чувашкин, но Покрышкин его прервал:

– Ладно, потом!

Они направились к стоявшим в стороне летчикам.

«Что же все-таки произошло? – размышлял Александр. – Долго держал режим форсажа, и не выдержал мотор? Такое бывает. А может, струсил и сделал специально?.. Война преображает людей. Вон Колесников, до войны был лихач, бесшабашный парень, постоянно получал взыскания за недисциплинированность, а пришла пора испытаний, и он стал одним из лучших пилотов в полку.

И тот же Воронцов, всегда считался солидным, авторитетным офицером, а с началом боевых действий перед каждым полетом стал как мальчик волноваться, выпрашивать у техников стаканчик спирта для храбрости. Под Изюмом струсил, бросил меня в бою… Теперь «устроился» комиссаром эскадрильи…»

Саша всегда помнил, как первое время ему тоже становилось страшно, когда в полете натыкался на стену ослепительных вспышек от разрывов зенитных снарядов или когда, обернувшись, обнаруживал нависающее над собой желтое рыло «мессершмитта». Разве к такому привыкнешь, да еще когда почувствуешь тупые удары пуль в бронеспинку сиденья или в корпус самолета.

Сколько раз перед вылетом он подавлял в себе эту проклятую, сидящую словно заноза в подсознании мысль: «А вдруг собьют? А вдруг подожгут?» Он подавлял эту подлую мыслишку тем, что начинал злиться на себя, на нее, и она, словно пугаясь, исчезала. Этому научил его первый командир эскадрильи

Атрашкевич незадолго до своей геройской гибели во время налета на Бельцы. «Каждому страшно, – говорил комэск. – И тебе, и мне, и Грише Речкалову, летающему на «чайке». Но ты сумей держать свою голову холодной. Сохранишь спокойствие – значит, твое счастье. Потеряешь – значит, конец!»

Постепенно Покрышкин нашел противоядие от этих подлых мыслишек: он научился не думать ни о чем постороннем, ни на миг не отвлекаться в бою от управления самолетом и использования оружия. Сосредоточиться только на одном, твердил он себе, как сбить противника и сделать это толково, без потерь. Боевые вылеты он стал расценивать как работу – тяжелую, изнурительную, изматывающую, но жизненно неизбежную и необходимую. Другого просто не дано. «Я чернорабочий войны – сбил сегодня противника, значит, поработал хорошо. Если сбили меня – значит, я работал небрежно, что-то упустил, прошляпил. Буду работать хорошо – никто меня не собьет».

Сказалась рабочая закалка, полученная им в ФЗУ и на заводе.

Постепенно, по мере того как рос счет сбитых им самолетов, росла и его уверенность в себе, в правильности выбранной им солдатской философии.

…Паскеев стоял от всех в стороне. Едва Покрышкин приблизился, как он бросился к нему и начал что-то торопливо объяснять. Но Саша ничего не слышал: от одного вида этого человека, его бегающих глаз, суетливых движений, душила такая ярость, что он изо всех сил сдерживался, чтобы не бросить в глаза: трус, подлец, и пристрелить его на месте. Лишь бегающие на скулах желваки выдавали его состояние.

Подошел командир полка, и Покрышкин отвлекся: пришлось доложить о вылете, о потерях. Исаев молча выслушал и уже на ходу бросил: «Ладно, разберемся. Готовь к вылету новую группу».

Вот так. Столько времени готовил эскадрилью на Каспии к групповым боям, и в один миг все пошло насмарку. Козлов, Голубев… Не укладывалось в голове, что их уже нет. В памяти всплыли события, связанные с Голубевым, симпатичным здоровяком, с которым вместе пришлось столько пережить.

В начале сорок второго полк участвовал в штурмовках вражеских войск в районе Сальска, Тихорецка и переправ через Маныч. Александр только что вернулся из-под Орехова, где был сбит немцами. Свой полк он нашел под Ростовом. Тогда командир полка Иванов предложил ему подлечиться, а потом заняться подготовкой молодых летчиков. Из них создали эскадрилью, во главе поставили Крюкова, Покрышкина к нему заместителем, для обучения дали десять стареньких «И-16».

Среди этой группы своей хваткой сразу выделились

Вербицкий, Науменко, Мочалов, Бережной и Голубев. Новая эскадрилья занялась штурмовкой станций и эшелонов противника.

Уже в июле сорок второго новый командир полка Исаев поручил Александру заняться подготовкой очередного пополнения – группы молодых летчиков, прибывших в полк после окончания Сталинградской летной школы.

В начале сентября Покрышкин с Голубевым на полуторке отправились в станицу Шкуринскую.

..Было солнечное утро. Возле штабной землянки построились молодые пилоты. Спустя минуту из землянки вышел Покрышкин с сердитым выражением лица и, пробурчав: «Опять вас, слабаков, на мою шею повесили», – начал опрос: кто где служил, что кончал, сколько часов налетал. Выслушав всех, он почесал затылок, потом изрек:

– Да-а, с полетами у вас негусто. Летать надо больше. Запомните – самое главное оружие летчика-истребителя – техника пилотирования. Потом тактика, стрельба и так далее. Понятно? Кто назначен в первую эскадрилью?

– Я, – вперед шагнул худенький Василий Островский.

– Один? Ясно. Голубев, – обратился он к рослому здоровяку, появившемуся из землянки, – познакомься, вот к нам в первую прибыл новичок.

Потом повернулся к строю:

– В общем, так: сейчас я лечу за учебным самолетом. Летать будем настолько интенсивно, насколько позволят нам немцы, которые пылят вон на той стороне Дона. – Он показал на запад рукой: – Учитесь крутить головой, крутить до тех пор, пока не выключил мотор. Да и на земле смотреть, иначе убьют. Вот так на фронте. Ясно?

– Ясно, – нестройно ответили летчики.

– Если ясно, свободны. – Покрышкин повернулся и, не глядя ни на кого, ушел опять в землянку.

Летчики двинулись в свою. Встретив по пути техника, они поинтересовались:

– Кто этот сердитый капитан?

– Покрышкин, заместитель командира первой эскадрильи, – охотно объяснил техник. – Он сейчас все начальство: командир полка не летает, командиры двух эскадрилий в командировке, вот он и заворачивает всей войной в полку.

– Силен, видать, пилотяга?

– Во! – показал большой палец техник.

Один пилот из молодых, Виктор Никитин, все размышлял, что имел в виду Покрышкин, когда, знакомясь с ним, сказал:

«Вот, второй Никитин, хорошо бы, чтобы был таким, как первый».

Позже он узнал, что в полку воевал симпатичный летчик Даниил Никитин, приятель Андрея Труда. 5 мая 1942 года он атаковал «Фокке-Вульф-189», или, как его все называли, «раму», который вел разведку над аэродромом, и поджег его. На нашего пилота бросились четыре «мессера», прикрывавшие своего разведчика. Одного Даниил сбил, а во второго врезался на встречно-пересекающемся курсе, после чего вместе с остатками своего «Мига» упал на землю неподалеку от аэродрома.

Покрышкин начал заниматься с молодыми пилотами по распорядку прифронтовой военной школы: занятия в землянке, политбеседы, учебные полеты на «Ути-4» и «МиГ-3». Надо было передать молодым опыт, добытый ветеранами потом и кровью в жестоких боях.

В Сталинградской школе новичков готовили по старым программам в расчете на «И-16» и «чайку». Покрышкин сразу начал с разъяснения преимуществ полета парой на «МиГ-3», о наиболее выгодных заходах при штурмовке наземных объектов, показал, как следует маневрировать в зоне зенитного обстрела, говорил о тактике и вооружении немецких самолетов. Он рисовал на доске их силуэты и объяснял, под какими ракурсами следует к ним подходить и с какого расстояния открывать огонь. Не забыл упомянуть о своих ошибках, а также ошибках однополчан, не вернувшихся из боя. Завершающим этапом учебы стала отработка элементов воздушного боя на «Миге».

Молодежь «сражалась» друг с другом с таким азартом, что не заметила, как однажды в зоне появился «Юнкерс-88», сбросил на их аэродром бомбы и благополучно скрылся.

При разборе полетов Покрышкин пропесочил молодых, а для себя решил – пора их отправлять на фронт.

Кажется, что все это было вчера…

Потом мысли его незаметно вернулись к концу лета сорок второго, столь памятного ему.

У синего моря

1

В августе 1942 года, возвращаясь с очередной штурмовки, Александр увидел на своем аэродроме много незнакомых самолетов. Оказалось, что это сел 45-й полк Дзусова. Командование воздушной армии приняло, наконец, решение вывести 16-й гвардейский истребительный полк на отдых, пополнение людьми и новой техникой, а старые «Яки» было решено передать летчикам 45-го полка, причем не завтра или послезавтра, а прямо сейчас.

Дзусов попытался было вместе с самолетами прихватить несколько летчиков, но Покрышкин, видя, что командир полка Исаев этому не противится, решительно поломал дело.

У КП летчики и техники шестнадцатого, собравшиеся у бочки с сухим вином, уже отмечали это важное событие. Завидев Покрышкина с его техником, задержавшихся на стоянке по поводу судьбы «найденного «Мига», подняли шумный галдеж, требуя, чтобы опоздавшие скорее присоединились, иначе может не хватить сухого.

Глотая из кружки терпкое красное вино после очередного тоста за победу, Саша испытывал противоречивые чувства. Было радостно от того, что после года тяжелых, изнурительных штурмовок, вылетов на разведку, поединков с «мессершмиттами» – с посадками на разных аэродромах и просто площадках у лесополос, – после года нечеловеческого напряжения и стольких потерь, даже здесь, в предгорьях Кавказа, когда в измотанном до предела полку оставались считаные летчики, их вот так неожиданно и быстро снимают с передовой и направляют в тыл. И одновременно было грустно от мысли, что завтра они уже будут лишены возможности стрелять по наглому врагу, загнавшему их в эту черную степь, что не они теперь остановят вражеские дивизии, не они будут мстить за смерть своих боевых товарищей. И от этого противоречия он среди общего восторга и веселья загрустил и ушел в степь.

Полк быстро сдал свои самолеты и по частям неспешно двинулся на юг, к Каспийскому морю.

Покрышкин вместе с техником Чувашкиным, согнувшимся в три погибели за его сиденьем, полетели на стареньком полосатом «Миге», который Саша на свою голову подобрал на одном из аэродромов при отступлении и теперь не знал, куда его приткнуть. Машина оказалась неучтенной, ее никто не хотел принимать. Ее можно было лишь сдать в ремонтные мастерские для последующей разборки на запчасти, но где находятся эти

мастерские – никто не знал. Наконец, при очередной посадке в поселке Тулатово, к счастью вконец измучившегося Гриши Чувашкина, они эти мастерские нашли и избавились от злополучного самолета.

С легким сердцем они последовали за своими в Махачкалу.

16-й полк постепенно, по мере прибытия отдельных групп, собирался в заброшенном старом саду на окраине города. Пока прибывшие ждали очередную группу, ветераны собрались вокруг полкового спеца по вину Петра Лоенко, разливавшего из бочки, подобранной по дороге в каком-то колхозе, сухое вино по кружкам. Многие уже успели прилично принять.

Молодежь из Сталинградской школы, стесняясь, скромно расположилась в сторонке. На них-то и обратил внимание Покрышкин, когда с кружкой вина и яблоком вышел из шумного круга.

– А вы почему не подходите? – поинтересовался он у молодых.

– Неудобно как-то, пусть вояки тешатся, – отрешенно ответил за всех Виктор Никитин.

– Нам бы пожевать чего-нибудь, а приказано отсюда не отлучаться, – вставил Ивашко.

– Что, проголодались? – спросил Покрышкин, внимательно всматриваясь в лица молодых летчиков.

– Мы же две недели уже идем пешком. Кормимся «подножным кормом». Последний раз ели два дня назад в Прохладном у матери Сапунова, – объяснил Виктор Никитин, взглядом приглашая сидящего на земле Сапунова в свидетели.

Покрышкин еще раз озабоченно осмотрел их, потом развернулся и направился к галдящей толпе.

– Лоенко, – крикнул он, чтобы слышали все вокруг. – В первую очередь обслужи вон тех. – Он показал на молодых ребят, расположившихся в сторонке: – Это наши молодые летчики. Они уже две недели «на подножном корму». Если у кого в мешках есть что-нибудь съестное – надо поделиться!

– Эй, «салажата», давайте все сюда! – наливая вино в кружку, позвал молодых Лоенко. Они несмело двинулись к бочке. Очень скоро, усевшись в кружок, они с волчьим аппетитом уминали каравай хлеба, лепешки, помидоры, яблоки.

– Молодец, капитан! – приговаривал, набивая рот, Савин. – Только он и обратил на нас внимание.

– Обратил, потому что он человек необыкновенный и к тому же наш учитель! – разъяснил ему Никитин, не забывая управляться с очередным куском.

– Точно, неравнодушен к массам и к конкретному человеку, вроде тебя, – безапелляционно вставил Сапунов.

– А это большое дело! – заметил Моисеенко. – Далеко пойдет наш капитан! Говорят: бумаги на Героя ему уже оформили.

– Давно оформили, еще в марте, – подтвердил все знающий Никитин. – Только при отступлении Героев не очень-то дают.

– Ну как, хлопцы, дела? – Над ними склонился уже прилично захмелевший Лоенко. – Еще добавить?

– Спасибо, довольно. Теперь можно и в Закавказье ехать, – поблагодарил за всех техника Ивашко.

Тут послышался шум моторов. Подошли два «ЗИСа».

– Всем летчикам – по машинам! Технический состав – в колонну и на вокзал! – подал команду начальник штаба полка Датский.

Весь лагерь зашевелился, одни стали собирать мешки, грузиться на машины, другие в сторонке строиться.

После долгих мытарств полк, наконец, прибыл в небольшой и ничем, наверное, не примечательный поселок Насосная, на берегу Каспийского моря. На узкой полоске земли, между горами и морем, растянулась длинная цепочка аэродромов, подобных этому, под Насосной. Выходя из самого пекла битвы, измотанные нечеловечески трудными, ожесточенными боями, авиационные полки распределялись на них, чтобы переформироваться, получить новые самолеты, наконец, просто немного перевести дух.

Новая, необычная обстановка, в которую попадали фронтовики, их просто ошеломляла. Запахи цветов, пение птиц, фрукты, вино, блеск луны на морской воде – все это воспринималось не как реальность, а как что-то далекое, неясное и дорогое, смутно напоминающее довоенную жизнь.

2

…Саша проснулся лишь на вторые сутки. Было погожее августовское утро. Солнце уже поднялось, вокруг пахло морем, стояла удивительная тишина, и все было так необычно, что несколько секунд он оглядывался и соображал – куда это он попал.

Еще раз осмотрев все вокруг, сладко потянувшись, он, едва притронувшись к краю борта, стремительно подбросил свое тело и выпрыгнул из машины. По привычке сделал стойку на руках, несколько раз прогнулся, размял шею и прошелся вокруг машины. Ввиду перегруженности общежития они решили остаться ночевать в кузове грузовика.

У стены, на авиационном чехле, спал крепыш и балагур Гриша Чувашкин. Видимо, ночью, в компании своих «технарей», он отмечал прибытие на новое место и, вернувшись, не нашел в себе сил забраться в кузов грузовика.

Саша заглянул в его измученное, темное от дорожной пыли лицо, согнал жирных мух, ползающих по нему; Гриша спал так крепко, что Саша не решился – рука не подымалась – его разбудить.

Он вновь забрался в кузов с намерением найти все необходимое для купания. Обнаружив в углу грузовика под чехлом заготовленную любителем поесть Вадимом Фадеевым еду, Покрышкин с аппетитом выпил полкрынки топленого молока с ломтем кавказской лепешки. Затем раскрыл свой походный чемодан, в котором хранил холостяцкие пожитки. Белье, платочки, полотенце, альбом для рисования схем. Книга. Бритва, мыло, коробочка с иголками и нитками, флакончик с одеколоном. Еще с довоенного времени он бережно хранил коверкотовую гимнастерку с брюками и пилоткой. Однако после падения под Запорожьем, когда его подбили «мессеры», однополчане разобрали его незамысловатый скарб, который обратно, согласно неписаной летной традиции, уже не возвращался. Так и досталась кому-то на память его довоенная форма.

Сейчас он выбрал полпачки хозяйственного мыла, самодельные плавки и завернутый в клеенку однотомник Есенина. Собрав все это в кучу, он опять спрыгнул с машины и вышел со двора.

Городок в этот час был еще совершенно пустынным. Его маленькие белые домики с небольшими оконцами тесно лепились один к одному. Неширокая улица, совершенно голая, без

деревьев, прорезала городок и уходила куда-то влево. Справа открывался вид на море, которое в это утро было абсолютно спокойным.

Пустынный песчаный пляж казался бесконечным; туда он и направился.

Через минуту Саша стоял у кромки прибоя и всматривался в воду. Сквозь ее прозрачную чистоту до крохотных камешков проглядывалось освещенное солнцем песчаное дно; поблескивая серебряными чешуйками, стайки мелких рыбешек беззаботно гуляли вдоль берега.

Шагах в пятидесяти от него, стоя по пояс в воде и весело переговариваясь, мылись трое летчиков из его полка: высокий здоровяк Голубев, сухощавый, подвижный шутник Андрей Труд, прибывший в полк еще в начале войны, и невысокий крепыш Саша Мочалов. Уже второй Мочалов. Первый пропал без вести в Молдавии.

Около них на песке сохло выстиранное обмундирование. Тут же, на разостланной газете, виднелся круг колбасы из продпайка, буханка хлеба, горка помидоров и прикрытая от солнца емкость, по всей вероятности, с вином, которое они ухитрились где-то раздобыть еще вчера.

Летчики увлеклись купанием, а Саше в это утро более всего хотелось побыть одному – он не стал их окликать, а повернулся и пошел в противоположную от них сторону, по берегу вдоль кромки воды.

День выдался прекрасный, как по заказу. Солнце сияло и грело, но уже не пекло так нещадно, как это бывает в середине лета. От песка, редких кустов, от желтой, колючей южной травы, прораставшей подальше от воды, подымался свежий аромат утренней росы и остро пахнувших морских водорослей, выброшенных на берег ночью. Небольшие волны с тихим шелестом набегали на берег. Горизонт был чист, совершенно пустынный, и хотелось до бесконечности смотреть туда, в даль, где темно-синее море сливалось с голубым небом.

С удовольствием вдыхая чудесный морской воздух, он медленно шел вдоль кромки прибоя, посматривал вокруг, и думал.

Как же быстро может меняться жизнь человека! Просто даже не верилось. что еще совсем недавно, изнемогая от напряжения и жажды, он сидел в кабине своего «Яка» и в пологом пикировании, приемом, выработанным им во время обучения молодых летчиков, короткими, точными очередями расстреливал немцев из танковой дивизии «Викинг», продвигавшейся на своих огромных «бюсингах» по дорогам Ставрополья.

Как-то не верилось, что еще несколько недель назад он мог запросто погибнуть, когда, прикрывая штурмовиков, оторвался от своей группы и оказался один на один с парой «мессершмиттов».

Как всегда, они уходили в сторону солнца и, преследуя их, он вначале хорошо видел их силуэты. Но через несколько секунд, заметив, что быстро от них отстает, догадался, что имеет дело с новой модификацией «мессеров», у которых двигатели были мощнее, чем у его «Як-1».

Стало ясно – над ним пара грозных врагов, которая, к тому же, находится со стороны солнца и имеет преимущество в высоте.

Он резко переложил свой «Як» на крыло, намереваясь уйти к своим. Но не тут-то было. Оторваться от двух зависших над ним «охотников» было не просто. Заметив, что он пытается уйти, они тут же бросились в погоню и стали быстро его настигать. Судя по почерку, это были опытные пилоты.

О какой-либо помощи нечего было и думать: рации не было, свои, сопровождая штурмовиков, давно ушли. Оставалось одно – развернуться навстречу «мессерам» и показать, что готов сойтись в лобовую. Так он и сделал.

Но эти тертые калачи, не приняв лобовой атаки, прыгнули вверх и вновь зависли над ним. Положеньице – хуже не придумаешь. У них – преимущество в высоте и скорости, у него горючего в обрез, только дойти до своего аэродрома. Бой завязался над вражеской территорией, кончится горючее или он допустит какой-то просчет – все, хана, они расстреляют его как мишень.

Оставалось только одно – придумать что-то такое, чтобы этих чертей объегорить. Но для этого нужна скорость, без скорости ничего не придумаешь.

Еще окончательно ничего не решив, он круто развернулся на восток и ударил по газам, выжимая из своего «Яка» все, на что тот был способен. «Мессеры», словно две стрелы, выпущенные из лука, устремились за ним и стали быстро его догонять. Вот они уже на дистанции прицельного огня, еще чуть-чуть и…

Он резко бросил машину в пике. От стремительного падения истребитель задрожал, в ушах появилась сверлящая боль. Приотставшие было «мессершмитты» вновь его догнали и вышли на дистанцию прицельной стрельбы. Теперь можно было начинать. Он изо всей силы потянул ручку управления на себя и заработал педалями. «Як-1» резко пошел на горку, закручивая спираль. От чудовищной перегрузки потемнело в глазах.

Нет, недаром он так обстоятельно изучал «мессершмитты» в группе генерала Науменко. Сейчас он должен получить ответ на вопрос – правильно ли он воспользуется конструктивным

недостатком этого самолета. Если «крючок», отработанный им на тренировках, его подведет, придется за это расплачиваться жизнью.

В верхней точке, переведя машину через крыло на горизонт, он быстро осмотрелся. Так и есть, в своих расчетах он не ошибся. Не способные резко выходить из пикирования, «мессершмитты» внизу замешкались, потом, наверстывая упущенное, развили на горке большую скорость и не смогли притормозить. Ведущий, обогнав Александра, выскочил впереди него метрах в пятидесяти и сразу же попал в перекрестие прицела его «Яка». Длинная очередь из пушки и пулеметов. «Мессер» на мгновение как бы завис в прицеле, потом перевернулся и камнем пошел к земле.

Второй немец, ведомый, выскочил рядом. Увидев, что случилось с его командиром, он тут же вышел из боя и устремился на запад.

Теперь можно было направляться домой, горючего оставалось в обрез. Вскоре показались знакомые ориентиры, где-то совсем рядом располагался наш аэродром. Саша невольно расслабился…

Треск пуль об обшивку самолета отрезвил его моментально. Инстинктивно крутанув бочку со снижением, он резко сбросил скорость, вынудив атакующих вырваться вперед. Пара «мессеров» проскочила над ним и резко ушла наверх. Длинная очередь им вслед, так, для острастки. Нет, хватит испытывать судьбу…

Он не знал тогда, что в поединке с двумя «мессершмиттами» сбил Леопольда Штейнбаца, известного немецкого аса из 52-й эскадры, награжденного Рыцарским крестом с Дубовыми листьями и мечами, и что вторая пара пыталась отомстить за смерть своего командира.

Таких воздушных боев, жестоких, смертельных, неимоверно тяжелых, когда противник по количеству превосходил в несколько раз, он в этот год провел двадцать четыре. Двадцать четыре раза Саша смотрел смерти в глаза!

И все это действительно было, и было совсем недавно, но от того, что он, наконец, по-настоящему выспался, от того, что это были самые сильные впечатления последнего времени, ему казалось, что все это происходило всего несколько часов назад.

Саша не удержался, раскрыл на ходу томик стихов и начал было его читать, но тут же подумал, что сперва нужно покончить со стиркой. Отойдя от кромки воды метров на двадцать, он сел на песок, быстро разделся, потом дважды старательно выстирал грязные, пропитанные потом и пылью гимнастерку с брюками, ставшие буквально черными портянки. Затем, крепко отжав, разложил все сушиться на песке, зашел в воду и начал мыться сам. С трудом намылившись в морской воде, он со сладостным

ожесточением стал скрести голову, потом долго скоблил все тело, пока кожа не покраснела. Он уже забыл, когда так мылся последний раз.

Потом Саша плавал, нырял с открытыми глазами, держался под водой до тех пор, пока хватало воздуха в легких, и в изнеможении подымался на поверхность.

Пробыв в воде минут сорок, он вышел на берег, ощущая бодрость и легкость во всем теле, чувствуя себя словно обновленным. Хотелось сесть в лодку и поплыть туда, к горизонту, как это делал он до войны во время отдыха в Хосте вместе со Степаном Супруном, известным на всю страну летчиком-испытателем. Как это все давно было, да и было ли?

Потом он взялся за постиранное обмундирование. Повернул его на песке, проверил, сохнет ли оно. Теперь можно было почитать.

Саша любил и при каждой возможности читал книги, но поэта Есенина открыл для себя недавно, когда при очередном перебазировании в одном из покинутых домов станицы нашел этот однотомник; стихи поразили и очаровали его.

В перерывах между полетами, уединившись под крылом своего истребителя, пока техники заправляли машину горючим, оружейники перезаряжали пушку и пулеметы, он с жадностью и восторгом читал этот сборник, то и дело находя в нем подтверждение своим мыслям; многие четверостишья он знал уже наизусть.

Как ни странно, но это бескрайнее море, этот чистый, желтый песок, редкие кустарники вдалеке – все до боли напоминало ему исконную сибирскую Россию и более того – его родной Новосибирск, где в домике у реки Каменки осталась мать с сестрой и меньшими братьями, где прошло его босоногое детство.

Очарованный окружающим, он был как бы в забытьи, когда вдруг услышал: «Саша, куда ты пропал? Давай к нам, уже все готово». Он обернулся – сзади, метрах в пяти, стояли улыбающиеся Труд с Голубевым. Очевидно, они все-таки заметили его появление на берегу. Пришлось идти в компанию.

3

На море они пробыли до вечера и на ужин пришли под хмельком. Как обычно, у небольшой столовой уже собралось много офицеров. Полки постоянно прибывали, и питаться приходилось в несколько смен. Каждый стремился прорваться первым в небольшой зал, чтобы не стоять в очереди у столов. Из-за этого между офицерами иногда возникали стычки. Люди, привыкшие к напряженной фронтовой обстановке, оказавшись в городке в неопределенном положении и ничем не занятыми, часто по разному поводу выпивали, благо водку и вино в поселке можно было найти без труда.

Ловкий, подвижный Труд и крепкий Голубев в числе первых проникли в столовую и заняли место для Александра, стеснявшегося толкаться. Едва они расположились за столом, как официантка поставила перед ними алюминиевые миски с перловой кашей, в которой на этот раз можно было найти кусочки сала. Молча принялись за еду.

С чего все началось, Саша так и не понял – слишком был поглощен своими мыслями. Очнулся он от разговора «на басах». Оказалось, что трое подвыпивших офицеров пристали к Голубеву и Труду. Один из них, схватив Труда за гимнастерку на груди, кричал, что сейчас набьет парню морду за грубую толкотню в очереди. Недолго думая, Саша тут же врезал скандалисту коротким хуком в челюсть, как он это делал когда-то в Новосибирске, когда занимался боксом. Офицер свалился под стол.

Все вскочили, поднялся страшный шум. Столовая быстро разделилась на «своих» и «чужих». Началась потасовка, и длилась она до приезда коменданта в столовой, а после приезда коменданта с охраной драка выплеснулась на улицу. Порядок навел лишь прибывший с автоматчиками на «Додже» начальник гарнизона полковник Губанов. Покрышкина, как зачинщика драки, задержали и увезли.

Спустя некоторое время на площадке перед столовой опять поднялся шум.

– Полундра!.. Все сюда! Быстро! Важное и сенсационное сообщение, – слышался зычный голос.

Это кричал Вадим Фадеев. Он задержался в какой-то компании и в потасовке, к своему сожалению, не участвовал. Узнав его по голосу, все из шестнадцатого полка потянулись к столовой, предвкушая веселую разборку.

– Из достоверных разведывательных данных стало известно

следующее: Саша Покрышкин посажен на «губу» – это первое!.. Во-вторых, ему грозит трибунал! Ясно? – буравя окружающих гневным взглядом, рычал Фадеев.

Летчики загалдели, посыпались вопросы и гневные выкрики.

– Тихо! – вскинув руки вверх и тряся бородой, закричал Фадеев. – Тихо! Объясняю: он тут одного тылового «чмура» кулаком случайно по сопатке задел… Я думаю так: сейчас всей оравой мы пойдем, поднимем все начальство на ноги и потребуем освобождения нашего товарища, а то…

– Перевернем все вверх ногами, разгромим это заведение! – перебил его Чесноков.

– Полундра!.. Вперед! Пошли! – закричал Володя Бережной.

И толпа летчиков двинулась на выручку своему товарищу. Но не прошли они и ста метров, как им встретился командир полка Исаев с начальником штаба Датским.

Всем было приказано немедленно прекратить «бузу» и отправиться в общежитие. Исаев пообещал во всем разобраться. После этого летчики быстро разошлись.

Во время отбывания наказания в пыльной, обшарпанной комнате с маленькими оконцами, каковой являлась гарнизонная гауптвахта, Покрышкин узнал от дежурного, что ударил он подполковника, командира одного из дислоцировавшихся в поселке истребительных полков, который в столовой был вместе со своим начальником штаба и комиссаром. Поэтому и неумолим был начальник гарнизона Губанов.

Едва Саша появился в общежитии после отсидки, как ему сообщили, что он снят с должности комэска и переведен в запасной полк. Он решил, что ребята его разыгрывают, потому, недолго думая, отправился к начстрою полка Павленко.

– То, что ты, капитан, снят с должности, – еще не самое страшное, – огорошил старший лейтенант, отвечая на его вопрос. – Тебя исключили из партии!

– Как? Исключили из партии? Неужели пошли на такое? – Саша не верил своим ушам.

– Вчера на заседании партийного бюро командир полка обвинил тебя в недисциплинированности: оспариваешь его указания, самовольно меняешь воздушную тактику, как он выразился, «нарушаешь требования устава истребительной авиации». Ну и, конечно, припомнил последнюю ссору с командиром соседнего полка. Вот так! Собрание проголосовало за исключение. Тут уж Воронцов постарался, припомнил, видимо, вашу стычку из-за похорон Супруна.

Пораженный услышанным, Саша молча смотрел на начстроя.

«Как же так: честно воевал с первого дня войны, не трусил, не

малодушничал, в коллективе был на хорошем счету, считался в полку лучшим летчиком-истребителем, только официально сбил семь самолетов противника, а сколько еще не засчитали. И это все псу под хвост из-за какой-то стычки со старшим офицером, который, к тому же, сам ее спровоцировал, из-за этого недостоин быть коммунистом и командиром-гвардейцем?!» – беззвучно шептал он…

– Но и это еще не все, – невозмутимо продолжил Павленко. – На тебя передано дело в Бакинский военный трибунал. Сам понимаешь, чем это может кончиться. По 227-му приказу могут запросто пустить в расход. Почитай вот, какую характеристику на тебя отправил Исаев. Можешь взять ее себе. Это копия.

И он углубился в бумаги.

Александр читал характеристику и не верил своим глазам. «До какой же подлости может опускаться человек, – лихорадочно думал он. – Нет, надо что-то делать. Но что? Пойти к Исаеву и поговорить с ним напрямую? Что это даст? Он исказит разговор, да еще представит его в выгодном для себя свете…»

Так ничего и не решив, он покинул канцелярию.

Николай Исаев появился в 16-м гвардейском истребительном полку весной сорок второго в качестве штурмана полка. До этого он был партийным работником и даже в 16-м первое время продолжал носить гимнастерку с петлицами батальонного комиссара. Во время боев за Ростов был ранен в руку и, возможно, поэтому на боевые задания практически не летал.

Летчики вначале не обращали на Исаева особого внимания. Штурманов и без него хватало – тот же Крюков, да и сам Покрышкин хорошо разбирались в штурманских делах.

Первое серьезное столкновение с Исаевым у Александра произошло на аэродроме под Миллеровом, во время отсутствия командира полка Иванова. Тогда степные дороги были забиты немецкими солдатами, танками, которые находились уже в тылу советских войск, а их авиация господствовала в воздухе. Воевать приходилось на нервах и крови.

После очередного вылета на штурмовку Покрышкин заходил на посадку последним. Перед ним садился Александр Голубев.

Еще издали Саша заметил, что самолет из его шестерки, не взлетевший со всеми на боевое задание из-за отказа двигателя, не убран, так и стоит на краю поля, как раз по курсу их посадки, в самом начале посадочной полосы.

Голубев, еще недостаточно опытный летчик, к тому же ослепленный солнцем, при планировании неточно рассчитал высоту и зацепился за винт неубранного истребителя. Прямо перед Покрышкиным машина молодого пилота ударилась о

землю, развалилась на куски и загорелась. Было просто жутко смотреть, как прямо у него на глазах погибал его боевой товарищ.

Выбравшись из кабины своего истребителя, Саша первым делом поинтересовался, что с Голубевым. Жив, успокоил его Чувашкин, только что отвезли в госпиталь.

Тогда у Александра возник вопрос – почему начальство до сих пор не распорядилось убрать неисправный самолет. Возможно, было занято чем-то важным?

Одного взгляда в сторону КП оказалось достаточно, чтобы понять, что об оставшихся на хозяйстве командирах он был слишком хорошего мнения. Исаев, высокий, дородный мужчина, вместе с новым начальником штаба Датским стояли на крыше землянки и преспокойно наблюдали за происходящим в бинокли.

Взбешенный Покрышкин бросился на КП.

– Почему не освободили взлетно-посадочную полосу?

Его вид в этот момент был настолько угрожающим, что Исаев, недолго думая, сам пошел в атаку.

– Что-о? – с хмурым видом враждебно протянул он. – Как ты смеешь задавать мне такие вопросы?

Исаев был старше Александра по должности и по званию, и в данный момент, в отсутствие командира полка Иванова, исполнял его обязанности. Свою роль, конечно, сыграли привычки бывшего партийного работника, которых все побаивались и тянулись перед ними в струнку.

К тому же Исаев считал себя достаточно опытным летчиком, чтобы выслушивать замечания в таком дерзком тоне от этого излишне самоуверенного комэска. Как-никак, а кадровый летчик-политработник с довоенным стажем, участник финской войны, награжденный за нее орденом Красного Знамени, а в эту, за бои под Ростовом, орденом Ленина, – и он обязан отчитываться перед каждым капитаном?

– Смею! Смею, потому, что это летчик из моей эскадрильи и я за него в ответе! При посадке против солнца любой может допустить ошибку! Солнце слепит!

– Солнце, говоришь, слепит? – недобро переспросил Исаев. – Тоже мне защитник нашелся!.. Ничего, вот посидит твой Голубев на «губе», тогда хорошо будет видеть и против солнца.

– Да вы что? – Покрышкин аж задохнулся от возмущения. – Человека, только что вернувшегося из боя и чисто случайно оставшегося живым, наказывать?!.. Да это вас надо посадить на «губу» за нераспорядительность, чтобы лучше соображали!

«Губой» на жаргоне летчиков называлась гауптвахта.

Разговор начинал принимать нежелательный для Исаева оборот, и он решил, что ему лучше всего замолчать.

Покрышкин вернулся на стоянку самолетов. Узнав, что Голубева действительно отвели на гауптвахту, он не находил себе места. Как освободить товарища? Решение напрашивалось только одно: дождаться возвращения командира полка из штаба дивизии и обратиться к нему за помощью.

«Сукин сын, – ругался про себя Александр, расхаживая возле своего самолета. – Если бы ты хоть раз слетал на боевое задание, ты бы понял, что это такое, и по-другому относился бы к летчикам. После такой страшной аварии посадить человека на «губу»!»

Первым, кто встретил Иванова, был Покрышкин. Узнав о происшествии, Виктор Петрович тут же потребовал от штурмана полка освободить летчика. Для Исаева это был щелчок по самолюбию, и он его, конечно, не забыл.

Двадцать первого июля полк перебрался за Дон. Группа летчиков полка полетела в район Ставрополья с целью сдать в полковые мастерские самолеты, у которых был на исходе моторесурс. По существу, это был выход на отдых. В полку остались две эскадрильи – Покрышкина и Крюкова.

С каждым днем брешь в обороне советских войск расширялась, немцы по ночам регулярно бомбили аэродром, и летчикам редко когда удавалось выспаться. А днем приходилось вести неравные бои. Против сотни советских самолетов на Южном фронте действовала тысяча немецких.

То была, пожалуй, самая трудная пора войны. Люди сдавали от постоянного переутомления.

Командир полка майор Иванов, обеспокоенный отсутствием известий от улетевшей группы летчиков, решил искать их сам. Он вылетел на поиски на стареньком «Ут-2», и при запуске мотора во время пребывания на одном из полевых аэродромов настолько серьезно повредил себе руку, что его срочно отправили в госпиталь.

Узнав об этом происшествии, в полку все сильно переживали. Иванова уважали как командира и любили как человека, прекрасно понимая, какую роль он играл в коллективе.

31 июля 1942 года было объявлено построение личного состава полка. Начальник штаба Датский зачитал приказ командира дивизии о назначении командиром 16-го гвардейского истребительного полка штурмана Исаева. Летчики лишь недоуменно переглядывались. Все понимали, что Исаев по своим деловым качествам и летной подготовке для этой должности явно не подходил, тем более в такое напряженное время. В полку осталось пятнадцать летчиков и столько же потрепанных в боях «Яков».

Исаев, вероятно, и сам был не рад этому назначению, поскольку опасался, что может не справиться с новыми обязанностями. Но приказ есть приказ, его нужно выполнять, и вместо того, чтобы попытаться найти душевный подход к воздушным бойцам, к лидерам, какими были Крюков, Фигичев, Покрышкин, опереться на их опыт и знания, он решил зайти с другой стороны. Уже на первом построении он заявил, что намерен выбить из коллектива «ивановские привычки» и навести дисциплину.

Большей бестактности, чем это заявление, придумать было невозможно, и первым, кто по этому поводу возмутился, был, конечно, Покрышкин. Быстро сообразив, что сморозил глупость, новый командир полка скомкал разговор, но оба ясно поняли: хорошим отношениям между ними не бывать.

Исаеву вскоре присвоили звание майора.

Через несколько дней в районе станицы Гетьманской, уже на Северном Кавказе, Покрышкин с четверкой товарищей, не спрашивая у Исаева разрешения – что тут спрашивать, он бы все равно не разрешил, – организовал воздушную засаду.

Немцы вели себя нагло. Их бомбардировщики появлялись в определенные часы и словно по расписанию бомбили город Кропоткин.

Недалеко от линии фронта Покрышкин выбрал среди гор узкую полоску земли. С большими предосторожностями пятерка приземлилась на ней и замаскировалась. В половине третьего должны были появиться немцы.

Точно, минута в минуту, на фоне гор, между кучевыми облаками, появилась группа из тридцати «Ме-110» и «Ю-88». На этот раз они шли бомбить грозненские нефтепромыслы и одну из крупных железнодорожных станций.

Вначале им навстречу поднялись Покрышкин, Науменко, Бережной. Они атаковали первую группу из 18 самолетов. Вторую группу из 15 самолетов атаковали Федоров с Вербицким.

Атака советских истребителей в горной местности явилась для немцев полной неожиданностью. Они знали все советские аэродромы, которых было немного, понимали, что горы – не степь, в любом месте посадочную площадку не устроишь, поэтому обходили все аэродромы стороной и спокойно летали.

В результате внезапной атаки было сбито пять немецких самолетов, а остальные побросали свои бомбы в горы и удрали. Покрышкин сбил два «Ю-88» и один «Ме-110». Федоров сбил один «Ме-110», и один самолет они сбили коллективно. Поскольку в атаке участвовали пять советских летчиков, то было решено, что каждый из них сбил по одному самолету, чтобы не было обидно.

Так и доложили начальству.

За этот бой командующий 4-й воздушной армией генерал Вершинин приказал представить к награде всех участников. Орденами наградили Федорова, Науменко, Вербицкого и Бережного. Покрышкина в наградном списке не оказалось, и он прекрасно понимал, чьих рук это дело.

Впрочем, тогда было не до наград. Оставшиеся в полку пятнадцать летчиков, как и тысячи их собратьев по оружию, меньше всего думали о наградах. Не мудрствуя, они по четыре-пять раз в день летали на штурмовки вражеских войск, от перегрузок уставали так, что порой не могли выбраться из кабин, и их, обессиленных, вытаскивали техники; в свободные минуты они горько сетовали на военные неудачи, с болью воспринимали потерю Ростова; проклинали Гитлера и всю его свору; тужили, что в полку так мало самолетов, а те, что остались, латаные-перелатаные и слабо вооружены; что не хватает бензина, интенданты не подвозят вовремя папиросы. Однако это не мешало им после удачного боевого дня пошутить или «травануть» анекдот. Летчики дрались в строю локоть к локтю – русские, украинцы, белорусы, казахи – и вместе делали святое дело – защищали Родину. Это был боевой коллектив, крепкий, сильный, с традициями, привитыми командиром полка Виктором Ивановым.

«…И вот теперь получается так, – невесело размышлял Саша, – что боевой коллектив от меня отвернулся, не поддержал, стоило мне только споткнуться…»

В нем было развито чувство фронтового братства. К каждому фронтовику, будь то летчик или техник, шофер или официантка из летной столовой, он невольно ощущал теплое чувство приязни и родства, которое часто скрывал за внешне грубоватой манерой общения. И то, что его, боевого офицера, заслуженного фронтовика, в прямом смысле грудью защищавшего Отечество, начальство и коллектив бросили, отвернулись, не поддержали при таких несерьезных, на его взгляд, обстоятельствах, наполняло его душу невыносимой горечью.

По натуре своей человек цельный и гордый, он всегда сильно страдал от незаслуженных обид, хотя и скрывал это от окружающих. Он всегда считал, что живет и поступает правильно, как подобает честному человеку. Не переоценивал своих заслуг, с одинаковой требовательностью относился к себе и другим, не мирился с тем, что считал неправильным в фронтовой жизни. И вот теперь его принципиальность была перевернута с ног на голову, передернута и использована в своих целях некоторыми так называемыми «товарищами по партии, настоящими

коммунистами». Они попросту воспользовались случаем, чтобы избавиться от неудобного им человека, а на все остальное им просто наплевать. Был человек и нет его, война все спишет.

«Как же быть, – мучительно размышлял он, – к кому же обратиться за помощью? Иванова нет, комиссар полка Погребной где-то в госпитале…»

Чтобы чем-то себя занять и не слоняться без дела, он решил систематизировать свои мысли по совершенствованию тактики воздушного боя, которые периодически заносил в свою тетрадку. Теперь, целыми днями пропадая на берегу моря, не обращая внимания на ветер, он работал над своими заметками. Загорел, физически отдохнул.

Вечерами его навещали верные товарищи, приносили из столовой еду, и пока он торопливо поглощал очередную миску холодной перловой каши с помидором, рассказывали ему новости.

Вместе с ними приходил Вадим Фадеев. Чувствовал он себя неловко.

– Саша! Ты на меня не обижаешься? – спросил как-то гигант, виновато посматривая на друга.

– За что?

– Ну как за что. Нескладно все-таки получилось. Ты меня рекомендовал в полк, а я теперь командую твоей эскадрильей. Вроде как подсидел тебя.

– Ну и чудак же ты, Вадим! – засмеялся Саша. – Ну при чем здесь ты. Ты ни в чем не виноват. А то, что тебе доверили мою эскадрилью, меня даже радует. Ребята уже все опытные. Возьмешь мои записи и будешь по ним готовить эскадрилью к новым боям… Вот видишь, здесь написано: успех боя зависит от превосходства в высоте, скорости, маневре и огне. Вот и будешь отрабатывать с ними эти элементы.

– А ты?

– Боюсь, что мне уже не придется…

– Ты что надумал, Сашка?! – Вадим энергично тряхнул Александра за плечо. – Брось дурить! Мы с тобой еще не раз подеремся против фрицев!

Но Саша молчал, задумчиво глядя в вечернюю морскую даль. Ему не хотелось говорить о том, что вот уже несколько ночей, по инициативе командира полка его регулярно приглашает к себе в так называемый кабинет уполномоченный особого отдела Прилипко.

Молодой старший лейтенант, выбритый, аккуратный, пахнущий одеколоном, при свете керосиновой лампы каждый раз допытывается, где и когда Покрышкин уклонялся от боя, кого из

летчиков бросил в бою, почему оспаривал указания командира, которые являются в армии законом для подчиненного и должны выполняться беспрекословно, точно и в срок.

Саша пытался объяснить, что воевал не числом, а умением, что это правило он, как и вся армия, исповедовал с начала войны, что на этой почве и происходили его столкновения с командиром полка. Но все было напрасно.

При всей его обходительности особист был ему неприятен, и он с трудом сдерживал себя, чтобы не сорваться. Он решил, что лучше вообще не обращать внимания на его идиотские вопросы.

В июле, когда немцы заняли Крым, захватили Ростов, их танковые и моторизованные дивизии рвались к Волге и на Кавказ, и требовалось до последней возможности, до последней капли крови защищать и отстаивать каждую позицию, каждый клочок русской земли, как гласил знаменитый сталинский приказ номер 227 от 28 июля 1942 года, решительные действия особистов, комиссаров и командиров воспринимались как своевременные и уместные.

Но здесь, в тылу, за сотню километров от передовой, рыться в мелочах, собирать наветы на боевого летчика, заслуженного офицера, допрашивая не только его самого, но и его боевых товарищей, пытаясь вытянуть из них ложные показания, казалось ему верхом тупости и кощунства.

Более нелепого, более абсурдного подозрения Покрышкин не мог бы и вообразить. Воевал он у всех на виду. В каждом воздушном бою старался следить за товарищами и вовремя их выручать, никогда не бросал на произвол судьбы своих ведомых. Этот факт мог подтвердить любой летчик полка, и они это делали, в обиду Сашу не давали. Вот почему старший лейтенант крутился на одном месте и никак не мог продвинуться в расследовании.

И все-таки прошлой ночью особист нашел зацепку.

– Расскажите, как вы выходили из окружения в районе Орехова, – как всегда вежливо предложил он.

– Я был сбит в неравном бою, – начал свой рассказ Александр. – Упал на нашей территории, недалеко от передовой. Первую помощь мне оказала какая-то пожилая женщина в своем доме. Промыла глаза, перевязала лицо и показала, где располагаются передовые позиции наших войск.

На окраине села я встретил несколько наших бойцов, которые провели меня на свой командный пункт. Там меня принял командир полка, оборонявшего село Малая Токмачка, внимательно выслушал и пообещал дать машину с солдатами, чтобы я мог вывезти самолет из-под обстрела.

– Номер воинской части и фамилию командира полка помните? – поинтересовался особист.

– Нет, я их не знаю.

Особист сделал какую-то пометку в своих листах.

– Ну хорошо, продолжайте.

– Потом командир полка приказал препроводить меня в медпункт и перевязать. Неподалеку шел упорный бой, рвались снаряды, трещали пулеметы и автоматы.

Далее Саша рассказал, как была отбита атака вражеской пехоты и командир приказал сержанту взять солдат, грузовик и помочь летчику. Как долго возились они с самолетом, пока ночью не подкопали его и смогли погрузить хвост в кузов грузовика. Потом двинулись к Пологам.

Ехали всю ночь. Утром въехали в какое-то село. Это были Пологи. Там он снял с самолета крылья, чтобы легче было буксировать. В Пологах у него ухудшилось состояние глаза. В госпитале ему сделали перевязку, там же он узнал, что его ведомый Комлев жив, но ранен и уже отправлен в тыл.

После перевязки и краткого отдыха он решил двигаться дальше. Но куда? На восток дорога была перерезана немцами. Сориентировавшись по карте, он решил пробиваться на юг, к Черному морю.

Так до утра он рассказывал свои приключения: как прибились к группе военных, как пробились в Черниговку и там примкнули к большой группе военнослужащих и вместе с ними решили идти на прорыв. Самолет ночью, по рекомендации какого-то авиационного генерала, он сжег. Потом напоролись на немцев. За руль автомашины, подобранной по дороге, сел шофер из местных, хорошо знающий дорогу, и они поехали.

– А вторая машина где же осталась? – вдруг спросил особист, доселе, как казалось Саше, уже дремавший.

– Вторая машина отстала, когда мы напоролись на немцев. Думаю, что сержант, сидевший за рулем, специально это сделал. Еще раньше он предлагал мне гражданскую одежду, уверяя, что так безопаснее выходить из окружения, что уже однажды ему такая маскировка помогла. Я категорически отказался от его услуг и посоветовал ему оставаться воином, смело смотреть в глаза опасности.

– Понятно. Что же было дальше?

– Дальше? Значит, так, всех, кто был в овраге, в лесополосе и ждал ночи, чтобы прорываться на восток, построил в колонну пехотный полковник и дал команду двигаться вперед. Как только мы оказались на открытом месте, чуть в стороне взлетели в воздух ракеты, и по дороге застрочили немецкие пулеметы.

Послышались крики, стоны, люди начали падать на землю. Но полковник заставил всех подняться и бежать вперед, только так можно было прорваться. И мы пошли. Свистели пули, вокруг рвались мины. «Летчик, а ну покажи пример!» – крикнул мне полковник.

Я с группой солдат пристроился за броневиком, и мы, увлекая остальных, пошли дальше. Много чего там было, сейчас уже не помню. Но главное – мы прорвались к Володарскому и оказались на нашей территории. Потом добрался до Ростова, где я и нашел свой полк.

Саша замолчал и сразу вспомнил Кузьму Селиверстова, однополчанина, с которым он начинал войну в Молдавии, потому что он погиб буквально накануне его возвращения из окружения.

Селиверстов очень переменился с того дня, когда в далекой Фрунзовке похоронил их общего друга Дьяченко, подбитого немцами. Он буквально не находил себе места на земле. А в воздухе стал бросаться на любую группу немецких самолетов и драться с ними со столь неистовой, ошеломляющей, а подчас просто безрассудной яростью, что даже Валентин Фигичев, его ближайший друг и тоже бесстрашный боец, только недоуменно пожимал плечами.

Кузьма уже был Героем Советского Союза, сбил одиннадцать немецких самолетов – по тому времени это был большой счет. Друзья уговаривали его: «Не психуй, побереги себя немного», но он только отмахивался, а если настаивали, едко спрашивал: «А Дьяченко берегся? Ну вот…» – и в очередном бою опять бросался на врага, не задумываясь, прикрывает его кто-нибудь или нет.

В середине октября он вылетел на поиски лейтенанта Ивачева и сержанта Деньгуба, накануне пропавших без вести. Ивачев был опытный пилот. Особый авторитет он завоевал 23 июля 1941 года, когда девятка «Мигов» трижды прорывалась сквозь ураганный огонь зенитных батарей вокруг аэродрома в Бельцах и расстреливала стоявшие на земле немецкие самолеты. После исчезновения комэска Соколова Ивачев возглавил группу, которая блестяще справилась с боевым заданием.

Вместе с сержантом Деньгубом лейтенант должен был произвести разведку и вот – не вернулись оба.

Селиверстов взлетел на стареньком «И-16». Все «Миги» в тот день ремонтировались. Над передним краем он увидел, что две «чайки» отбиваются от «мессершмиттов». Без колебаний Кузьма бросился на помощь своим. Схватка была неравной, «мессеры» были явно сильнее наших. Тем не менее одного из них Кузьма сбил, схватился с тремя остальными, прикрывая отход стареньких «чаек». Но на малой высоте у него заглох мотор – кончилось

горючее, и немцы в упор расстреляли пилота.

Похоронили Селиверстова в поселке Султан-Салы.

Саша вспомнил, как было тогда тоскливо и муторно на душе. Из их довоенной компании в живых остались только Фигичев и он. И сейчас, сидя у особиста, он вспомнил то хмурое утро и как он убеждал тогда не давать никакой поблажки, не жалеть, всегда и везде держать себя в железных рукавицах. К чему теперь все это? Может, это пришел его черед?

– Все, что вы рассказали, товарищ капитан, требует тщательной проверки, – откуда-то издалека донесся до него голос лейтенанта и вернул его к действительности.

Саша и в жизни, и по всем анкетам был безупречно чист, тем не менее, его выходом из окружения особист уже интересовался несколько раз, задавая совершенно одинаковые вопросы и записывая ответы на них на листках бумаги.

С каждым ночным вызовом у Саши нарастала неприязнь к этому лощеному, ограниченному человеку.

Он ничуть его не боялся – после того, что он там увидел, пока жив, дал себе зарок не забыть… он же летчик, а там… хуже зайца! Как крыс гоняли… Каждый думал… только бы в щель проскочить. С воздуха вся земля одинакова, раньше только в газетах читал: там немцы деревню сожгли, там старика танками разорвали, там ребенка повесили. А тут… все своими глазами… После Запорожья он стал настоящим солдатом, и теперь уже ничего не боялся; подозрительность и бессмысленное упорство особиста, каждую ночь лишавшего его сна и мучившего нелепыми вопросами, вызывали в нем не без труда сдерживаемое глухое бешенство.

Именно тогда у него на мгновение возникла мысль покончить с собой, но на счастье, при переводе в запасной полк у него забрали пистолет.

Очень быстро, усты дивишись своей минутной слабости, а может быть, под влиянием того же Вадима Фадеева, он пришел к выводу, что за свою правоту надо бороться, и бороться конкретным делом. Умирать, так в бою, а не на берегу моря. Жалко, конечно, что нет возможности пойти в бой и там доказать свою правоту.

4

Освобождение от особиста пришло неожиданно, как это часто бывает в жизни. Как-то вечером, едва он появился в общежитии, как к нему бросились поджидавшие его летчики – комиссар Погребной здесь! Его привезли из госпиталя и поместили на квартире.

Михаил Акимович Погребной был человеком старой партийной закваски. Воевал в полку он с первого дня, хорошо разбирался в партийной работе, умело ее проводил. Без него не проходило ни одно полезное начинание, как, впрочем, и устранение различных недостатков. Сам он не летал, но в душах летчиков, их переживаниях разбирался подчас не хуже, чем те, кто летал с ними на боевое задание в паре или в шестерке.

Регулярно встречаясь и беседуя с человеком с глазу на глаз, он подымал боевой дух у тех, кто приуныл или захандрил в сложной обстановке. И еще: после двух-трех партийных собраний, на которых Погребной выступал с докладом и на которые летчики смотрели скептически, – нужны ли они в боевой обстановке? – выяснилось, что они тоже являются важным делом, потому что помогают воевать. Комиссар умел задеть людей за живое, поднять их, возвысить над повседневной суетой.

Иногда летчики ворчали из-за придирчивости Михаила Акимовича: к чему эти постоянные напоминания о строевой дисциплине, требование застегивать гимнастерку на все пуговицы, чтобы люди не забывали отдавать честь друг другу, рапортовать по форме.

Ветераны полка повиновались вначале этим требованиям нехотя, лишь бы избежать неприятных объяснений с начальством. Однако воинская подтянутость, о которой забыли в первые месяцы войны, постепенно стала возвращаться, и Покрышкин, почувствовав, что эта привычка благоприятно сказывается на боевой работе летчиков, сам стал неуклонно ее исполнять. Подчиненные, естественно, последовали примеру своего командира.

Первое время у Саши не складывались отношения с Погребным. Он не любил, когда ему начинали разъяснять вещи, в которых он прекрасно разбирался сам. Но постепенно между ними сложились хорошие отношения, и оба относились друг к другу с большим уважением. Весной 42-го в городке Краснодоне Покрышкин был принят в партию, и партбилет ему вручали Погребной с парторгом Крюковым.

…На следующее утро Саша постучался в дверь квартиры

комиссара.

– А-а, Покрышкин, входи, входи, – приветствовал его Погребной. – Хорошо, что зашел. А я вот, видишь, все никак не встану. Скучал по своим, еле вырвался из госпиталя.

Комиссар был еще бледен, слаб, но глаза уже были оживленные. Чувствовалось, что здоровье его идет на поправку.

– Ну, рассказывай, что там случилось с тобой.

Он удобнее прилег и приготовился слушать.

Саша подробно рассказал о том, что произошло, показал копию характеристики, которую Исаев направил в трибунал, сообщил, что командир полка отозвал из Москвы представление его к званию Героя Советского Союза, подписанное им, Погребным, и бывшим комполка Ивановым.

– Да, Покрышкин, положение у тебя сложное. Надо хорошенько подумать, как тебе помочь.

Погребной задумался.

– Я понимаю, Михаил Акимович, что совершил глупость, – сбивчиво, волнуясь заговорил Саша. – Но согласитесь, одно дело наказать человека за провинность, и совсем другое – расправиться с ним. Я очень прошу вас, напишите на меня объективную характеристику в трибунал. Вы меня знаете с сорок первого, и ваше слово будет весомым.

– Конечно, я тебя знаю, – согласился Погребной. – И ты правильно говоришь – нельзя в человеке перечеркивать все хорошее, если даже он ошибся. А вот видишь, даже в такое сложное для страны время находятся люди, которые поступают иначе: споткнулся кто-то, ну и втаптывай его в грязь, а не то еще поднимется и обойдет. Вот у тебя сколько боевых вылетов?

– Больше четырехсот.

– А сбил сколько?

– Официально двенадцать, есть еще и незасчитанные.

– А когда мы с Виктором Петровичем готовили на тебя представление на Героя, было семь сбитых самолетов и около трехсот боевых вылетов. Вон все выросло насколько. Этого не перечеркнешь…

Комиссар приподнялся и оперся на локоть. И как он это обычно делал, сидя под крылом самолета в перерывах между вылетами, стал неспешно рассуждать о недопустимости горячности в поведении для такого зрелого летчика, каким является он, Покрышкин, что на него равняется молодежь и берет с него, лучшего воздушного разведчика в полку, пример. Сожалел об отсутствии Иванова, что дело раздули и оно зашло слишком далеко, а закончил тем, что пообещал сегодня же написать характеристику и передать ее в штаб полка.

– Так что иди, дорогой, включайся в жизнь полка, все утрясется, – успокоил Сашу комиссар.

От Погребного Покрышкин вышел окрыленный. Теперь у него появилась надежда на завтрашний день. Ведь особисты в то время еще подчинялись в армии политорганам.

И действительно, через день он уже почувствовал перемены. Сначала, по указанию генерала Науменко, он посетил 100-й истребительный полк Тараненко, того самого, с которым имел столкновение в столовой, и провел с его летчиками беседу. Рассказал все, что знал о сильных и слабых сторонах немецкого истребителя «Мессершмитт-109». Два часа он жил полетами, был в своей стихии. Летчики задавали много вопросов, ответы на них заняли больше времени, чем сама беседа.

После занятий подполковник Тараненко пригласил Александра к себе на квартиру на обед. Там их уже ожидал комиссар 100-го полка. Во время обеда оба вели себя так, словно никакого инцидента в столовой не было. Интересовались, как идут Сашины дела. Когда он откровенно рассказал о всех своих неприятностях, хозяева очень удивились, и Тараненко тут же пообещал написать начальнику гарнизона благожелательное объяснение по поводу происшествия.

5

Через несколько дней из штаба воздушной армии поступил приказ о перебазировании полка на новый аэродром недалеко от Махачкалы.

Полк переезжал поездом. Офицеров, технический персонал разместили в пассажирских вагонах, автомашины закатили на платформы.

Перед отъездом Исаев пытался задержать отправление характеристики комиссара Погребного на Александра в бакинский трибунал, а ему самому приказал остаться в запасном полку до окончания разбирательства. Однако характеристику все-таки пришлось послать – помог начстрой Павленко. А что касалось отъезда, то Саша решил тайно, «зайцем», в кузове грузовика, ехать только с полком. В запасном оставаться было опасно. Дойдет дело до суда – кто за него вступится. В запасном полку люди друг друга не знают, вместе не воевали. Потому от своего коллектива он отрываться не хотел.

Полк прибыл на новое место ночью и разгрузился. На следующий день, часов в десять утра, в расположение полка прибыл командир дивизии полковник Волков с комиссаром дивизии Мачневым, коренастым, подтянутым военным с четырьмя прямоугольниками в голубых петлицах.

В общежитии подали команду «Подъем!», летчики впопыхах оделись и построились. Комдив Волков – высокий, молодцеватый, в свежем, тщательно отутюженном обмундировании, с орденами на груди, в новенькой пилотке и начищенных до блеска сапогах, неспешно прохаживался перед строем. Было ему лет тридцать пять, но молодым летчикам он казался пожилым, если даже не старым.

Отвечая на приветствие подбежавшего начальника штаба, он молча поднял руку к пилотке и, окинув его быстрым, сумрачным взглядом, поинтересовался:

– Вас что, корова жевала? Погладить обмундирование негде?

Начштаба растерянно молчал.

В эту минуту, застегивая пуговицы воротничка гимнастерки, потирая глаза и оглядываясь по сторонам, к шеренге торопливо приблизился комполка Исаев, заспанный, небритый. Ночью они втроем: он, Воронцов и начштаба, крепко выпили, «обмыв» прибытие на новое место.

– Чудесно! – начал разнос комдив. – Комполка спит как убитый, начальник штаба где-то болтается, а люди предоставлены самим себе! Кино! – возмущенно загремел он. –

Безответственность!.. Немыслимая!

Исаев недоуменно и растерянно посмотрел на начальника штаба. Следить за устройством и размещением людей было поручено ему. После прибытия в пункт назначения, разгрузки ночью люди устали, полк находился в глубоком тылу, даже опасности ночной бомбежки со стороны немцев не было, поэтому начштаба расслабился и после выпивки с командиром уснул.

Виноват был начальник штаба, а отвечать теперь приходилось Исаеву.

Они стояли перед командиром дивизии, словно два провинившихся школьника: начштаба, вытянув руки по швам, покраснев и виновато глядя ему в глаза, а Исаев – наклонив голову, смотрел в землю.

– В чем дело? Объяснитесь! – после короткой паузы потребовал полковник. – Может, война уже окончилась?

И помолчав, недовольно, с сердцем заявил:

– Воевать вы еще можете, но из боя вас выведешь и – ни к черту не годитесь! Один спит, другой где-то болтается, а летчики на морском пляже с утра устроились! – с негодованием сообщил он. – И еще водку, наверное, пьете! Нет, видно мало вас гонял генерал Осипенко.

В шеренге летчики зашептались. Кого-кого, а первого комдива, Осипенко, разносившего всех, кто ему попадался во время приезда в полк под руку, в пух и прах, ветераны помнили хорошо, а от них и молодые об этом генерале знали.

– Люди устали после переезда, – хрипловатым голосом робко возразил Исаев. – Они заслужили отдых… А на пляже – это не мои… Соседи, наверное…

Да, возражать командиру в данной ситуации явно не следовало.

– Это не отдых, а разложение! – раздражаясь, воскликнул Волков. – Бездействие, как и безделье, разлагает армию! Пока прибудет пополнение и новая техника, мы простоим здесь, возможно, не менее полутора-двух месяцев. Вы что же, так намерены и дальше погоду пинать?! Или будете на пляже загорать?! Да вы так весь полк разложите!

Немного успокоившись, он приказал:

– С завтрашнего дня не менее трех часов в день заниматься тактикой воздушного боя. Через день получите учебные «Яки» и начнете летать!

Он отвернулся и пошел вдоль строя, внимательно всматриваясь в лица летчиков. За ним последовали Исаев с начштаба и, несколько приотстав, комиссар дивизии.

Дойдя до конца шеренги, Волков остановился, повернулся к

Исаеву и строго спросил:

– У вас в полку был летчик Покрышкин, где он?

– Был, товарищ полковник, – поспешно ответил Исаев. – Он оставлен в Баку… Его должны судить…

– Судить? За что?

– Нахулиганил, и вообще… – замялся Исаев.

– Ну-ну, договаривайте. Что вы еще хотели сказать?

Исаев молчал.

– Я знаю Покрышкина по фронту, – продолжил полковник. – Хороший был истребитель…

– Раздувают, товарищ полковник.

– Раздувают? – Командир дивизии недоуменно посмотрел на Исаева.

Но тут в их разговор вмешался комиссар дивизии Мачнев.

– Вы неправильно оцениваете Покрышкина, товарищ майор, – сказал он, остро взглянув на Исаева своими круглыми, как у ястреба, глазами, и, обернувшись к полковнику, продолжил: – В этом деле надо разобраться!

Мачнев получил накануне записку от Погребного и уже располагал кое-какой информацией.

– А Покрышкин тоже с нами приехал, его можно вызвать, – сказал кто-то из шеренги летчиков.

– Найдите Покрышкина! – приказал Волков Исаеву. – И позовите его ко мне.

Командир полка кивнул Науменко, летчику, стоявшему ближе к нему в шеренге, и тот побежал.

– А план боевой подготовки у вас есть? – неожиданно спросил Волков у Исаева. Тот, одарив начштаба мгновенным бешеным взглядом, молчал, только желваки перекатывались на его щеках.

– Так, плана нет. Даю вам два часа на подготовку плана! – И после короткой паузы продолжил: – Создайте личному составу полка все необходимые условия для жизни!

Он вскинул руку к пилотке и, отходя, коротко приказал:

– Выполняйте!

Исаев скомандовал: «Вольно!» Полк начал расходиться.

В этот момент подбежали Покрышкин с Науменко. Саша буквально на ходу приводил себя в порядок.

Волков с комиссаром лишь переглянулись, когда он коротко доложил суть происшедшего.

– Изложите все на бумаге и передайте ее комиссару! – коротко приказал полковник и, козырнув, сел в машину.

Вечером того же дня было проведено заседание партийного бюро полка, на котором присутствовал комиссар дивизии Мачнев. Те же товарищи, которые голосовали за исключение Покрышкина

из партии, теперь дружно отдали свои голоса за его восстановление.

А уже на следующий день Исаев предложил ему должность заместителя командира полка. Как говорится, из грязи в князи. Но Саша отказался. Идти заместителем к человеку, оставившему у него на сердце больше шрамов, чем пятнадцать месяцев войны на теле – было выше его сил. Он попросился в эскадрилью.

Заместителем командира полка стал Валентин Фигичев, ветеран, один из немногих, кто начинал войну в Молдавии и пережил все тяготы, выпавшие на долю полка.

А Саша принял его эскадрилью. Жизнь снова расцвела для него радужными красками.

Каждый день теперь начинался с учебных полетов на «Яках». Вместе с Фадеевым они начали тренировать свои эскадрильи по новой, разработанной Сашей системе.

В начале августа 16-й гвардейский истребительный полк перелетел на специально подготовленный для него аэродром под рыбачьим поселком Манас, в сорока километрах от Махачкалы. Штаб полка разместился в самом поселке на берегу Каспийского моря.

Устроившись, под вечер следующего дня летчики поехали на полуторке знакомиться с поселком. С кузова грузовика он был виден как на ладони.

Селение, состоящее из двух-трех рядов серых, цвета дорожной пыли, и ослепительно-белых домиков с крышами, покрытыми черепицей, расположилось вдоль склона холма. У самого въезда в поселок дорога расходилась на две главные улицы, а в месте их соединения находился большой дом, фасадом к мерцающему вдали Каспийскому морю.

Перед домом высились два больших платана, под ними имелось несколько скамеек, за домом раскинулся небольшой сад. В этом доме, как им сказали, находилась санчасть одной из авиационных частей, в которой лечился комэск 16-го полка Анатолий Комоса. Саша решил навестить однополчанина. Вместе с ним увязались неугомонный Андрей Труд и Володя Бережной.

Когда они подошли к дому, было уже совсем темно, только в некоторых окнах тускло мерцал свет. Кругом было тихо, где-то вдалеке лаяла собака.

Летчики открыли входную дверь и наугад двинулись коридорчиком, пока не уперлись в дверь. Открыв ее, они оказались в небольшой чистенькой комнате, посреди которой за маленьким столиком сидела девушка в белом халате и что-то писала при свете керосиновой лампы. Рядом на столе лежала книга.

«Со мной ничего не случится». Она медленно вывела эти слова, посмотрела на них, вздохнула и, положив руку на столик, стала смотреть в темное окно.

Какой унылой фразой она заканчивала письмо к матери. Пожалуй, все происходящее с ней вовсе не так уж и грустно, вот только не хватает настоящего чувства. И рождает эти настроения городок Манас, куда недавно перебрался их батальон аэродромного обслуживания. Все девчонки в санчасти суетятся и болтают. Первое, что приходит на ум, когда она думает о Манасе, – это нескончаемый шум морского прибоя, то усиливающегося, когда на море поднимается ветер, то ослабевающего до редкого тихого нашептывания, и этот непередаваемый запах моря.

Она расположилась в приемной лазарета, где регулярно дежурит по ночам. Решив еще раз перечитать письмо, взяла листок в руки.

> «Ты, должно быть, уже получила мои последние письма из-под Миллерова, еще одно я отправила пару дней назад из Махачкалы. Очень трудно подобрать слова… мне так хочется рассказать, как прекрасна эта республика, но я боюсь перестараться, а то ваша нелегкая жизнь может показаться вам совсем ужасной. Сейчас я сижу в лазарете, как всегда дежурю…»

Она оторвалась от письма и подумала: «Сволочь этот начальник санслужбы. Видишь ли, понравилась, и тут же полез… А когда получил по морде, решил мстить. Теперь при каждом удобном случае загружает работой. Приходится отвечать за амбулаторию и хирургический блок, а по ночам – дежурить в лазарете. На мне свет клином сошелся! Других нет, везде я и я. Спасибо девчонкам – хоть изредка добровольно подменяют, позволяя урывками поспать. Но маме об этом знать ни к чему».

Она опять продолжила чтение письма.

> «…Но вообще-то мне нравится здесь даже одной. Больше всего на свете я хотела бы, чтобы ты была здесь и ради тебя самой, и ради меня, конечно. Ну, ты понимаешь, о чем я. Впервые за пятнадцать месяцев с начала войны, испытав сполна и горечь отступления, и боль утрат, и тяготы фронтовой службы, мы, наконец, пришли в себя и обогрелись под ласковым южным солнцем.

Представь себе – наша санчасть расположилась в доме на берегу моря. Где-то под обрывом оно вздыхает, лениво перекатывая гальку. Открываешь утром окно, и комната наполняется острыми запахами морской соли, рыбной чешуи, спелыми яблоками и табаком, который здесь выращивают.

При желании можно сойти вниз, на пляж, выкупаться в море и побродить по берегу. Идешь и натыкаешься на брошенные рыбаками обрывки старых сетей с высохшими морскими водорослями.

Суровую зиму 41–42 года вспоминаю как что-то ужасное. Особенно трудно было во время дежурств на аэродроме. Сидишь бывало в промерзшей насквозь санитарной машине и чувствуешь, как постепенно превращаешься в ледышку.

А наши бедные авиатехники! Они днюют и ночуют на аэродромах возле своих самолетов. Обморожение среди них было обычным явлением, хотя мы и старались как могли им помочь. Приходилось только удивляться, как люди не простужались, круглосуточно находясь на морозе и ветру, когда они ели и спали? С обмороженными лицами и руками, насквозь пропитанные бензином и маслами, они самоотверженно делали свое дело. Все мы из батальона аэродромного обслуживания, или, как у нас говорят, БАО, – связисты, метеорологи, медики, оружейники, солдаты аэродромной роты, автомобилисты, интенданты – все мы обеспечивали постоянную готовность наших подразделений».

Подумав, она приписала:

«А в целом у меня все прекрасно. Подруги прекрасные. Самая близкая – Тая Попова. Она заведует аптекой, очень строгая, но по сути – добрый, душевный человек…»

Рядом кто-то кашлянул, и на письмо упала тень.

Она подняла голову. В полутьме передней стояли трое. Впереди капитан – выше среднего роста, лет тридцати,

широкоплечий, статный, с несколько угрюмым выражением лица, с орденом Ленина на груди. Из-за его плеча выступал высокий, тонкий, светловолосый лейтенант с лукавыми, смеющимися глазами. Третьего она не рассмотрела.

– Добрый вечер! – приветствовал ее лейтенант.

– Здравствуйте.

– Капитан Комоса у вас лежит?

– Да, у нас.

– Разрешите нам его проведать?

– Почему так поздно? – строго и даже неприветливо спросила она.

– Задержались на аэродроме, – с виноватым видом объяснил лейтенант. – Он наш друг, и нам надо сегодня его обязательно проведать.

Пока лейтенант вел переговоры, капитан, заложив большой палец правой руки за ремень на поясе, молча разглядывал девушку. Его облик и осанка – все было серьезным и основательным.

– Ну что ж, – после некоторого колебания согласилась медсестра, – если это так срочно. Пройдите по коридору, вторая палата направо. Только недолго.

Двое летчиков повернулись и вышли, а капитан неожиданно остался.

– Капитан Покрышкин, – представился он и, присев на табурет, поинтересовался: – Что читаете?

– Как видите, – нехотя ответила она, потом добавила: – «Отверженные» Гюго.

– Интересно бы почитать. Сам недавно был отверженным.

– Вы, кажется, пришли проведать больного? – Она оживилась, в глазах мелькнула искорка смеха.

– Я передумал!

– Ха-ха-ха! – колокольчиком зазвенел ее голос. – Вы всегда так быстро меняете планы? – сквозь смех спросила она.

– В зависимости от боевой обстановки, – нашелся капитан.

Она внимательно посмотрела ему в глаза. Теперь, когда он находился рядом, она рассмотрела, что у него коротко стриженные темно-русые волосы. Большие глаза, очень чистые и светлые, волевой подбородок. Общую картину, по ее мнению, портил великоватый нос, придававший лицу некоторую угловатость. Загорелая кожа, энергичные движения – все вызывало у нее симпатию и неясное волнение, чего раньше она никогда не испытывала.

Он спрашивал еще о чем-то, пытаясь втянуть ее в разговор, возможно, она и отвечала, но в тот момент он, тоже

взволнованный, кроме прелестных голубых глаз, красивого рисунка губ и ровных белых зубов, ничего не видел и ничего не осознавал. Словно наваждение какое-то. Откуда-то издалека до него донеслось:

– Я вижу, вас надо проводить к больному. Сами вы дороги не найдете.

Она встала, подошла к двери и открыла ее:

– Пойдемте!

Только теперь капитан окончательно очнулся. Он нехотя поднялся и пошел за товарищами в палату.

Вскоре все трое вернулись в приемный покой. Капитан снова подошел к девушке:

– А все-таки, может, ты дашь мне эту книгу? Я читаю очень быстро, правда…

Она мгновенно подобралась, лицо стало серьезным и строгим.

– Мы что же, с вами стали уже на «ты»? – последовал встречный вопрос. В голосе слышалась ирония.

– Извините, постараюсь исправиться, – спохватился он. – Но все-таки, может, дадите мне книгу?

– Не могу, она не моя.

Она решила, что капитан, выпрашивая книгу, ищет предлог для повторного визита. А встреча с книгой для нее в этот период была просто наслаждением, а тут еще «Отверженные» Виктора Гюго. Отдавать ее очень не хотелось.

– Когда вам ее вернуть? – спросил он, бесцеремонно забирая книгу со стола.

Она уступила.

– Вернете хозяйке – нашей медсестре Вере.

– Нет. Хочу вернуть только вам!

И они быстро покинули медчасть.

«Уж эти мне гвардейцы!» – подумала она. Тут же вспомнила, что не далее как вчера в лабораторию прибежала медсестра Тамара Лескова и прямо с порога заявила: «Мария, к нам сразу два истребительных полка прибыло. А один из них гвардейский». Занятая своими делами после очередной бессонной ночи, она не проявила к этому сообщению никакого интереса: мало ли кто там прибыл – гвардейцы или кто еще. Ей-то какая разница. Расстроенная неурядицами из-за начальника санчасти, она быстро забыла об этих гвардейцах, и вот теперь они сами напомнили о себе.

Задумчиво глядя вслед ушедшим, она подумала, что, пожалуй, этого капитана не так-то просто огорчить. Эта самоуверенность…

Было в нем еще что-то такое, чего сразу она не могла объяснить. Сказать, что он хорошо знает, чего хочет от жизни, – значит, сказать не все; точнее было бы так – приняв решение, он выполняет его неуклонно. Упрямый, видно, товарищ…

Вряд ли все это она осознала в тот вечер; просто интуитивно почувствовала наличие в нем тех черт, которые отсутствовали у нее самой; но в одном она не сомневалась – в этом человеке ощущалась сильная воля, привычка навязывать ее другим, и отсюда эта всепобеждающая самоуверенность. А на его фразу «недавно тоже был отверженным» она как-то не обратила тогда внимания.

На следующий день Тамара Лескова пошла под вечер на пляж и вернулась оттуда довольно поздно. Проходя мимо Марии, она небрежно бросила: «Купалась с твоим капитаном. Все выспрашивал о тебе: кто такая, откуда, замужем ли». Мария вопросительно на нее посмотрела, но Тамара ее успокоила: «Не бойся, сказала, что не замужем», – и пошла к себе в комнату. «Больно надо», – бросила ей вслед Мария, но Тамара ее уже не слышала.

Утром Мария вновь увидела капитана. Он появился в амбулатории сумрачный, одетый в летный кожаный реглан. Мария сразу догадалась, что у него температура, но вида не подала и, раздав всем в очереди к врачу градусники, как положено по инструкции, занялась оформлением документов на больных.

Она делала вид, что очень занята, чувствуя, что капитан ее упорно рассматривает. Когда она невольно поднимала голову, он сразу же отводил свой взгляд. Стоило ей только заняться делом, как он опять принимался за свое. Так пролетели пять минут, пока не пришла пора проверять градусники. Мария бегло взглянула – температура под сорок. Нахмурив брови, она строго объявила: «Товарищ капитан! У вас высокая температура, вам необходимо лечь в лазарет».

Он и не сопротивлялся. Без лишних слов она провела его в палату, где лежал еще один летчик с острым приступом малярии. Через полчаса появился дежурный врач, осмотрел больного и выписал лекарства от простуды. «Хорошо вчера покупались, товарищ капитан, – чуть не сорвалось с языка у Марии, но она вовремя спохватилась: – Забыли, что вода уже холодная. Подвело вас любопытство».

Она не хотела себе в этом признаваться, но мысль, что он лежит в лазарете через стенку от нее и что при первом же желании она может его увидеть, была ей приятна.

6

…Д-р-р, – затарахтели пули по фюзеляжу и крылу. Мотор стал давать перебои. «Дотяну ли до своих, или придется садиться здесь, у Орехова? – тревожно бьется мысль. – Сейчас, сволочи, будут добивать. Сделают очередной заход и будут по очереди расстреливать мой дымящий, теряющий скорость «Миг»… Нет, сдаваться нельзя… Опущусь ниже на сиденье, чтобы меня совсем закрыла бронеспинка и, уклоняясь от их атак, попытаюсь тянуть… Ага, понял… Они для пристрелки сначала выпускают длинную очередь из пулемета. Вот она: пули застучали по бронеспинке, считаю – одна, две секунды – теперь уклон влево. Точно – трасса от снарядов прошла мимо. Теперь надо ждать нового захода… Вот они опять вышли на дистанцию прицельной стрельбы – теперь уклон вправо… Они опять промазали… Нет, эти не оставят меня, пока не увидят мой самолет на земле.

…Проскочил Орехов… Кругом пустынно, никого не видно… Значит, передний край уже близко… Точно, вот знакомая будка путевого обходчика, на лужайке девочка пасет корову…

Сильный удар по машине… Черт, проморгал-таки очередной их заход, увлекся поисками ориентиров… Теперь в машину попал снаряд… отказало управление…

С грохотом пронесся, мелькнув закопченным пузом, «мессер»…Все, падаю… Что-то трещит и ломается под машиной… Удар головой о приборную доску… Не снял очки… Глаза?!»

От собственного стона он проснулся. Некоторое время сонно соображал, где находится. Потом мысли стали более связными, в голове прояснилось. Происшествие под Ореховом который раз преследует его во сне. Но разбудил его какой-то звук. Возможно, ветер? Вечером было тихо, наверное, он поднялся ближе к ночи, и теперь за окном вздыхали раскачивающиеся платаны, а его порывы заставляли тонко звенеть стекла в окне.

Голова болела, во рту пересохло, в ушах стоял тихий, настойчивый звон. Покрышкин окончательно проснулся и тихо лежал на спине, устало прикрыв веки. «Где я?» – никак не мог он сообразить. Потом, почувствовав запах йодоформа и карболки, вспомнил, что лежит в маленькой комнате лазарета, куда его поместила утром эта белокурая медсестра.

Мысли вернулись ко вчерашнему – им сообщили, что они будут осваивать американский истребитель, который поступает в страну из Ирана по ленд-лизу. Сколько будет длиться это переучивание, никто не знает. Очевидно, несколько месяцев. Ведь надо не только освоить новую материальную часть, не только в

совершенстве овладеть пилотированием этой «аэрокобры», но и найти новые методы применения ее в бою. Новый самолет – новая тактика.

Как и все летчики, Саша не забывал о своих неудачах. Да и как их забудешь, если они не оставляют тебя даже во сне. А когда просыпаешься, чувствуешь, как они сидят в твоей душе глубокой занозой. Избавиться от них можно только одним способом – он знал это по опыту – нужно честно признаться перед самим собой, где ты был не прав, где допустил ошибку, где не так сманеврировал и за это поплатился.

Сейчас, лежа на больничной койке, в тишине, когда его сосед, старший лейтенант, затихал после очередного приступа малярии, он вспоминал свои ошибки, потом своих геройски погибших однополчан – Атрашкевича, Соколова, Дьяченко, Селивестрова, Никитина. Вспомнил, как погиб Семен Овчинников, адъютант его эскадрильи, которого перед войной он учил летать на «Миге» и который нередко тогда спорил с ним, не желая идти на перегрузки, предпочитая соблюдать инструкции. Овчинников был сбит в первом же бою при выписывании своих плавных виражей.

Потери на войне неизбежны – это старая истина. К тому же у немцев больше самолетов. Но, может, причина наших потерь не только в этом. Может, причина в недостаточной организованности во время воздушных боев, в увлечении личными успехами? Было, конечно, и это. Но все ли объясняется только этими причинами? – не раз спрашивал он себя…

Все это были составные части общего явления, к которому он подступался уже не раз, то с одной, то с другой стороны, но все никак не мог постигнуть его в целом.

Взять хотя бы полеты на «мессершмиттах» в группе генерала Науменко. Оказалось, что «мессер» совсем не превосходит наш «Як» в маневрировании, а по некоторым показателям – даже уступает ему. Тогда почему же немцы с такой бешеной скоростью начинают атаку, почему они с таким ревом и свистом пикируют на наши аэродромы, успевая удрать на высоту прежде, чем опомнятся наши зенитчики?

И тут его осенило. Да они же развивают дополнительную скорость, потому что всегда действуют с высоты и, включая форсаж, к моменту начала схватки не только мгновенно атакуют, но и столь же стремительно, используя инерцию самолета, выходят горкой из атаки, вновь занимая выгодную позицию. А почему, спрашивается, не можем так же делать мы?

Вывод ясен: чтобы свободно применять вертикальный маневр, надо овладеть скоростью и высотой. Хозяин неба тот, кто выше всех. В наших истребительных частях пока еще не понимали

решающего значения скорости. Согласно существующим инструкциям, летчик мог загружать мотор на полную мощность только в момент атаки. Еще в начале войны он пришел к выводу, что главной причиной их неудач при сопровождении тихоходных бомбардировщиков «СБ» была малая скорость их истребителей. Вследствие этого бои приходилось вести на горизонтальных маневрах. Именно тогда для увеличения скорости истребителя при сопровождении бомбардировщиков они стали летать змейкой, выше и сзади бомбардировщиков, эшелонируясь по высоте.

Его опыт свидетельствовал: воздушные бои возникают внезапно, они скоротечны, а для разгона машины требуется время. Многие летчики потому и погибали, что не успевали вовремя набрать максимальную скорость и увернуться от «мессера».

«Нет, – рассуждал он, – пора отказываться от крейсерских скоростей. Над полем боя следует держать скорость, близкую к максимальной, тогда машина легко идет на горку, быстро выполняет боевой разворот и любую другую фигуру высшего пилотажа». Саша с удовольствием вспомнил, как, патрулируя над передним краем, он летал на максимальной скорости, к тому же с постоянным скольжением в горизонтальной плоскости. Чувствовал тогда он себя уверенно – ни один «мессер» не мог его подловить, ни одна зенитка не могла в него попасть.

Но память тут же подсказала, что начиналось, как только он возвращался на свой аэродром. Почему увеличил расход топлива, приставал инженер полка, быстро износится мотор – вторил ему главный моторист. Общевойсковое начальство звонило в штаб полка и требовало объяснить, почему истребители раньше времени покинули патрульную зону. Попробуй объясни им! И слушать не хотят. Ко всему этому добавлялись повышенные требования к летчикам – слетанность, умение выдерживать строй. Не у всех это получалось.

И все-таки мысль о необходимости перехода на режим максимальных скоростей его не оставляла. Практика, при которой возможности истребителя использовались лишь на треть, была настолько отсталой, неэффективной, к тому же сопряженной с постоянными потерями летного состава, что мириться с нею он больше не мог. Восставало все его существо настоящего истребителя.

Вновь и вновь возвращался он к тем огорчительным доводам, которые выдвигали противники перехода на максимальные окорости. Конечно, летчики пока еще не освоились с повышенным режимом эксплуатации моторов – ну и что же? Разве каждый

самолет доживает в боях до положенного ему моторесурса, особенно у тех летчиков, которые летают на крейсерских скоростях? А разве не увеличились поставки фронту новых самолетов и запчастей к ним? А разве моторы «кобры», на которой они будут летать, произведенные из добротного металла, не имеют большего моторесурса, чем у наших «Яков»? Так почему же нельзя перейти на высокие скорости?

Он уже давно ломал голову над вопросом – как добиться, чтобы самолеты летали на высоких скоростях и чтобы передовая линия фронта была прикрыта достаточно долгое время, – и все не находил ответа. И вот сейчас, лежа на больничной койке и перелистывая в памяти страницы воспоминаний недавнего прошлого, он почему-то вспомнил автоаварию под Махачкалой, когда злополучный «ЗИС-5», потеряв управление, сначала разогнался под уклон, а потом, легко взлетев на пригорок, вильнул задом и свалился в пропасть. И тут его осенило.

А что если самолет будет летать так же, по синусоиде, как тот грузовик. Тогда даже при средних оборотах мотора он сможет при пикировании набирать большую скорость. Инерция самолета, которую можно подстегнуть мотором, позволит легко «горкой» вновь выйти на высоту, а также успешно выполнять другие фигуры высшего пилотажа. «Как только поправлюсь, обязательно попробую», – решил он.

Покрышкин заворочался на койке – стало жарко, наверное, опять поднялась температура.

– Сестра! – хриплым голосом позвал он. – Сестра!..

В комнату вошла девушка в белом. Когда она наклонилась, он ее узнал – Тамара, с ней он познакомился вчера на пляже и долго разговаривал.

– А где та… Ну, которая меня записывала…

– Мария? – спросила Тамара. – Она сегодня не дежурит… Зачем она вам?

Саша закрыл глаза. «Мария… Надо же, такое совпадение. Марией зовут мою старшую сестру в Новосибирске», – подумал он. Ему хотелось увидеть ту блондинку, и он, с трудом приподняв голову, упрямо потребовал:

– Все равно… Позови Марию… Мне нужно у нее что-то спросить.

Тамара пожала плечами и вышла. В амбулатории она нашла Марию, как всегда занятую какими-то делами.

– Мария, тебя просит зайти капитан, которого ты сегодня положила в лазарет. Спросить что-то хочет.

Скорчив гримасу, она подошла к небольшому зеркалу, закрепленному на стене, и начала сосредоточенно пудрить нос,

обгоревший на пляже. Изредка оборачиваясь в сторону Марии и лукаво на нее поглядывая, она улыбалась. Наконец не выдержала и спросила:

– Так ты пойдешь?

– Скажи своему капитану, – сердито заявила Мария, – что завтра с утра будет мое дежурство в лазарете, и он сможет задать мне все свои вопросы!

А про себя подумала: «Вот еще. Считает, если он капитан, то каждый сержант обязан бегать перед ним на цыпочках. Подождет, меньше будет задаваться!»

– Ну, как знаешь!

Вечно озабоченная какими-то своими романтическими историями, Тамара вышла из амбулатории.

«Веселится! – глядя ей вслед, с осуждением вздохнула Мария. – Легко таким жить! Не думают о том, что происходит от нас в каких-то нескольких сотнях километров. Как смириться со всем этим: что тебя не понимают, что считают, что ты пришла на фронт только за тем, зачем пришли Тамара и подобные ей?!»

Между тем Тамара вновь вернулась в палату и сообщила Покрышкину:

– Она не придет. Говорит, что сегодня она не дежурит в лазарете, и поэтому здесь ей делать нечего. А вы лучше примите таблетки и помолчите. Вам сейчас нельзя разговаривать!

Покрышкин с сердитым выражением лица молча проглотил таблетки, предусмотрительно оставленные на его тумбочке, запил их водой и опять улегся, на этот раз лицом к стене.

Тамара, обиженно надув губки, вышла из комнаты.

7

На следующее утро Мария принимала дежурство в лазарете. Умылась холодной водой, причесалась, и сонливость, вместе с раздражительностью, отступили. Она вошла в приемную, села за стол и открыла журнал.

Тамара уже поднялась с походной кровати и причесывалась у небольшого зеркала, висевшего на стене.

– Чудачка ты, ей-богу! – заговорила она. – Капитан, гвардеец, орденоносец… А ты нос задираешь. Строишь из себя недотрогу. Он, можно сказать, ночь не спит, а ты…

– Хватит болтать! – резко оборвала ее Мария. – Где карточки?

Тамара поспешно достала из стола карточки.

– Что, истории болезней опять не заполнила?

Тамара тотчас бросилась обниматься.

– Мусенька, дорогая, извини, закрутилась. Ты уж сама… – оправдывалась она.

– Ладно уж, иди отдыхай, гуляка…

Тамара чмокнула ее в щеку и убежала.

Чуть позже Мария заглянула в комнату, где лежали оба летчика. Капитан крепко спал, будить его не хотелось, но она обязана была утром измерить у них температуру.

Аккуратно приподняв его руку, лежащую поверх одеяла, она быстро сунула под нее градусник. Как ни старалась быть осторожной, он все-таки проснулся. Открыл глаза, какое-то время приходил в себя, потом, видимо, сообразив, что перед ним стоит вчерашняя медсестра, вспомнил о ее строптивости и с напускной строгостью пробурчал:

– Что ты мне спать не даешь?

Мария промолчала и подошла к соседней койке: та же процедура предстояла другому летчику. Поставив и ему градусник, она вышла, спустя несколько минут вернулась, извлекла из-под мышек термометры и принялась записывать их показания в журнал. Теперь капитан откровенно ее рассматривал.

Среднего роста, с изящной фигуркой, с подстриженными до плеч светлыми волосами, аккуратно подколотыми, она казалась ему даже красивее, чем тогда, в первый вечер, когда он увидел ее при свете керосиновой лампы.

Одета она была в обычный белый халат, чистый и аккуратно отглаженный. Из-под него виднелась форменная, ниже колен, юбка. На ногах кирзовые сапоги. «Интересно, какие у нее ноги», – мелькнула у него мысль, но он тут же о ней забыл.

Дежурная медсестра принесла больным завтрак и, пока они

ели, Мария занялась карточками. Ей тоже хотелось есть, но она решила, что позавтракает позже, когда управится с делами.

Капитан быстро расправился со своим завтраком и примостился у тумбочки возле кровати, стал бриться. Перехватив случайно ее взгляд в приоткрытую дверь, он покраснел от неожиданности и порезался.

– Сестра! Зачем на меня смотришь? Мешаешь бриться! – заворчал он, пытаясь скрыть свое минутное замешательство.

Мария встала и перешла на другое место. «И чего он пристает ко мне со своими замечаниями, – с досадой подумала она. – Делать ему, видно, нечего, вот и вздумал смеяться надо мной».

Ей не хотелось сейчас с ним разговаривать. Она опасалась попасть впросак, но эта чертова Тамара не заполнила истории болезней и вот теперь, хочешь не хочешь, а к капитану придется подойти.

Мария не хотела себе в этом признаваться, но некоторые вопросы из его личной жизни все-таки ее интересовали.

– Опять будешь писать? – начал ворчать Покрышкин, едва медсестра с чистым бланком истории болезни в руках присела на табуретку перед его кроватью.

– Таков порядок, – невозмутимо ответила она и приступила к заполнению карты.

– Имя, отчество?

– Александр Иванович.

– Год рождения?

– Девятьсот тринадцатый.

«Ого, на целых десять лет старше меня, небось, уже женат», – мелькнула у нее мысль. Далее последовали вопросы: домашний адрес, родители, семейное положение. Покрышкин добросовестно ответил.

«Не может быть, чтобы он был не женат, – крутилась у нее в голове мысль, пока она записывала его ответы. – Нарочно дурит мне голову. Есть у него и жена, и дети. Кто же в двадцать девять лет живет без семьи? Домой, наверное, пишет нежные письма, а здесь с девушками заговаривает. Знаем мы вас. И книгу взял… Читать не будет, а так, ради знакомства унес Гюго».

От этих мыслей Мария почему-то расстроилась и, не закончив работу, ушла.

Весь оставшийся день прошел скверно. На душе было тоскливо, все буквально валилось из рук.

Вечером, согласно распоряжению врача, Мария поставила капитану банки и, присев рядом с его кроватью на табурете, решила немного передохнуть. Она сильно устала, ее сразу начало клонить ко сну, и только усилием воли она держалась, все думая,

как бы не заснуть и не свалиться с табурета. Тогда от этого капитана совсем житья не будет – изведет своими насмешками.

А капитан, лежа на груди лицом к Марии, искоса наблюдал за ней и все не мог насмотреться на этот нежный профиль, на эти пушистые светлые волосы, обрамляющие лицо. В мерцающем полумраке комнаты она казалась ему сказочной феей.

Присутствие этой необычной девушки волновало Покрышкина. Он так давно не ощущал тепла, так много у него скопилось на душе невысказанного, что неожиданно для самого себя заговорил о своей прошлой жизни.

Мечтой стать летчиком он загорелся с детства и чуть ли не с девятилетнего возраста взялся себя закаливать. Каждое утро, даже зимой, в городе Новосибирске, где он жил с родителями, младшими братьями и сестрой, выходил он раздетым по пояс во двор и делал зарядку по специальной системе, подымал гири, потом обливался водой или растирался снегом. Позже уже серьезно увлекся спортом.

Жизнь его была нелегкой. Уже в пятнадцать лет он вынужден был оставить школу и стал самостоятельно зарабатывать себе на хлеб. И уж потом, работая, доучивался, чтобы получить среднее образование, иначе в летчики не попасть.

Вначале был учеником кровельщика. Потом поступил в ремесленное училище и получил там профессию слесаря-лекальщика. Работая на заводе, стал посещать занятия в осоавиахимовском планерном кружке. Завод и направил его по комсомольской путевке в авиационное училище в Перми. Сколько было тогда радости. И лишь приехав в училище, он узнал, что из летного оно преобразовано в авиационно-техническое и будет выпускать техников по обслуживанию самолетов.

Саша страшно переживал. Перестал посещать занятия, но строгое напоминание о поступлении в училище по путевке комсомола и о том, что авиатехники нужны в авиации не меньше, чем летчики, заставило его взяться за учебу и окончить училище с отличием. После Перми его направили под Ленинград, где он окончил еще одну школу техников авиации, после чего был направлен для прохождения службы в город Краснодар на Кубани.

Целых четыре года он прослужил техником звена связи 74-й Таманской стрелковой дивизии, имел благодарности и поощрения за хорошую службу, творческий подход к своим обязанностям. И все четыре года он неустанно пытался перейти в летный состав. Сколько сил и нервов, сколько упорства и настойчивости ему пришлось проявить, сколько рапортов послать по команде, пока его личное обращение к командованию военно-

воздушных сил Северо-Кавказского военного округа в Ростове-на-Дону, наконец, предопределило его судьбу и дальнейшую жизнь.

К двадцати пяти годам он окончил авиашколу в городе Кача под Севастополем и стал летчиком-истребителем. Потом была служба в Молдавии, освоение новых самолетов «МиГ-3» и затем война.

Вначале Мария слушала его рассеянно, она устала и очень хотела спать. Но потом заинтересовалась, и сонливость отступила. Капитан говорил скороговоркой, глухим баском, подчас пропуская слова, но было в его рассказе что-то неотразимо привлекательное – он был насыщен переживаниями, чистыми и непосредственными, и эти искренние признания ее тоже захватили и взволновали.

Однако пора было снимать банки – вся его спина покрылась темными пятнами. Собрав банки в наволочку, она поправила ему подушку, одеяло и уже собралась уходить, когда капитан неожиданно взял ее за руку и вежливо попросил:

– Посиди еще чуток. Ведь у тебя сейчас совсем немного работы…

И было в его голосе что-то такое, что она не смогла отказать. Так и просидела возле него до отбоя, слушая его рассказы, внимательно, как могут и умеют слушать только женщины. Когда же прозвучал сигнал отбоя, она пожелала ему спокойной ночи, взяла коптилку и ушла в комнату дежурного врача.

Щеки ее горели. Она была взволнована и не могла сосредоточиться, не понимая, что с ней происходит и что ее так взволновало. Вроде бы обыкновенный рассказ о жизни…

Покрышкин пробыл в лазарете еще три дня. К нему приходили летчики из его эскадрильи и знакомились с Марией. Среди них выделялся лейтенант Труд, шутник и балагур. Его она запомнила еще с первого памятного вечера.

8

В полк Саша вернулся в конце сентября. Товарищи сразу заметили, что он изменился: стал приветливее, веселее, словно помолодел на несколько лет. От Андрея Труда они уже знали о его интересе к очаровательной сестрице из санчасти БАО, но помалкивали, зная, что Александр не любит плоских шуток по своему адресу. Только Труд, прищурив свои хитрющие глаза, нет-нет да вопрошал: «Здорово же тебя вылечили в санчасти. Вот бы и мне к такой кудеснице попасть». На что Покрышкин, на удивление, не сердился и, улыбаясь, подтверждал: «Да, брат, лечение было мировое».

Через несколько дней его неожиданно вызвали в штаб армии. После завтрака он быстренько собрался и приехал на полуторке в санчасть – проститься о Марией.

Возвращая томик Гюго, он сказал:

– Спасибо. Прекрасный роман. Надеюсь, я его не задержал?

– Ничего, я рада, что он вам понравился.

Они разговаривали в амбулатории, вокруг сновали люди.

– Что ж, вероятно, мы с вами больше не увидимся. Меня вызывают в штаб нашей армии и хотят назначить в другой полк, – сообщил он.

Они вышли на крыльцо. Стоял чудесный осенний день, легкий ветерок шевелил листья у деревьев возле дома.

– Так что не поминайте лихом! – Покрышкин козырнул. Он хотел еще что-то сказать, но не решился.

– Да вроде бы не за что, – тихо ответила она.

До нее еще не доходило, что все это правда, что они действительно расстаются, и, может быть, навсегда.

Он легко сбежал с пригорка, прыгнул в кузов полуторки, и машина тронулась. Из кабины ей приветливо помахал рукой Андрей Труд.

Мария с грустью посмотрела вслед. Потом спохватилась, стала лихорадочно перелистывать книгу: «Ну как же так! Мог же хотя бы записку написать! Может, больше не увидимся… Да и почему, собственно говоря, он должен мне писать. Кто я ему? Подумаешь, познакомились… Поговорили… И все…»

Она вернулась в амбулаторию и принялась за свои дела. Примерно через час над поселком на бреющем пронесся истребитель и покачал крыльями. «Вот тебе, медсестра, последний привет», – подумала Мария, услышав грохот мотора и увидев в окно быстро удаляющийся силуэт самолета.

9

– Ну, как дела, капитан? – приветствовал Покрышкина на следующее утро командующий армией генерал-майор Науменко, когда тот доложил о прибытии.

– Нормально, товарищ генерал.

– Садись и расскажи толком, что там с тобой произошло.

Саша коротко стал излагать суть дела, генерал внимательно его слушал.

– Вот что, Покрышкин, – сказал генерал, когда капитан закончил рассказ. – Я думаю, что в свой полк тебе возвращаться не следует, сам понимаешь, почему. Предлагаю тебе должность заместиля командира в другом полку. Поезжай на аэродром, посмотри новые самолеты, которые получил этот полк, подумай, а завтра утром все окончательно решим. Согласен?

– Согласен, товарищ генерал!

Науменко тут же вызвал адъютанта и дал ему указание доставить Покрышкина на аэродром.

Расчет генерала был правильным. Увидев новые «Ла-5», Саша забыл обо всем на свете. Истребители действительно были чудесными. Удачно закапотированный мощный мотор казался совсем небольшим, сплюснутый с боков фюзеляж плавно сходил на нет у самого руля поворота. Воздухозаборник и маслорадиатор были убраны так, что их практически было не видно. Тонкие, высокие стойки шасси придавали самолету изящность, как бы подчеркивали его стремительность. И вооружение мощное – две синхронизированные пушки 20-го калибра.

До самого вечера Покрышкин бродил по аэродрому, любовался истребителями, беседовал с техниками, поднимался в кабину, включал рацию. Да, это была уже не та техника, на которой он начинал войну.

А вечером, ворочаясь на жесткой койке в общежитии с боку на бок, он все не мог уснуть. «Как быть? – уже в который раз задавал себе вопрос. – Что завтра сказать генералу? Машины, конечно, хорошие, но ведь и наш полк будет получать новые самолеты. Ради чего я должен расстаться с однополчанами, с преданным другом Вадимом и с Марией, которая мне так понравилась? Только из-за того, что не сложились отношения с командиром полка?.. Так эти командиры приходят и уходят… Сколько их еще может быть на моем веку, тем более в войну. С командиром полка мне делить нечего. Свое дело на войне я всегда выполнял и буду выполнять честно, а там видно будет. Все, решено – остаюсь!»

На душе как-то сразу стало легко, и он быстро уснул.

Утром Покрышкин доложил командующему о своем решении. Генерал, к его удивлению, не настаивал. Сам был летчиком, поэтому прекрасно понимал, какое значение для пилота имеет коллектив, в котором он вырос и приобрел авторитет. К тому же, в воздушных боях он всегда должен знать, на кого может положиться.

Не мешкая, Саша вылетел на своем стареньком «Яке» в Манас.

10

Вечером того же дня в санчасти появился Андрей Труд. Разыскав Марию, он со своей неизменной хитрой улыбочкой на губах, предложил:

– Машенька, налей мне сто граммов спиртика, тогда скажу, где тебя Сашка Покрышкин ожидает.

– Вот еще, – в сердцах воскликнула она, – не мог придумать что-нибудь поумнее! Говоришь глупости всякие. К тому же, чтоб ты знал, я с пьянчужками никаких дел не имею!

– Машенька, вот ей-богу, Сашка тебя ждет!

Она посмотрела на него внимательно. Говорит серьезно или ее разыгрывает, как он это обычно любит делать? Но на плутоватом лице Труда на этот раз она ничего прочесть не могла.

– Ну что ты такое говоришь. Откуда же ему здесь взяться, если он вчера утром улетел? Ты же его сам провожал. И мне он сказал, что навсегда…

– А вот и не навсегда! Ладно, не буду, насчет спиртика я пошутил, но вот то, что Сашка действительно тебя ожидает, – это факт. Выйди проверь, если не веришь!

«Как всегда, разыгрывает. Не может без своих штучек, – подумала она. – А может, и правда ждет. – Сразу почувствовала, как тревожно забилось сердце. – Ладно, выйду на всякий случай, посмотрю».

Она вышла на крыльцо и осмотрелась. После яркого света, в темноте вечера недалеко от крыльца смутно угадывалась знакомая фигура. «Неужели он?.. Он! – запело все внутри. – Он! Значит, и вправду вернулся!»

– Ты что же это! Я к тебе на крыльях летел, спешил, а ты даже выйти ко мне не хочешь, – послышался из темноты знакомый голос, а потом и сам Саша вышел на свет.

– Думала, Андрей разыгрывает, – тихо произнесла Мария. Она на секунду растерялась, потом спохватилась – напомнила о себе обида за его невнимательность, за то, что, улетая, так ее расстроил. – А кто, собственно говоря, я вам такая, чтобы ко мне спешить? И почему вы ко мне постоянно обращаетесь на «ты»?

Но Покрышкина не так-то просто было осадить, особенно теперь. Он буквально весь сиял от счастья.

– Понимаешь, не смог я от тебя и от своих ребят уйти… А насчет того, что я тебя на «ты» называю, так ты уж извини, но теперь по-другому я уже просто не смогу. Слушай, а давай на танцы сходим, а?

– Не знаю, смогу ли я освободиться…

Обида не отпускала, и она колебалась.

– Ну придумай что-нибудь, сегодня такой вечер…

– Ладно, сейчас попробую уговорить подругу.

– Я буду ждать тебя у танцплощадки.

Он улыбнулся своей широкой улыбкой, так меняющей выражение угрюмости на его лице на что-то мальчишеское, доброе.

На небольшой танцплощадке, где командовал завклубом БАО, красивый ленинградец Саша Перлов, собрались свободные от дежурств девушки из батальона и кое-кто из летно-технического состава. На редкость чудесным выдался этот вечер. На небе сияла большая луна, переливались звезды. И танго «Брызги шампанского». Это танго она запомнила на всю жизнь.

После танцев до самого отбоя они гуляли по берегу. С моря налетал нежный ветерок, в отдалении размеренно взлетали в небо ракеты, из темноты время от времени слышались окрики часовых. Море и берег вокруг ярко освещала огромная луна, и в ее свете он видел рядом бледное, прекрасное лицо. Они не спеша бродили и разговаривали.

Теперь больше слушал он, а она рассказывала. Сначала о себе, о том, что родилась в бедной крестьянской семье под Харьковом, что отец ее был инвалидом, слепой, и ей тоже очень рано пришлось работать и учиться. Как училась в школе, потом в ме дицинском училище под Харьковом, потом работала в больнице. Мечтала стать хирургом, поступила на курсы операционных медсестер, но началась война, и в первый же день, не ожидая повестки, она сама пошла в военкомат. Там ей дали направление в 443-й батальон аэродромного обслуживания. Сначала она числилась вольнонаемной, но с сорок второго года всех медсестер аттестовали, и она получила звание сержанта медицинской службы.

– Саша, а почему ты до сих пор не женат? – неожиданно спросила она, когда они подымались на пригорок, приближаясь к санчасти.

Александр предполагал, что этот вопрос рано или поздно будет задан, и все равно он оказался для него неожиданным.

– Видишь ли какое дело, – медленно заговорил он, прикидывая, как лучше ответить, а потом решил говорить правду, зачем скрывать. – Сначала мне было просто не до знакомств. Стремился стать летчиком, приходилось много работать над собой, и свободного времени просто не было. А потом почему-то показалось, что семейные летчики-истребители ведут себя очень осторожно в воздухе, побаиваются рисковать. Решил, что земля их крепко держит. Да и ты не встречалась, как же я мог жениться, –

шутливо закончил он.

– Ну так уж и не встречалась, – так же шутливо возразила она, хотя эта шутка ей была приятна.

– А если серьезно, – изменил он тон, – то у нас в Новосибирске была большая семья, и я с детства любил и много возился с младшими. Женитьба предполагает рождение детей, а мне не хотелось оставлять их сиротами.

– И что же, ты даже ни с кем не знакомился?

– Если знакомиться, значит, надо жениться. Может, потому и не торопился.

– А теперь же как?

– Ну, теперь другое дело. Знаешь, скажу тебе без хвастовства, воевать я научился. Меня теперь не так-то просто сбить. Например, я научился хорошо замечать в небе самолеты. Самолет ни за что не увидишь, если будешь смотреть на него прямо.

– А как же на него надо смотреть?

– Смотреть на него надо под углом в десять градусов, тогда увидишь. Улавливаешь его движение, отклоняешься еще и еще, и вот ты его уже поймал.

– Да?.. И сколько же ты сбил немцев? – рассеянно спросила она.

– Официально засчитано семь, но их больше, что-то около двадцати. Те, что падали на немецкой территории, нам не засчитывали. Послали на Героя, но после той истории, что я тебе рассказал, комполка Исаев представление отозвал. Ну да ничего, еще насбиваю.

Покрышкин не любил высокопарных слов, поэтому не мог сказать, что он был глубоко убежденным патриотом, всей силой своей цельной, непосредственной натуры ненавидевшим фашистов, поэтому к войне, которую он считал неизбежной, он начал готовиться заблаговременно и потому думать о женитьбе до войны он считал не вправе.

Они подошли к санчасти, и надо было прощаться.

– Послушай, – неожиданно спросил он. – А как тебя зовут твои подруги?

– По-разному. Чаще всего Машей или Машенькой, иногда Марьей, а Тая Попова, моя самая близкая подруга, зовет меня Мусей.

Покрышкин помолчал, что-то прикидывая про себя, потом решительно отрезал:

– Буду звать тебя Марией. Мария – прекрасное имя. Так, между прочим, зовут мою сестру в Новосибирске.

«Ох, уж эта определенность и основательность, и так, видимо, во всем», – заметила она про себя, но вслух сказала:

– Так и быть. Пусть будет Мария!
Засмеялась и убежала.

11

В 16-м гвардейском истребительном полку началась серьезная учеба. Летчики изучали теорию полета, анализировали накопленный опыт, решали тактические задачи.

При первом же удобном случае Покрышкин приступил к опробованию своей новой системы. Его «Як» с глухим ревом описывал в небе кривые, то опускаясь, то поднимаясь вновь. Это напоминало качание маятника. Результаты полета показали, что расчеты его правильны, но на первых порах трудно придется его ведомому. Нужна большая слетанность пар, иначе при таких маневрах летчики просто потеряют друг друга.

Слетав несколько раз в зону с лучшими летчиками своей эскадрильи, Саша несколько успокоился. Ведомые держались хорошо, в точности повторяли его эволюции. Теперь нужно было подумать, как новые возможности применить на практике. Для этого сейчас было самое подходящее время. Потом, когда полк получит новые машины, будет не до теории и отработки новых приемов – начнется подготовка к вылету на фронт.

Раньше истребителей учили драться главным образом на виражах, в горизонтальной плоскости. Но еще до войны, а потом в ходе воздушных боев, он убедился, что наступательная тактика должна опираться только на вертикальный маневр. Именно на вертикали можно применять различные хитрости, например – восходящую бочку или восходящую спираль, которые, с его легкой руки, в полку уже освоили.

Испытывая трофейные «мессершмитты», Саша убедился, что немецкий истребитель в силу своих конструктивных особенностей плохо выполняет иммельман. Он вспомнил, что в бою немцы, выходя горкой вверх, часто сваливали машины, теряя при этом высоту и скорость. Этим недостатком следовало воспользоваться. Он также считал, что все летчики его эскадрильи должны овладеть приемом «уход под трассу», который родился совершенно случайно.

Как-то в сорок втором летчики соседней части получили новенькие «Як-1» и на радостях, проходя над аэродромом 16-го полка, решили приветствовать гвардейцев фигурами высшего пилотажа. Один из ведущих пары пошел на горку, крутнул бочку, но она у него полностью не получилась, и его самолет, зарывшись носом, потерял высоту. В этот момент его ведомый проскочил мимо и обогнал своего ведущего.

– Шляпа! – небрежно бросил Валентин Фигичев, с группой однополчан наблюдавший за маневрами соседей. – Кто же так

делает бочки?

Саше, стоявшему рядом, вдруг пришла в голову мысль: а что если в бою, когда противник у тебя на хвосте, попробовать сделать вот такую полубочку с зарыванием и потерей высоты? Немец может растеряться: только что самолет русского был перед самым его носом – и вдруг исчез. А ты оказываешься под немцем, а он проскакивает вперед. Пока фашист сообразит, что случилось, можно дать газ, ручку чуть-чуть на себя – и он будет в прицеле! Получается, что ты как будто бы слегка притормозил самолет.

Он вычертил схему маневра и показал ее Фигичеву, надеясь, что тот заинтересуется, но Валентин лишь недоуменно пожал плечами:

– Ерунда! Детская фигура…

Но Саша решил все-таки испытать этот необычный маневр. Вначале он потренировался в зоне, делая одну полубочку за другой. Потом предложил Николаю Искрину провести учебный бой. Тот согласился. Когда они разогрелись, Покрышкин позволил Искрину зайти себе в хвост, но в последний момент, сделав полубочку, вынудил его выскочить вперед, после чего повис у Николая на хвосте. Когда они приземлились, Искрин был просто ошарашен и ничего не мог понять. Саша только посмеивался: теперь он точно был уверен, что новый прием можно применять в боевой обстановке.

В ближайшем бою он встретился с тремя «мессершмиттами». Зажав его в «клещи», они стали прижимать его к земле, не позволяя вырваться. Когда в очередной раз «мессер» зашел ему в хвост, Саша крутнул полубочку. На долю секунды его самолет, зарывшись носом и теряя высоту, оказался сзади и ниже по отношению к «мессершмитту», пулей пронесшемуся вперед, паля из всех пушек. «В белый свет, как в копеечку! – подумал Александр. – А теперь получи ты!» И, подняв нос своего «Яка», всадил немцу в хвост длинную пушечную очередь.

Остальные, увидев, что их товарищ задымил и пошел к земле, предпочли быстро ретироваться.

В другом бою Саша упростил этот маневр. Когда группа «мессеров» насела на него, он резко свалил машину в скольжение и получил тот же результат: его самолет ушел под трассу и оказался в хвосте немецкого истребителя, причем снизу. Оставалось только врезать немцу, пока тот не опомнился. Сколько таких находок было сделано за пятнадцать месяцев войны! И теперь предстояло обучить им всех летчиков. Но…

Как передать привычку сражаться,
Острое фронтовое чутье,

Умение жадно за жизнь держаться
И отдавать, когда нужно, ее.

Саша создал наглядный альбом тактических приемов истребителя для пользования всеми летчиками. Помимо схем в альбоме, он попросил полковых умельцев нарисовать крупно силуэты немецких самолетов с указанием наиболее уязвимых мест у них, таблицы дистанций для стрельбы и развесил эти плакаты на стенах ветхого рыбацкого барака, в котором они размещались. Ребята где-то раздобыли столы, скамейки и даже школьную доску, на которой во время занятий они чертили мелом схемы.

Когда все рассаживались за столами и раскладывали перед собой карты, Покрышкин начинал очередное занятие.

– Так, вводная такая, – говорил он своим глуховатым баском. – Голубев и Степанов патрулируют вот здесь. – Он тыкал пальцем в карту. – Голубев ведущий. Задача – прикрытие наземных войск. Ясно?

Все затихли, внимательно слушают.

– Облачность – шесть-семь баллов, – продолжает Покрышкин. – Ее высота – две тысячи метров… Видимость… Ну, что-нибудь около шести километров. Ваши действия?

Отвечает Голубев:

– Хожу маятником: то вниз, то вверх. Высота – тысяча пятьсот. Курс – девяносто – двести семьдесят. Солнце у меня сбоку.

– Так, – продолжает Покрышкин. – Значит, высота тысяча пятьсот? Ладно. Новая ситуация – слева между облаками мелькнула пара «мессеров». Ваши действия?

– Разворачиваюсь и иду в атаку, – спокойно отвечает Голубев.

– Степанов, а ты что?

– Я – под него, перехожу и перестраиваюсь…

– А команду он тебе подал?

– Нет, товарищ гвардии капитан, у нас рации нет, – улыбается Степанов, довольный своей шуткой.

– Рации на новых машинах будут, – парирует его замечание Покрышкин с самым серьезным видом. – Голубев, ты дал команду?

– Конечно дал, товарищ капитан, – спохватывается Голубев и краснеет, понимая, что допустил ошибку. – Я ему по радио сказал: «Слева – «мессеры», разворачиваемся, атакуем…»

– Это ты только сейчас сообразил, – говорит Покрышкин, и Голубев невольно подтягивается, – а тогда ты о ведомом забыл.

Забыл, начал разворачиваться и потерял его! Ясно? Резюмирую: ведущий Голубев, увидев в разрыве облаков двух «мессеров», пошел в атаку, забыв предупредить ведомого. В результате: ведомый оторвался и погиб. «Мессы» его съели…

В классе установилась напряженная тишина. Покрышкин переходит к подтверждению учебной задачи примером из боевой жизни полка: рассказывает, как заместитель командира полка Жизневский вот так же потерял ведомого, и немцы не только сбили отставшего, но и повредили машину самого замкомполка.

– Это – урок номер один, – продолжил Покрышкин. – Теперь переходим к главному. Итак, вы атаковали?

– Да, атаковал, – неуверенно ответил Голубев.

– Не слышу! Атаковал?

– Атаковал!

– Кого атаковал? Где «мессеры»?

– Так они же мелькнули слева, в просвете облаков, товарищ капитан… Значит, я бросаюсь на них… Вхожу в облако, выскакиваю и захожу прямо в хвост…

– Ну и ну. – Покрышкин насмешливо смотрит на Голубева: – В облако и потом в хвост? Все слышали? Согласны с ним? – Все молчат. – Так вот, послушайте, что бы у него получилось. Во-первых, если Степанов после твоего внезапного разворота каким-то чудом и не оторвался, то на этот раз он наверняка потеряется. Во-вторых, вы вслепую ходить умеете? Нет, не умеете. К тому же толщина облака вам неизвестна. Вот тебе шанс угробиться самому. В-третьих, пока ты облако пробивал, скорость у тебя погасла? Погасла. Выскочишь ты из облака – а перед тобой двенадцать «мессеров». Ведь вы только одну пару заметили, когда она между облаками мелькнула, а всего их там за облаками дюжина. Тут бы вас и прихватили. Ясно?

– Ясно, – смущенно ответил Голубев.

– А как вы бы действовали в этой ситуации, товарищ капитан? – поинтересовался Савин.

– Я бы на их месте поступил иначе. Во-первых, с самого начала ходил бы выше, не на полутора тысячах метров, а на двух тысячах – когда головой цепляешься за облака, всегда безопаснее и удобнее: и вверх быстрее проскочишь, если понадобится, и внизу все видно. Во-вторых, я бы посматривал за своим ведомым и предупреждал бы его о своих маневрах… Это, конечно, совсем не значит, что сам Степанов может ворон ловить – он тоже должен за мной все время следить. В-третьих, увидев, что между облаками мелькнуло что-то подозрительное, я с ведомым тут же отошел бы в сторонку, на солнышко, выглянул через просвет и посмотрел, что там делается за облаками. Увидел, где «мессеры»,

рассчитал бы атаку так, чтобы при сближении они меня не видели. Ясно? Вот, помню, под Ростовом…

– Товарищ капитан, а как у вас прошел ваш первый бой, расскажите, – вдруг перебил его молодой летчик Василий Островский.

Другому Покрышкин, может быть, и не стал бы рассказывать, отделался какой-нибудь общей фразой, но Островский, несмотря на молодость, очень хорошо проявил себя в последних боях, был пытлив и вдумчив, и Саша, из симпатии к еще до конца не «оперившемуся» юноше, не поленился восстановить в памяти все подробности этого боя, тем более что они тоже были поучительны.

– Мы вылетели на разведку парой с летчиком Семеновым на «мигах», – скороговоркой начал он. – Вооружение у «мига» не ахти какое – один крупнокалиберный пулемет и два ШКАСа, которые стреляли винтовочными патронами. На подходе к Пруту, на одной высоте с нами замечаю тройку «мессеров». Чуть выше – еще двух. Итого – пять! Нужно было сразу решать, что делать, ведь раций на «Мигах» не было. Покачал крыльями и доворотом машины показал Семенову направление, откуда появились немецкие истребители. Семенов отвечает: мол, вижу. Голубев, этот как раз по теме сегодняшнего занятия!

Голубев кивнул головой, мол, понятно.

– Оглядываюсь – «мессеры» уже нас догоняют. Дальше пассивно лететь нельзя. Собьют! Энергично разворачиваюсь, Семенов держится за мной.

Те двое, что над нами, отходят в сторону, думаю, для атаки. Но я сосредоточился на ведущем тройки. Вижу, он идет мне навстречу. От стремительного сближения «мессершмитты» разрастаются в долю секунды. Огонь открываем почти одновременно. Огненные трассы, моя чистая, сверкающая, его красноватая, с дымком – перехлестываются над нами и исчезают в воздухе. Я понял – лобовая атака лишь завязка боя, и никто добровольно из него не выйдет. Что делать дальше, как думаешь, Речкалов?

– Полагаю, надо идти на высоту, – отвечает опытный боец Григорий Речкалов.

– Совершенно верно. Почти вертикально резко задрал нос своей машины, стараясь набрать высоту. От перегрузки потемнело в глазах. Лежу на спине, обзор ограничен. В голове одно: «Было пять. Три здесь. Два выше. Семенов, где Семенов?»

Ничего не вижу, ни Семенова, ни противника… Скорость падает, пора выравниваться… Переваливаю самолет на правое крыло. Об этом я подумал, как только пошел на горку. Я был

уверен, что после лобовой атаки «мессершмитты» будут уходить левым боевым разворотом. Только левым. Ведь и у наших летчиков левый вошел в привычку и лучше отработан. Видимо, тут есть какая-то физиологическая закономерность.

Итак, выравниваю самолет по горизонту и вижу: точно, немцы пошли левым, теперь они подо мной, за ведущим впритирку идут ведомые, а главное – все они ниже меня. Мой расчет оправдался – крутая горка и неожиданный для противника разворот вправо дали мне преимущество.

Немцы, конечно, поняли это, но внешне пока своего беспокойства никак не проявляют. Надо было бы задуматься – в чем дело? Но мне было не до этого. Атака! – вот что сидело в голове.

Решил атаковать крайнего. Захожу, прицеливаюсь. Вот он уже на выгодной дистанции, осталось только взять упреждение и… В это мгновение мимо фюзеляжа моего «Мига» проносится огненная трасса. В чем дело, Степанов?

– Видимо, те двое, товарищ капитан.

– Точно. Оглядываюсь: два «мессера» уже нависли надо мной сзади. Вот, думаю, почему тройка вела себя спокойно. Снова резко бросаю машину на вертикаль. Огромная сила инерции опять прижимает мое тело к сиденью, опять темнеет в глазах. Вот когда я убедился, что правильно до войны делал, когда каждый день тренировался переносить перегрузки, хотя покойный Жизнев ский всякий раз ругал меня за такие «крючки». Ну вот, довел машину до грани, после которой можно свалиться в штопор от потери скорости, и резко перевалил ее на крыло. Смотрю, все немцы опять подо мной. Побоялись перегрузок и после атаки пошли в набор под углом, а не вертикально.

Принял исходное положение для атаки и вижу Семенова. Не повторив моих фигур пилотажа ни в первый, ни во второй раз, он оторвался и остался далеко внизу. Но почему его машина летит вверх «животом»? Почему позади нее остаются струйки сизого дыма? Странно! Вдруг вижу, как к Семенову сзади пристраивается «мессершмитт». Все ясно: подбил и повторяет атаку.

Не раздумывая, бросаю свой «Миг» на немца, преследующего Семенова. Пара немцев, только что проскочившая мимо, наверное, расценила мое пикирование как бегство. Ну и пусть, думаю, за ними следить некогда. На выходе из пике мой самолет сделал глубокую просадку, и я оказался ниже «мессера», находящегося в хвосте у Семенова. Атакую его снизу… Жму на гашетки… Одна очередь, вторая… «Мессершмитт» как-то неохотно взмывает, но тут же вспыхивает и, перевернувшись, отвесно сваливается под меня.

Горящий, как факел, вражеский самолет! Первый сбитый мною немецкий самолет! Не могу оторвать от него взгляда, даже наклоняю нос своей машины вниз, чтобы лучше увидеть, где он упадет и взорвется.

Короткий сухой треск обрывает мои наблюдения. Машина мгновенно поворачивается вокруг оси на сто восемьдесят градусов, и я зависаю вниз головой. С ревом надо мной проносится «мессершмитт». Выравниваю машину, оглядываюсь: второй уже заходит для атаки сзади. Вот она, оставленная мною пара! Увлекся атакой, прозевал, а они подловили!

Моя машина повреждена ужасно. На правом крыле – огромная дыра. Она настолько уменьшает подъемную силу, что самолет все время норовит перевернуться. Другой снаряд попал в центроплан.

Где же Семенов? Как бы мне пригодилась сейчас его поддержка. Понимаю, что отбиваться придется самому. Еще есть горючее, боеприпасы и страшная злость – на себя и на немцев.

С трудом разворачиваю ослабевшую машину. Самолет подчиняется плохо: чуть наберу побольше скорость, он стремится перевернуться на спину. Уклоняюсь от ударов немцев, стараюсь атаковать сам. Но ничего не получается. Решил – буду выходить из боя. Вошел в глубокое пикирование, при выходе самолет сделал проседание и такой произвольный крен, что я чуть не задел крылом землю. Немцы повернули домой, я тоже. Семенова нигде не видно, даже на земле. При подходе к аэродрому обнаружил, что повреждена гидросистема. Шасси выпустил аварийно и сел нормально.

Вот так вот. Теперь посмотрим, сколько было ошибок. Во-первых, плохо слетана пара. Семенов не облегчил винт, от этого мотор у него забарахлил, не повторил моих маневров, оторвался, бросил своего ведущего. Во-вторых, не учли, для чего немцы делятся. Нижние заманивают, верхние внезапно нападают. Этот прием они применяют и по сей день. Надо не упускать из поля зрения всех. И в-третьих, сбил самолет, не смотри, где он упадет, иначе тебя собьют. О том, где упадет сбитый, сообщит ведомый или передадут с земли. И последнее, после успешной атаки следует строить маневр для очередной. Понятно? Все, перекур!

– А как же Семенов? Погиб? – спросил Островский.

– Нет, прилетел раньше меня. Подумал, что меня подбили, и пошел домой.

Летчики, оживленно разговаривая, потянулись из комнаты.

– А вы еще жалуетесь, что много занимаемся, – улыбнулся Покрышкин, вытирая тряпкой запачканные мелом руки. – Танцевать будем потом. Сейчас вот есть предложение сыграть в

футбол. Где наш мяч?

Вспомнил о первом бое и словно старую рану разбередил. Словно это было вчера: хищные желтые носы «мессершмиттов», нависающие на хвосте, резкие удары от снарядов пушек, дробь пулеметов, надрывный рев мотора при перегрузке, едкий, навязчивый запах бензиновых и масляных паров, осушающая мозг и выворачивающая внутренности перегрузка при резких маневрах, дыра на крыле и то незабываемое чувство радости от клубка пламени и косм белого с черным дыма, охватывающего пятнистые плоскости ненавистного «мессера». «Нет, от этой проклятой войны так просто не избавишься», – подумал он и пошел вслед за ребятами во двор.

12

Но было еще нечто, что его так вдохновляло – взгляд девичьих глаз, провожавших, как ему казалось, в каждый полет. И каждый раз Саше хотелось ее чем-нибудь удивить. Возвращаясь из зоны после выполнения очередного учебного задания, он проходил на бреющем над домом медсанчасти в Манасе, а чтобы Мария была уверена, что вернулся именно он, Саша эффектно крутил над домом три восходящие бочки подряд. Привет тебе, любимая, таков был сигнал его сердца.

После приземления он начинал на себя сердиться: «Ну что за мальчишество! В конце концов, это совсем несолидно: опытный летчик, командир, человек с устоявшейся репутацией, как мальчишка, откалывает номера, и главное, у всех на виду», – корил он себя и в очередной раз давал слово, что больше этого не будет. Но на следующий день все повторялось…

Ну, ладно бочки. А то ведь какой выкинул фортель. Узнав, что Марию отправили с рабочими строить барак для раненых километрах в тридцати от Манаса, нашел это место и давай его «утюжить» на бреющем. Рабочие перепугались – сумасшедший какой-то. Наконец – эффектный выход с бреющего на горку над самой стройкой и бросок вымпела вниз с посланием для любимой.

Когда Мария, посмеиваясь, рассказывала о впечатлениях рабочих после этих выкрутасов, он от стыда готов был провалиться сквозь землю.

Правда, очень скоро Саше представился случай реабилитироваться. Когда Марию вновь послали с рабочими, на этот раз в горы заготавливать дрова, и, возвращаясь, они заблудились, Саша с Вадимом Фадеевым, обеспокоенные столь долгим отсутствием экспедиции, вышли навстречу и помогли всем найти дорогу домой.

В горах было небезопасно – можно было нарваться на бандитов.

Как-то Покрышкин остановил пробегавшего мимо Труда, озабоченного какими-то комсомольскими делами, и с хмурым выражением лица заговорил:

– Живем, как медведи, ей-богу! Ты бы подумал насчет досуга летчиков. Танцы организовал, что ли… Самодеятельность. Чем мы хуже БАО?

Труд охотно согласился, но вот вопрос – где найти партнерш для танцев.

– Вот еще! – недовольно буркнул Покрышкин. – Разучился

искать, что ли? Наши из столовой придут, из санчасти пригласи.

– Есть пригласить из санчасти! – весело козырнул Андрей и убежал.

Вечером Саша пришел в санчасть и вызвал Марию:

– Тут наши ребята танцплощадку организовали… Недалеко… Пойдешь?.. У нас парни вон какие!

Он улыбался, и при свете луны виднелись его блестящие глаза, ровные белые зубы и все лицо – необыкновенно ласковое и приятное.

– Господи… Танцы… – вздохнула она. – Как это было все давно. Ладно, сейчас попрошу Таю меня подменить.

Через несколько минут они шагали вдоль кромки прибоя. Под ногами похрустывала галька, где-то в темноте ритмично плескалось море, с обрыва приветливо трещали цикады. Поблизости послышались звуки баяна.

– Это наши, – с гордостью сказал Саша. – Наш начальник связи Гриша Масленников. Прекрасный баянист, это он на танцплощадке играет.

Облюбовав уголок у самого берега моря, под сенью чинар, Труд с комсомольцами расчистили и выровняли приличную площадку. С краю подготовили место для баяниста Масленникова.

Когда они подошли, танцы уже были в разгаре. Труд, сдвинув фуражку на затылок, выступал в роли главного организатора, не забывая, впрочем, о главном, – согнувшись, он усердно кружился с маленькой официанткой из столовой. Уверенно танцевал Гриша Речкалов: еще до войны он часто посещал танцевальные площадки. Но активнее всех был Пал Палыч Крюков – танцевал так, что пыль подымалась. Плясал по-старинному, с приседаниями, с прищелкиванием каблуков, юлой вращаясь вокруг своей дамы – высокой, невозмутимой связистки. Были среди танцующих девушки из медсанчасти.

– Пойдем? – предложил Покрышкин.

Мария молча кивнула головой, и они вступили в круг. На этот раз они танцевали больше. Саша был сдержан, и хотя танцевал легко и точно, внутреннее напряжение невольно отражалось на его движениях. Возможно, сказывалось отсутствие тренировки. Ведь еще до войны, когда он с ребятами из своего полка ходил на танцы в Дом офицеров, он и там практически не танцевал, а пропадал за бильярдным столом, оттачивая нужный истребителю глазомер и точность движений.

Разошлись с танцев перед отбоем. Теперь они стали встречаться регулярно. Как-то незаметно Мария привыкла к тому, что по вечерам, внизу, под обрывом у моря, ее ожидает бравый

капитан.

Обычно он сидел на камне, задумчиво глядя на море, или прогуливался вдоль берега, – изредка запуская в волны плоские голыши – «пек блины», как говорили пацаны в детстве. Встречаясь, они шли на танцплощадку или, если танцев не было, просто усаживались удобно на берегу и разговаривали, с удовольствием слушая рассказы друг друга. Мария была начитанна и знала из книг много всяких историй.

Внимательно слушая Александра, она быстро научилась схватывать суть сложных авиационных вопросов, и хотя отдельные детали и подробности ей не всегда были понятны, она пыталась понять главное – к чему стремится Саша, чего он хочет от этой беспокойной жизни. Ей было очень приятно, что ее кавалер был классным летчиком, упорным человеком и что он так настойчиво за ней ухаживал.

С самого начала их знакомства, убедив себя в том, что у капитана обязательно должна быть жена, она держала его на дистанции и решительно отвергала малейшие попытки эту дистанцию сократить. Но чем лучше она его узнавала, тем больше убеждалась, что за несколько грубоватыми манерами внешнего поведения скрывался добрый, душевно чистый человек, наделенный обостренным чувством справедливости и твердыми жизненными принципами. И самое главное, она убедилась, что никакой жены у него нет, есть только мать в Новосибирске, младшие братья и сестра, которую тоже звали Марией. А один его брат, Петр, пропал без вести на фронте где-то под Ленинградом.

Инстинктивно почувствовав родственную душу, она рвалась ей навстречу, но по девичьей традиции, привитой матерью, одергивала себя и ставила на место. «Мы только товарищи, мы просто товарищи», – твердила она себе каждый раз, когда чувствовала, что ее гордость готова пасть под напором его мужского обаяния, или когда, сочувствуя, замечала, что невольно начинает втягиваться в водоворот его бурных переживаний.

А он, имея такого благодарного и внимательного слушателя, увлекался:

– Вот знаешь, за чем должен следить летчик в групповом бою? – спрашивал он во время очередной беседы. – Он должен следить за противником, не упуская его из виду ни на одну секунду, не потерять своего напарника; следить за обстановкой, то есть за своими самолетами и за самолетами противника, оценивая и представляя их намерения; взаимодействовать со своим звеном и своей группой; слушать и исполнять команды командира; следить за количеством бензина в баках; следить за показаниями приборов, быть в постоянной готовности к

внезапности любого рода…

Пока, наконец, не спохватывался:

– Ну вот… Совсем заморочил тебе голову – и вздыхал. – Трудная наша профессия! Вот пишут: сталинские соколы. Какие, к черту, соколы! Мастеровые мы, вот кто. Или еще точнее: ломовые лошади. Говорят, летное искусство рождается вдохновением. Кое-кто из нашего брата может даже прихвастнуть: взлетел, мол, увидел немцев, душа вскипела, ринулся в бой и сбил! Черта с два, тут одной кипящей душой не возьмешь. Они, знаешь, как летают – будь здоров! И опыт свой они стали накапливать с Испании, потом Англия и другие страны Европы. А мы свой испанский опыт растеряли. Вон Пал Палыч да погибший Анатолий Соколов немного сохранили с Халхин-Гола, да нам передали. Теперь приходится пуд соли съедать за учебой, потом второй пуд соли – за работой, а тогда уж иди, сбивай. И то, если сможешь.

Покосившись на Марию, слушает ли она, продолжил:

– Подвиг, чтоб ты знала, требует мысли, мастерства и риска. Просто так не полетишь и не собьешь. Помимо того, что немцы умеют воевать, у них пока и количественное преимущество. Значит, нам надо воевать лучше их, знать их слабости и уметь ими пользоваться. А для этого нужно постоянно думать, анализировать свои успехи и ошибки, извлекать из них уроки и учиться все время чувствовать самолет как единое целое с тобой. Сегодня ты так вел бой, а завтра немец будет знать, как ты летал, и обманывать его уже нужно по-другому.

И вздыхая, сокрушенно качал головой:

– Трудно! Очень трудно…

В эти минуты ей становилось жалко его, он казался ей плохо защищенным, неухоженным, лишенным женской ласки, хотелось прижать его голову к своей груди, приласкать, прибодрить, но внутренний голос тут же напоминал: «Мы только товарищи!» – и она опять, как улитка, скрывалась в своей раковине.

Странные, необычные чувства будоражили ее в те дни. Кругом бушевала война, повсюду были смерть, разруха и горе, а она чувствовала себя счастливой. Понимала, что счастье ее недолговечно, что очень скоро им предстоит разлука. Но сейчас, думала она, хоть на короткое время, пока они вместе, буду счастлива, а там будь что будет.

«В будущем, – рассуждала Мария, – он, конечно, не обманет, не такой он человек. В этом я уверена. Но ведь война. Она может разбросать нас по разным фронтам. К тому же он истребитель, а они так часто гибнут… Что же делать? Как быть?»

Над их дальнейшей судьбой она размышляла последнее время постоянно. Ее сомнения в один прекрасный день были

разрешены неожиданно быстро и решительно.

Из разговоров с Александром Мария узнала, что он не любит писать письма. Увидеться – это здорово, а письма – это он не любил. Даже домой, в Новосибирск, он редко посылал весточки. Она сразу же подумала, что такая же участь может постигнуть и ее, и потому решила действовать.

– Ты пойми, – стала она убеждать Сашу, – для счастья близкого тебе человека достаточно всего двух слов: жив и здоров. Нужно домой писать регулярно.

– Исправлюсь, – пообещал он. – Да и о чем сейчас писать: в боях мы пока не участвуем, готовимся к приему новой техники.

– Это тоже небезопасно. В любом случае о матери нельзя забывать. – У нее чуть не сорвалось с языка – и обо мне тоже, но она вовремя спохватилась.

На следующий день после этого разговора Саша пришел вечером в санчасть, вызвал Марию и сообщил:

– Я сегодня написал матери письмо и сообщил в нем, что женился.

От такой неожиданной новости у нее все сжалось внутри.

– И на ком же ты женился? – с безразличным видом спросила она.

– Как на ком? Да на тебе, на ком же еще!

– На мне-е?! Ну… А меня ты спросил, пойду ли я за тебя?

– А что тут спрашивать? И так все ясно.

– Вот как!.. Все ясно…

Она отвернулась. Слезы непроизвольно брызнули из глаз. Она всегда мечтала о романтическом объяснении с любимым, а в жизни вот как получилось… Саша вдруг услышал тихий всхлип и только теперь сообразил, что она плачет. Осторожно взяв за плечи, он повернул девушку к себе. Слезы дрожали на ее ресницах и катились по щекам.

– Мария, дорогая моя… – непроизвольно вырвалось у него.

Он обнял ее и с мягкой нежностью поцеловал мокрые от слез глаза, губы… Она заплакала еще сильней и прижалась к нему.

– Мария, родная моя, любовь моя, – шептал он, зарываясь лицом в ее волосы и вдыхая их нежный запах.

Над ними в темноте тихо покачивались и вздыхали ветви платана, где-то далеко слышалось шипение морского прибоя. Саша мягко разжал руки и увлек Марию к тенистому, обрывистому склону.

– Давай сначала присядем, – предложил он, – и обо всем спокойно поговорим. – Она послушно пошла за ним. – Давай, устраивайся поудобнее. Вот… Молодец. Хочешь яблоко? Попробуй, очень сладкое. Это Андрей Труд где-то раздобыл.

Он тоже взял яблоко и уселся возле нее на землю. Разговор у них был долгим и обстоятельным. С этого момента они решили считать себя мужем и женой, но свои отношения от окружающих на время скрыть. Во-первых, командир БАО неоднократно грозился девушкам, заявляя, что сожительство между военнослужащими снижает боеспособность части, и если он узнает, что кто-то из них нарушил запрет – выгонит немедленно, причем с такой характеристикой, что и на порядочную гауптвахту не возьмут. Во-вторых, и самому Александру могло не поздоровиться. Командир полка и его дружки могли воспользоваться этим предлогом и устроить ему какую-нибудь гадость. Поэтому следовало немного подождать, пока наступят лучшие времена.

Трудно сказать, насколько успешно им удавалось скрывать свои отношения, но, по крайней мере, в санчасти Марию никто не донимал. Все шло нормально, пока в один прекрасный день всю их конспирацию буквально одним махом не разрушил Вадим Фадеев.

В этот день друзья решили поплавать по морю на лодке. Отошли от берега на приличное расстояние.

– Вадим, хочу поделиться с тобой одной новостью, – вдруг сказал Саша. – Я люблю Марию и решил на ней жениться.

Вадим от неожиданности выронил весло.

– Ты что, сдурел! – воскликнул он. – Война кругом, а он жениться надумал. Ты что, не понимаешь?! Тебя вполне могут сбить, и она останется одна, да чего доброго, еще с ребенком! Война и без тебя вон сколько сирот наплодила. Нет, жениться я тебе решительно не советую! Понял?

Саша только улыбался. Он уже все обдумал, решил, и повернуть его с выбранного пути теперь было невозможно. А Вадим все никак не мог успокоиться.

Эх, дорогой Вадим! Рассуждая так здраво, он и представить себе не мог, что не пройдет и трех месяцев, как в поселок Аджи-Кабул, куда перебазируется ряд истребительных полков, в том числе и 16-й, для освоения новых истребителей, прибудут проведать мужей две женщины веселого нрава, что с их участием начнутся по вечерам частые застолья и в этой компании Вадим познакомится с одной из них, красавицей Людмилой, влюбится в нее и уведет от мужа. Потом она последует за ним на Кубань и сыграет в его судьбе роковую роль.

Но это будет через три месяца, а сейчас неуемный, бесшабашный Фадеев никак не мог носить в себе такую сногсшибательную новость. Его душа требовала театрального представления, и он его не приминул устроить.

Едва лодка причалила к берегу, как Вадим куда-то заторопился. Как потом оказалось – в санчасть. Вскочив в приемную, прямо с порога, в присутствии около тридцати больных, медсестер и врача, он прогремел:

– Машенька, Сашка Покрышкин прислал меня узнать: ты его любишь?

В комнате все затихли и уставились на Марию. От неожиданности услышанного, так тщательно скрываемого от посторонних, от того, что оказалась в центре внимания присутствующих, она растерялась и покраснела. Тут до Вадима дошло, что он перегнул, допустил оплошность и что надо как-то срочно исправлять положение. Он подошел к девушке, обнял ее за плечи и, склонившись к ее лицу, как ему показалось, очень тихо пробасил:

– Машенька, ну что ты так смутилась? Все хорошо! Сашка велел передать, что он тебя очень любит и хочет на тебе жениться. Не расстраивайся!

И тут приемный покой взорвался хохотом. Смеялись все: и больные, и здоровые. Когда успокоились, стали обмениваться мнениями. Фадеева знали как заправского балагура и шутника, но тут ему почему-то сразу поверили и восприняли новость с одобрением. Пара была подходящей друг другу. Дошла ли эта новость до командования, осталось неизвестным. Вероятно, нет, иначе влюбленные это сразу бы на себе почувствовали.

Вскоре Фадеев, накупавшись в холодном море, угодил в лазарет. Вот уж где он развернулся: никто не скучал от его шуток и всяких историй, а Марии, конечно, доставалось больше всех. Стоило ей появиться в лазарете, как он подхватывался с кровати, на которой с трудом умещался, закутывался в серое армейское одеяло и начинал исполнять арии из опер или, в худшем случае, свою любимую, волжскую «Эй, дубинушка, ухнем». Неожиданно этот двухметровый гигант с рыжей бородой мог начать декламировать монолог Гамлета «Быть иль не быть», или читать какие-то другие стихи. А больным развлечение. Между прочим, они в его присутствии быстрее поправлялись.

Однажды Мария повезла в Махачкалу на санитарной машине тяжелобольных. На обратном пути ей встретились Саша с Вадимом, которые ездили в город прикупить кое-что из мелочей. Заметив знакомую машину и Марию в кабине, Фадеев выскочил на проезжую часть дороги так резко, что шофер едва успел затормозить. Галантно открыв дверцу, Вадим пригласил Марию посетить фотоателье и сфотографироваться на память. Попытки отговориться – мы спешим, нет времени – успеха не имели. Друзья уговорили Марию, и они пошли сниматься. Сначала

сфотографировались втроем, потом по отдельности, а потом Вадим попросил фотографа снять Сашу с девушкой вдвоем. «Вы не обращайте внимания, что она стесняется, – говорил он фотографу, – фотографии, которые вы сделаете, они будут хранить до конца своей жизни, уверяю вас». Он как в воду глядел.

Вадим был одаренным человеком, и если бы родители сумели совладать в детстве с его своенравным, буйным характером, из него мог бы получиться прекрасный музыкант или артист.

Но получился незаурядный летчик – напористый, дерзкий, мастер высшего пилотажа. Только вот с дисциплиной в воздухе не всегда было в порядке.

В Манасе он увлекся художественной самодеятельностью – стал неизменным режиссером всех вечеров в полку, а по совместительству конферансье с юмористическим уклоном. Зрители начинали смеяться, едва его высокая, бородатая фигура появлялась на самодельных подмостках. Он был природным юмористом, разбрасывающим шутки направо и налево. Они рождались у него без всяких усилий, как бы сами по себе.

– А сейчас, – раздавался его красивый бас, – перед вами выступит лауреат международных и межпланетных конкурсов чечеточников, всемирно известный танцовщик… – Эффектная пауза – и громовым голосом: – Андре-ей Тру-у-уд!

Выждав, пока затихнут аплодисменты, он, хитро поведя глазами под косматыми бровями, доверительно разъяснял: «Труд – это псевдоним. Специально для начальства. Настоящей его фамилии никто не знает, даже я и он сам».

Зрители покатываются со смеху.

Под аплодисменты на подмостки подымался Андрей и на листе фанеры, положенном заранее, под звуки баяна и двух гитар, лихо отбивал сербияночку. Потом обычно выступал со своими стихами Пал Палыч Крюков, а после него наступала очередь самого Фадеева. Под баян он исполнял русские романсы и народные песни. Заканчивались вечера танцами.

Учеба, отдых – время летело незаметно. Пришла глубокая осень, стало пасмурно, дождливо, и молодежи пришлось уйти в бараки.

13

«Всем срочно к штабу!» – выкрикивал вестовой и бежал дальше. Летчики подхватились, на бегу застегивая гимнастерки и пояса с пистолетами. Уже на подходе послышались позывные московского радио.

Не успели летчики обменяться приветствиями, как из репродуктора послышалось: «Экстренное сообщение Совинформбюро: успешное наступление наших войск в районе Сталинграда. На днях наши войска, – торжественно начал читать Левитан, – расположенные на подступах к Сталинграду, перешли в наступление против немецко-фашистских войск». Из сообщения вытекало, что наступление началось на двух направлениях: с северо-запада и с юга от Сталинграда. Прорвав оборонительную линию противника протяженностью тридцать километров на северо-западе в районе Серафимовича, а на юге от Сталинграда – протяжением двадцать километров, советские войска за три дня напряженных боев, преодолевая сопротивление противника, продвинулись на шестьдесят-семьдесят километров. Советскими войсками заняты город Калач на восточном берегу Дона, станция Кривоузинская и город Абганерово.

– За три дня семьдесят километров! – воскликнул Валентин Фигичев. – Вот это да! Просто не верится.

– Погоди, тут, кажется, дело не только в этом, – задумчиво проговорил Покрышкин. – Вспомни, Валя, карту! Калач, Кривая Музга, Абганерово… Что же получается? Выходит, что немцев окружили… Представляешь, армию Паулюса окружили!

– А сколько их там осталось в кольце? – спросил Адрей Труд, начавший осознавать важность случившегося. И тут до него дошло. – Ура-а-а! – закричал он и подбросил свою фуражку вверх. Все стали обнимать и поздравлять друг друга.

– Товарищи! – послышался радостный голос заместителя командира полка по политической части Погребного. – По случаю замечательной победы наших войск под Сталинградом открываю митинг. Кто желает взять слово?

Десятки рук потянулись вверх. Каждый хотел рассказать о радости, о своем желании поскорее попасть на фронт, чтобы рассчитаться с ненавистным врагом.

После митинга Покрышкин возвращался в общежитие с Фигичевым. Этот высокий, смуглый летчик, больше похожий на латиноамериканца, чем на уроженца Урала, любитель шуток и розыгрышей, сегодня был непривычно грустен. Совсем недавно ему присвоили звание Героя Советского Союза, и в полку уже

знали, что в ближайшее время Валентина отправят на учебу в Военно-воздушную академию.

Их представляли вместе – Покрышкина и Фигичева, двух лучших летчиков в полку, начавших войну с июня сорок первого в Молдавии. Они имели почти одинаковые показатели в боевой работе, даже у Покрышкина немного лучше, но вот Саше не повезло – он «не прошел», а Валентина утвердили.

Исподволь бросая на Фигичева быстрые взгляды, Саша вспоминал совместно пройденные военные дороги и удивлялся про себя – до чего же переменчивы судьбы людей на войне.

О Фигичеве в дивизии заговорили буквально за несколько дней до войны. Во главе звена «МиГ-3» он охранял государственную границу у села Пырлица в Молдавии и по первому сигналу взлетел со своим звеном на перехват немецкого разведчика «Ю-88». Предупредительным огнем «Миги» потребовали, чтобы разведчик следовал за ними, но «юнкерс» нагло развернулся, прибавил моторам обороты и направился в сторону Румынии.

Не успел Фигичев приземлиться на своем аэродроме, как в штабе дивизии поднялся страшный шум. Разъяренный комдив Осипенко тут же отправил в Пырлицу командира полка Иванова разбираться с Фигичевым, но Валентину повезло – началась война.

Фигичев принимал участие в том беспримерном по своей дерзости налете на Бельцы, когда пятерка отчаянных летчиков под руководством комэска Атрашкевича, прорвавшись сквозь мощный заградительный огонь немецких зенитных батарей, атаковала колонну гитлеровских войск под Бельцами и нанесла ей такой урон, что на какое-то время задержала эту ползучую армаду и дала передышку пограничникам, изнемогавшим в неравной борьбе у реки Прут. При повторном налете на Бельцы комэск Атрашкевич геройски погиб, и эскадрилью принял Покрышкин.

Через несколько дней, при возвращении с боевого задания, его эскадрилья попала в грозу, и в условиях плохой видимости Фигичев, проявив своеволие, увел звено в неизвестном направлении.

По возвращении Саша попал под горячую руку комдива Осипенко и с должности комэска был снят. В отношениях с Фигичевым после этого установился холодок, но какие обиды могли быть в то тяжкое время между летчиками, каждый день заглядывавшими смерти в глаза.

Уже на следующий день они четверкой вылетели на прикрытие моста в районе Рыбницы и встретили там «Ю-88».

Первым бомбардировщика атаковал Фигичев, но безуспешно, стрелял с дальней дистанции. Тогда Саша подкрался снизу, сблизился и уже готов был открыть огонь, когда пулеметная очередь немецкого стрелка вдребезги разнесла фонарь его кабины и он чудом остался жив, поскольку пуля попала в прицел. Пришлось срочно возвращаться, а Фигичев «юнкерса» все-таки добил.

На следующее утро Саша вместе с Лукашевичем прикрывали Фигичева, когда тот вел разведку, и из-за того, что тройкой они мешали друг другу маневрировать, Покрышкин был подбит прямым попаданием в самолет зенитного снаряда. До своих он добрался лишь через несколько дней. После этого случая он отказался от полетов тройкой, хотя формально это было нарушением инструкции.

Как-то над аэродромом полка появился немецкий разведчик «хеншель». С намерением его снять взлетели двое – Фигичев и Дьяченко, но оказалось, что разведчика прикрывают «мессершмитты». Завязался бой – двое наших против шестерки немцев. Очень скоро немцы ранили Дьяченко, и он сел возле деревни, чтобы перевязать рану. Увидев, что «мессершмитты» взяли Фигичева в «клещи», Дьяченко, с наспех перевязанной раной, вновь запустил мотор своего самолета, взлетел, набрал высоту и, видимо, потерял сознание, потому что его машина вдруг камнем пошла к земле. Но немцев его появление испугало, и они ушли к себе.

Похоронив друга, Фигичев вылетел на разведку. Едва он набрал высоту, как обнаружил, что в Фрунзовку, где только что был похоронен Дьяченко, уже входит головная походная застава немцев. Валентин спикировал, сбросил свою единственную подвешенную бомбу, полоснул пулеметной очередью по мотоциклистам и тут же взмыл вверх. Ему ответили бешеным огнем из всех видов оружия, но он, не обращая на этот огонь внимания, начал методично, раз за разом пикировать на колонну.

Среди гитлеровцев началась паника. Подбитый бомбой танк перегородил узкую улицу. Автоматчики попадали с мотоциклов и судорожно ползали вдоль плетней в надежде найти там укрытие. Несколько автомашин загорелось, и в них начали рваться боеприпасы. А Фигичев в припадке неистовой ярости носился над селом, и казалось, что еще мгновение, и он примется сечь винтом своей машины все живое, что было вокруг.

Только окончательно убедившись в отсутствии боеприпасов, он в последний раз на бреющем прошелся над могилой друга, сделал крутую горку и там, на высоте, вдруг начал выписывать фигуры высшего пилотажа.

Приподнявшись из-за плетней, немцы ошалело глядели на крутившийся над ними советский истребитель и от удивления перестали даже стрелять. А Фигичев, выписав в небе прощальный росчерк другу восходящей бочкой, ушел к себе на аэродром в Осиповку.

Когда он сел, его трудно было узнать. На обветренном лице горели возбужденные глаза, предательские слезинки прочертили борозды на запыленных щеках. В забытьи он повторял: «Им это дешево не пройдет…» Потом, склонившись над приборной доской, глухо зарыдал.

Но жизнь брала свое. Уже в Тузлах, на берегу Черного моря, куда вскоре перебазировался полк, Валентин Фигичев, теперь уже командир эскадрильи, вновь стал тем Фигичевым, которого знал и любил полк – бесшабашным, удалым парнем, любителем розыгрышей, никогда не упускающим своего.

Именно в Тузлах Фигичев буквально «перехватил» симпатичную связистку Валю, с которой комполка Иванов хотел познакомить Покрышкина, втайне надеясь, что Саша женится на ней и его характер станет помягче. Но не получилось.

Теперь Фигичев согласился пойти на учебу, но в последнее время ходил невеселый, видимо, переживал, что в такое время покидает полк. Саша, как мог, его успокаивал.

Конец сорок второго года был воодушевляющим. Красная Армия наступала по всем фронтам. От оккупантов были освобождены десятки городов и тысячи сел. Начались бои на Воронежском и Брянском фронтах, сжималось кольцо наших войск вокруг армии Паулюса под Сталинградом, началось наступление на Южном фронте. Каждый день по радио передавали о вкладе авиаторов в общее дело победы над врагом.

14

Первым приказ о предстоящем переводе в двадцатых числах декабря получил БАО. К вечеру Мария валилась с ног от усталости, но когда она добралась до своей кровати в комнате дежурной медсестры, сон, несмотря на усталость, куда-то исчез. Она встала и подошла к окну. Ночь была прохладная и ясная. Над вершинами гор ярко сияли звезды. Леса и кустарники на пологих склонах серебрились в призрачном свете луны. С моря тянуло прохладой.

В соседней комнате окно Таисии было закрыто, свет не горел. Мария поежилась, прошла обратно, забралась в постель, свернулась калачиком и укрылась шинелью. Она еще не уснула, витала где-то на краю сна и при первом же шорохе снаружи широко раскрыла глаза. Она не удивилась, лишь напрягла слух. Вокруг было тихо, но она чувствовала, что снаружи кто-то есть.

И точно. Невидимая рука тихо открыла окно и раздвинула занавески. Не издав ни звука, гость бесшумно проскользнул внутрь. Мария села на кровати, повыше натянула шинель, а он в это время обернулся, чтобы закрыть за собой окно. С тихим шорохом оно закрылось. Гость замер, прислушиваясь. По силуэту на фоне окна она уже узнала его.

– Все в порядке, товарищ капитан. Я не сплю. Не очень ли рискованную фигуру высшего пилотажа вы решили исполнить?

Он подошел прямо к кровати. По голому дощатому полу Саша двигался на удивление тихо.

– По-моему, я попал, куда надо.

– С чего вы это взяли, товарищ капитан, что вы имеете право проникать сюда ночью, да еще через окно?

– Ну, раз уж мы заговорили о правах… – сказал Саша, присев на кровать и сграбастав Марию в свои медвежьи объятия. Она тихо засмеялась.

– Нет, все-таки объясните, – шутя потребовала она, освобождаясь. – Что вы тут делаете?

– Ты, как женщина, не с того начинаешь, – возразил Александр. – Сначала расспрашивать буду я. Прежде всего, это правда, что вы получили приказ о передислокации?

– Тише, в соседней комнате спит Тая.

– Знаю. Я заглядывал к ней в окно. Она крепко спит.

– Ты предусмотрителен. Да, приказ получен. На утро уже назначена погрузка.

Он что-то положил перед ней, завернутое в бумагу.

– Что это?

– А ты разверни и посмотри.

Она послушно развернула сверток. Перед ней лежал крепдешиновый отрез.

– Где ты его взял, Саша?

– Бери, бери, это тебе мой подарок. Вчера ездил в Баку.

Она обняла его и крепко поцеловала.

– Какая прелесть. Спасибо тебе, дорогой. Что я буду делать без тебя? Я так тебя люблю…

Он издал неопределенный звук, каким мужья считают нужным отвечать на подобные признания, потом достал из кожаной куртки, которую повесил на стул, папиросы, прикурил и прилег рядом с ней на кровать.

– Вот так. Умещаемся? Нет, убери с меня шинель, укройся сама, мне не холодно.

Он крепко обнял ее, а она уткнулась в его плечо, ощутив щекой грубое сукно гимнастерки.

Потом он стал рассказывать, как прибыл в Баку, целый день ходил по улицам, осматривал город, купил себе брюки, бельишко и этот отрез. Так как поезд на Манас отправлялся поздно, он прямо со свертками пошел в театр на представление оперы «Кармен». Еще подростком он слушал ее в Новосибирске в исполнении самодеятельных певцов, а теперь представилась возможность послушать профессиональных артистов. И не пожалел, что пошел – тореадор и Кармен пели великолепно. Он затянулся, послышалось тихое шипение табака, робкий огонек папиросы светился во тьме.

– Если честно, – неожиданно заговорила Мария, повернув лицо вверх, – то мне теперь совершенно все равно, что происходит вокруг. Главное, что есть ты. Как бы мне хотелось оставаться все время с тобой. Где бы мы ни стояли, я хочу быть рядом…

– Потерпи немного, дорогая. Я уверен, что скоро мы будем вместе. На время расстанемся, пока мы будем переучиваться, потом фронт. Как только все утрясется, я постараюсь перевести тебя в наш БАО. Не расстраивайся…

– Договорились. И не надо меня успокаивать, я просто очень рада, что ты пришел. – Она потерлась щекой о его плечо и тут же встрепенулась: – Тс-с, помолчи, по-моему, Тая проснулась. – Из-за стены послышался слабый скрип кровати. Видимо, Тая заворочалась во сне. Они застыли, прижавшись друг к другу. Спустя минуту снова стало тихо.

Они заговорили о будущем, как они будут счастливо жить после войны. Только бы поскорее она кончилась.

– Мне пора, – тихо сказал Саша и сел.

– Пожалуй, пора. Ох, Саша, как без тебя холодно!

– Ну что ты, милая… Укройся одеялом и постарайся уснуть.

– Ни капли не хочу спать. Я тебя провожу.

Она спустила ноги с кровати и накинула на себя шинель. Александр надел сапоги и накинул куртку.

Мария тихонько поцеловала его в шею.

– До чего же ты ловок. Думаешь, и в общежитие тебе удастся проникнуть незамеченным?

– Попытаюсь. В крайнем случае, скажу часовому, что помогал на аэродроме механикам.

Она бесшумно раскрыла окно. В комнату хлынул прохладный рассветный воздух, небо за ночь затянуло, звезды исчезли. С моря дул ветер.

– Ветер мне на пользу, – тихо сказал он. – Никто меня не услышит. – Он крепко поцеловал ее. – Твоя репутация на время спасена, родная моя недотрога!

Он выбрался наружу и повернулся к ней, чтобы поцеловать в последний раз. И тут она неожиданно с силой схватила его за отвороты куртки и притянула к себе:

– Ты ведь не забудешь там, на фронте, забывчивым не будешь и сердце не остудишь?! Скажи?!

– О чем ты?

– Нет, обещай! Ты должен обещать! Скажи, не будешь?.. Ну скажи, не будешь?..

– Да что с тобой сегодня, Мария?

– Не знаю, но прошу тебя, будь осторожен и почаще пиши. – Она как будто немного успокоилась. – Номер моей полевой почты не забыл?

– Конечно. Не волнуйся, буду осторожен. Кстати, осторожных чаще всего и сбивают. Но все равно. Не волнуйся, меня не так просто сбить. А теперь ложись и спи. Мне в самом деле пора идти. Я постараюсь освободиться и прийти утром, помогу вам собираться. Так что до скорого.

Он исчез так же внезапно, как и появился. Какое-то мгновение ей казалось, что сквозь шорох ветвей слышатся его шаги, затем и они стихли.

Утром, как и обещал, Саша опять пришел в санчасть и стал помогать грузить имущество. Потом ненадолго исчез – сбегал в столовую – и вернулся, держа в руках свернутый лист бумаги.

– Мария, вот, возьми обо мне на память, – сказал он и протянул ей свернутый в рулон лист. – Здесь мой портрет, один наш парень нарисовал. Только одно условие. – Он улыбнулся: – Если меня разлюбишь, отправь портрет моей матери. Адрес у тебя есть.

– Как тебе не стыдно! – Из глаз у нее брызнули слезы. – Разве я…

– Ладно, ладно, не расстраивайся, – грубовато перебил он. – Не будем загадывать, на войне все может случиться. Но не думай, к тебе это не относится. – Он крепко ее обнял и поцеловал: – Прости, это я так…

– Не буду говорить красивые слова. – Мария шмыгнула носом, вытерла глаза. – Только напрасно ты мне такие условия ставишь… Ладно, время нас рассудит… Прилетишь и сам убедишься, какая я была без тебя. Люди тоже скажут…

– Ну все, пора садиться! – Он легко поднял ее и помог забраться в кузов машины.

Мария не знала тогда, как сложится ее жизнь, но в одном она твердо была уверена – мужа она себе выбрала раз и навсегда. Чуть больше года пройдет, – она приедет рожать в Новосибирск и торжественно вручит матери Александра портрет ее сына. Они поместят его в столовой, и когда Мария будет спрашивать у пятимесячной дочери, которая родится там же, в Новосибирске, где ее папа, ребенок будет поворачивать головку в сторону отцовского портрета.

Сборы, наконец, закончились, прозвучала команда: «По машинам!», и колонна тронулась.

Саша, словно не в силах расстаться с любимой, шел рядом с кузовом полуторки и, улыбаясь, говорил сидевшей вместе с девчатами на пожитках Марии какие-то напутственные слова. Она смотрела на него и ничего не слышала, думая только об одном: «Будь живой, останься живой, слышишь, умоляю тебя!»

Машина прибавила скорость, и он остановился. Фигура его в кожаном реглане делалась все меньше и меньше, скоро она совсем потерялась из вида. «Боже, как же я буду жить без него?»

С того дня тревога и опасения, что он может погибнуть, надолго поселились в ее душе. Этому в немалой степени способствовали и почтовые неурядицы. За короткий срок у ее БАО трижды сменился номер полевой почты.

15

А через неделю 16-й гвардейский истребительный полк погрузился в пассажирские вагоны, и паровоз, дав протяжный прощальный гудок, потянул состав на юг, в сторону Баку. Настроение у всех было приподнятое: наконец-то они получат новые самолеты, освоят их, а там снова в бой.

Но эшелон, словно желая испортить летчикам настроение, тянулся медленно, подолгу стоял на разъездах, пропуская срочные, литерные, с военной техникой, идущие в сторону Орджоникидзе. Новый, сорок третий год пришлось встречать в пути, в вагонах. Как всегда, однополчане подняли тост за Новый год, за победу, за то, чтобы дожить до встречи с друзьями и родными. Устроили даже вечер самодеятельности – Масленников играл на баяне, Крюков читал свои стихи, Фадеев изо всех сил старался поднять у людей настроение. Но большого веселья не получилось: люди мысленно уже жили будущим – фронтом.

Саша после отъезда Марии затосковал, хотя внешне не подавал вида. Вечером тридцать первого он решил найти своего механика Григория Чувашкина и вместе с ним отметить праздник. Пробираясь по составу, он попал в штабной вагон, где уже вовсю веселились, выпивали, звучали оживленные голоса, в том числе и женские.

В двенадцатом часу, обнаружив Чувашкина в компании авиамехаников, Александр хватил с ними по стакану спирта и в полном молчании принялся есть с таким ожесточением, будто главным теперь являлось уничтожение съестных припасов, с трудом раздобытых на этот праздничный вечер. Потом, когда его разобрал хмель, он успокоился и стал думать о Чувашкине. В самую дьявольскую погоду Гриша всегда встречал и провожал Александра, а когда самолет улетал, молча ложился лицом в траву и с волнением ждал возвращения своего командира. А как он колдовал над раненой машиной! Его каждодневная, будничная работа на аэродроме по существу являлась подвигом. Зимой, на тридцатиградусном морозе, в полевых условиях привести в полный порядок машину, которая вернулась с боевого вылета с множеством пробоин, с поврежденным элероном, с перебитыми нервюрами и шпангоутами – это непросто. А сплести зимой тросы. Тонкие стальные нити прилипают к пальцам, оставляя кровавые шрамы. Но за ночь самолет опять возвращается в строй, и так не раз, и не два.

Потом его мысли вернулись к Марии.

Я любил тебя всю,
твои губы и руки – отдельно.
Удивляясь неважным,
но милым для нас мелочам.
Мы умели дружить
и о чем-то совсем не постельном,
лежа рядом, часами
с тобой говорить по ночам.

Словно о них написал Симонов.

– Тоскуете, командир? – словно догадавшись, о чем он думает, спросил Гриша.

– Тоскую.

– Красивая, наверно. Жаль, карточки нет.

– Почему же? Есть. – Саша достал из кармана гимнастерки фотокарточку Марии, сделанную в Махачкале. – Вот, посмотри.

Гриша бережно взял фотографию и стал внимательно ее рассматривать. К нему потянулись другие техники.

– Да-а, красивая девушка. На такой надо жениться.

– Надо, да вот… Эх! – Александр махнул рукой. – Давай, Гриша, наливай еще по одной!

К вечеру следующего дня полк прибыл в пункт назначения – поселок Аджи-Кабул. Место оказалось неплохим: аэродром на берегу большого озера, поблизости река. Зелень отсутствовала – вокруг один суглинок и солончаки.

На следующий день стали знакомиться с новыми самолетами. Первой эскадрилье досталась «аэрокобра» под номером тринадцать.

Внешний вид у истребителя был привлекательным – отточенные плавные линии фюзеляжа, заостренный обтекатель с коротким дулом мощной пушки. В крыльях два крупнокалиберных и четыре обычных пулемета. С такой мощью летчикам еще не приходилось встречаться. Необычный каплевидный фонарь позволял прекрасно все обозревать вокруг. Двигатель у самолета располагался за кабиной пилота, защищая его в бою от пушечных трасс противника. Трехстоечное шасси включало в себя переднее носовое колесо, что намного уменьшало опасность капотирования при посадках на не оборудованные бетонной полосой аэродромы и повышало устойчивость истребителя при движении по земле во время взлетов и посадок. Для покидания кабина пилота имела боковые двери автомобильного типа.

Но этот самолет имел и существенные недостатки. При

предельной задней центровке он проявлял склонность к плоскому штопору, а его хвостовое оперение не выдерживало значительных перегрузок. Однако эти недостатки нашими техниками были быстро устранены.

Боковые двери неожиданно принесли пилоту опасность – при покидании машины в воздухе он нередко ударялся о стабилизатор истребителя и получал серьезные травмы.

Несколько дней Покрышкин облетывал новый истребитель, потом собрал летчиков и объявил: «В общем так: летать начнем на спарке. Как немного почувствуем машину, будем по очереди летать на этой. – Он показал пальцем в сторону «тринадцатой». – Позже обещают дать технику для всех. Теперь о самолете. Если сравнивать «кобру» с «мессом», то можно сказать: на ней лучше обзор, на пикировании «месс» от нее не уйдет. Надо пользоваться тем, что «мессер» плохо переходит из пикирования в набор высоты, плохо выворачивается в верхней точке «мертвой петли». Но вот под нос попадать ему не советую: у «Ме-109 Г-2» в носу стоят три пушки. Срежет, как бритвой. В общем, бить его можно. Понятно?» Летчики молчали. Покрышкин быстро разобрался, что «кобра» лучше наших истребителей бронирована, имеет более мощное вооружение, у нее лучший обзор, она лучше радиофицирована, но об этом из осторожности решил помалкивать, чтобы особисты не обвинили в непатриотичности.

Процесс перехода с «Яков» на «кобру» оказался делом непростым. Предстояло отшлифовать ранее приобретенные навыки с учетом тактико-технических данных нового истребителя.

Тем не менее дело спорилось, учебу закончили успешно. Экзамен по материальной части и тактике воздушного боя учинил командир полка Исаев, хотя у него самого познания в этих вопросах были весьма поверхностными. Потом приезжала комиссия из штаба дивизии, вновь проверяла всех и сочла, что полк готов к боям.

После этого на транспортном «Ли-2» полк вылетел в Тегеран, где получил «кобры» для всех. Покрышкин, после некоторого раздумья, оставил себе машину под номером 13 – она ему определенно нравилась, хотя однополчане, посмеиваясь, советовали на всякий случай приписать к тройке нолик. Но Саша отшучивался: «Тринадцать – число счастливое». Так и вылетел на фронт на машине под номером 13.

К началу января 1943 года обстановка на юге страны была следующая: наши войска завершали ликвидацию 6-й армии Паулюса под Сталинградом и, сжимая кольцо, другой частью сил наступали в направлениях на Ростов и Донбасс; на Кавказе

перешла в наступление Северная группа войск и теснила врага от Терека; по Главному Кавказскому хребту от Эльбруса до Новороссийска занимали оборону и готовились к наступлению войска Черноморской группы – 18-я, 56-я и 47-я армии. С января к ним прибавилась 46-я армия.

11 января Ставка утвердила план операции «Горы» и «Море». К выполнению той части, которая называлась «Горы», фронтовое командование приступило немедленно. Первой удар в направлении на Нефтегорск и частью сил на Майкоп нанесла 46-я армия. Она с трудом сломила сопротивление противника и медленно двинулась вперед.

Такой же вспомогательный удар нанесла 47-я армия в направлении на Крымскую. Но условия здесь были крайне неблагоприятные. Шли непрерывные дожди, сменявшиеся периодически мокрым снегом. Дороги были непроходимы, и артиллерия не смогла занять назначенные позиции. Армия успеха не добилась.

16 января перешла в наступление 56-я армия, и хоть и с тяжелыми боями, но продвигалась вперед. Противник делал все возможное, чтобы задержать эти отрезающие ему отход советские части. Но все же Черноморская группа, несмотря на отсутствие дорог, плохие погодные условия, продолжала наступать и к 23 января, прорвав вражескую оборону южнее Краснодара, продвинулась вперед на двадцать километров.

Потеряв возможность вывести войска с Северного Кавказа через Ростов, немецкое командование повернуло дивизии 17-й армии на Таманский полуостров.

Сражения за Крымскую и Мысхако

1

Весна сделала свое дело, подсушила наконец землю, и 16-й гвардейский истребительный полк перебазировался в станицу Поповическую. Летчиков разместили по хатам, утром и вечером старенький автобус доставлял их на аэродром и обратно.

Саше достался небольшой домик, выкрашенный дешевой краской. Возле дома – палисадник с дорожкой фиолетовых петушков. В палисаднике гвоздики, возле забора росли желтые и красные мальвы. На кухонном крылечке Сашу встретила улыбающаяся женщина с добрыми глазами. Она приветливо глядела на постояльца, скатывая с рук комочки желтого теста. Хозяйка, Елизавета Гавриловна, была еще не старой женщиной, но постоянные заботы рано огрубили ее когда-то красивое лицо и очертили рот скорбными складками. Нелегкая жизнь казачки, особенно теперь, когда ее муж и сын ушли на фронт и когда с утра до ночи цепляются незаметные для мужского глаза мелкие домашние дела, которым не бывает ни конца ни краю, состарили женщину раньше времени.

Приняла хозяйка Сашу хорошо, поселила его в горнице, только дома летчик бывал мало – приходил поздно, уходил на аэродром ни свет ни заря.

16-й полк приступил к активной боевой работе. У немцев по-прежнему в истребителях было преимущество. Десятого апреля Покрышкин с шестеркой дрался против десяти «мессершмиттов», одиннадцатого – против восьмерки «Ме-109». В каждом бою он официально сбил по одному истребителю, а два – не засчитали.

Двенадцатого с утра было пасмурно, шел мелкий дождь. Через пару часов облака поднялись, и из штаба дивизии поступил приказ – направить шестерку истребителей на патрулирование на переднем крае. Взлетели, построились в «этажерку». Пару обеспечения вел Речкалов, умелый боец, быстро схватывающий идею каждого боя. На подходе к зоне патрулирования из пункта наведения поступила команда от генерала Борманова:

– Я Тигр. В направлении Краснодара идут три девятки «юнкерсов». Прикройте город!

– Я Покрышкин! Приказ понял, – ответил Саша и дал своим команду изменить курс.

На подлете к Краснодару, ниже себя по курсу, он обнаружил восьмерку «мессершмиттов», «юнкерсов» еще не было. «Значит, «юнкерсы» еще не прибыли. Это хорошо», – подумал он и подал команду:

– Савин, прикрой! Атакую!

«Кобра» под номером тринадцать в крутом пике выскочила из облаков и с ходу атаковала ведущего восьмерки немцев. Удар получился настолько внезапным, что его ведомый только тогда сообразил, что произошло, когда увидел, как машина командира вспыхнула и, кувыркаясь, полетела вниз. С перепугу он шарахнулся вверх, но там его уже поджидал Речкалов. Короткая очередь, и второй «мессер» пошел к земле.

Но этот все-таки успел что-то передать своим по рации, потому что остальные «мессершмитты» в панике бросились в разные стороны.

– Внимание! Преследуем противника! – подал команду Покрышкин. Его ведомый Савин тут же кинулся в атаку на одного из удирающих немцев.

– Атакую! Атакую! Прикройте! – закричал он в азарте. Забыл, что при встрече с противником следует проявлять выдержку, о чем комэск не раз говорил на занятиях. Вошел в азарт, очень хотелось сбить немца и отличиться перед командиром и товарищами.

– Прикрываю! Атакуй! – разрешил Покрышкин.

Савин поторопился и рано открыл огонь. Обычное явление среди молодых. Желание уничтожить ненавистного врага, предвкушение победы иногда туманило мозги даже опытным воздушным бойцам, а что уж говорить о таком молодом пилоте, как Савин.

– Спокойнее! Не торопись стрелять! – услышал Савин в наушниках глуховатый басок командира. – Подойди поближе…

Летчик собрался и стал увереннее сближаться с «мессершмиттом». Поймав мгновение, когда «худой» заполнил собою все перекрестие прицела, он нажал на гашетки. Пушечно-пулеметная трасса, словно клинок, впилась в пятнистый фюзеляж «мессера», и мгновение спустя тот загорелся. «Все, почин сделан!» – облегченно вздохнул Савин, и тут же послышался голос командира:

– Внимание! Все на сто восемьдесят!

Шестерка «кобр», энергично развернувшись, взяла курс на Краснодар. Савин вместе со всеми четко выполнил команду.

– Молодец, Савин! – похвалил его комэск. Делал это он довольно редко, но слово «молодец» на этот раз выражало удовлетворение всем: и как действовал молодой пилот, и как в целом работала вся шестерка.

Над окраиной Краснодара висело облако дыма: очевидно, одна группа «юнкерсов» смогла все-таки прорваться к цели. В небе кружились истребители из полка ПВО, базировавшегося в Краснодаре.

«Где же остальные «юнкерсы»? – с беспокойством думал Покрышкин, оглядывая небо вокруг. – Может, их перехватили другие истребители?»

Справа показался самолет, похожий на «мессершмитт». Летчики было насторожились, но скоро выяснилось, что это «Киттихаук» из 45-го полка Дзусова, который тоже базировался в Поповической. Летчик отбился от своих и, не желая возвращаться домой, решил пристроиться к группе Покрышкина.

Взглянув еше раз в сторону «Киттихаука», Покрышкин отчетливо увидел на фоне облаков, как группа «мессершмиттов», форсируя моторы, догоняет его шестерку.

– Внимание! Атака с разворотом на сто восемьдесят!

«Кобры» резко развернулись и под углом, снизу вверх, пошли в атаку. С маху Саша всадил ведущему «в живот» пушечную очередь, одну и еще одну. Тот задымил и пошел к земле. Остальные сразу нырнули в облака. «Вот так вот, не будете подкрадываться исподтишка», – прокомментировал генерал Борманов с пункта наведения.

Шестерка опять поменяла курс и направилась в сторону станицы Крымской. На этот раз на встречном курсе им попалась группа из двенадцати «мессершмиттов». Завязался бой.

По привычке Саша сразу же ушел на вертикаль. Вверху, переложив машину, увидел, что один «мессер» устремился в атаку на «Киттихаук». Резко бросив машину в пике, Саша вышел из него на высоте «мессера», быстро поймал его в прицел. Но что это? В прицеле отчетливо просматривался «мессершмитт», а впереди него наш «Киттихаук». «Если дам очередь из пушки, срежу обоих», – обожгла его мысль. Ударил из пулемета. «Мессер» нехотя перевернулся и сорвался вниз, а «Киттихаук», довольный, что отделался легкими пробоинами, отряхнулся, покачал крыльями в знак благодарности и отвалил.

Домой группа возвратилась без потерь. Саша в этот вылет сбил четыре «мессершмитта». На аэродроме летчики с удивлением узнали, что за их поединками с переднего края наблюдал командующий военно-воздушными силами фронта генерал-лейтенант Вершинин. В полк от него уже пришла радиограмма, в которой группе Покрышкина объявлялась благодарность за смелые действия и сбитые немецкие самолеты.

– Молодец, Савин, хорошо дрался, – отметил Покрышкин, когда летчики собрались около него после посадки. – Но еще раз напоминаю. Тратить в групповом бою более 20 секунд на противника означает позволить другому «мессеру» зайти себе в хвост. Цель надо выбирать быстро, стремительно делать на нее заход, огонь открывать с близкого расстояния под любым углом и

так же быстро уходить в сторону. Понял?

– Понял, товарищ гвардии капитан, – ответил Савин.

Сегодня он чувствовал себя героем – как-никак, а сам Покрышкин похвалил, а это не часто бывает.

Час спустя возвратилась четверка во главе с Крюковым. Пал Палыч на глазах у Вершинина сбил три «мессершмитта». Крюкова и Покрышкина командующий приказал представить к награждению орденом Красного Знамени, о чем направил в полк отдельную радиограмму.

Узнав об этом, Саша сразу подумал: «Что-то скажет комполка Исаев? Наверняка заявит, что рано еще награждать. А главное, кого – того, кого нужно было отдать под суд. Ну да наплевать, что он там скажет и подумает. Приказ командующего обсуждению не подлежит – это раз. Мы побили немцев, хотя их было намного больше – это два. И это самое главное».

На следующий день Покрышкин вновь повел в бой шестерку. Ведомым у него на этот раз был Валентин Степанов, уже побывавший в боях летчик. Вернулись к обеду, собрались под крылом, и Покрышкин начал разбор вылета.

– Так, начнем. Кто спустил «белого мессера»? – спросил он и быстро обвел всех своим острым, лучистым взглядом.

– Я, товарищ гвардии капитан, – ответил сержант Савин, вытирая пот со лба, ожидая, что сейчас капитан его вновь похвалит.

– Что сбил, хорошо, – холодно заговорил Покрышкин, отрывисто бросая короткие, словно рубленые фразы. – Но вот что оставил без прикрытия ведущего своей пары, который в это время пошел в атаку, – плохо! Плохо, что сам бросился в атаку, не оценив обстановку. Очень плохо! Мне пришлось спасать тебя – выбивать из-под хвоста твоей машины «месса». А в этот момент был атакован мой ведомый, которому я обязан в первую очередь помогать. Ты понял? – сверлил он Савина упорным взглядом.

Савина словно окатили холодным душем.

– Так, товарищ гвардии капитан, он сам мне прямо под нос полез, – решил не сдаваться сержант. – Как тут было удержаться!

Не надо было ему этого делать.

– А вот так: не надо было атаковать, а надо было держаться своего ведущего, прикрывать его. Выговор тебе объявляю: за нарушение порядка в бою! Вчера хорошо держался, а сегодня из рук вон плохо. Слабак! Может, потому, что вчера ведомым у меня был? Да, напрасно я тебя похвалил, напрасно!

Савин удрученно молчал.

– Хорошо, что твоего ведущего Науменко в этот момент не атаковал фашист, – продолжил Покрышкин. – Ладно, давайте

разберемся по порядку: внизу у немцев шли первая и вторая пары; чуть выше их прикрывала третья, и еще выше – четвертая. Итого их восемь. Я атаковал ведомого первой пары – сбил. Ведущий первой пары шарахнулся под вторую пару, надеясь, что она его прикроет. Моего ведомого Степанова атаковал ведущий второй пары «мессершмиттов» – Степанов ушел в сторону.

– Еле отбился, – вставил Валентин.

– Науменко атаковал ведомого второй пары, – продолжал Покрышкин, – чтобы немцы вдвоем не навалились на Степанова. Так, а Савин не удержался и атаковал шарахнувшегося ведущего первой пары. На Савина тут же бросился ведущий третьей пары. Пришлось мне Савина выручать – снял ведущего третьей пары. В этот момент меня атаковал ведомый третьей пары, а кто его выбил из-под хвоста моей машины?

– Я, товарищ гвардии капитан, – охотно доложил Савин.

– Ты-ы? – удивленно протянул Покрышкин.

– Так точно. Я увидел, что меня атакует «мессер», махнул переворот, как только тот «белый» из первой пары загорелся. Выхожу из пикирования, вижу – у «тринадцатой» в хвосте «мессер» – я потянул за ним и сбил.

– Ну, мо-ло-дец! – весело воскликнул Покрышкин. – Нет, точно, с тобой не заскучаешь! Значит, двоих снял? Раньше были у тебя сбитые?

– Был один, да ведь знаете вы, при вас ведь вчера все было.

– Ладно. Достоин ордена! Получишь… А выговор так и остается пока. Ясно?

Савин удрученно молчал.

– Сержант Савин! Вам все понятно?

– Так точно, товарищ гвардии капитан, понятно.

– Хорошо. Адъютант! – позвал капитан адъютанта эскадрильи. Он занимался планированием и анализом боевых действий эскадрильи, вел документацию. – Запиши: Савину объявляю выговор за нарушение порядка в бою.

Адъютант сделал в своем планшете пометки.

– Так, продолжим, – опять заговорил Покрышкин. – Науменко, как ты атаковал?

– Хитрый попался, еле доконал, – доложил Николай.

– А мы четвертую пару не допустили к вашей карусели, – не дожидаясь вопроса Покрышкина, доложил Речкалов.

– Хорошо, подведем итог. Значит, так: их было восемь, нас шесть. Сбили: я – два, Савин – два, Науменко – одного. Всего – пять. Потерь нет. А что? Неплохой итог, а? – Он широко улыбнулся, блеснув ровными белыми зубами. – Ладно, вы обедайте, вон официантки уже идут, а я пойду на КП, доложу о

результатах вылета.

За прошедшую неделю Покрышкин сбил шесть самолетов, а его группа – двадцать девять. В полку о нем заговорили. Через пару минут летчики с мисками борща расположились на земле под крылом самолета, рядом оружейница набивала в пулеметные ленты патроны, недалеко от нее, прямо на траве укладчица переукладывала парашют – он должен быть всегда сухим. На аэродроме шла обычная фронтовая жизнь – стоял шум от моторов, одни самолеты взлетали, другие, вернувшись с задания, садились, сновали автомобили технического обслуживания.

И вдруг на аэродром с бреющего полета снарядом выскочила «кобра», прошла взлетную полосу, дошла до деревьев на окраине станицы и резко взмыла кверху, ввинчиваясь, словно штопор в пробку бутылки, в небо. Одна бочка, вторая, третья, четвертая. Самолет стал едва различим в бездонной синеве неба.

Все, словно по команде, вскочили.

– На Людмилу впечатление производит, – успокаиваясь, заметил Речкалов.

– Людмила? Кто это? – поинтересовался Савин.

– Жена его. Недавно приехала из Аджи-Кабула. Не выдержала, видно, разлуки…

Пару дней назад Фадеев их познакомил – статная, лет двадцати пяти, красивая брюнетка с яркими агатовыми глазами и выразительным ртом. Косынка на голове стягивала ее пышные черные волосы.

Непривычная для них гражданская одежда – приталенная кофточка, юбка, плотно обтягивающая крепкие бедра, и туфельки на стройных ногах – все ей очень подходило: Людмила была так хороша, что Речкалов стеснялся на нее смотреть.

– Тогда понятно. Эффект, конечно, еще тот…

Рев мотора «кобры» отвлек и Покрышкина, который уже вернулся с доклада начальству и готовился тоже присесть с борщом. Прикрыв рукой глаза от солнца, он стал наблюдать за фигурами высшего пилотажа, которые выписывал в небе Фадеев.

– Его атакуют «мессеры»! – вдруг воскликнул Саша.

Из облаков вывалилась четверка «Ме-109» и кинулась на одинокий истребитель, который находился в высшей точке горки, совершенно потерял скорость и красиво переваливался через крыло.

– Надо предупредить по рации! – крикнул Аркадий Федоров, бросаясь к кабине ближайшего истребителя. «Успеет ли Аркадий?» – сверлила людям голову мысль.

Но, к счастью, Фадеев сам заметил немцев. Когда в воздухе сверкнула первая пулеметная трасса, он уже действовал: газанув,

резко бросил машину в сторону, потом спикировал и выровнял самолет у самой земли. Спасся просто чудом. Все на аэродроме облегченно вздохнули. Немцы, не сбив Вадима внезапной атакой, сразу же развернулись и ушли в облака. Тогда все подумали, что это нападение носило случайный характер.

На самого героя этого происшествия события никакого впечатления, казалось, совершенно не произвели. Уже через двадцать минут с места стоянки самолета послышалось:

– Только «худой» на меня, я – бац! – полупереворот. Он повис и барахтается. – Окруженный группой летчиков и техников своей эскадрильи, Фадеев двигался к КП, на ходу рассказывая о своих приключениях. – Папочка, где ты? – Тонким голосом Вадим изображает испуганного немца. – Здесь, сыночек! – уже своим могучим басом ревет он. – Получи, сынок, леденчики – бу-бу-бу! Тр-р-р! – Сопровождающие хватаются за животы. – И в хвост ему, в хвост! Ах ты, медная бляха…

Вся группа уже приблизилась к командному пункту. Начальник штаба Датский, наблюдавший за представлением в бинокль, теперь его опустил и тоже с трудом удерживается от смеха.

– Ну, товарищ гвардии старший лейтенант, докладывайте! – приказывает он, покусывая губы и с трудом удерживая смех.

Фадеев четко, по форме докладывает, козыряет и поворачивается к своим поклонникам. Те с нетерпением ожидают продолжение спектакля.

– И будешь ты цар-рр-рицей мир-рра! – вдруг раздается над полем его бас. Исполняется отрывок из оперы. Вся компания направляется на отдых перед очередным вылетом.

– Ну что ты с него возьмешь? – спрашивает Датский у Исаева. – Это же не человек, а вулкан какой-то!

Командир полка хмурится, с трудом сдерживая смех. Что он мог сказать – в первых же боях над Таманью Вадим Фадеев сразу отличился, упрочив славу храброго и умелого истребителя. А по характеру он был настолько добрый и веселый человек, что не любить его было просто невозможно, поэтому ему многое прощалось. Многое, но не все. Не все в его поведении нравилось Покрышкину.

– Что о себе думаешь, Вадим! – сердито выговаривал другу Саша, когда в ожидании очередного вылета они прогуливались после обеда. – Сколько можно заниматься лихачеством. Ведь сегодня ты мог запросто угробиться!

Покрышкин уважал Фадеева за его высокое летное мастерство, преклонялся перед его необыкновенной храбростью, но вольностей, до которых был так охоч его верный друг,

решительно не одобрял. Вольности в небе, считал он, совершенно недопустимы.

– Саша, ну как ты не понимаешь, – искренне удивлялся Вадим. – Война в воздухе – это особая война. Нас потому и зовут соколами, что мы воюем, как птицы. Инстинктом! – Он поднял вверх большой палец правой руки для убедительности. – Математику и физику я оставляю тебе, ты от природы инженер, а себе беру стихию чувств…

– Кстати, о чувствах, – поймал его на слове Александр. – Я понимаю, у тебя любовь, сам грешен. Но пойми, Вадим, здесь ей не место. Посмотри, какие напряженные идут бои. Из полетов возвращаемся вечером, измотанные, а в четыре часа утра уже нужно быть на аэродроме. А ты еще у себя на квартире веселишься, водку пьешь. Твой организм не успевает отдохнуть, восстановиться…

– Не волнуйся, Саша, все в порядке, у меня силенок хватит, – отшучивался Вадим, но Александр не отступал:

– Отправил бы ты Людмилу к своим родителям, Вадим! А то разговоры по аэродрому ходят всякие. Ведь ее бывший муж воюет в соседнем полку. Парень геройский, говорят, но переживает, запил… Отправь, Вадим, поверь мне, так будет лучше для всех..

– Подумаю, Саша, обязательно над этим подумаю, – опять отшучивался Вадим.

В этот момент к ним подошел Погребной и услышал конец разговора.

– А ведь он дело говорит, Фадеев, – поддержал Александра замполит, – тебе надо крепко подумать над своим поведением, особенно в воздухе.

– Подумаю, Михаил Акимович, обязательно подумаю, – на этот раз серьезно пообещал Вадим и, махнув на прощание рукой, пошел к своей эскадрилье.

А Погребной с Покрышкиным направились на командный пункт.

– Поговори с ним еще раз, Саша. Он тебя лучше поймет и послушает, – попросил замполит. – Ребячества в нем хоть отбавляй, но оно скоро перебродит. Ведь летчик он замечательный.

– Да говорил я с ним, уже не раз говорил. Вот и сейчас, до вашего прихода, беседовали, – честно признался Саша. – Откровенно говоря, боюсь я за него. Ухарство в небе всегда плохо заканчивается.

На командном пункте Покрышкин обсудил с командованием сегодняшний случай нападения немцев на Фадеева. Поскольку немецкие охотники стали подкарауливать наших летчиков на

посадке, решили предпринять меры предосторожности, оставлять одну пару самолетов в воздухе для прикрытия аэродрома при возвращении с задания.

В полк пришло радостное известие: живой и невредимый вернулся на аэродром Козлов. Он подробно рассказал о том памятном бое, о странном поведении Паскеева, о своих приключениях, пока добирался к своим. Для Покрышкина окончательно стало ясно, что Паскееву доверять нельзя, но Исаев все медлил с выводами.

2

Погода на Таманском полуострове наладилась, дороги подсохли. Передышка для немцев закончилась. 56-я армия, несколько продвинувшись вперед, отбив все контратаки немцев, закрепилась на достигнутых рубежах. В войсках началась подготовка к штурму станицы Крымской – важного узла обороны противника.

Получив передышку на центральном участке фронта, немцы решили поправить свои дела на южном фланге – у Новороссийска. Здесь, почти у самого города, на крохотном клочке земли – мысе Мысхако, уже довольно продолжительное время геройски сражался десант советской морской пехоты под командованием капитана третьего ранга Цезаря Куникова. Для гитлеровцев этот десант был как нож у горла, и теперь они решили во что бы то ни стало сбросить моряков в воду. Одновременно они перешли в наступление и на других участках фронта под Новороссийском.

С обеих сторон по всей линии фронта на Тамани были задействованы крупные авиационные соединения.

16-му гвардейскому истребительному полку из штаба дивизии поступил приказ прикрывать наши наземные части с воздуха.

На аэродроме стоял неутихающий гул моторов. Четверки и шестерки истребителей из двух полков 216-й авиационной дивизии, одна за другой, отправлялись в район Крымской. Как обычно, командир полка Исаев стоял в окружении летчиков около штабной землянки и объявлял задания.

– Науменко! Поведете четверку, – слышался его негромкий голос.

– Есть!

Покрышкин выразительно посмотрел на Науменко: проси больше! Врага легче бить крупной группой. Но Науменко ждет: кого командир полка отправит вслед за ним.

– Покрышкин! Поведете четверку. Ведущий второй пары – Крюков.

Науменко довольно улыбается: вслед за ним пойдет опытная четверка, в случае чего помогут и, может, удастся отбиться от «худых», которые наверняка их встретят над передним краем.

– Есть! – ответил Покрышкин.

– Взлет через полчаса после Науменко, – сухо уточнил Исаев. – Пойдете для наращивания сил.

– Для какого наращивания? – невольно вырвалось у

Покрышкина. – Пока я появлюсь над полем боя, немцы сожрут четверку Науменко. Надо сразу идти восьмеркой!

Глаза Исаева налились непроницаемой чернотой.

– Вы поняли свою задачу?! Выполняйте!

– Есть, товарищ командир!

Все задания розданы, летчики направились к своим машинам. Оставшись у стола один, Исаев рассеянно смотрел в сторону летной полосы, где один за другим резво начали взлетать истребители. С некоторой задержкой до землянки доходил грозный рев их моторов.

«Черт бы побрал этого Покрышкина, – со злостью думал командир полка. – Все у него не слава богу! По своей воле, что ли, я посылаю эти группы. Приказ штаба дивизии – на передовой дежурство должно осуществляться непрерывно! А как его выполнить, если не хватает самолетов? Восьмерку ему подай… Это проклятое руководство полетами изматывает хуже, чем воздушный бой, в котором он участвует, а тут еще куча хозяйственных, административных и партийно-политических дел.

Голова кругом идет, не знаешь за что хвататься! А ему, видишь ли, восьмерку подай. Попробовал бы, что это за хлеб – командовать полком, тогда, может, разговаривал бы по-другому!»

А Саша, раздосадованный, в этот момент подходил к своему самолету. «Ушел бы этот черт поскорее в землянку, – думал он. – Если он не зафиксирует время вылета Науменко, я смогу подняться в воздух пораньше и помочь ему».

Он надел парашют, поднялся в кабину. Взглянул на часы – прошло только десять минут. Ждать было невмоготу, руки сами приступили к запуску мотора: открыл вентиль подачи топлива, перевел сектор газа на одну треть, включил зажигание. Послышался ровный свистящий гул. Мотор заработал, можно прибавить обороты. Взгляд на приборы – давление масла, уровень топлива, зарядка аккумулятора – чуть подрагивая, стрелки показывали норму. Махнул рукой Чувашкину – порядок. Привязные ремни на месте, обороты мотору, и «кобра», мягко покачиваясь на кочках, пошла на взлет. Рация, прицел – все включено. Можно снимать оружие с предохранителя.

– Взлетаем! – подал он команду своей четверке и подумал: «Представляю, что там сейчас делается, над этой самой Крымской. А что может представить себе Исаев, если он ни разу не ходил с летчиками на боевое задание? Только и знает, что посылать людей в огонь, да приказывать… именем Родины».

В воздухе отметил: взлетели на двадцать минут раньше. В наушниках уже слышались возбужденные голоса. Вот голос Науменко: «Иду в атаку… Не растягиваться! Над нами восьмерка

«мессеров».

Покрышкин доложил «Тигру» о своем подходе. Борманов тут же навел его на девятку «юнкерсов», которые уже ложились на боевой курс. Окрашенные в зеленый цвет, они терялись на фоне земли.

– «Юнкерсы»! Атакуем снизу!

Четверка пошла в пике. Стрелки бомбардировщиков тут же ощетинились пулеметными трассами. Выровняв машины, четверка «кобр» зашла сзади и снизу, с мертвой зоны. Теперь стрелки были неопасны. Первой в «юнкере» всадила пушечную очередь «тринадцатая». Бомдардировщик задымил.

– Сзади «мессеры»! – тревожно сообщил ведомый Федоров.

Саша оглянулся: четверка «мессеров» уже зависла над ними и посылала огненные трассы. Последняя очередь в «юнкерс», резкий рывок в сторону, крутой вираж, и атака «мессеров», которые навалились на Федорова.

К четверке «Ме-109» подошла помощь, и их стало уже больше десятка. Приходится вертеться, и о том, чтобы прорваться к «юнкерсам», не могло быть и речи. «Ошибся, – мелькнуло в голове, – не так надо было начинать!» «Юнкерсы» шли волна за волной. На аэродром вернулись злые, как собаки. И хотя летчики радовались, что вырвались живыми из пекла, на душе было муторно – не смогли прикрыть наши войска от удара бомбардировщиков.

– Где Науменко? – спросил Покрышкин, проходя мимо стоянки второй эскадрильи.

– Сбили… – удрученно ответил техник.

«Ну как сейчас разговаривать с Исаевым! – У Саши все кипело внутри. – Какого летчика сбили – Науменко! Сколько успешных боев мы с ним провели в сорок втором и уже здесь, на Кубани! Нет, так дальше воевать нельзя!»

Еще издали он заметил, что Исаев разговаривает с каким-то офицером. Оказалось – это генерал-майор Науменко, командующий воздушной армией, в которую входил Сашин полк, по делам приехал в Поповическую.

Покрышкин коротко доложил командиру полка о результатах вылета, умолчав о наболевшем, – что толку говорить, когда генерал и сам знает о малочисленности наших групп. Самолетов не хватало, вот и приходилось непрерывным патрулированием малыми группами пытаться защитить пехоту.

– Покрышкин, ты почему такой злой? – спросил генерал. Взяв Сашу под локоть, он пригласил его пройтись.

– Нельзя так воевать, товарищ генерал! – в сердцах воскликнул Александр. Все наболевшее наконец вырвалось

наружу.

– Чем недоволен, говори!

– А тем, что до сих пор мы пытаемся бить врага растопыренными пальцами. Это же не сорок первый год, товарищ генерал, а сорок третий. У нас позади Сталинград!

– Как же, по-твоему, надо бить?

– Кулаком! Только кулаком и точно в челюсть! Например, разве мы не можем посылать на перехват «юнкерсов» большую группу истребителей и встречать их еще там, за линией фронта? Что мы, как шмели, жужжим только над передним краем? И много ли может сделать четверка?

– Не горячись, расскажи подробнее, – попросил Науменко.

Что ни говори, а внимание начальства всегда трогает, особенно когда командир полка смотрит волком. Саша подробно стал излагать свои соображения: что немцы для расчистки неба перед приходом бомбардировщиков посылают до двадцати истребителей, а группы сопровождения бомбардировщиков еще больше. А что противопоставляет им наша сторона? Сменяющие друг друга четверки? В результате гибнут летчики, и какие! Вот сегодня потеряли опытного Науменко. Чтобы нанести врагу максимальный урон, мы тоже должны действовать большими группами. Не хватает самолетов, давайте удвоим число вылетов, усилим разведку, радиоперехват, чтобы раньше узнавать о подходе бомбардировщиков.

Генерал слушал его внимательно.

– Ну что же, Покрышкин, спасибо за откровенный разговор. Мысли у тебя хорошие. Командование подумает над твоими предложениями.

На этом и расстались. Генерал также остановил Фадеева, побеседовал и с ним.

«Надо искать новые тактические приемы, – решил про себя Александр. – Пока командование будет думать, мы будем по-прежнему летать мелкими группами».

И все-таки ему было приятно. Тот факт, что командующий воздушной армией вот так, запросто, по-товарищески, побеседовал с командиром эскадрильи, узнал, какие вопросы волнуют летчиков, чрезвычайно обрадовал и обнадежил его.

Генерал Науменко отделался, как говорят, общими фразами. Он не мог, просто не имел права, рассказать этому симпатичному ему капитану, что на Северо-Кавказский фронт в ближайшие дни ожидается прибытие представителей Ставки Верховного Главнокомандования во главе с маршалом Жуковым и командующим ВВС Новиковым, что из резерва Ставки ВГК на фронт планируется срочно перебросить три авиационных корпуса

и одну отдельную истребительную авиадивизию, что командованием разрабатывается план оказания мощной поддержки сухопутным силам и завоевания оперативного господства в воздухе.

Это были совершенно секретные сведения, поэтому и был генерал так скуп на обещания.

А в полку пока все оставалось по-прежнему.

Утром, 16 апреля, Исаев, как обычно, объявил четверки и поставил боевую задачу – патрулирование в районе Крымской.

На этот раз Покрышкин сразу же предупредил ведущего второй пары Речкалова о том, что они будут встречать бомбардировщиков не над Крымской, как они это делали обычно, а на подходе, то есть над морем.

Речкалов удивленно посмотрел на командира, но ничего не сказал. Он прекрасно понимал, что вести бой над вражеской территорией гораздо опаснее, чем над своей, как и то, что внезапное нападение на дальних подступах могло принести гораздо больший успех.

Они увидели их на фоне облаков – несколько девяток «Ю-87», «лапотников», как их еще называли летчики. Одномоторные пикирующие бомбардировщики с неубирающимися шасси с обтекателями, похожими на ноги, обутые в лапти. Пушки у них располагались спереди, а пулемет, которым управлял стрелок, мог стрелять только вверх, поэтому наши летчики старались атаковать их снизу.

«Юнкерсы» летели без прикрытия, как на параде. «Мессершмитты», очевидно, проскочили раньше и искали советских истребителей над передним краем, где они уже привыкли с ними встречаться. А экипажи «Ю-87», уверенные, что в воздухе над своей территорией все спокойно, даже не следили, что делается вокруг.

Первый «юнкерс» буквально напоролся на пушечную трассу и тут же кувыркнулся через крыло вниз. Вслед за ним второй дымным следом обозначил свой последний путь. Ему оказалось достаточно всего нескольких пушечных снарядов. Саша стрелял из пологого пикирования. Находясь вне поля зоны стрелков, двигаясь над бомбардировщиками, он выпустил длинную трасу, на которую немцы по очереди натыкались сами. Вот в прицеле показался следующий… Ярость, жажда кромсать, сбивать всех этих гадов переполняла его… Загорелся третий. Хорошо горят «Ю-87», как спички. Недаром наши летчики любят иметь с ними дело. Саша атаковал и снова атаковал. «Вот вам, сволочи, за Науменко, вот вам за Краснодар», – шептал он, в очередной раз нажимая на гашетки.

Строй «юнкерсов» сломался. Увидев, что машины первой девятки вспыхивают одна за другой, остальные, побросав бомбы куда попало, стали разворачиваться и удирать.

Покрышкин осмотрелся. Речкалов расстреливал «юнкерсы», оставшиеся ниже. Те из бомбардировщиков, которые следовали в конце строя, увидев впереди побоище, повернули назад, Саша принялся было их преследовать, но в воздухе появились «мессершмитты», вызванные по рации разбегающимися бомбардировщиками. Разделившись на две группы, они устремились с двух сторон к Александру, намереваясь взять его в «клещи».

Но не тут-то было. Гриша Речкалов со своим ведомым уже успели выскочить на высоту и сверху, стремительной атакой, ударили по фашистам.

«Молодец, Речкалов, – мысленно похвалил его Покрышкин. – С таким не пропадешь. При его умении взаимодействовать можно не бояться численного превосходства противника».

Две советские пары начали действовать по отработанной методике: лобовая атака, выход горкой на высоту. Пока одна пара внизу, вторая на высоте. Вторая атакует – первая набирает высоту. При этом обе пары постепенно смещались к переднему краю, ближе к своим. А вот и помощь – группа «лаггов», вышедшая на патрулирование.

Теперь можно было выходить из боя и направляться на свой аэродром.

Пока шли домой, Саша с теплым чувством думал о Речкалове. Кажется, что это было совсем недавно, как будто вчера. Довоенный аэродром в Бельцах. К дежурному на старте подошел неброский, среднего роста парень лет двадцати двух, представился – лейтенант Григорий Речкалов, выпускник Пермского авиационного училища, прибыл для прохождения службы, где можно найти командира полка?

Летное искусство Григорию поручили осваивать на «чайке». Через несколько дней, буквально накануне войны, он сел на ней «на живот». Вынужденная посадка произвела на парня столь сильное воздействие, что врачи направили его с нервным расстройством в Одессу на медицинское освидетельствование. Там его признали негодным к летному делу и предложили вернуться обратно в полк для оформления демобилизации. По дороге домой его и застала война.

Прибыв в полк, он сунулся было со своей медицинской справкой к оставшемуся на хозяйстве начальнику штаба Матвееву, но Никандрыч, в сердцах обматерив парня, порвал протянутую бумажку и приказал немедленно сесть на «чайку» и

лететь в Бельцы, где со своей эскадрильей сражается комэск Атрашкевич.

Через час Гриша был в воздухе и радовался, как ребенок – как здорово, что начальнику штаба сейчас не до бумажек, что о его болезни забыли и все неожиданно быстро утряслось. А что до встречи с противником, то тут все просто: длинная очередь из ШКАСа по «мессу», потом лобовая атака. «И-16» вверху, на вертикалях, а он на своей маневренной «чайке» будет драться внизу, на виражах и боевых разворотах. Он жаждал подвигов и верил в легкость побед, уверенный в себе и в своем самолете.

Ему действительно повезло, что в том полете он не встретился с «мессершмиттами», которые невооруженную, тихоходную «чайку», пилотируемую молодым, неопытным пилотом, сожрали бы в одно мгновение, как стая волков одинокую овцу.

Едва он приземлился в Бельцах и техники подготовили самолет, как вместе с Атрашкевичем, Фигичевым, Семеновым и другими вылетел на штурмовку немецкой колонны в районе Стефанешт. Вместе со всеми и Гриша бросал бомбы, строчил по немецкой колонне из пулемета.

Всего в этот день он с друзьями совершил шесть боевых вылетов. А вечером они подняли кружки с кислым бессарабским вином за победу, за чудесное Гришино выздоровление.

С каждым днем напряжение борьбы в Молдавии нарастало. Девятая армия, прикрывавшая правое крыло фронта, вела кровопролитные бои с фашистской группировкой, продвигавшейся от Каменец-Подольска к Кодыме и важной узловой станции Слободка. 55-й истребительный полк, такой у 16-го гвардейского раньше был номер, перебросили на аэродром в Котовск. За истекший месяц летчики накопили уже кое-какой боевой опыт, а Речкалов, освоив истребитель «И-16», сбил немецкий бомбардировщик «Ю-88».

Позже, во время напряженных боев на Днестре, Гриша в одном из боев с «мессершмиттами» получил тяжелое ранение в ногу и был эвакуирован в тыл. В госпитале он провалялся восемь месяцев, а когда поднялся, узнал из газет, что Красная Армия отбросила немцев от Москвы, выбила их из Тихвина, вышла на рубеж Северского Донца, освободила Лозовую и Барвенково, врезавшись глубоким клином в тыл гитлеровской группировке, оборонявшейся в Донбассе, заняла позиции на подступах к Таганрогу. Где-то там воевали и его однополчане, но как их найти, он не знал.

Вначале ему удалось попасть в запасной полк, где он освоил «Як-1», но тут опять на ноге открылась рана и его уложили в

санчасть. Как только осколки из раны вышли, Гриша, испросив у командира полка отпуск по состоянию здоровья, махнул на юг искать свой полк.

У него не было ни малейшего представления, где он находится: под Лозовой или у Барвенково, на Северском Донце или на Миусе. Он уже на пять дней просрочил свой отпуск и теперь держался подальше от патрулей, способных запросто его задержать и упечь в штрафбат. К счастью, щуплая фигурка с костылем под мышкой ни у кого не вызывала никаких подозрений – мало ли раненых ездило по железным дорогам в то тяжелое время.

Так Гриша добрался до Новочеркасска. И тут ему невероятно повезло. Совершенно случайно он познакомился на вокзале с одним летчиком, поделился с ним своими горестями, и неожиданно тот его обрадовал. Оказалось, что 55-й полк стоит по соседству с его частью, только теперь у него другой номер, 16-й гвардейский. Он прославился на весь фронт своими разведчиками, одна его эскадрилья находится в Нахичевани, а другая в Дарьевке, где-то возле Ровеньков в Донбассе.

Речкалов, не мешкая, взял курс на Нахичевань, и там, на счастье, оказались случайно прилетевшие ветераны – Крюков, Фигичев и сам Покрышкин. Встретили они его так, словно он вернулся с того света, всего измяли в объятиях. А он, косясь на их ордена и шпалы в петлицах гимнастерок, только ворчал: «Гвардейцы! Капитаны!.. Вот бы вас инструкторами в школу первоначального обучения, как меня…»

На радостях крепко выпили спирта, а потом компания сочинила коллективную телеграмму командиру полка: «Прибыл Гриша Речкалов. Сбежал из запасного полка. Немного хромает, но летать может. Умоляет простить и оставить, иначе жизни нет».

Отправили телеграмму и опять выпили. Гриша от слабости и дорожного недоедания сильно захмелел и стал расспрашивать о своих друзьях – Дьяченко, Селивестрове. Летчики неохотно и скупо рассказали об их гибели – в полку установился суровый уговор не тревожить память об ушедших бесполезными разговорами, чтобы не растравлять душу. Любые слова казались фальшивыми, когда речь заходила о мертвых героях. О погибших помнили всегда, они как бы незримо присутствовали среди живых, за них мстили в боях, но вслух говорить об этом… Нет, это не по-солдатски!

Еще несколько дней Речкалов пробыл в Нахичевани, потом поездом поехал в штаб полка. Иванов, опасаясь придирок особистов, встретил его нарочито сурово, влепил пять суток ареста – чтобы отдохнул и отоспался, – а потом отправил его в

Дарьевку заниматься разведкой.

Там Гриша за короткий срок сбил четыре немецких самолета, вошел в форму и почувствовал себя в бою уверенно. Здесь, на Кубани, счет сбитых им самолетов увеличился.

Вот наконец и Поповическая. Посадка. Четверка благополучно прибыла домой.

Такие вылеты Покрышкин стал практиковать часто, атакуя противника неожиданно, со стороны солнца, всегда на повышенной скорости, предпочитая свой излюбленный «соколиный удар». Его группы пехота начала узнавать по почерку.

Исаев постоянно менял состав групп, что создавало дополнительные трудности из-за недостаточной слетанности летчиков, но Покрышкин не отступал и каждый вылет использовал для обучения всех пилотов полка своим приемам. В основе его системы лежали скорость, высота, слетанность и надежность пар.

Атакуя бомбардировщики, он предпочитал круто спикировать, выполнить энергичный разворот с большой угловой скоростью, что не позволяло стрелкам вести прицельный огонь из пулеметов, прорваться к флагману и уничтожить его, лишив тем самым группу управления и создав среди экипажей замешательство, а затем уж бить каждый самолет поодиночке.

Когда бой велся с истребителями, он эшелонировал пары по высоте. Покрышкинская «этажерка» стала законом построения боевых порядков сначала летчиков 16-го полка, потом 216-й авиадивизии.

Саша всегда прекрасно стрелял. Умение точно поражать цель он начал оттачивать еще до войны, потом продолжал совершенствоваться во время боевых действий, но особенно эффективной его стрельба стала на Кубани, когда инженер полка Жмудь, по его просьбе, перевел управление всем бортовым оружием на его истребителе на одну гашетку. Идея эта возникла у Покрышкина после того, как выяснилось, что он часто возвращался с боевого задания, не использовав весь боекомплект.

В первом же бою от массированного огня его «кобры» немецкий бомбардировщик «Ю-88», эта мощная, двухмоторная цельнометаллическая машина, буквально развалилась на части в воздухе, а остальные из армады, увидев такое невероятное зрелище, сбросили бомбы куда попало и бросились наутек.

По возвращении летчики 16-го, выяснив в чем дело, тут же бросились к Жмудю с просьбой сделать им такой же перевод. На счастье, об этом новшестве не узнал Исаев, иначе наверняка бы запретил – не положено, нарушение инструкции.

Среди летчиков из других полков пошли разговоры о том, что

попасть к Покрышкину в прицел – это конец, разнесет в пух и прах, поскольку он посылает такой шквал огня, что никто не может устоять. Немцы его страшно боятся. Стоит ему появиться в воздухе, как они начинают предупреждать всех, кто в этот момент находится в зоне: «Внимание! Тревога! Покрышкин в воздухе». Опытные сразу прижимаются друг к другу, а молодых стараются не выпускать в воздух. Вот, мол, и нам бы иметь такое вооружение. Оружейники из 16-го, слушая эти разговоры, резонно замечали: «Сначала нужно научиться летать и стрелять, как Покрышкин, а потом думать о том, как воспользоваться его изобретением».

Но то, что немецкие связисты предупреждают своих летчиков о присутствии в воздухе Покрышкина, было сущей правдой. Об этом свидетельствовали материалы разведывательного перехвата переговоров немецких пилотов с землей и между собой.

Под вечер того же дня звену Покрышкина было приказано вылететь под Таганрог и на немецком аэродроме уничтожить советский истребитель «Як-7».

Как выяснилось, группа советских истребителей следовала на фронт, не долетев до Ростова, попала в сплошную облачность, сбилась с курса и, приняв немецкий аэродром за свой, пошла на посадку. Первый «Як» уже приземлился, когда второй при посадке заметил на летном поле автомашину с белым крестом на кузове. Ударив по газам, он взмыл вверх и успел по рации предупредить остальных. Группа прекратила посадку и с набором высоты ушла на свою территорию. А летчик первого самолета попал в плен.

Направляясь в штабную землянку после возвращения из-под Таганрога, Покрышкин обратил внимание на высокого, статного летчика в шлемофоне и кожаной куртке, нервно прохаживающегося неподалеку от входа в землянку. Решив, что это кто-то из начальства прибывающего пополнения, о чем уже знали летчики, Саша незаметно прошмыгнул мимо незнакомца и быстро спустился в землянку.

– Разрешите доложить, товарищ командир, – обратился он к Исаеву. Тот сидел за столом и о чем-то разговаривал с начальником штаба Датским.

– Докладывайте.

– Аэродром осмотрели, но «Яка» там не нашли.

– Хорошо смотрели?

– Лучше не бывает. Обе пары по очереди пикировали, но советского истребителя не обнаружили.

– Успели спрятать, – сокрушенно усмехнулся комполка. – Теперь смотрите в оба. Немцы наверняка попытаются использовать этот самолет против нас.

К предупреждению Исаева Покрышкин отнесся со всей серьезностью – сам когда-то летал на «мессершмиттах» и понимал, что немцы закрашивать звезды не будут.

В задумчивости он неспешно вышел из землянки.

– Покрышкин? – окликнул его высокий летчик.

Только теперь Саша заметил на его галифе генеральские лампасы.

– Так точно, товарищ генерал! – Саша отдал генералу честь.

– Савицкий, – представился тот и протянул Саше руку. – Ну как воюете?

По признакам на его лице, знакомым только летчикам, Саша догадался, что Савицкий только что вернулся с боевого задания, и полет этот, по всей вероятности, прошел не совсем удачно.

Генерал стал расспрашивать о повадках немецких пилотов, о тактике летчиков 16-го гвардейского полка, о боевых делах самого Покрышкина и его однополчан. Их тут же окружили летчики – свои и те, что прибыли на фронт в составе корпуса Савицкого, завязались оживленные разговоры, замелькали руки, как обычно, когда летчики объясняют эволюции самолетов, в общем, начался интересный профессиональный разговор. Генерал Савицкий как-то сразу расположил к себе летчиков из 16-го.

Время пролетело быстро, и пора было прощаться.

– Все, что вы рассказали, очень важно, – на прощание сказал генерал. – Очень важно. Мы обязательно организуем конференцию по тактике современного воздушного боя и пригласим вас, гвардейцев, поделиться опытом с нами. Не возражаете?

– С удовольствием, – ответил за всех Саша.

Савицкий его просто поразил. «Вот это командир, – с восторгом думал он. – Едва прибыл на фронт, а уже побывал в бою. Такой наверняка умеет ценить людей и все то, что они предлагают для победы над врагом. Не то что наш…»

Однако в ближайшие дни конференцию созвать не удалось.

3

17 апреля немцы перешли в наступление на Мысхако. На земле и в воздухе начались упорные бои. Бомбить Малую Землю принялись около пятисот бомбардировщиков под прикрытием двухсот истребителей. Бомбардировщики шли волнами по 40-60 машин, а сверху над ними «мессершмитты». Даже летчики, воевавшие с первых дней войны, такого не видели.

Немцы приступили к операции «Нептун». В бой была введена группировка численностью 27 тысяч солдат и офицеров. На Малой Земле в это время находилось около 15 тысяч десантников. Плацдарм был превращен в подземную крепость с десятками километров траншей, блиндажами, штольнями в скальном грунте.

«Штуки» – одномоторные бомбардировщики «Ю-87» полковника Эрнста Купфера, двухметрового гиганта с Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту на шее, волнами начали обрабатывать артиллерийские позиции, укрепления и опорные пункты советских войск.

Советских самолетов в воздухе было втрое меньше. Хотя для поддержки десантников, сдерживающих натиск четырех немецких пехотных дивизий, привлекли почти пятьсот машин, удаленность аэродромов от линии фронта позволяла советским истребителям находиться над районом боевых действий не более десяти-пятнадцати минут, и это обстоятельство серьезным образом снижало эффективность истребительной авиации. Кроме того, на трассе следования наших самолетов находились северозападные отроги Главного Кавказского хребта, что тоже затрудняло полеты, особенно когда низко опускалась облачность.

На полетных картах летчиков 16-го полка Малая Земля была заштрихована красным карандашом. Все знали – там окопались и стоят насмерть легендарные моряки во главе с Цезарем Куликовым, отправившие на материк написанную на листке кровью клятву «своими знаменами боевыми, именем жен и детей наших, именем нашей любимой Родины» выстоять. Летчики знали, что героев надо во что бы то ни стало прикрыть, а также обеспечить успешные боевые действия наших бомбардировщиков и штурмовиков.

Первой на боевое задание пошла восьмерка во главе с Покрышкиным. Вторую четверку в его группе вел Дмитрий Глинка, летчик соседнего 45-го полка, о геройских подвигах которого часто писала дивизионная газета. Группа прикрывала девятку пикирующих бомбардировщиков «Пе-2».

На подходе к Цемесской бухте им встретились «мессершмитты», и Глинка с ходу, без команды ведущего вступил с ними в бой. «Зачем он с ними связался, – с беспокойством подумал Александр. – Мог бы отпугнуть «мессеров» и вернуться в строй. Теперь за его подопечных «Пе-2» придется отдуваться нашей четверке. Ведь говорили же, что для очистки неба выделены «Яки» Савицкого».

Меж тем «петляковы» отбомбились, стали разворачиваться над морем домой и, как часто у них бывает, растянулись.

– Внимание! – подал команду Александр.

Она означала: усилить наблюдение, во время разворота наших бомбардировщиков немецкие «охотники» чаще всего атакуют отставшие машины.

Саша бросил взгляд в сторону Анапы: так и есть, клубится пыль, истребители уже взлетают. Скоро они будут здесь. Тут же его внимание привлекли несколько групп немецких бомбардировщиков, следовавших курсом на одной с ним высоте. Сердце заныло от мысли: сколько же бомб эта армада обрушит на малоземельцев. Нет, этого допустить нельзя! Вокруг «пешек» пока все спокойно, и за оставшееся время вполне можно разогнать немецкую армаду.

– Внимание! Всем приготовиться! Я атакую бомберов! – подал он своим команду. Тройка из его звена четко знала свою задачу – броситься в атаку, как только командир срежет ведущего и строй рассыплется.

У Александра начался свой отсчет: «Все! Атакую!.. Флагман растет в прицеле… Сбросить газ… Уменьшить скорость сближения… На ведение огня остается секунда… Держать в прицеле!.. Сколько снарядов несется навстречу… Мимо… Я зашел под углом… Все, можно нажимать на гашетку. – Машина затряслась от пушечно-пулеметной дроби. – Теперь вниз, иначе столкнусь!»

Он резко толкнул ручку управления вниз. Мгновение спустя с ревом над ним пронесся «юнкерс». И тут же он почувствовал, как куда-то исчезает сила тяжести, желудок подымается вверх, кажется, что сейчас он застрянет в глотке, пыль и какой-то мусор летят в глаза. «Черт, Гришка, не продул воздухом кабину», – едва успел он подумать, как голова врезалась в фонарь. Ручка на себя, и через мгновение он почувствовал облегчение.

Саша осмотрелся. Флагман горел, падая вниз. Его тройка била метавшихся фрицев. Глинка со своими сражался с «мессерами» в стороне.

Неожиданно примеру истребителей последовали наши пикирующие бомбардировщики. «Петляковы», непрерывно

стреляя из носовых пушек и пулеметов, пошли в лобовую атаку на «юнкерсы». В одно мгновение в небе все перемешалось в один клубок из огня, дыма и металла, и казалось, что из этого клубка живым уже никому не выбраться. Но нет, все «петляковы» оказались на месте. «Ну и командир у них, силен, ну и пилотяга! – в восторге думал Саша о ведущем бомбардировщиков. – Так бы домой дойти». Он прекрасно понимал, что все это были цветочки, а ягодки будут впереди.

«Юнкерсы» не выдержали, стали куда попало сбрасывать бомбы и разворачиваться на запад. «Петляковы» прекратили стрелять и сомкнули строй. На очередном развороте два из них отстали. «Сейчас немцы ими займутся», – подумал Александр, тревожно оглядываясь. Так и есть. Два «Фокке-Вульфа-190» уже подкрадывались снизу к бомбардировщикам.

Переворот, резкое пикирование, Саша сел на хвост «фоккера». Второго приготовился атаковать ведомый Островский. Немцы, увлеченные охотой за бомбардировщиками, ничего не замечали, их ведущий уже начал стрелять. «Сукин сын, получи и ты!» – Саша нажал гашетку. «Фоккер» сразу просел и, нехотя кувыркнувшись через крыло, пошел вниз. Круги на воде да облачко дыма в воздухе – вот все, что от него осталось через какое-то мгновение. «Петляков», отделавшийся легкими пробоинами, спокойно продолжал свой полет. Василий Островский тоже стрелял, но промазал, и его «фоккер» удрал. Они догнали свои бомбардировщики уже над сушей.

После приземления в Поповической состоялось резкое объяснение с Дмитрием Глинкой.

– Ты что, новичок? – с трудом сдерживая себя, отрывисто бросал Покрышкин. – Не знаешь, что нельзя оставлять бомбардировщики без прикрытия?

– Но все же обошлось. И я сбил «фоккера», – оправдывался Глинка.

– К черту твоего «фоккера»! Ты бросился в драку без разрешения командира, а мы потом отдувались за вас одной четверкой! Носились, как идиоты, из одного края в другой!

– Ладно, Саша! Не будем ссориться. Замечание справедливое. На будущее учту.

– Хорошо! Будем считать вопрос закрытым.

Второй вылет они провели вдесятером. К шестерке Покрышкина присоединилась четверка Глинки. Вновь прикрывали «Пе-2». На этот раз все действовали слаженно. Сбили десять «мессеров» и не потеряли ни одного своего.

Третий вылет за этот день для группы Покрышкина оказался трагическим – потеряли чудесного парня Володю Бережного. В

«волчьей свалке» над Цемесской бухтой, еще не набравшийся опыта Дмитрий Сапунов, увидев, как сверху на них валится группа «мессеров», потерял осмотрительность, резко бросил свою машину в сторону и ее винтом отрубил хвост у «кобры» Бережного. Забыв обо всем, летчики наблюдали, как Володя на парашюте опускался в холодные воды Черного моря, понимая, что его ожидает мученическая смерть и никто уже не сможет ему помочь.

– Я – Покрышкин! – раздался в наушниках суровый голос командира. – Всем занять свои места. Сапунов! Пристроиться к моей паре!

Они встрепенулись, быстро выполнили его команду.

4

Совещание у Верховного началось около полудня. Первый заместитель начальника Генерального штаба Антонов обстоятельно изложил Верховному Главнокомандующему свои выводы об обстановке на Северном Кавказе, а затем перешел к рассмотрению плана возможного использования сил и средств, имеющихся на Северо-Кавказском фронте и прибывающих туда в ближайшее время.

Сталин, с неизменной трубкой в руках, неспешно прохаживался по ковровой дорожке вдоль стола совещаний, на котором были разложены карты. Он был недоволен результатами наступления главным образом потому, что не состоялось окружение таманской группировки немцев. В ходе предварительной беседы накануне Антонов высказал мысль о том, что для выяснения причин, не позволивших осуществить хорошо продуманный план, и для того, чтобы наметить операции на будущее, неплохо бы послать на Кавказ группу во главе с маршалом Жуковым, чтобы она на месте могла ознакомиться с обстановкой и наметить планы дальнейших действий. Сталин ничего не ответил, да и Жукова еще не было в Москве.

Накануне вечером он вернулся из Белгорода и сейчас, сидя за столом напротив Антонова, сосредоточенно слушал его доклад.

– А что по этому поводу думает товарищ Жуков? – обратился Верховный к маршалу после того, как Антонов закончил свой доклад.

– Я не исключаю, товарищ Сталин, – спокойно начал излагать свои соображения маршал, – что немецкое командование намеревается использовать 17-ю армию, засевшую на Тамани, в наступательных операциях весной и летом нынешнего года. Считаю целесообразным ликвидировать как можно быстрее таманский плацдарм, отбросив противника в Крым.

Некоторое время Сталин молча прохаживался вдоль стола, потом подошел к его концу, ближнему к сидящим военным, остановился и, вглядываясь маршалу в глаза пристальным внимательным взглядом, произнес:

– Неплохо бы вам лично разобраться во всем на месте. Последнее время у Масленникова что-то не ладится. Усилия фронта ощутимых результатов не дают.

Он замолчал и пыхнул трубкой. Все ожидали продолжения, что он скажет еще.

– Возьмите с собой от Генштаба Штеменко и еще кого сочтете нужным, и побывайте там сами…

На этом же совещании Верховный дал согласие на использование особой дивизии НКВД из резерва Ставки под командованием полковника Пияшева. Эта дивизия имела наибольшую укомплектованность – 11 тысяч бойцов.

На следующее утро, 18 апреля, Георгий Константинович вместе с командующим ВВС Новиковым и наркомом Военно-морского флота Кузнецовым прилетели в Краснодар. На аэродроме их встречал командующий фронтом Масленников.

– Может, пообедаем? – предложил генерал-полковник.

Жуков отказался.

– Пусть накормят оперативный состав, – сказал он, кивнув головой в сторону спускавшихся по трапу сопровождающих его группу офицеров. – А мы давайте сначала поговорим о деле.

Масленников повез маршала с генералами в свой штаб, где уже находились вызванные заранее командующие 56-й, 9-й и 37-й армиями. Жуков заслушал доклады командующих и решил:

– Будем искать решение задачи южнее Кубани. Завтра же выедем на место.

На этом совещание закончилось, и представители Ставки решили перекусить – день клонился к вечеру.

На следующее утро Жуков и Штеменко прибыли на командный пункт 56-й армии в районе станицы Абинской. В ходе недавнего наступления эта армия наносила главный удар в обход Крымской, с юга, а вспомогательный – в обход с севера. Немцы бросили в бой свежие силы пехоты и танков. В воздухе господствовали люфтваффе. В результате 56-я только подошла к Крымской, но овладеть ею не смогла. Наступающие дивизии остро ощущали нехватку боеприпасов, нуждались в мощной поддержке артиллерии и танков.

Командарм Гречко, кратко доложив обстановку, прямо заявил:

– Товарищ маршал! Наступление, назначенное на завтра, не подготовлено!

Видно было, что командующий армией сильно волнуется.

Жуков, глядя на высоченного Гречко снизу вверх из-под козырька надвинутой на лоб фуражки, сурово произнес:

– Знаю! С твоим мнением согласен! Даю тебе на подготовку пять дней. Начнем 25-го. К этому времени подвезут боеприпасы, горючее, подойдет артиллерия РВГК, новые силы авиации. Кроме того, тебе придается полнокровная дивизия НКВД, с других участков фронта будут переброшены несколько дивизионов гвардейских минометов! Так что действуй!

У Гречко отлегло от сердца. С такими силами можно было воевать.

Осмотрев местность, маршал предложил Масленникову:

– Иван Иванович! Давай переводи свой НП сюда. Тут будешь ближе к войскам, и не надо тратить время на поездки в Краснодар!

Со свойственной ему решительностью Жуков приступил к делу. До начала наступления ему хотелось побывать в корпусах и дивизиях, посмотреть на все своими глазами. Он понимал – успешные действия на Кавказе обеспечат левый фланг в предстоящем сражении на Курской дуге.

5

Особого накала воздушные бои достигли 19 апреля. Сразу же большие потери понесли медлительные и слабозащищенные одномоторные бомбардировщики «Ю-87» полковника Купфера. Уже со следующнго дня они перешли только на ночные действия.

Покрышкин замечен армейским командованием: за неделю сбил девять немецких самолетов, а группа, которой он командовал, – тридцать. О нем написали в армейской газете.

Но сам он, поглощенный своими расчетами и планами, казалось, ничего не замечал вокруг себя и заботился только о том, как бы чего-то не забыть, не упустить возможности полного истребления вражеских самолетов.

Даже своими собственными воздушными боями он оставался недовольным. Ему казалось, что его действия еще не доведены до филигранного мастерства, когда каждая секунда заполнена полезной работой, когда все действия совершаются последовательно, четко, как хорошо отлаженный механизм. В воздушном бою он работал – так же обстоятельно и сосредоточенно, как когда-то на заводе, когда был слесарем-лекальщиком.

Еще больше его раздражали недостатки группового боя. Во взаимодействии между парами не было четкости, ведомые отрывались от ведущих, а те, увидев противника, забывали о подчиненных и сломя голову бросались на врага. Вон, уговорил Исаева разрешить вылет всем полком, и что?

– Неудачный вылет. Первый блин комом, – удрученно говорил он обступившим его летчикам после посадки.

– Почему неудачный? Нормальный, – пытался успокоить друга Фадеев.

– Хм, нормальный. Ненормальный! – с раздражением воскликнул Покрышкин. И пошел раскладывать все по полочкам: – Бомберов не встретили – раз, сбились в пчелиный рой, как бывало на «ишаках», – два. Разница только в том, что теперь рой был в вертикальной плоскости. И спрашивается, из-за чего, из-за двух паршивых пар «мессеров»… И все это из-за малой скорости патрулирования!

Проходивший мимо летчик из полка Дзусова Иван Бабак заинтересовался: о чем говорит капитан, раз летчики, вытянув шеи, так внимательно его слушают. Он подошел и тоже прислушался.

– Нет, надо было эшелонировать группу по высоте, тогда и толку было бы больше, – закончил свою мысль Покрышкин.

Потом резко повернулся к невысокому белобрысому летчику: – А ты, Мочалов, что кричишь, панику в воздухе разводишь? Информировать о противнике надо коротко и ясно.

– Так они же в атаку пошли – тут некогда было рассуждать, – стал оправдываться Мочалов.

– Так ты же кнопку передатчика на целых пять минут нажал!

Последние слова капитана потонули в хохоте летчиков, но лицо Покрышкина оставалось серьезным.

– Скажете тоже – пять минут, – обиделся Мочалов, задетый их смехом за живое.

– Конечно, пять минут. Мне команду передать не дал – так я и пошел в полупереворот, а за мной вся группа, и пошло, и поехало: кто полный переворот делает, кто – полупереворот. Полная неразбериха! Ничего не скажешь, здорово мы летаем.

Летчики притихли.

Сашу ужасно угнетало, что никак не удается наладить взаимодействие пар в группе. Появится самолет противника, и все, за исключением Речкалова, Федорова и еще нескольких «стариков», скопом бросаются за ним, нарушая порядок, строго обусловленный разработанным на земле планом боя. Многие стремятся прежде всего атаковать истребителей, вместо того чтобы всей мощью огня обрушиться на бомбардировщики. В эфире хаос – все разом кричат, вместо того чтобы молча выслушать приказы ведущего и коротко доложить о противнике.

Надо продолжать тренировать и тренировать.

20 апреля, в день рождения Гитлера, немцы предприняли решительный штурм Малой Земли.

В небе творилось что-то невообразимое. Воздушные бои велись почти на всех высотах. В этой карусели трудно было разобрать, где свои, где чужие. С земли людям было страшно смотреть на то, что творилось в воздухе… Самолеты носились, словно разъяренные осы, которым порушили гнездо. Страшный гул, молниеносные сближения в лобовых атаках, какой-то душераздирающий вой и свист моторов, грохот от стрельбы пушек и пулеметов, стремительные наборы высоты и пикирования! Горят самолеты, летчики опускаются на парашютах… Как в аду.

В одиннадцать тридцать советские бомбардировщики произвели массированный налет и сорвали наступление противника. Еще около сотни самолетов атаковали позиции вермахта спустя пять часов. Командующий 17-й немецкой армией вынужден был срочно приступить к перегруппировке сил.

Восьмерка Покрышкина прикрывала штурмовиков во время этой вечерней атаки. Вылет не заладился: не успели подойти к

месту штурмовки, как один из летчиков его восьмерки ввязался в бой со свалившимися сверху «мессершмиттами». Раздосадованный, комэск хотел было ругнуть пилота за своеволие, но, словно что-то почувствовав, оглянулся: желтое рыло трехпушечного «мессершмитта» висело метрах в пятидесяти над ним.

Руки и ноги сработали автоматически мгновенно – резко влево ручка, удар по правой педали с одновременным убиранием газа. В то же мгновение послышался сильный грохот. «Все! Амба!» – промелькнуло в голове. Но что это – машина как будто цела, хорошо слушается, а «мессер» уже промелькнул над ним своим закопченным пузом. Вот он уже впереди, виден, как на ладони. Прибавив газ, Саша бросился за ним.

А тот, уверенный, что «тринадцатая» подбита, решил приняться за другого русского, а когда спохватился, было уже поздно. Саша сидел у него на хвосте. Фриц махнул переворот – Саша за ним. Тогда немец спикировал, надеясь на скорость своей машины, но Саше только это и надо было. Когда немецкий пилот стал выводить свой самолет из пикирования у самой воды, он получил в хвост три очереди из пушки и пулеметов.

Позже Александр во всем разобрался. Оказалось, у него в полете отказал приемник – вот почему он не услышал предупреждение ведомого о появлении «мессершмитта». Интуитивно почувствовав немца у себя на хвосте, он мгновенно свалил свою машину в скольжение и вышел из него полупереворотом, на какое-то мгновение опередив начало стрельбы противника. «Месс» прошел так близко, что Саша услышал грохот его пушек, снаряды которых прошли мимо.

Подготовка советских войск к наступлению шла полным ходом. В 56-ю армию, наступающую на главном направлении, стали поступать артиллерия резерва Верховного Главнокомандующего, авиация с других фронтов, эшелоны с горючим, боеприпасами, необходимым снаряжением.

По приказу маршала Жукова авиация, начиная с 21 апреля, стала наносить массированные удары по обороне, базам снабжения и аэродромам противника. Авиация дальнего действия группами по пять-десять машин подвергла бомбардировке аэродромы 55-й эскадры люфтваффе в Саках и Сарабузе, а также 18 других аэродромов. Помогая малоземельцам, в воздух стали подыматься до двухсот самолетов, что сразу же сбило активность противника.

Командующий ВВС маршал Новиков быстро обнаружил, что дело страдает от распыления сил. Необходимо было срочно внести изменения в структуру управления авиацией Северо-

Кавказского фронта. Маршал принимает решение о переводе управления 5-й воздушной армии в район Курской дуги в состав Степного фронта, с передачей трех ее авиационных дивизий 4-й воздушной армии. Был упразднен штаб ВВС фронта, а его командующий Вершинин возглавил 4-ю армию. Командовавший ею ранее генерал Науменко получил назначение на Курскую дугу. Теперь авиацией фронта командовал только один штаб.

Все решения Новикова были утверждены Жуковым. Указания последнего оформлялись начальником штаба Северо-Кавказского фронта генерал-лейтенантом Петровым. Все делалось быстро и четко. Крутой характер Георгия Константиновича Жукова был всем хорошо известен.

Вместе с представителем Генерального штаба генералом Штеменко маршал побывал во всех армиях и лично поставил задачи командующим, а в 56-й армии встретился с каждым командиром дивизии и разъяснил ему его конкретную задачу. Поскольку подготовку наступательной операции к 25-му завершить не удалось, Жуков приказал отложить наступление до 29-го – только к этому сроку все силы и средства фронта могли быть приведены в полную боевую готовность.

6

А воздушные бои продолжались. Начинались они рано утром и длились до захода солнца. Летчики выматывались до предела. Лишь Вадим Фадеев со своим богатырским здоровьем неизменно сохранял бодрость духа. Как только сонные, невыспавшиеся летчики усаживались в старенький, разбитый автобус, на котором их доставляли из станицы на аэродром, тотчас же раздавался его могучий бас. «Утро самодеятельности» объявлялось открытым, и по дороге до аэродрома он развлекал народ: рассказывал анекдоты, пел волжские песни, со всеми подробностями начинал излагать какую-нибудь невероятную историю из своей жизни, пересыпая ее такими красочными деталями, что от смеха невозможно было удержаться. Пока доезжали до аэродрома, сонливость у летчиков проходила.

Бывало, что к вечеру у них не хватало сил выбраться из кабины самолета и, извлеченные оттуда с помощью техников, они засыпали до очередного подъема тут же, на чехле, под плоскостью своей машины.

А утром все повторялось сначала. Едва локаторы обнаруживали, что фашистская авиация поднялась в воздух, со всех аэродромов без промедления взлетали советские истребители, и начиналось!

На всех высотах – от бреющего до 5-6 тысяч, в небе разгорались бои с участием истребителей всех марок. Вой моторов, стрельба из бортового оружия. Горели самолеты, другие, подбитые, тянули на свою территорию, оставляя за собой шлейф черного дыма. Повсюду парашюты. Разноцветный купол – фашист, белый – наш, советский летчик.

С утра пятерка Фадеева на пяти тысячах. Впереди – безмятежное синее небо. Желтая нить пляжей тянется с севера на юг, а посреди лежит Новороссийск – угрюмый, страшный, в дымах и пожарах. Над Станичкой, где обороняются моряки Куникова, сплошная черно-желтая пелена разрывов. С обеих сторон мигают бесчисленные вспышки пушечных залпов – орудия бьют прямой наводкой.

Со стороны Геленджика, на небольшой высоте, без прикрытия появились три бомбардировщика «Ю-88». «Странно, – подумал Андрей Труд. – Одинокая тройка бомбардировщиков и без прикрытия… Тут что-то не так». Он хотел поделиться своими сомнениями с комэском, но тут же в наушниках раздался могучий бас Фадеева:

– За мной, браточки!

С высоты пяти тысяч метров он устремился на бомбардировщики. Ведомый Труд со всей группой, как положено, за ним. В последний момент, по привычке, Андрей крутнул головой и… ахнул: со стороны Анапы несколькими волнами двигались «лапотники», а над ними комариной стаей вились «мессершмитты».

– Фадеев! Фадеев! – закричал Труд. – Смотри вправо! Смотри вправо!

Теперь все стало ясно: «юнкерсы» выпустили для отвлечения внимания русских истребителей.

– Понял, Труд, понял! – отозвался Фадеев. – Все за мной!

Шестерка резко развернулась и ушла в сторону с набором высоты. Прикрывающая пара Речкалова тоже полезла вверх.

Первая десятка «Ю-87» и девять «мессершмиттов» прикрытия подходили к Мысхако. Летчики чувствовали себя спокойно. Ведь три «юнкерса» свою задачу выполнили, небо над Станичкой было чистым.

В этот момент, со стороны солнца, покрышкинским «соколиным ударом» на них обрушилась шестерка красноносых «аэрокобр». Четверка с ходу атаковала бомбардировщики, пара завязала бой с истребителями. Речкалов с ведомым остались в засаде.

Фадеев с ходу поджег флагмана. Через прозрачный плексиглас кабины неуклюжего «лапотника» было видно искаженное яростью лицо пилота, что-то кричавшего своим по рации. Нетрудно было догадаться, о чем он кричит: атакуют русские асы, нужна помощь, срочная помощь, иначе всем «штукам» здесь будет конец. Его подчиненные в панике уже побросали бомбы в море и повернули на запад.

Четверка Фадеева, разбившись на пары, стремительно выбивала немцев. Не дремали и верхние – один за другим в воду упали два горящих «мессершмитта».

В этот момент подошла вторая волна бомбардировщиков, а с высоты шесть тысяч метров опустилась восьмерка «мессов», прибывшая на помощь. Фадеев подал команду: «Сомкнуть строй», и «кобры» стали в кольцо, прикрывая хвосты друг друга. Напряжение боя достигло кульминации.

У Труда пересохло в горле, все чаще темнело в глазах при резких маневрах. Собрав волю в кулак, Андрей неотступно следовал за Фадеевым, прикрывая своего командира от наседавших немцев.

Одному Вадиму все было нипочем. Казалось, он не знал, что такое перегрузки, усталость и страх. Его могучий бас постоянно слышался в наушниках: то он кого-то подбадривал, то хвалил,

радостно комментируя каждую победу. И ребята держались, у них даже появилось второе дыхание.

На пятнадцатой минуте боя с моря подошла группа каких-то новых машин. «Фокке-Вульф-190», – догадался Андрей. С описанием этого самолета они знакомились еще на Каспии.

Искрин с ведомым Сутыриным развернулись было против вновь прибывших. «Ого! – невольно вырвалось у Николая, когда он увидел, как пилот «фоккера» стал живо перекладывать машину с одного виража на другой. – На скорости за ним не угонишься». Он решил поймать его на конструктивном недостатке – неожиданном сваливании «фоккера» в штопор при малой скорости. Резко убрав газ, они быстро подловили одного. «Есть почин! – раздался в эфире радостный голос Сутырина, с удовольствием отметившего, что горящий «Фокке-Вульф-190» врезался в море.

Но рано ребята радовались. Численное преимущество начало сказываться, и постепенно немцы стали прижимать шестерку Фадеева к воде. Вот когда пробил час Речкалова.

– Речкалов! Атакуй! – подал команду Фадеев. Первым же ударом сверху пара «аэрокобр» подожгла «мессершмитт». Остальные шарахнулись в стороны и ослабили кольцо.

– Фадеев! Фадеев! Я голодный! Я голодный!

Андрей Труд напомнил командиру, что горючее на исходе.

– Понятно! – отозвался Вадим. – Домой, браточки!

Резкий переворот и пикирование до бреющего. Андрей приготовился было повторить маневр командира, как тут, прямо перед носом его истребителя, возникло пятнистое, закопченное брюхо «мессершмитта». Недолго думая, он пальнул по нему из пушки и бросился догонять ведущего. Когда он выводил свою машину из пике, горящий «мессер» пронесся мимо и врезался в воду.

Труд осмотрелся. Следом шли пять машин, две вверху. Не хватало одной. Кого же? Оказалось – Дмитрия Сапунова. Все-таки подловили фашисты молодого пилота на вираже, когда он не удержался и отбился от своих, и сбили.

Во влажном небе Новороссийска еще видны были парные следы росчерков истребителей гвардейцев. «Сбили десять, потеряли Диму», – отрешенно думал Труд по дороге домой.

…В конце дня весь полк поднялся на прикрытие пикирующих бомбардировщиков «Пе-2», которые наносили удар по выявленному скоплению наземных войск противника. Две девятки «петляковых» прикрывала четверка Покрышкина.

Едва они отошли от аэродрома, как стал отставать его ведомый Василий Островский. Закапризничал мотор.

– Может, вернешься домой? – запросил по рации Александр.

– Нет, товарищ командир. Хочу драться. С машиной все будет в порядке.

Островский пока редко летал на такие важные задания и, понимая, что звену будет трудно без одного пилота, решил продолжать полет. Да и Александру не хотелось его возвращать: Вася так рвался в бой, так хотел отомстить гитлеровцам за смерть своих родителей, что он просто не смог запретить ему это сделать.

При подходе к линии фронта мотор у Островского задымил и Покрышкин, скрепя сердце, все-таки приказал ему вернуться.

Небо над Цемесской бухтой привычно кишело самолетами. На разных высотах сновали «Яки» и «кобры»; параллельно его группе, на той же высоте, шли другие эскадрильи бомбардировщиков и штурмовиков. Такое количество авиации он видел впервые. Саша не знал, что по решению Ставки Верховного Главнокомандования для восстановления равновесия сил на Кубань, помимо корпуса Савицкого, срочно передислоцировали 2-й бомбардировочный и 2-й смешанный авиационные корпуса.

Пора было начинать боевую работу. «Пе-2» вышли в заданный район и стали в круг. Первую попытку «мессершмиттов» помешать им прицельно отбомбиться по балке тройка «аэрокобр» сорвала довольно быстро.

Закончив бомбардировку, «петляковы» вышли на море для разворота, и вновь, как это бывало уже не раз, на них напали немецкие истребители. Первыми с ними сразилась пара Крюкова, потом пришла очередь Покрышкина. Он решил перехватить парочку «худых», направлявшихся к отставшему от своих «петлякову».

7

В 3-й группе 52-й эскадры люфтваффе стали вызывать особое беспокойство русские «аэрокобры» с красными обтекателями винтов и красной вертикальной чертой на киле, появившиеся в небе над Таманью в десятых числах апреля. Среди пилотов пошли разговоры, что это прибыло элитное подразделение, состоящее из асов, которые у русских называются «гвардейцами». Очень быстро немецкие пилоты выделили среди них Покрышкина, Фадеева, Крюкова. Их стали узнавать по почерку и номерам машин, написанным на фюзеляже крупными цифрами.

Особое опасение у немецких пилотов вызывал Покрышкин, летающий на «аэрокобре» под номером тринадцать. Атаки его групп были столь внезапны и стремительны, что немецкие пилоты совершенно не могли к ним приспособиться.

Часто со стороны казалось, что над линией фронта никакой единой группы самолетов нет. Так, отдельные пары проскакивают на противоположных или пересекающихся курсах. И вдруг откуда ни возьмись атаку производит группа и тут же вновь исчезает. Со своими пилотами Покрышкин разгромил уже несколько эскадрилий истребителей, не считая сбитых бомбардировщиков. Все отдавали себе отчет, что это только начало. Главные бои еще были впереди.

Всех пилотов предупреждали быть предельно внимательными в воздухе и сразу сообщать по рации, если будет замечена машина под номером тринадцать.

С другими было проще. Например, с Фадеевым, по мнению Вальтера Крупински, вполне можно было справиться. Фадеев, так же как и Даммерс или Цвернеманн, любил ввязываться в драки, крутить карусель. Рано или поздно его можно подловить.

Однажды он уже выследил Фадеева, когда тот возвращался с боевого задания на свой аэродром в Поповической. Крупински хотел провести атаку в момент посадки русского на аэродроме, но Фадеев почему-то раздумал садиться и стал крутить над Поповической восходящие бочки. Попытка атаковать его в мертвой точке оказалась безрезультатной. Заметив падающие на него сверху «мессершмитты», Фадеев резко бросил свою машину в сторону, и трассы прошли мимо. Задерживаться над вражеским аэродромом Крупински поостерегся, и его четверка с набором высоты ушла за линию фронта.

На исходе дня 24 апреля 7-я эскадрилья вылетела в четвертый раз за этот день. На подходе к цели они увидели одинокую «кобру» с красным обтекателем, которая возвращалась

к себе на аэродром. Судя по дымному следу, у нее были какие-то неполадки в моторе. Пауль Россманн тут же предложил Крупински предоставить молодым возможность потренироваться на русском. Биркнер и Мерчад, по очереди, стали в упор расстреливать советский истребитель, а когда он загорелся и летчик выбросился с парашютом, Даммерс не отказал себе в удовольствии расстрелять и его. Одним советским асом будет меньше.

Довольные почином, они с набором высоты пошли к Новороссийску. В районе Цемесской бухты яблоку негде было упасть от летающих там самолетов. Присмотрев себе цель – пикирующие бомбардировщики «Пе-2», которые только что отбомбились и разворачивались над морем, направляясь домой, Крупински приказал своим пилотам атаковать их.

Едва пара Даммерса подвернула к бомбардировщикам, как навстречу ей тут же выскочила парочка «кобр» с красными носами, осуществлявшая, по-видимому, прикрытие «Пе-2». Завязался бой.

Крупински с Хартманном облюбовали себе одиночный бомбардировщик, приотставший от своих во время разворота над морем. Они еще только прикидывали, какую им следует занять позицию для атаки, как вдруг увидели решительно направляющуюся к ним одиночную «кобру», тоже с красным обтекателем.

Из предосторожности Крупински сразу же пошел на солнце. Хартманн за ним. И тут он услышал в наушниках:

– Мой бог! Буби, ты видишь, кто нас атакует?! Да это же тринадцатая «кобра»! И в одиночку! Редкий шанс, Буби! Я поднимусь вверх. Как только увидишь, что я пошел с ним в лобовую, подходи к нему снизу. Как понял?

– Понял, Круппи, понял тебя! Иду вниз! – ответил Хартманн.

Сначала по отношению к тринадцатой они держались по бокам, изредка стреляя из пулеметов. Набрав высоту, Крупински развернулся и, посылая длинные трассы, начал атаку со стороны солнца.

Хартманн зашел «кобре» в хвост и стал стремительно сближаться.

– Поближе подойди, Буби! Чтобы в яблочко, наверняка! – крикнул Крупински.

«Кобра» быстро увеличивалась в рамке прицела. «Все, пора!» Пальцы Хартманна легли на гашетки пушек. Но что это? «Кобра» куда-то мгновенно исчезла.

– Круппи! Я потерял его! – закричал Эрих.

– Уходи! Уходи, Буби! – послышалось в наушниках. – Он уже

под тобой!

Но было поздно. Эрих почувствовал сильный удар по машине снизу. Мотор задергался и заработал с перебоями. «Спокойно, Эрих! – как всегда в минуту опасности, громко заговорил он. – Русский попал в мотор, но есть приличная высота и скорость. Разворачивайся!»

Резко развернув самолет, он со снижением потянул на запад, Верный Круппи крутился над ним, оберегая его от возможных атак противника, до тех пор, пока он не сел на «живот».

Через несколько часов пехотинцы доставили его в расположение третьей группы.

8

«Ну что, получили», – шептал Александр, разворачиваясь на свой аэродром и пристраиваясь к звену Крюкова. Он раскусил их сразу, понял – «охотники», пальца в рот им не клади, откусят по локоть. Решили взять его в вилку, пока бы он сходился с верхним, нижний, используя преимущество «мессершмитта» в скорости на горке, догнал бы его сзади и расстрелял в упор. На этом он и решил их подловить.

«…Только не торопиться! – осаживал он себя. – Рано отверну, он успеет поймать меня на упреждении… Уйду впритирку, в последний момент… Все!.. Сейчас он начнет стрелять!» Ударив по сектору газа, он резко бросил машину в крутой вираж. Чудовищная сила мгновенно прижала его к борту кабины, голова уперлась в свод полусферы, в глазах потемнело. Неимоверным усилием он толкнул ручку от себя и заработал педалями. Машина пошла на полный вираж со снижением и в считаные секунды поднырнула под нижний «мессершмитт». Сразу стало легче, в глазах прояснилось, и он увидел прямо перед собой зловещие кресты на крыльях, двойной радиатор, убранные в гнезда шасси, даже заклепки на закопченном фюзеляже. Чуть приподняв нос своей «кобрятки», Саша нажал на гашетки. Сработали пулеметы, а пушка молчала – видимо, заклинило снаряд. «Повезло этому фрицу, – подумал Александр, – иначе не дымил бы тут, а просто развалился бы в воздухе».

Возвращаясь в Поповическую, Саша вспомнил об Островском – дошел он домой или нет. В следующий раз надо будет обязательно взять с собой парня и помочь ему увеличить счет сбитых врагов, вселить в него уверенность в себе.

Девятнадцатилетний Островский прибыл в полк по окончании Сталинградской летной ттткольı. Стройный, веселый парень, всегда готовый прийти на помощь товарищу, он как-то сразу понравился всем в полку, и, судя по тому, как он держался в бою, из него мог получиться хороший истребитель.

Кто-то из заправских шутников, кажется, Фигичев, дал ему прозвище «сынок», и оно очень скоро прижилось. Так его все и звали – «сынок». А когда из Подмосковья ему пришло письмо, в котором земляки сообщили о мученической смерти от фашистских карателей его родителей, Саша обнял парня и сказал, что с этого дня он будет ему названым отцом и впредь они вместе будут мстить фашистам за его родителей, за горе и страдания, которые они принесли нашей Родине.

На аэродроме Покрышкин первым делом поинтересовался,

прилетел ли Островский. Ему сказали, что нет, он не вернулся. Где Островский? Что с ним могло случиться? Саша не находил себе места, спрашивал у возвращающихся летчиков, звонил по телефону в соседние части – никто ничего не знал.

Всю ночь он не мог уснуть. В памяти всплывали события, связанные с пребыванием Островского в полку, обрывки последнего разговора. «Мне моя фамилия не позволяет отсиживаться на аэродроме», – с обидой говорил Василий, имея в виду автора книги «Как закалялась сталь». И Саша тогда уступил, а сейчас терзался, считая, что напрасно проявил мягкость.

Утром, среди других сообщений, поступило и то, которого он так ждал. Кто-то глуховатым, едва слышным голосом сообщил по телефону, что летчик 16-го гвардейского истребительного полка Островский погиб и похоронен у станицы Кубанской. Его подбили немецкие «охотники». Когда он выбрался из горящей машины и раскрыл парашют, «мессеры» хладнокровно расстреляли его в воздухе.

«Так вот вы как! Так вот вы как поступаете с нашим братом! – В его сознании не укладывалось, что так можно поступать с безоружным человеком. Сколько раз, подбив немецкий самолет, он видел, как пилот опускается на парашюте, но ему и в голову не приходило, что его следует расстрелять. – Ну ладно! Что посеяли, то и пожнете! Теперь пощады не ждите».

Он похудел, под глазами запали тени, резкая морщина прорезала лоб. От постоянного недосыпания и предельного напряжения воли нервы начали сдавать, раздражала каждая мелочь, неудачи буквально выводили из себя. Особенно угнетали потери среди летчиков. Ведь почти все они были его учениками.

20 апреля, при возвращении домой после неожиданного выхода из боя, погиб талантливый парень Иван Савин, только что награжденный орденом Красного Знамени. Его, как и Василия Островского, подстерегли «охотники». 23-го погиб белорус Вербицкий. Выполняя приказание Покрышкина, ведущий Паскеев с ведомым Вербицким развернулись в лобовую атаку с четверкой «мессеров». Однако в решающий момент Паскеев вновь струсил, вильнул в сторону, бросил своего ведомого. Немцы умело взяли Вербицкого в «клещи» и расстреляли. Степан погибал, как и Володя Бережной, на глазах у друзей, опускаясь на парашюте в ледяную воду Черного моря.

Едва эскадрилья приземлилась, как Покрышкин выхватил пистолет и бросился к трусу. Неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы ребята не перехватили его и не отобрали у него оружие.

Тут же всей эскадрильей они пошли на КП и потребовали от

Исаева убрать Паскеева из коллектива. На этот раз командир полка вынужден был согласиться. Паскеева арестовали.

Несколько позже его судили. Усмотрев у него нервное потрясение после прошлогоднего подбития, судьи приняли решение о его переводе в авиацию связи. Весь личный состав полка возмутился. Человек, по вине которого погибли два отличных летчика, по существу, отделается легким испугом. Расстрелять! – потребовал коллектив.

Несколько позже был осужден еще один летчик, по вине которого погиб Герой Советского Союза Дмитрий Коваль и был подбит Михаил Сутырин.

Борьба за господство в воздухе

1

Штаб 4-й воздушной армии в станице Пашковской жил привычной фронтовой жизнью. Подъезжали и уезжали «Виллисы» с «Доджами», из раскрытых окон приземистой хаты слышался стрекот аппаратов связи, за столами озабоченные штабисты отрабатывали очередные задания частям, на почтительном расстоянии вокруг дома несли свою службу бдительные часовые.

Неожиданно над станицей на бреющем прошла четверка «аэрокобр». Заслышав грохот моторов, от которого посыпались лепестки у цветущих станичных садов, в доме раскрылось окно, и из него показался генерал с седыми висками.

– Сразу видно – гвардейцы прилетели, – сказал он сидевшим в комнате офицерам. Это был генерал-лейтенант Вершинин, командующий 4-й воздушной армией, высокий, статный военный с породистым лицом. Он вновь вернулся к большому столу, заваленному картами, и склонился над одной из них, но, вспомнив о летчиках, повернулся к стоявшему у двери коренастому, крепко сбитому капитану – своему адъютанту.

– Выезжай на аэродром! Заберешь там летчиков. Организуй им хороший завтрак, потом я их приму, – приказал он адъютанту.

– Есть, товарищ генерал! – козырнул адъютант и стремительно вышел. Вершинин любил, чтобы его указания выполнялись быстро и точно.

Генерал продолжил совещание.

…Последней на небольшую площадку на окраине Пашковской садилась «кобра» под номером тринадцать. В конце пробега она неожиданно крутнулась на месте и мягко легла на крыло. Когда поспешившие на помощь техники подбежали, плечистый капитан с орденами на груди удрученно рассматривал поврежденное шасси, которое при посадке попало в глубокую, засохшую после прохождения танков колею и надломилось.

С капитаном поздоровался прибежавший вместе со всеми командир эскадрильи связи армии старший лейтенант Олиференко. Занятый своими мыслями, летчик рассеянно ответил на его приветствие, потом поднял голову, узнав старшего лейтенанта, тут же спросил:

– Можешь связаться со штабом нашего полка и передать, чтобы к вечеру они прислали за мной «По-2»?

– Да вы не беспокойтесь, товарищ гвардии капитан, – успокоил летчика Олиференко. – Мы доставим вас сами. У нас же есть самолеты.

Капитан договорился с техниками насчет ремонта своей

машины и затем с Олиференко направился к стоявшей на краю поля автомашине. По дороге разговорились. Старший лейтенант рассказал, что службой своей он недоволен: начинал инструктором аэроклуба, дал многим ребятам путевку в большую авиацию, а сам застрял тут на «кукурузнике». Обидно.

Они уже подходили к «Виллису», когда Олиференко, неожиданно схватив спутника за руку, в сильном волнении произнес:

– Товарищ гвардии капитан! Поговорите, пожалуйста, с командующим, может, он отпустит меня в ваш полк.

– Так у нас же истребители! – с удивлением воскликнул капитан.

– Я и хочу в истребители. Не беспокойтесь, я быстро переучусь и вас не подведу!

– Товарищ Покрышкин? – прервал вопросом их беседу подошедший адъютант командующего армией. Покрышкин молча козырнул. – Прошу в машину, ваши товарищи уже ждут.

Покрышкин, сказав Олиференко, что попробует поговорить, заторопился к своим. Погрузившись в «Виллис», Крюков, Глинка, Семенишин и Покрышкин в сопровождении адъютанта направились в штаб армии. Ехали по извилистой проселочной дороге вдоль берега Кубани. С волнением всматривался Александр в знакомые места. Вот краснодарский пляж. Сюда он часто заглядывал до войны: поплавать в теплой речной воде, попрыгать в воду с вышки, погонять с ребятами на песке в футбол. Вон и сейчас на пляже уже собирается народ… Потом его мысли переключились на Олиференко. Вспомнилось, как трудно ему самому дался переход в истребители, и, если бы не моральная поддержка со стороны известного летчика-испытателя Супруна, не продолжительные беседы с ним тогда, за несколько лет до войны, во время отдыха в Хосте, неизвестно, как бы все и обернулось. А кто поможет Олиференко?

Его боевые товарищи шутили, строили догадки – зачем их вызвали в штаб армии, но Саша слушал их рассеянно. К тому же он чувствовал себя неважно – простудился, болело горло.

По прибытии в штаб адъютант привел их в сад возле дома, усадил за добротный, грубо сколоченный стол, официантка тотчас принесла закуски и полный чайник красного сухого вина. Капитан предложил им не торопиться, плотно закусить, совещание у генерала закончится, и тогда он их пригласит.

Летчики испытывали небывалые ощущения. От осознания, что не нужно лететь на боевое задание, что в спокойной обстановке можно выпить, закусить, а главное, что на таком уровне интересуются их делами, на душе стало просто благостно.

Они завтракали часа полтора, Саша успел даже побывать у врача, когда появился адъютант и предложил летчикам пройти к командующему. Они вошли в большой, просторный кабинет. Приветствуя их, генерал каждому пожал руку и пригласил рассаживаться. Летчики скромно расположились на стульях вдоль одной из стен кабинета, а Вершинин присел на стул напротив, в конце большого, обитого зеленым сукном стола. Странно было видеть этот довоенного производства стол в кабинете командующего – словно и войны никакой нет, а они собрались на производственное совещание.

– Ну что, товарищи, давайте посоветуемся, – просто начал Вершинин, живо вглядываясь в сидящих перед ним фронтовиков своими светлыми, цепкими глазами, – как нам лучше бить врага в воздухе.

Впервые Саша видел командующего так близко. В сорок втором, когда Вершинин вручал полку гвардейское знамя, он находился в конце шеренги построенного в линейку полка. Видно было, что за неполный прошедший год у генерала заметно поседели виски.

Вершинин начал с того, что охарактеризовал обстановку на фронте, назвал количество самолетов, которыми располагают обе стороны, а затем остановился на вопросах применения бомбардировочной, штурмовой и истребительной авиации. Самая важная задача сейчас, пояснил он, это завоевание на Кубани подавляющего господства в воздухе.

Из слов генерала отчетливо представлялась общая картина взаимодействия воинских частей, в которую включался и 16-й гвардейский полк – характер заданий, количественный состав групп, расчет времени при патрулировании в воздухе. Оказалось, что все это обусловливалось не прихотью командира полка Исаева, хотя и от него многое зависело, а конкретной обстановкой на фронте и планами вышестоящего командования.

Теперь, продолжал Вершинин, когда количество самолетов возросло, бомбардировщики и штурмовики будут действовать массированно. Это позволит им успешнее обороняться, но это также потребует изменения в тактике истребителей. Ну что ж, можно изменить, теперь ведь не сорок первый год. Теперь мы располагаем большим количеством истребителей и в состоянии не только посылать их группами на сопровождение бомбардировщиков, но и держать постоянно определенное их количество над передним краем, а также организовывать перехваты вражеских бомбардировщиков на подходе к линии фронта.

– Раньше противник навязывал нам свою волю, – подчеркнул

генерал, – а сейчас пусть он приспосабливается к нашей тактике. Разве от хорошей жизни «юнкерсы» стали сбрасывать бомбы, не доходя до цели и куда попало, даже на своих? Нет! Просто враг потерял численное преимущество. Он все больше теряет веру в свои силы, и тут самое время нам захватить инициативу в свои руки!

У Покрышкина чуть не вырвалось: «Правильно».

– Ну, а что вы по этому поводу думаете? – спросил у летчиков генерал. – Кто хочет высказаться? Покрышкин?

Саша стал по стойке «смирно», одернул гимнастерку.

– Скажу несколько слов о тактике, – начал он своим глуховатым баском. – Полностью согласен с вашей мыслью, товарищ генерал, о значении высоты для достижения успеха в воздушном бою. В этой связи не могу согласиться с правильностью приказа, в котором нам ограничили скорость патрулирования над передним краем. В результате скорость настолько мала, что она нас сковывает и не позволяет быстро переходить на вертикаль, когда завязывается воздушный бой.

В подтверждение этой мысли он привел несколько примеров из своей боевой практики. Потом перешел к другому вопросу: почему летчикам-истребителям не засчитывают те сбитые самолеты, которые падают на вражеской территории. Получается так: истребители будут встречать немецкие бомбардировщики на подходе к линии фронта, сбивать их, а им не будут засчитывать эти сбитые самолеты. Неслучайно многие летчики стремятся завязывать бой над своей территорией.

Поднял он и ряд других вопросов, как, впрочем, и его товарищи.

Вершинин всех внимательно выслушал, сделал себе пометки в блокноте, поблагодарил летчиков и объявил совещание закрытым. Летчики поднялись и направились к выходу. Тут командующий остановил Покрышкина и попросил его остаться.

Когда все вышли, он предложил Александру сесть за стол и сам сел напротив.

– Я слышал, что вы разрабатываете новые тактические схемы ведения боев и заносите их в специальный альбом? – спросил Вершинин, и в уголках его рта появилась легкая улыбка.

– Так точно, товарищ генерал, – охотно согласился Александр и достал из планшета предусмотрительно взятый альбом.

Вершинин стал внимательно его рассматривать, изредка обмениваясь с Покрышкиным короткими репликами. Они понимали друг друга с полуслова. То, над чем капитан бился месяцами, генерал решал тут же, на ходу, несколькими точными замечаниями.

Беседуя с капитаном, командующий по привычке исподволь к нему присматривался. Он сразу понял, что многое из того, что предлагает капитан, было уже известно. Воюя на крайнем южном крыле огромного фронта, проходящего через всю страну с Севера до Юга, Покрышкин, естественно, не мог знать, что там, на Севере, одновременно с ним другие, такие же ищущие, творчески мыслящие летчики думали над теми же тактическими вопросами.

Например, летом сорок второго летчики Юго-Западного фронта, летая на «ЛаГГ-3», тоже отказались от троек и стали применять пары, выравнивали их фронтом над полем боя, эшелонировали патрули по высоте; пользуясь несовершенной техникой, они уже тогда применяли вертикальный маневр. Сама жизнь учила летчиков, и часто они, воюя порознь на разных фронтах, одновременно приходили к одинаковым выводам.

Теперь, по мнению командующего, настало время собрать воедино все эти отдельные разрозненные крупицы боевого опыта и объединить их в строгую систему тактических приемов.

После Гражданской войны генерал около десяти лет служил в стрелковых частях, увлекся авиацией, сначала заочно окончил Академию имени М. В. Фрунзе, потом добился разрешения и поступил в Академию имени Н. Е. Жуковского, а будучи начальником оперативного штаба авиабригады, сумел убедить начальство отпустить его на учебу в авиационную школу в Каче, обучаясь в которой освоил пилотирование всех типов самолетов.

Так что Константин Андреевич со знанием дела всматривался в Сашины схемы и, задумчиво перелистывая альбом, нет-нет да бросал:

– Вот эта этажерочка нам пригодится. Только превышение я бы дал поменьше. Представьте себе: если нижней паре потребуется прийти на помощь верхней, она потеряет много скорости при наборе высоты… Тругольник хорош… Но вот здесь, на третьем развороте, я ставлю пока вопросительный знак: хвостик вы здесь все-таки подставили солнцу, а?

Потом Саша, с учетом замечаний генерала, внесет необходимые поправки в свои тактические схемы.

Так генерал переходил от одной схемы к другой, и беседа эта больше напоминала разговор двух специалистов, заинтересованных в поисках истины, но никак не разговор командующего армией, генерал-лейтенанта, и подчиненного ему командира эскадрильи, капитана по званию.

Особенно подробно они обсуждали вопросы применения радио в бою. Теперь, когда советские летчики получили истребители с прекрасной радиосвязью, ее, по мнению командарма, следовало научиться активно использовать во время

боевых действий.

Беседу они закончили во второй половине дня. Прощаясь, Покрышкин передал генералу просьбу старшего лейтенанта Олиференко.

– Какой же из него истребитель? – удивился Вершинин.

– Товарищ генерал, разрешите взять его в мою эскадрилью и помочь ему переучиться. Он хочет стать истребителем. Главное, что человек стремится к цели, а остальное все преодолимо.

– Что ж, я не возражаю, – подумав, сказал Вершинин и добавил: – Но смотри, капитан, он ведь привык летать на «кукурузнике». Хорошенько проверь его, прежде чем решишь посылать в бой.

Когда Саша приехал на аэродром, Олиференко, с нетерпением его дожидавшийся, от волнения даже не решался спросить о результатах разговора с командующим.

– Ну все, готовься сдавать эскадрилью, – сообщил ему Покрышкин и неожиданно улыбнулся своей широкой, доброй улыбкой.

– Серьезно? Вы не шутите? – Олиференко не верил, что его судьба может так быстро измениться.

– Какие могут быть шутки. Командующий отпускает тебя.

– Спасибо, большое спасибо, – дрожащим от волнения голосом проговорил старший лейтенант. Другие слова ему в этот момент не приходили в голову.

Потом он сам вызвался доставить Покрышкина в Поповическую на своем «Пе-2». Наблюдая за ним в полете, Саша думал: «Надо же. У человека «теплое» место, мог бы сидеть тут до лучших времен, а он нет, сам рвется в пекло. Да, это настоящий русский человек. Патриот в подлинном смысле этого слова».

От этих мыслей на душе стало тепло – они принимали в свое воинское братство достойного воина.

2

– Господа, на фронте наступило временное затишье, – начал свое выступление на совещании летного состава третьей группы 52-й эскадры люфтваффе ее командир капитан Гюнтер Ралль. – Усилия вермахта в районе Новороссийска успехами не увенчались. В течение всего этого сражения перед нашей группой стояли две задачи: защита с воздуха пехоты вермахта и прикрытие собственных бомбардировщиков от атак советских истребителей. В обоих случаях нам вначале противостоял малочисленный противник. Кроме того, летая с удаленных аэродромов, русские не могли долго находиться в воздухе. Мы базировались, как вы знаете, в 40-50 километрах от Новороссийска. Все это позволяло нам на первых порах господствовать в воздухе.

Ралль замолчал и стал внимательно всматриваться своими черными глазами в лица собравшихся в палатке. На него смотрели суровые, обветренные лица воинов. В первом ряду сидели известные в люфтваффе асы – Ганс Даммерс, Альфред Гриславски, Иозеф Цвернеманн, Вальтер Крупински и другие. Из-за их спин выглядывали лица «детишек» – молодых летчиков, еще не имевших столько побед, чтобы считаться асами. Все были сосредоточенны, в палатке стояла тишина, лишь отдаленный гул работающего на аэродроме двигателя приглушенно доносился сюда.

– Но, к нашему огорчению, господа, такое положение закончилось, – продолжил Ралль. – Русские извлекли уроки из своего печального прошлого. Они не только приняли на вооружение в качестве основных тактических единиц пары и четверки, но их истребители стали летать на полной мощности двигателя, постоянно сохраняя высокую скорость. При атаке это позволило им сократить время между обнаружением наших самолетов и нападением на них, что часто застает наших пилотов врасплох. При обороне такая тактика уменьшила наши шансы на неожиданные заходы к русским в хвост и увеличила время, необходимое для выхода на дистанцию открытия огня. Другой мерой русских против наших наземных войск стала манера летать большими группами. Наше счастье, что пока они слабо организованы, но я думаю, что и этот недостаток они скоро устранят. Очень эффективным оказался их новый порядок – «этажерка».

Ралль с трудом выговорил это русское слово, помолчал, потом опять продолжил:

– В общей сложности, господа, мы потеряли около двухсот шестидесяти самолетов.

Командир группы замолчал, и пилоты опять на его речь никак не реагировали.

– Господа, я полагаю, что передышка будет недолгой и в ближайшие дни ожесточенные сражения возобновятся. Нам необходимо подумать, что мы можем противопоставить новой тактике русских, проявить все свое умение и хитрость, чтобы победить русских на Кубани. К этому нас призывает наш великий фюрер. Хайль Гитлер!

Он выбросил руку в приветствии, давая тем самым понять, что совещание окончено. В полном молчании летчики поднялись и стали расходиться. Ралль попросил командиров эскадрилий остаться.

– Господа, – сказал Ралль, когда рядовые летчики вышли. – Я уполномочен передать вам секретную директиву командира 52-й эскадры полковника Храбака. Согласно этой директиве нам следует организовать охоту за несколькими русскими летчиками, в частности, за Покрышкиным, Глинкой, Фадеевым, Семенишиным, Скомороховым, Горбуновым. Особенно опасен Покрышкин. Кроме того, что он регулярно сбивает наши самолеты – летчики говорят, что на его самолете «кобра» под номером 13 установлены особо мощные пушки, от удара которых наши бомбардировщики разваливаются в воздухе на части, и это наводит страх на всех пилотов, – он еще постоянно руководит в воздухе группами истребителей. Об этом свидетельствуют материалы нашей радиоразведки. Я не исключаю, что все эти тактические новинки, которые стали применять русские, – тоже дело его рук. Господа, нам надо проявить дьявольскую хитрость и изворотливость, но этих русских непременно сбить. Повторяю, особенно важно сбить Покрышкина. Для этого необходимо организовать засады. Полковник Храбак приказал регулярно направлять в воздух пары с кислородным оборудованием для организации засад на большой высоте. Некоторые результаты в этом плане уже достигнуты. Полковник Храбак также надеется использовать русский истребитель «Як», попавший к нам в плен под Таганрогом. Сейчас один из наших пилотов активно его осваивает. Свободны, господа! Обер-лейтенант Крупински! Вам вылет на прикрытие группы бомбардировщиков в район Крымской. Желаю всем удачи, и будь что будет!

Эрих Хартманн ожидал командира, прогуливаясь у палатки. За последнее время они с Вальтером не только «слетались», но и подружились на земле.

– Буби! – радостно воскликнул Крупински, появляясь на свет

божий из сумрака палатки. – Буби! Наши планы совпадают с приказом командира эскадры. Приказано охотиться за русскими асами, в том числе и Фадеевым. Еще назвали Покрышкина, Глинку…

– Покрышкина – бр-р! – Хартманн скривился, словно в рот попало что-то кислое. В памяти еще были свежи воспоминания о бое над Цемесской бухтой, когда он чудом остался жив.

– Ладно, черт с ним, с Покрышкиным. Меня интересует только Фадеев!

Они направились к стоянке своих самолетов. По пути Круппи вновь стал рассказывать о своем столкновении с Фадеевым.

– Представляешь, вчера, под вечер, он засек меня сразу, как только я за ним увязался, и, резко отработав рулями, увернулся и проскользнул вниз. Рванув за ним, я было потерял скорость, но все же успел поймать его в прицел. Даю короткую очередь… Мимо! Проклятие! Он опять увернулся, – Крупински показал руками эволюции русского, – и исчез из моего поля зрения. Этот парень хорошо знает сильные стороны своей «кобры». Мне еще не доводилось видеть, чтобы кто-нибудь выделывал на ней такие пируэты. Я думал, у него отвалятся плоскости. Но плоскости остались на месте, а этот русский начал танцевать со мной какой-то дьявольский танец. Дважды я стрелял, но мои трассы проходили мимо. Зато он после одного из виражей умудрился сесть мне на «хвост». Представляешь? Теперь уж мне пришлось изворачиваться, но в конце концов он все-таки всадил в меня очередь, угодил куда надо. Пришлось садиться на «живот», – уже совсем не весело закончил Крупински.

– Да уж. О твоей посадке знает уже вся эскадра, – улыбнулся Хартманн.

Действительно, это была эффектная посадка. Крупински прочесал брюхом своего «мессершмитта» длинную полосу на кубанском лугу, заминированном немецкими пехотинцами. Пока самолет, как утюг, несся по траве, одна за одной за ним взрывались мины. Крупински же решил, что его обстреливает советская артиллерия, поэтому, едва самолет остановился, он выбрался из кабины и хотел броситься в кусты. Он уже находился на плоскости «мессершмитта», когда услышал окрик на немецком языке. Кричал пехотинец, внимание которого привлекли разрывы мин.

Целых два часа потом понадобилось его однополчанам для того, чтобы с помощью миноискателей освободить пилота. После этого происшествия, реакции, которую оно вызвало у пилотов эскадры, Вальтер просто сгорал от нетерпения снова схлестнуться с Фадеевым.

– Как ты себя чувствуешь после вчерашнего «дня рождения»? Визита к Хельге? – поинтересовался Хартманн. Накануне Крупински здорово напился.

– Не волнуйся, малыш, я в прекрасной форме.

Они подошли к ожидавшим их летчикам эскадрильи. Хартманн поздоровался с Хансом Биркнером. Имея на своем счету восемь сбитых самолетов и сто десять боевых вылетов, Эрих в двадцатых числах апреля был назначен ведущим пары, а Ханс стал его ведомым.

Теперь Эрих мог реализовать свои планы относительно тактики ведения воздушного боя. По этому поводу у них вчера на «дне рождения» Крупински состоялся серьезный разговор. Оба признали, что в связи с продвижением германских войск в глубь России фронт расширился настолько, что истребителей для его прикрытия уже не хватало. Линии коммуникаций растянулись, снабжение подразделений топливом и запасными частями для самолетов резко ослабилось. А эти зимы! Из-за непогоды увеличивалось количество аварий, ухудшились условия для работы техников.

– Знаешь ли ты, Ханс, – угрюмо говорил захмелевший Хартманн, – что на фронте протяженностью более трех тысяч километров у нас осталось только четыре истребительных эскадры, из которых в одной только две группы самолетов. Знаешь ли ты, что мы несем большие потери, а новое пополнение уже не имеет такой подготовки, какую получили мы в свое время. Чтобы выжить в этой войне, надо применять новую тактику. Иначе все погибнем…

Он замолчал и стал цедить шнапс мелкими глотками. Ханс терпеливо ждал, когда он продолжит. И дождался.

– Нашим козырем должна стать внезапность. Понял? Внезапность. Забрался повыше, наши моторы сильнее, зашел со стороны солнца и атаковал. Добился успеха или нет – неважно, быстро уходи вверх, там осмотрись, оцени обстановку и, если есть возможность, атакуй вновь. Заходи снизу, как это делает Ралль. Всегда держать себя под контролем, не бросаться в бой сломя голову. Маневрируй быстро и агрессивно, огонь открывай с близкой дистанции, когда твой прицел будет полностью заполнен вражеским самолетом… Если будем так драться, тогда, может быть, выживем.

Биркнер заметил, что, став командиром пары, Хартманн какое-то время подражал Вальтеру Крупински, но это длилось недолго; очень быстро у него выработался свой почерк: спокойные, хладнокровные действия в бою и простое, доступное поведение на земле.

Ралль всячески поощрял в своей группе дух соперничества. Стремление быть первым в группе, в эскадре, даже в люфтваффе, знать, что о тебе все говорят, что о тебе пишут в газетах – все это подталкивало летчиков к риску, становилось мощной движущей силой.

По ночам пилоты собирались вместе, слушали новости, знакомились с показателями боевой работы каждого, которые вывешивались на специальной доске, обсуждали случаи, которые происходили с отдельными из пилотов. Постоянно растущее число сбитых русских самолетов усиливало уверенность в себе у одних, подогревало честолюбие у других и в целом поддерживало боевой дух в коллективе группы.

Такие традиции в 52-й эскадре заложил Иоханнес Штайнхоф, начинавший командиром эскадрильи, а затем ставший командиром второй группы в эскадре. Через его руки прошли многие из тех, кто впоследствии стал известным асом в люфтваффе. Среди них были Ханс-Иохим Марсель, Вилли Батц. А Вальтер Крупински, по прибытии на Восточный фронт, летал ведомым Штайнхофа.

Вот только Хартманн, перенимая все лучшее, по характеру не походил на типичного летчика из эскадры: несмотря на свои успехи, он стал относиться к ним безразлично. Удалось сбить русского – хорошо, не удалось – он не расстраивался.

– Внимание! – подал команду Крупински. Летчики прекратили разговоры и стали по стойке «смирно». – Слушай мой приказ, – объявил Вальтер. – Вылетаем на прикрытие наших бомбардировщиков. Драться с истребителями противника только по моей команде. Если я дам команду атаковать, каждая пара самостоятельно начинает бой.

При атаке – цель номер один бомбардировщики и штурмовики. Если, конечно, не будет нападения на наших. Если я со своим ведомым атакую, вторая пара остается наверху и прикрывает нас. Когда я пойду вверх, атакует вторая пара, а мы следим сверху. Остальные две пары действуют так же. Если мы встретим большую группу самолетов, каждая пара атакует самостоятельно. Начинать по моей команде. Надеюсь, что никто из вас не опозорит меня, нарушив дисциплину в воздухе. С богом!

Летчики направились к своим самолетам.

– Буби! Момент, – остановил Вальтер Хартманна. – Буби, будь внимательным. Если он встретится, я постараюсь затянуть его на виражи. Русские любят драться на виражах. Но «аэрокобра» не «Як», она слабее на виражах. Ты должен быть начеку. Как только я выйду с виража на горку, он тут же должен броситься за мной. Вот тут наступит твой момент. Понял? Я дам знать. Главное, ты

должен опередить его ведомого. Все. По машинам!

И они побежали к своим самолетам.

Крупински надел парашют и забрался в кабину «мессершмитта». Машина была новой, в полете предстояло выполнить несколько фигур высшего пилотажа, чтобы ее немножко «облетать», почувствовать ее особенности. Дело привычное, он уже забыл, сколько поменял за эту войну самолетов.

Вальтер прикидывал в уме предстоящий бой, а руки сами начали предполетную подготовку машины. Наконец он переключился. Открыть подачу топлива – открыл. Сектор газа на треть… Сделать прокачку – сделал несколько раз. Закрыть водяной радиатор, винт на автомат… Зажигание? Включил… Кажется, все в порядке, можно давать механику отмашку, чтобы раскручивал стартером винт. Так, начали… Есть свистящий гул… Готово – это кричит механик… Значит, все в порядке. Вот мотор, чихнув пару раз, схватил и ровно заработал.

Беглый взгляд на приборы – давление масла, уровень топлива в баках, зарядка аккумулятора, система охлаждения – все вроде в порядке… Можно прибавлять обороты и выруливать на старт. Направление ветра сегодня – слева…

Крупински затянул привязные ремни, показал механику большой палец – все в порядке, спасибо за подготовку машины, – дал газ и пошел на взлет.

Привычное ощущение давления на тело от ускорения. Машина оторвалась, земля стала стремительно удаляться. Убрать шасси! Мигнула красная лампочка, и тут же легкий толчок в корпус самолета. Это легли в гнезда шасси. Теперь проверить закрылки, снять с предохранителя пушки, проверить электрический прицел и рацию. Все в норме – машина готова к бою.

Пока взлетали и занимали место в строю другие пилоты, Крупински выполнил горку и несколько бочек. Машина вела себя безукоризненно.

Он осмотрелся и подсчитал своих. Его ведомый лейтенант Пульс – на месте. Вторая пара – лейтенант Ори Блессин с сержантом Юргенсом. Далее ведущий второй четверки Эрих Хартманн с Хансом Иохимом Биркнером и фельдфебель Бахник с лейтенантом Вестером. Все на месте, можно двигаться к Крымской.

Было солнечно, день обещал быть хорошим. Скоро столбы дыма и мерцающие вспышки разрывов впереди обозначили линию фронта. Со станции наведения передали – советские штурмовики обрабатывают позиции немецкой пехоты. Они их

вскоре увидели, как и группу прикрытия из истребителей «Ла-5» и «Як-7», кружившую над штурмовиками. Свои бомбардировщики почему-то задерживались.

Крупински решил атаковать штурмовики, но тут в наушниках послышался тревожный голос Хартманна:

– Пунски, выше нас восьмерка «кобр»!

– Вижу!

Через секунду Хартманн сообщил:

– Ведущий идет на нас! Похоже, это «кобры» с красными носами!

– Понял, Буби! Понял! – отозвался Крупински и тут же подал своей восьмерке команду: – Все уходим наверх! Боя не принимать! Осмотреться!

Восьмерка «мессершмиттов» круто пошла на солнце. Тут же с земли, со станции наведения, послышалось: «Внимание! Внимание! Покрышкин в воздухе! Покрышкин в воздухе! Высылаем помощь!»

И через несколько секунд: «Для «Карая-1». Фадеев в воздухе! Для «Карая-1». Фадеев в воздухе».

– Понял вас! Я – «Карая-1». Понял вас! – отозвался Крупински, мысленно поблагодарив очкастого оператора, что тот выполнил его личную просьбу – сообщить о появлении в воздухе его русского персонального врага. Тут же он предупредил Хартманна: – Буби! Они оба в этой восьмерке. Будь начеку! Пока подождем!

Они стали ходить в стороне, наблюдая, как «кобры» схватились с вновь прибывшими «мессершмиттами».

Подошла группа пикировщиков «Ю-87», и Крупински приказал шестерке спуститься вниз на ее прикрытие, а сам с ведомым остался вверху.

Наконец Крупински выбрал момент и стремительно бросился в лобовую атаку с русским. Машина Фадеева, мгновение назад казавшаяся точкой в синеве безоблачного неба, стремительно нарастала. Зная по опыту, что стрельба на встречном курсе малоэффективна, Вальтер всегда старался отвернуть пораньше, с тем чтобы, опередив противника в развороте, занять лучшую позицию для повторной атаки. Вот и сейчас, выбрав момент и пустив для острастки парочку трасс, он резко крутнул «мессершмитт» в сторону, как бы подставляя его под удар русскому.

К его удивлению, Фадеев за ним не погнался, как в таких случаях делали другие летчики, а кинул свою «кобру» вверх.

Вальтер понял: это не случайный маневр. Стало ясно – навязать ему свою волю и заставить драться на виражах на этот раз не удалось. Разгадав его маневр, Фадеев рывком выскочил на

несколько сотен метров вверх и сразу стал опасен. У кого высота, тот и хозяин неба.

«Как быть, – лихорадочно соображал Крупински. – Я ниже русского, вести бой на вертикальном маневре для меня опасно, а на горизонтальном – он не хочет. Да и виражи для меня сейчас опасны».

А Фадеев, не теряя даром времени, стал забираться выше, намереваясь, очевидно, набрать высоту и атаковать сверху. Крупински ничего не оставалось, как броситься следом и, пользуясь преимуществом «мессершмитта» в мощности двигателя, попытаться связать противника боем и помешать ему занять выгодное положение.

Заметив, что Крупински устремился за ним, Фадеев резко развернулся и пошел навстречу. Снова лобовая атака, и опять трассы обоих, пройдя мимо, растаяли в бездонной голубизне неба.

Наконец Крупински удалось добиться того, к чему он стремился с самого начала, – они перешли на виражи. Теперь успеха добьется тот, кто лучше владеет техникой пилотирования. А в том, что у него она лучшая, – самонадеянный Крупински не сомневался.

Положив машину на крыло градусов под восемьдесят, «граф Пунски» начал вращать ее с максимальной угловой скоростью. Мотор выл на предельных оборотах. В глазах поочередно мелькали горизонт, небо, солнце, земля под ногами кружилась волчком. Только самолет Фадеева застыл, словно прикленный, слева. «Странно, – подумал Вальтер, – кажется, этот русский совсем не уступает мне в качестве пилотирования. Стоит сейчас допустить ошибку, чуть-чуть перетянуть или ослабить рули управления, и мой «Ме-109» собьется с этого наивыгоднейшего бега по кругу, а русский своего не упустит – сразу прилипнет ко мне сзади».

Один, два, три, четыре… – он сбился со счета, пытаясь считать виражи. От чудовищной перегрузки стало темнеть в глазах, тело вдавило в кресло, словно на него упал огромный груз, ноги стали тяжелыми, как будто налитыми свинцом, ими трудно было пошевелить. А Фадеев по-прежнему ни с места. «Проклятие! Мой бог! А ведь он сильнее меня! Пока не поздно, надо уступить», – появилась у Пунски предательская мысль. Самолет от чрезмерной нагрузки тоже задрожал, предупреждая, – еще немного, и сорвусь. «Все, дальше насиловать машину нельзя, иначе сорвусь в штопор, а это верная смерть», – решил Крупински.

Он снял давление с рулей управления, и «мессершмитт»,

тотчас опустив нос, зарылся. Эти действия нарушали правильность виража, но и они могли принести пользу. Фадеев, видимо, тоже перегрузил свою машину, потому что Крупински продвинулся к нему ближе. «Еще последнее усилие, и русский будет в прицеле», – подумал Вальтер.

Он напрягся из последних сил, но в глазах потемнело. Опасаясь, что противник воспользуется его слабостью, он притормозил двигателем, сбросив газ.

Сразу стало легче, в глазах посветлело. «Где Фадеев? – подумал он, едва опять стал видеть. – Мой бог! Да он уже почти на моем хвосте! Уходить! Немедленно!»

Русский несколько приотстал, но позиции не изменил. Крупински был известен в люфтваффе своей азартностью и агрессивностью. Вот и на этот раз его буквально распирало от злости, но внутренний голос опытного бойца уже шептал: «Уймись, на виражах ничего не получится. Нужно придумать что-то другое. Но что? Перейти с горизонтального маневра на вертикальный? Это не так просто сделать. Фадеев гораздо умнее, чем я думал. Он тут же воспользуется переходом и займет выгодную позицию. Значит, остается вариант с Буби. Другого выхода нет».

– Буби, ты готов? – прохрипел он в микрофон.

– Готов, Пунски, готов! Куда ты пропал? – послышался взволнованный голос Хартманна.

– Я иду на вертикаль! Атакуй!

Не выводя самолет из виража, Вальтер перевернул его вверх животом и направил выше Фадеева. Рывок! На этот раз русский подвоха не уловил. Он мастерски ускользнул и тоже, перевернув свой истребитель, стал подбираться к противнику сзади.

Лучшего положения для Эриха нельзя было придумать. Он атаковал с мертвой зоны, со стороны живота, пока ведомого Фадеева связывала пара Ори Блессина, и тот, естественно, помочь не мог.

– В яблоко! – воскликнул Хартманн и свечой пошел вверх.

«Кобра» какое-то мгновение продолжала по инерции полет, потом нехотя перевалилась на крыло, а затем в беспорядочном падении закувыркалась к земле.

Крупински соединился с Хартманном. Круто снижаясь, они старались не упустить из вида падающий самолет. Уж очень хотелось увидеть, как он врежется в землю.

Когда до земли оставалось совсем немного и «мессершмитты» начали выходить из пикирования, «кобра» неожиданно выровнялась и на бреющем потянула домой.

– Буби, он жив! – крикнул Крупински. – Атакуем! – Они резко

развернулись для атаки, но и Фадеев не дремал. Пока они разворачивались, он пошел на вынужденную посадку и посадил машину на «живот».

Пара «мессеров» с ходу ударила трассами по неподвижному самолету, намереваясь его поджечь. Набирая высоту, Хартманн оглянулся и увидел, как черная маленькая фигурка выбралась из кабины на крыло бессильно распластавшейся «кобры».

– Вальтер! Он жив, выбрался из кабины, – доложил командиру эскадрильи Хартманн.

– Понял! Делаем еще заход!

Они вновь резко развернулись и еще раз спикировали. На этот раз они стреляли по темной фигуре летчика, лежавшей на земле, неподалеку от самолета. Видно было, как пушечная трасса рассекла лежавшего и пошла дальше, вздымая на земле фонтанчики пыли.

– Все! Идем домой!

После приземления Крупински выбрался из кабины совершенно мокрый, словно побывал в бане.

– Ну что, будем обмывать сегодня победу? – улыбаясь, спросил Хартманн.

– Скорее день рождения, – с измученным видом ответил Крупински.

А вечером, когда они в очередной раз набрались шнапса, Вальтер, с трудом ворочая языком, стал разъяснять молодым:

– Ребята, вы еще не знаете, что это такое – попасть противнику в прицел. Чувствовать – вот-вот он тебя разнесет. Такое ощущение, скажу я вам, словно впадаешь в кому. Кажется, будто в твоем мозгу зажигают спичку и она горит прямо в черепной коробке… Мозги плавятся от нестерпимой боли, приходится призывать все силы, чтобы удержать контроль над собой, над собственным рассудком… Пока борешься, сжимаешь изо всех сил сердце в кулак, да так, что белеют кончики пальцев на ручке… Э-э, да что там говорить, давайте еще выпьем…

3

Приближался праздник 1 Мая. Замполит полка Погребной и его заместители наметили ряд праздничных мероприятий, собирались послать с докладами в ближайшие станицы своих лекторов.

Двадцать восьмого апреля в полку прошло праздничное построение, на котором командование полка – Исаев, начальник штаба и замполит, поздравили коллектив с приближающимся праздником. Затем начштаба зачитал приказ о присвоении летчикам очередных воинских званий.

С начала 1943 года партия и правительство Советского Союза предприняли ряд поощрительных мер в отношении военнослужащих. Указом Президиума Верховного Совета СССР вводились новые знаки различия для личного состава Красной Армии – погоны, для высшего комсостава устанавливались воинские звания – маршал авиации, маршал артиллерии, маршал бронетанковых войск.

Позже были приняты указы, упрощавшие систему награждений отличившихся орденами и медалями и присвоение воинских званий. Право награждать от имени Президиума Верховного Совета было предоставлено военачальникам вплоть до командира дивизии.

Наконец торжественная часть закончилась и подали команду «Вольно. Разойдись». Летчики дружно потянулись поздравлять Покрышкина – ему присвоили звание майора.

– Поздравляю, товарищ гвардии майор! – рокотал Фадеев, тиская друга в могучих объятиях. – Я думаю, скоро будем тебя опять поздравлять.

Вадим намекал на звание Героя. В полку уже знали, что на Покрышкина и ряд других летчиков направлено вверх представление к званию Героя Советского Союза.

– Поздравляю и тебя от всей души, Вадим! – улыбнулся Саша.

Фадееву присвоили звание капитана.

– Дельный указ издали, так, глядишь, я к концу войны и полковником стану! – шутил довольный Фадеев.

– Конечно, станешь, только если дельно воевать будешь, – не удержался от соблазна поддеть друга Покрышкин.

– А что, я худо воюю?

– Хорошо, но безалаберно, а порой просто по-мальчишески, если хочешь знать…

– Как это?

– Ну что это, как не мальчишество: затеяли с Трудом на пару

охоту на «мессершмитта». Фадеев внизу гоняет немца как зайца короткими очередями, а Труд под облаками ждет, когда фриц с перепугу выскочит на него. «Сейчас он пойдет к тебе. Лови!» – передает по рации Фадеев. И точно, «мессер» делает горку, уходя от Фадеева, и попадает в прицел к Труду. Цирк, не правда ли?

– Ну ты скажешь! – застеснялся Фадеев, пойманный с поличным.

– А чего тут говорить? Труд сам мне хвастался. Нехорошо это! Ты ведь старший, более опытный. Война – это работа, серьезная и опасная, тебе ли это не знать?! А такое ухарство вам может дорого обойтись. Ну представь себе, если бы сверху к Андрею подошла пара «охотников». Пока вы развлекались с глупым «мессершмиттом», по всей вероятности, с молодым пилотом, они бы всадили в Труда лишь одну очередь, и нет Труда! Не обижайся, Вадим. Слышал на построении, скольким ребятам присвоили звание, а их уже нет в живых. Война, брат, жестокая штука. Вон сталинградец, – Покрышкин кивнул в сторону стоявшего рядом выпускника Сталинградской школы пилотов Виктора Никитина, – тоже из своей группы один остался, а остальные?

– Никак нет, товарищ гвардии майор, не один, кое-кто еще остался, – живо отозвался Никитин.

Покрышкин повернулся к нему и сделал пару шагов:

– Вот именно, кое-кто. Поздравляю тебя со званием младшего лейтенанта. – Он крепко пожал Никитину руку. – Ну а с «мессером» нос к носу ты хоть раз здесь встречался?

– Было один раз, товарищ гвардии майор.

– Интересно. – Покрышкин тронул за плечо Никитина, и они отошли в сторонку. – Ну, расскажи, как было дело, – попросил майор, интересовавшийся каждой встречей наших летчиков с противником.

– Это было, когда мы сопровождали наши бомбардировщики «Бостоны» из Тимашевской в Мысхако. Немцы уже ушли из Тимашевской.

– Тогда тяжелый бой был, – подключился к беседе подошедший Фадеев.

– Еще спокойно было, – продолжил Никитин. – Бомбардировщики сбросили бомбы и начали разворачиваться домой. Я тоже сделал разворот, осматриваюсь: елки-палки! Справа сзади «месс» идет буквально рядом, параллельно мне. Я просто остолбенел…

– Испугался? Проморгал? – быстро спросил Покрышкин, остро всматриваясь в собеседника своими лучистыми светлыми глазами. Фадеев тоже хотел было что-то сказать, но Саша

предостерегающе поднял руку: «Не мешай».

– Может, и испугался, – застенчиво улыбнулся Никитин. – Сижу смотрю на него – он приближается. У меня все застыло внутри. Нет ни мысли, ни страха, ни меня самого. И тут словно меня обожгло: сзади же его ведомый, сейчас пальнет по мне! Эх, думаю, хрен с ним – ударю его своим самолетом!

– Таранить решил? – не удержался Фадеев.

– Решил просто врезаться в него, и все. Иного выхода нет, думаю, все равно убьют. Умирать, так с музыкой! Бросаю на него свой самолет, сам весь съежился, зажмурился и на все гашетки нажал. Чувствую – время прошло, а удара нет: открыл глаза – ни «месса», ни своих. Завалил самолет в пикирование, в сторону берега. Обнаружил свою группу и пристроился к ней.

– В рубашке родился! – воскликнул Фадеев. – Как же они оставили тебя? Меня даже на земле, когда сел на «живот», дважды атаковали. Потом, когда выскочил из самолета, по мне – одному человеку – два «мессера» атаку сделали! Хорошо, что я заранее реглан сбросил – сам в канаве притаился, – так они, подлецы, и реглан атаковали – только тогда ушли домой. Посекли, сволочи, хороший реглан!

– Ну тогда уж расскажи, почему тебе пришлось садиться «на живот», – не без ехидства попросил Покрышкин.

– Да брось ты, Сашка! У всякого могут быть осечки, – забасил Фадеев. По всему чувствовалось, что эта тема ему неприятна.

– Тогда я расскажу. Послушай, сталинградец, очень даже поучительно. Мы вылетели восьмеркой. Вадим шел со своим ведомым Трудом. Изредка мимо нас проскакивали «мессершмитты», Вадим неизменно докладывал о них по радио, хотя чувствовалось, что он пропадает от нетерпения. Но я не вступал в бой с этими немцами, ожидая бомбардировщики. Наконец они появились.

– Как не вступал? А первая схватка с группой «мессершмиттов»?

– Это не в счет. Мы помогали нашим истребителям, которые прикрывали штурмовиков. Так вот, появились «штуки». Мы ударили сзади, со стороны солнца, и сразу подожгли несколько машин. Заканчивая атаку, я заметил вторую группу немецких самолетов и тотчас предупредил своих по рации. Чутье подсказывало мне, что где-то тут, между двумя группами бомбардировщиков, должны быть «мессершмитты» сопровождения. Они обязательно кинутся в контратаку, поэтому нам надо было быть начеку.

Оглядываюсь, смотрю, все на местах, одного не хватает. И кого бы ты думал? – спрашивает Покрышкин Никитина.

– Фадеева? – вопросом на вопрос отвечает тот.

– Вот именно. Фадеев, где ты? – запрашиваю по рации. – Но едва я успел спросить, как последовала контратака восьмерки немецких истребителей. Поставив патруль в более выгодное положение, я снова стал звать Фадеева. Не отвечает. Только на аэродроме мы узнали от дежурного на станции наведения, куда девался наш Фадеев.

Оказывается, увлекшись атакой на «юнкерсы», Вадим отстал от патруля и наскочил на пару «охотников». С одним из них он вступил в рыцарский поединок и так увлекся, что не заметил, как второй подкрался и ударил его в живот. Вот так воюет наш герой. Лишь благодаря случайности Вадим остался жив и приземлился на передовых позициях нашей пехоты на «пузо». Ясно?

Покрышкин засмеялся и закончил:

– А ты, Никитин, наверняка ведущего сбил, хотя и вслепую, а ведомый испугался и удрал, иначе ты бы домой не пришел – сбили бы!

– Точно! Имей в виду! – пророкотал Фадеев и подмигнул Никитину.

Беседа так же неожиданно закончилась, как и началась. Фадеев обнял друга за плечи, и они, о чем-то оживленно разговаривая, направились к стоянкам самолетов, а молодой Никитин еще долго смотрел им вслед.

После совещания в штабе армии, где Покрышкин имел продолжительную беседу с генералом Вершининым, в 16-й гвардейский полк зачастили корреспонденты центральных газет. Раньше в полку бывали только армейские корреспонденты, и писали они в основном о подвигах летчиков. Теперь же стали приезжать люди из Москвы и интересоваться опытом боевой работы истребителей, особенно тактическими новинками и их применением в бою.

Как-то, беседуя с корреспондентом «Красной звезды», Покрышкин, рассказывая о подвигах своих боевых товарищей, сообщил кое-что и о себе, в частности, изложил свои взгляды на тактику современного воздушного боя.

– Понимаете, – объяснил он корреспонденту, – высший пилотаж – не самоцель для летчика. Каждая фигура – это возможный элемент маневра в воздушном бою. Отправные моменты моих рассуждений выглядят так.

Высота. Это исходная позиция. Кто на высоте, тот хозяин неба.

Скорость. Без скорости невозможен ни искусный маневр, ни набор высоты, ни внезапная атака, ни результативный огонь. Чего мы добиваемся, развивая большую скорость? Прежде всего –

внезапной атаки. В воздушном бою цена секунд очень велика, исход схватки решают мгновения.

Что касается огня, то суть этого элемента формулы воздушного боя заключается прежде всего в его эффективности. Врага следует бить с близкого расстояния, наверняка, не расходуя даром боеприпасы.

В воздухе, в пылу схватки летчику-истребителю необходимо проявлять волю, выдержку, непоколебимое стремление уничтожить врага. Только тогда его можно поразить.

– Это все интересно, что вы говорите. Но в чем все-таки секрет ваших побед? – допытывался журналист.

– В чем наш секрет победы?
В том, чтоб упрямым быть,
В том, чтобы, как ни худо,
Назад ни на полшага!
И если уж думать о смерти,
То только о смерти врага.
У храбрых есть только бессмертье,
Смерти у храбрых нет.
Не хочешь смерти – будь храбрым!
Вот вам и весь секрет.

– Отлично! Надо это обязательно записать! – воскликнул в восторге журналист.

– Не надо. Это же слова вашего коллеги Симонова. А сейчас прошу меня извинить, мне пора вылетать на задание, – козырнул Саша и побежал к своему самолету.

Вскоре в центральной газете появилась статья, из которой вся страна узнала сжатую формулу тактики воздушного боя Александра Покрышкина: «высота – скорость – маневр – огонь». Суть ее разъяснялась на конкретных примерах из его боевой практики. Так о Покрышкине узнала вся страна.

К концу дня двадцать восьмого апреля Покрышкина разыскал посыльной из штаба.

– Товарищ майор! – едва оправившись от бега, заговорил офицер. – Приказ комполка. Вам срочно перелететь на аэродром бомбардировщиков. Будете работать вместе с ними.

– Ясно. Кто со мной идет?

– Фадеев, Речкалов, Федоров, Степанов, Труд, Табаченко, Козлов.

– Хорошо. Предупреди летчиков, я сейчас подойду.

Едва дежурный отошел, как Фадеев недовольно забурчал:

– Слушай, Саша! Что это он все время ставит меня в твою

группу? Командую я эскадрильей, в конце концов, или нет?

– Воспитывает тебя, Вадим, – усмехнулся Покрышкин. – Видимо, хочет из тебя хорошего командира сделать.

– А я что, плохой, что ли?

– Хороший командир – это тот, кто сам умеет подчиняться и быть дисциплинированным. А ты постоянно партизанишь в воздухе, вот он и ставит тебя в мою группу, чтобы я тебя воспитывал. Понял?

– Брось ты, Сашка! Все тебе шуточки…

– Да не расстраивайся ты. Все это пустяки. Пойдем к машинам, надо готовиться к вылету…

К аэродрому «петляковых» они пришли нормально. Вокруг все было спокойно, а бомбардировщики выстроились на поле, словно на параде. Никакой тебе маскировки.

Покрышкин приказал эскадрилье садиться, а сам, набрав высоту, решил еще немного понаблюдать за обстановкой. В последнее время немцы стали часто практиковать воздушные засады. Летая на больших высотах, они подкарауливали наших летчиков, отставших от строя, либо тех, что шли на посадку, зная, что в это время все внимание пилота сосредоточено на управлении самолетом и ему некогда следить за небом.

На соседнем участке фронта они однажды так чуть не сбили известного летчика Сергея Луганского. Спасло его лишь то обстоятельство, что при выпуске шасси его истребитель несколько просел в воздухе и трасса «мессершмитта» прошла выше. Пока Сергей убирал шасси, немец успел выполнить еще один заход – пули разбили фонарь кабины, приборную доску и зацепили на боку пистолет… Затем настала очередь Луганского. Облегченный «Як» послушно лег в глубокий вираж, заход «худому» в хвост, очередь, и от «охотника» полетели куски фюзеляжа, а затем снаряд угодил в двигатель. Сбитый Сергеем ас имел на счету около семидесяти воздушных побед.

В 16-м полку решили принять предупредительные меры: стали тоже посылать на высоту своих «охотников» с кислородным оборудованием. Напоровшись несколько раз на советских истребителей, немцы отказались от засад. Но береженого, как говорят, и бог бережет, и Саша решил на новом аэродроме проявить осторожность. Но вокруг все было спокойно.

Выждав, пока вся его группа села, он подумал, что пора садиться и ему самому. В последнее мгновение в голову стукнула шальная мысль: «А ну, покажу этим бомберам, как могут летать истребители. А то выстроились, понимаешь, как на параде!»

Положив машину на спину, он пронесся над КП бомбардировщиков на бреющем вниз головой, в конце поля

выровнял машину и только приготовился исполнить очередной пируэт, как в нос ударил сильный запах гари. Круто срезав круг, он с ходу пошел на посадку. Пока тормозил, пламя уже охватило мотор. Самолет спасла подоспевшая пожарная машина.

– Что случилось? – первым подбежал встревоженный Фадеев. За ним – вся группа.

– Проводка загорелась, будь она неладна! – в сердцах воскликнул Александр. Он расстроился: «И дернул же меня черт форсить. Вадиму морали читаю, а сам тоже еще пацан».

– Что, Саша, бомберам решил класс показать? – с невинным видом поинтересовался Речкалов.

– Уйди, тебя с твоими остротами здесь только и не хватает, – сердито буркнул Александр. Потом, неожиданно для себя самого, широко улыбнулся: – Решил, да вот видишь, проводка подвела.

– Не расстраивайся, Саша, – утешил его верный Вадим, – хорошо, что она здесь загорелась, а если бы в бою? Что тогда? Капут!

– Ты прав, друже, – успокаиваясь, согласился Александр. – Все, что ни делается, все к лучшему. Придется завтра взять машину Степанова.

Техники принялись за ремонт его самолета, а летчики решили подкрепиться и все направились в столовую.

– Саш, как ты думаешь, долго мы у «петляковых» задержимся? – поинтересовался Фадеев.

– Думаю, пока Берлин не возьмем.

Ребята прыснули смехом.

– Ну ладно тебе, я серьезно спрашиваю… Шуточки ему все, – неожиданно обиделся Вадим.

– Соскучился уже по Людмиле? – как бы между прочим поинтересовался Речкалов. Ребята насторожились, ожидая, как ответит Вадим на эту подковырку.

– А хоть бы и так, – неожиданно просто согласился Фадеев и тут же загремел на весь аэродром:

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть желтые дожди…

Проходящие техники удивленно оглядывались на «артиста», но его ничего не смущало, ни новая обстановка, ни незнакомые люди.

– Сашка, а ты разве без Марии не скучаешь? – вдруг неожиданно спросил Вадим, прервав чтение стихов.

Покрышкин внимательно на него посмотрел – не подначивать

ли решил его друг, но тот был серьезен и шутить как будто не собирался.

– Уже пятый месяц писем не получаю. Может, разлюбила…

– Ну это ты брось, – загудел Вадим. – Не такой Мария человек, чтобы слову своему изменить. Это я тебе говорю, гвардии капитан Фадеев. Так скучаешь или нет?

Александр молчал. Ему тоже хотелось ответить стихами Симонова:

Я здесь ни с кем тоской делиться не хочу,
Свое ты редко здесь услышишь имя.
Но если я молчу – я о тебе молчу,
И воздух населен весь лицами твоими.

Но он стеснялся перед посторонними раскрывать свои чувства, даже перед боевымм другом.

4

Короткая передышка оборвалась так же внезапно, как и началась. Двадцать девятого апреля части 56-й армии командарма Гречко возобновили наступление на станицу Крымская. В семь часов сорок минут вся артиллерия фронта начала долбить передний край противника.

Потом она перенесла огонь в глубину, и пехота поднялась в атаку, охватывая Крымскую с севера и юга.

В преддверии наступления, ночью, Крымскую атаковали две девятки бомбардировщиков «Пе-2». Пожары в станице в качестве ориентиров использовали и другие бомбардировщики, в том числе легкомоторные «По-2», управляемые женщинами.

В семь часов утра три девятки «Пе-2» совершили налет на штабы немецких войск, а вслед за ними, с интервалом в десять минут, в бой пошли шестерки штурмовиков «Ил-2». Вначале на прикрытие каждой группы «илюшиных» посылали пару истребителей, но затем усиленные группы истребителей стали барражировать над всем районом боевых действий.

В восьмом часу утра атакующую пехоту поддержали новые девятки пикирующих бомбардировщиков, действующих в сопровождении истребителей.

Покрышкин вылетел на машине Степанова. Речкалов со своим ведомым сразу был послан на высоту – сковывать встречные истребители и выручать оставшуюся пятерку в трудную минуту. У него это здорово получалось.

«Петляковы» благополучно дошли до цели и встали на боевой курс. Саша осмотрелся: Речкалов уже дрался с четверкой «мессершмиттов». «Только бы не подошло к немцам подкрепление», – сверлила голову мысль. Но немцам, видимо, было не до подкрепления.

После утреннего налета, в котором приняли участие силы нескольких воздушных армий, противник явно был в замешательстве.

Во время одного из боевых вылетов, когда «пешки», сбросив бомбы, повернули домой, в небе появился незнакомый «Як». «Отбился от своих товарищей, – подумал Покрышкин, наблюдая, как он мчится наперерез. – Однако, почему он ко мне не пристраивается? Неужели это тот?!» Он еще до конца не осознал эту мысль, а руки и ноги уже заработали, отправляя машину в скольжение. «Як» с ходу выпустил по нему пулеметную трассу и взмыл вверх. Мимо! Только теперь Александр окончательно понял, что это был тот самый злополучный «Як», который они

безуспешно искали на аэродроме под Таганрогом. «Хорошо, что так обошлось, – с облегчением подумал он, – а ведь фашист мог запросто меня срезать. Прав был Исаев».

После нескольких вылетов с «петляковыми» семерка наконец возвратилась на свой аэродром в Поповическую. Доложив о результатах боевой работы и о происшествии с «тринадцатой» Исаеву, Покрышкин попросил командира полка разрешить ему сделать несколько вылетов на его машине, пока его истребитель не вернется из ремонта.

«Бери проветри ее», – бросил небрежно Исаев, занятый своими делами. Он даже не замечал двусмысленности своих слов, настолько отвык от боевых вылетов.

Интенсивность воздушных боев возрастала. «Над Крымской нас бьют русские истребители, – вопил по рации командир очередной группы немецких бомбардировщиков. – Присылайте скорее помощь… Кругом русские истребители… Выполнить задание не могу… Они преследуют нас повсюду!» И так раз за разом.

На земле части 56-й армии, методично прогрызая оборону противника, продолжали неуклонно продвигаться вперед. Счет шел на сотни и десятки метров. 3 мая ожесточение боев достигло своего предела.

Противник часто и упорно контратаковал, особенно на правом фланге. Пехотинцам приходилось отбивать по пять-шесть атак в день.

На пятый день сражения маршал Жуков решил ввести в бой особую дивизию Пияшева, на которую он возлагал большие надежды. Дивизию вывели в первый эшелон армии ночью, со второго на третье. В атаку она поднялась утром южнее Крымской и сразу же залегла, попав под сильный удар неприятельской авиации. Срочно связались с командующим 4-й воздушной армией Вершининым.

– Пияшеву наступать! Почему залегли? – недовольно спросил маршал у генерала Штеменко.

Тот срочно связался по телефону с командиром дивизии:

– Почему залегли? Константинов требует немедленно поднять дивизию в наступление!

– Это еще кто такой?! – возмутился Пияшев.

Полковник, недавно прибывший на фронт со своей дивизией, еще не знал, что местонахождение маршала Жукова на фронте тщательно конспирировалось, поскольку немцы знали, что, если маршал появляется на каком-то участке, значит, там будет наступление. А советские солдаты говорили: «Там, где Жуков, там победа». Псевдоним у Георгия Константиновича для служебных

переговоров по телефону или по рации был «товарищ Константинов».

– Если все будут тут командовать, ничего не получится, – продолжал возмущаться комдив. – Пошли его на…!

– Ну что там Пияшев? – нетерпеливо спросил Жуков.

– Товарищ маршал, Пияшев принимает необходимые меры, – громко, не отрывая трубки от лица, доложил Штеменко.

Полковник быстро сообразил в чем дело.

Авиация по-прежнему работала слаженно и напряженно. В этот день отличился старший лейтенант Горбунов из полка полковника Гарбарца: с шестеркой «яковлевых» он атаковал целую армаду немецких бомбардировщиков. Истребители подожгли два «Ю-88» и один «мессершмитт» прикрытия, а остальные бомбардировщики, сбросив бомбы, не дойдя до цели, повернули назад.

Советская штурмовая и бомбардировочная авиация, прикрытая истребителями, работала в этот день без потерь. Генерал Борманов весело кричал своим летчикам с пункта наведения:

– Так их, ребята, так их! Они вопят как! Все время просят помощи… Идите, ребята, на солнышко, идите на солнышко! Ну, ну… Быстрее, быстрее… Молодцы!

Вечером, после завершения трудного боевого дня, командир полка Исаев зачитал перед строем телеграмму командующего Военно-воздушными силами Красной Армии – маршала авиации Новикова, в которой он, поздравив летчиков с успехом, поставил задачу: меткими ударами по противнику и прикрытием наступающих советских войск с воздуха обеспечить победу на Таманском полуострове.

Следующее утро было пасмурным, моросил мелкий дождь, тучи низко неслись над землей. Кубанский чернозем снова раскис, танки и грузовики буксовали, но пехота, падая и подымаясь, упрямо продвигалась вперед.

Несмотря на непогоду, группы штурмовиков по десять-двенадцать штук, с трудом взлетая со своих аэродромов, внезапно выскакивали из облаков и атаковали позиции немцев бомбами, стреляли из пушек и пулеметов.

В это утро Покрышкин поднялся в воздух с двумя слетанными парами: Фадеев с Трудом, Речкалов с Табаченко и сам командир со Степановым с целью осуществлять патрулирование над передним краем. Пробив облака, они расположились над белоснежной волнистой гладью. В стороне воровато прошмыгнула четверка «мессершмиттов», но Саша на нее не реагировал. Он ждал бомбардировщики. Шестерка «кобр»

продолжала мерно раскачиваться над облаками параллельно солнцу, вычерчивая в небе змейку; это был новый вариант полета Покрышкина с учетом замечаний Вершинина. Оба разворота истребители делали против солнца, и теперь возможность внезапного нападения вражеских «охотников» была сведена до минимума.

Саша не знал, что после того памятного апрельского совещания командующий, заинтересовавшись Покрышкиным, вызвал начальника особого отдела армии и попросил его собрать на капитана объективную информацию.

Просьба была выполнена оперативно. Представленные сведения были противоречивы. С одной стороны, источники особистов из числа штабных офицеров отмечали дерзкий, строптивый характер капитана. Его недолюбливал первый комдив 216-й дивизии генерал Осипенко, понизил в должности за недисциплинированность. Не любит капитана и нынешний командир полка Исаев, считая, что капитан заносчив, подрывает его авторитет в полку постоянными спорами. Во время переформирования на Каспии Покрышкин подрался со старшим офицером, за что был исключен из партии и едва не попал под суд. Спасли его командир дивизии Волков, генерал Науменко и политработники, которые почему-то его поддержали. Здесь, на Кубани, он едва не застрелил летчика.

С другой стороны, опытные летчики, а также замполит полка Погребной отмечают необычную увлеченность капитана профессиональной деятельностью, смелость, дерзкую отвагу, проявленные в боях, высокий авторитет среди летного и технического состава полка, причем не только в силу профессионального мастерства, но и в силу чисто человеческих качеств: честности, открытости, доброжелательного отношения к товарищам по оружию, бескорыстия.

Отметили также умение Покрышкина обучать летному делу молодых, способность в бою увлечь личным примером подчиненных. Среди летчиков ходит шутка, что Покрышкин своей волей может заряжать аккумуляторы. А летчик Федоров о нем сказал так: «Я видел Покрышкина радостным и огорченным, сердитым и ужасно усталым, но никогда – растерянным. В трудные минуты сорок второго года он всегда оставался спокойным, выдержанным, подбадривал товарищей в бою».

Прочитав подборку материалов, генерал Вершинин решил сам поближе познакомиться с Покрышкиным и составить о нем собственное мнение. При случае он стал заезжать в 16-й полк и беседовать с капитаном. Генералу нравилось упорное стремление этого комэска упорядочить стихию воздушного боя, подчинить ее

строгим, нерушимым правилам. Из разговоров выяснилось, что Покрышкин, при всей его требовательности к подчиненным, никогда не дает их в обиду и постоянно проявляет о них заботу.

Командарм внимательно прислушивался к предложениям капитана. Именно после бесед с Покрышкиным 4– я армия стала осуществлять патрулирование на глубине 5– 10 километров за линией фронта; выделять часть истребителей для свободной охоты в глубине территории врага на вероятных маршрутах полетов его авиации; перехватывать самолеты противника на дальних подступах к линии фронта; сокращать количество истребителей, сопровождающих бомбардировщики и штурмовики, и привлекать их к отражению массированных налетов немцев.

Подобное отношение воодушевляло Покрышкина, окрыляло его. Но он всегда помнил: беседы с командующим армией на виду у всего полка обязывают его быть вдвойне внимательным в своей боевой работе, оставаться скромным и не зазнаваться, иначе товарищи отвернутся, а недоброжелатели запустят в оборот какую-нибудь грязь. Поэтому он только усиливал требовательность к себе и товарищам, отчего Андрей Труд сочувственно спрашивал:

– Опять стружку с тебя снимал?

– А ты думал? – с серьезным видом отвечал Саша.

– И что он к тебе привязался… Воюем вроде неплохо.

При этом Андрей тяжело вздыхал: попробуй угоди начальству.

…Шестерка продолжала патрулирование при полном радиомолчании. Наконец Покрышкин увидел то, чего так терпеливо ожидал: с юго-запада, под прикрытием четырех «мессершмиттов», шли четыре тяжело груженных бомбардировщика «Ю-88».

– Фадеев, отгоните «мессеров»! – приказал Саша.

Вадим с Андреем с набором высоты пошли вверх.

– Атакуем бомберов спереди, сверху! – это уже касалось оставшейся четверки.

Они атаковали сверху, под углом, позволяющим последовательно переносить огонь с одной машины на другую. С первой же атаки подожгли два «юнкерса». Медленно, как бы нехотя, опустив носы, бомберы исчезли в пухе облаков – упали в районе станицы Нижне-Баканской.

Молниеносно развернувшись, Покрышкин со Степановым повторили атаку против второй пары «юнкерсов», но теперь сзади. Немцы не стали рисковать – удрали в облака.

Фадеев с Трудом сбили два «мессершмитта», а вторая пара

последовала примеру бомбардировщиков.

Андрей Труд воспрял духом. Накануне он столкнулся с опытным немецким асом в лобовой атаке и думал, что все, конец… Немец отвернул в последнее мгновение и бросил машину на горку. Андрей повторил маневр, но от перегрузки потемнело в глазах, и на миг он потерял из вида длинный тонкий фюзеляж «худого» с крупно нарисованной на нем кистью винограда. «Винодел какой-то, черт бы тебя побрал», – со злостью подумал Андрей. В верхней точке он перевел машину в разворот и приготовился, помня наставления Покрышкина, что «мессеры» не любят иммельмана. Так и есть, но немец, сделав резкий переворот, сразу ушел в крутое пике, да так резво, что попросту от Труда удрал. У «мессершмитта» мощнее мотор, чем у «кобры». От такой неудачи Андрей расстроился, да и коварная мыслишка закралась: «С асами из эскадры «Удет» трудно тягаться». Но сегодня все стало на свои места. Они срубили с Фадеевым двоих первыми же очередями, с первой атаки.

Покрышкин со своими возвращался на аэродром, когда навстречу им поднялась шестерка майора Крюкова – Моисеенко, Искрин, Старчиков, Сутырин, Никитин. Все уже достаточно опытные пилоты.

Погода начала улучшаться: облака поднялись до двух с половиной тысяч метров, в просветы выглянуло голубое небо.

Немцы, не мешкая, начали массированные налеты бомбардировщиков. Шестерка Крюкова столкнулась с двенадцатью «Дорнье-217» и сопровождающей их восьмеркой трехпушечных «Ме-109 Г-2».

Умело маневрируя, Крюков с подчиненными расстроили боевой порядок бомберов, два из них сбили, а также сняли двух истребителей сопровождения. Остальные удрали.

В половине двенадцатого, подкрепившись и заправив машины всем необходимым, Покрышкин во главе своей шестерки вновь вылетел в район Крымской.

Облака под жарким солнцем уже растаяли, небо было чистым. Внизу, окутанные дымом и пылью, виднелись печальные сады станицы. Тускло сверкали при дневном свете вспышки выстрелов танковых орудий.

Покрышкин перевел шестерку на высоту четыре тысячи метров. Все напряженно всматривались в горизонт, стараясь пораньше увидеть немецкие самолеты. Вот мелькнула пара «Фокке-Вульфов-190». Это «охотники» из эскадры «Удет» высматривают зазевавшихся или тех, кто отстал от своих.

Саша только хотел предупредить всех, чтобы держались поближе друг к другу и не разбивали строй, как Фадеев кинулся

на «охотников». Труд, с запозданием, за ним.

Дальнейшее все произошло мгновенно. Фадеев не успел занять выгодной позиции, как немцы, пользуясь преимуществом в высоте, стремительно спикировали, пустили пару очередей и крутой горкой ушли на солнце, а потом и вовсе скрылись.

Фадеев доложил, что ему надо вернуться: немцы прострочили хвост его машины, и она плохо слушается руля. Видимо, перебили трос. Труд пошел на Краснодар: пока он метался, вышло горючее. Оставшееся время патрулировали четверкой. После приземления Покрышкин метал громы и молнии. Ребята на всякий случай держались от него подальше. Наконец комэск успокоился и сам подошел к Фадееву.

– Вадим, ты точно когда-нибудь свернешь себе шею!

Надвинув на самый нос козырек своей потрепанной, мятой фуражки, заложив руки за спину, он неторопливо расхаживал перед самолетом, чуть прихрамывая на правую ногу – последствия двух вынужденных посадок. Фадеев, этот здоровенный детина, на этот раз непривычно сутулился, неловко притопывал рядом и казался меньше ростом. От его бравого артистического вида не осталось и следа. Он понимал, что грубо нарушил дисциплину в воздухе, не подчинился командиру группы, а в глазах друга просто лопухнулся, свалял дурака, и никакого оправдания этой глупости не было.

– Сколько людей уже вот так погибло! И ты что, тоже туда торопишься? – выговаривал Покрышкин. – Пойми: ты талантливый летчик, у тебя большое будущее. Фашистов бьешь, как куропаток. Вон, к званию Героя тебя представили, а ты… Как пацан, понимаешь, с горячностью своей не можешь совладать… В чем дело?

Впервые Саша разговаривал с другом как начальник с подчиненным.

– Прости, Саша! Мне показалось, что они совсем рядом… Ну что ты так расстраиваешься, – удрученно бубнил гигант.

– Ему показалось. Если бы ты не торопился к своей любимой, а участвовал в каждом разборе полетов после вылета, тебе бы не казалось…

Удрученно махнув рукой, Покрышкин бросил:

– Ладно, иди получай новую машину! – и пошел на КП.

После обеда они поднялись в воздух в третий раз. В назидание Исаев поставил Вадима, командира эскадрильи, известного на всю дивизию, да что там дивизию, на весь фронт летчика, ведомым к Крюкову. Труд еще не вернулся из Краснодара.

В небе по-прежнему было много самолетов. В районе станицы

Семенцовской группа вступила в бой с «мессершмиттами». Сбили три самолета: Покрышкин со Степановым одного, Речкалов с младшим лейтенантом Табаченко – второго, а третьего сбил Фадеев. На этот раз он вел себя безупречно.

Всего за день летчики 16-го гвардейского полка, совершив тридцать шесть боевых вылетов, сбили четыре немецких бомбардировщика и семь истребителей. Сами потерь не имели. Сказались результаты отличной боевой выучки, опыт и дисциплинированность в воздухе.

Вечером на командный пункт полка поступило сообщение, что станицу Крымскую очистили от вражеских войск. Все вздохнули с облегчением, но оказалось, что радость была преждевременной. Уже с утра пятого мая немцы пошли в контратаку, бросив в бой пехоту и танки.

Истребители спозаранку тоже поднялись в воздух. Шестерка наконец вылетела в своем обычном составе – накануне из Краснодара прилетел Труд.

Первый вылет прошел без столкновений с противником. После дозаправки машин они опять поднялись в воздух. Предстояло патрулировать в районе Греческой, Нижне-Баканской, Небережневской с выходом на Крымскую. Эшелонировать патруль по высоте, действовать привычной «этажеркой» не позволяла облачность. Фадееву с Трудом было приказано прикрывать ударную четверку сзади. На подходе к Крымской они отстали.

– Фадеев, подойди ближе! – потребовал Покрышкин.

В этот момент со станции наведения подал команду генерал Борманов:

– Над Крымской бомбардировщики. Сбейте их с курса!

– Вас понял. Иду на Крымскую! – ответил Покрышкин.

Как назло, над Крымской разошлась облачность, образовалось большое голубое окно, и фашистские бомбардировщики, стаями подходившие к станице, выскакивая из облаков, ныряли в это окно и сбрасывали на наших пехотинцев бомбы.

Четверка «кобр» бросилась навстречу немцам, пытаясь огнем из пушек и пулеметов отогнать их в сторону, но на смену одной волне бомберов подходила вторая, потом третья. Напряжение достигло предела, казалось, что их уже не удержать.

Но немцы все-таки не выдержали, стали отваливать. Тогда активизировались «мессершмитты», до этого момента из-за боязни попасть в своих не вступавшие в бой с русскими. Теперь четверке пришлось переключиться на них. Быстро трое «мессов» закувыркались к земле. По одному сбили Речкалов, Табаченко и Покрышкин. Истребители не выдержали и тоже отошли.

Саша поставил патруль – двух машин не хватало. Отсутствовали Фадеев и Труд. Так и пошли домой.

Пятнадцать минут спустя на аэродроме Труд доложил, что же с ними произошло.

Оказалось, отстав от своей четверки, они напоролись на группу немецких истребителей, прибывших в район Крымска для расчистки неба. Вначале Фадеев заметил только пару «худых» и, как всегда, недолго думая, бросился на них. Но эта пара оказалась приманкой. Едва Фадеев с Трудом вступили с ними в бой, как с высоты на них свалилась вторая, а потом и третья пары. Завязался тяжелый бой. Немцы попались опытные, и, несмотря на то что Фадеев сбил двоих, они все-таки ухитрились зажать нашу пару.

В тот момент, когда Фадеев сближался с очередным противником, один из немцев быстро зашел ему в хвост. Труд, на мгновение запоздав, ударил по газам, выжимая из своей «кобры» все, на что она была способна. Они начали стрелять одновременно – немец по Фадееву, Труд – по немцу. Но на этот раз им попался какой-то отпетый фашист. Огненные трассы Труда буквально прошили его самолет, он загорелся, но пилот продолжал упрямо стрелять.

Андрею казалось, что это длилось вечность. Наконец горящий «мессер» свалился в штопор. «Как Вадим?» – была первая мысль ведомого. Андрей со страхом наблюдал, что же будет дальше. Какое-то мгновение фадеевская «кобра» летела как обычно, но потом она накренилась и стала как-то беспомощно разворачиваться. «Иду домой… Я Фадеев… Прием…» – послышался в наушниках глухой, изменившийся голос Вадима.

«Ранен», – понял Андрей и в ту же секунду схватился за сектор газа. На «кобру», пилотируемую беспомощным, раненым Фадеевым, как коршуны, свалились сверху два «Фокке-Вульфа-190». Труд попытался прикрыть командира, но на него самого кинулась пятерка «мессершмиттов», и он завертелся как волчок, с трудом отбивая их атаки, и больше уже ничего не видел. Кое-как отбился от немцев и пришел на аэродром.

К вечеру этого дня наши войска окончательно овладели станицей Крымской. Жуков с генералами выехали туда осмотреть этот мощный узел обороны. Впечатление осталось сильное. С такой системой маршал, как он потом сам признался Сталину, еще никогда не встречался. Помимо густой сети траншей, ходов сообщений, блиндажей и более легких убежищ, здесь подвалы всех каменных зданий с помощью новороссийского цемента были превращены в доты, подступы к станице прикрывались вкопанными в землю танками.

На следующий день наступление советских войск возобновилось, и Покрышкин с утра во главе восьмерки вылетел на боевое задание. Западнее Новороссийска они обнаружили три группы немецких бомбардировщиков численностью около 90 единиц. Четверка во главе с Федоровым сковала «мессершмитты», а Сашина четверка навалилась на бомбардировщики. Применив свой излюбленный «соколиный удар», Покрышкин с ходу поджег ведущего первой группы. Строй распался, и пара Речкалова тут же подсекла один «юнкерс». Покрышкин мгновенно развернулся, используя инерцию самолета при выходе из атаки сверху, и нанес второй удар, на этот раз сзади. Второй «юнкерс» загорелся и камнем пошел к земле.

Группа бомберов в панике заметалась, стала беспорядочно сбрасывать бомбы.

– Покрышкин! Я «Тигр»! Над нами немцы!

Это вызывала станция наведения. Саша быстро собрал восьмерку, и они взяли курс на восток, в сторону Крымской. Позади им сигналили кострами сбитые «юнкерсы».

Над Крымской барражировали двенадцать «мессершмиттов». Видимо, расчищали небо для бомбардировщиков, которые только что были рассеяны.

Набрав высоту, «аэрокобры» устремились в атаку, но немцы, не приняв боя, ушли в Анапу. Им, очевидно, уже сообщили о случившемся и что к Крымской вызван сам Покрышкин со своей группой, поэтому они предпочли за лучшее удрать подальше от неприятностей.

Саше тоже следовало бы идти домой – горючее и боеприпасы были на исходе, но в этот момент справа показались две группы «юнкерсов» в сопровождении восьмерки истребителей. Что-то надо было придумать необычное. Уходить нельзя – не окончилось время патрулирования. Для начала Саша завалил один «юнкерс» меткой очередью, но дальше оставаться было опасно – у него самого и у ребят опустели контейнеры с патронами и снарядами. А «юнкерсы», как назло, продолжали переть к линии фронта. «Эх, была не была! Попробуем взять на испуг!» – решил он.

– Внимание! Всем сомкнуться! Имитируем таран!

Летчики быстро поняли его замысел, хотя подобного в практике у них еще не было. Целая эскадрилья – восемь красноносых «кобр» стремительно пошли на сближение с бомбардировщиками, сомкнутым, как на параде, строем.

И немцы испугались: от этого отчаянного Покрышкина, решили они, всего можно ожидать, даже группового тарана! В беспорядке немецкие пилоты начали нырять вниз, сбрасывать куда попало бомбы и поворачивать назад.

На счастье, к нашим подоспела вызванная Бормановым помощь. Теперь можно было возвращаться домой.

На следующий день Покрышкин возглавил группу из восемнадцати истребителей. Вначале они направились в район Мысхако, но немцы неожиданно изменили задачу восьмидесяти бомбардировщикам и сорока истребителям сопровождения, направив их на Крымскую, Абинскую и Киевскую.

Получив данные радиоперехвата, генерал Вершинин тут же приказал Покрышкину изменить курс. На помощь были вызваны истребители из других частей. Бой принял такой размах и был столь ожесточенным, что наблюдателям на станции наведения становилось порой просто жутко. По всем окрестным полям горели сбитые самолеты. Гришу Речкалова выдвинули в руководители – назначили командиром эскадрильи взамен Фадеева. Теперь он сам возглавлял боевые группы. Уже первый его боевой вылет во главе восьмерки оказался успешным. Они разогнали армаду из пятидесяти бомбардировщиков, сбив при этом одного. Некоторое время спустя ситуация повторилась, только на этот раз его группа сбила пять бомбардировщиков. Но особенно Григорий отличился 7 мая. Его восьмерка вновь столкнулась с немецкой группой, численностью более пятидесяти бомбардировщиков и истребителей прикрытия.

С первой же атаки они с ведомым сбили по бомбардировщику. При повторном заходе в Григория вцепилась пара «мессершмиттов», но зная, что группа прикрытия свою задачу выполнит, он продолжил атаку и сбил очередной бомбардировщик. Прикрывающие срезали наиболее рьяного немца, а второго просто отогнали.

Речкалов вновь повторил заход и в третий раз сбил еще один бомбардировщик. Только тогда немцы бросились врассыпную. Всего в этом бою группа Речкалова сбила шесть немецких самолетов.

Генерал Вершинин, наблюдавший со своего КП за этим поразительным боем, тут же наградил комэска орденом Александра Невского. А в армейской газете написали: «Речкалов всегда сам ищет врага и сколько бы он вражеских самолетов ни повстречал, вступает в бой и добивается победы».

5

В последние дни наступление советских войск протекало столь же трудно. Особенно тяжело пехоте пришлось в районах Киевского и Молдаванского. Овладеть этими пунктами не удалось. Все остановилось на рубеже рек Курка и Кубань, Киевское, Молдаванское и Неберджаевское. Разведка донесла, что советские войска уперлись в новую укрепленную полосу, на которую сели отошедшие немецкие дивизии и подтянулись резервы. Это и была так называемая «Голубая линия». Попытки прорвать ее с ходу успеха не имели.

К 10 мая в воздухе наступило затишье. За десять дней интенсивных боев наша авиация произвела около десяти тысяч самолето-вылетов, уничтожила в боях 368 немецких самолетов, потеряв своих около 70.

Утром у командного пункта построился весь личный состав 16-го гвардейского истребительного полка. С докладом выступил замполит Погребной. Он сообщил об обстановке на фронте, об успехах и достижениях советской авиации. Затаив дыхание, однополчане ждали, не расскажет ли Погребной чего-то нового о гибели Вадима Фадеева. Ведь на место его предполагаемого падения выезжали саперы, и накануне вечером они вернулись обратно. По отрывочным рассказам отдельных свидетелей уже была восстановлена вся картина боя, связаны в целое подробности последних минут полета Вадима.

Он посадил свою «кобру» на «живот» в плавнях, в сорока километрах от станицы Славянская. Местность вокруг была заминирована, всюду окопы, рвы, различные оборонительные сооружения, озера и болота, поросшие камышом. Поисковики с трудом нашли место посадки самолета. Выяснилось, что летчик после посадки еще некоторое время был жив, примерно час-полтора, но без сознания, и вскоре он скончался. Тело его сплошь искусали комары. Кабина самолета была разбита, вся в крови, были изуродованы приборы и прицел. Вадим умер от тяжелых ранений в голову и грудь.

Меж тем замполит, заканчивая свой доклад, стал перечислять фамилии летчиков, отличившихся в боях за освобождение Крымской. В конце списка он вдруг запнулся, в глазах у него блеснула непрошеная слеза, он скрипнул зубами и молча смахнул ее рукавом. Все сразу поняли, чью фамилию он не в силах произнести, ведь Фадеев был всеобщим любимцем.

«Эх, Вадим, Вадим, не дожил ты до светлого дня, – скорбно склонив голову, думал о друге Александр. – И почему ты был

таким неосторожным… Понятно, что они подстерегли тебя, воспользовались твоей горячностью… И почему ты не позвал нас на помощь, когда целая свора напала на тебя… Эх, Вадим… Гордый был, переоценил свои силы. Напрасно Исаев ставил тебя в мою группу. Нельзя так грубо задевать самолюбие талантливого человека. Наверняка хотелось доказать, что способен на большее, хотелось проявить самостоятельность. Ведь по должности ты оставался комэском. А может, у тебя были неприятности с Людмилой, которую ты так безумно любил… Эх, Вадим, ну почему ты приземлился в этих плавнях, где никто не смог тебе помочь, даже твоя любимая…

Когда он с жизнью расставался,
Кругом него был воздух пуст,
И образ нежный не касался
Губами холодевших уст.
И если даже с тайной силой
Вдали, в предчувствии, в тоске
Она в тот миг шептала «Милый» —
На скорбном женском языке.
Он не увидел это слово
На милых дрогнувших губах,
Все было дымно и багрово
В последний миг в его глазах.

Вадим был так дорог и близок ему, что он не мог без волнения, щемящего сердце, думать о нем.

С этого дня, по настоянию Покрышкина, во время радиопереговоров в воздухе летчикам запрещалось называть друг друга настоящими именами и фамилиями. Отныне все они получили позывные, чаще всего это были номера их самолетов, и даже отдельные маневры в воздухе тоже стали кодироваться.

Кроме того, он потребовал отказаться от включения впредь в одну группу двух командиров. Это приводит к столкновению идей в воздухе и, как следствие, к неоправданным потерям. Назначение Фадеева ведущим пары в его группу было ошибкой, которая привела к гибели талантливого летчика.

6

11 мая в штабе командующего 4-й воздушной армией в станице Пашковской под Краснодаром был собран на совещание командный состав армии, а также командиры из других подразделений и частей, принимавших участие в сражении на Кубани. В небольшом помещении, тесно прижавшись друг к другу, сидели генералы и полковники. 216-ю дивизию представлял подполковник Ибрагим Дзусов, высокий, плотный осетин, пока еще командир 45-го истребительного полка, но его присутствие на этом совещании говорило опытным людям о многом. В штабе армии уже ходили слухи, что генерал-майор Борманов будет заниматься только управлением боевыми действиями авиационных подразделений 4-й армии на переднем крае, а Дзусов заменит его на должности комдива.

В президиуме, на некотором возвышении, за небольшим столом сидели командующий ВВС Красной Армии маршал авиации Новиков, генералы Вершинин и член военного совета фронта Фоминых.

В точно назначенное время поднялся генерал-лейтенант Вершинин и объявил, что слово для разбора итогов воздушного сражения, развернувшегося на Кубани, предоставляется командующему ВВС маршалу Новикову Александру Александровичу.

Маршал авиации, плотный, чуть выше среднего роста военный со Звездой Героя Советского Союза на груди, легко поднялся из-за стола и быстро прошел к трибуне. Все присутствующие смотрели на него с любопытством.

Новиков имел в авиации огромный авторитет. Участник Гражданской войны, летчик бомбардировочной авиации, прошедший все ступени от рядового летчика до командующего ВВС Ленинградского военного округа еще до войны, он встал во главе Военно-воздушных сил страны в самое сложное и тяжелое время.

С начала войны немцы господствовали в воздухе, советская авиация была распылена по общевойсковым армиям, на вооружении находились устаревшие типы самолетов, производство новых и подготовка летнотехнических кадров отставали от потребностей фронта. Авиационный тыл был слабым, управление авиацией и организация ее взаимодействия с наземными войсками, а также между родами авиации были из рук вон плохими. Все эти проблемы легли на плечи выбранного по рекомендации Жукова Сталиным первого главкома авиации. И

они не ошиблись в кандидатуре главкома.

Он начал с предоставления самостоятельности авиационным командирам и строгой их подчиненности по вертикали. Уже весной 1942 года, по инициативе маршала, все авиационные подразделения были выведены из общевойсковых армий и объединены в одну воздушную армию на каждом фронте. От всех командующих воздушными армиями он потребовал не распылять и без того малые силы, а сосредотачивать их на главных участках фронта. По его инициативе разрабатывались продуманные директивы по ведению боевых действий каждым родом авиации. Главком также добился, чтобы штабы научились наращивать силы в ходе боя, особенно при нанесении ударов бомбардировочной авиацией. В воздушных армиях появились пункты наведения и многое другое.

Новиков много времени проводил в войсках, на передовой, наблюдая за боевыми действиями летчиков. Строгий, деятельный по характеру, он нравился авиаторам за находчивость, умелое руководство, простоту в обращении с подчиненными и доступность. С уважением к главкому относился и Верховный Главнокомандующий.

Окинув быстрым, острым взглядом небольших, прищуренных глаз суровые, обветренные лица сидевших плечом к плечу офицеров, маршал начал разбор: «Авиационные части 4-й армии с честью выполнили поставленные перед ними задачи, оказав существенную помощь наземным войскам в районе Новороссийска и Крымской. Сейчас задача состоит в том, чтобы в ожидании новой операции принять и ввести в строй прибывшее пополнение, привести в порядок материальную часть, обеспечить отдых летного состава, особенно в истребительных частях. В то же время необходимо обобщить накопленный боевой опыт, сделать общим достоянием достижения лучших летчиков, устранить недостатки и предотвратить повторение допущенных ошибок».

Перечислив задачи, которые предстояло решить, Новиков подробно остановился на действиях истребительной авиации, особенно тех частей, которые вынуждали немецких бомбардировщиков сбрасывать бомбы на свои войска. Повернувшись к Вершинину, маршал приказал:

– Константин Андреевич, прошу представить мне фамилии командиров групп, номера воинских частей и фамилии их командиров, тех, кто заставлял немецкие бомбардировщики сбрасывать бомбы на свои войска. Я доложу об этом Верховному.

– Будет исполнено, товарищ маршал! – ответил командарм 4-й.

Большое внимание маршал уделил новым тактическим приемам, разработанным летчиками-новаторами.

– В своей практической работе, – отметил Новиков, – командиры дивизий и корпусов еще мало уделяют внимания лучшим летчикам, мало помогают им совершенствоваться. Почему-то считается, что хорошему летчику нечего помогать, – он, мол, и без помощи старшего командира сделает свое дело. Это неверно. За совершенствование лучших летчиков, летчиков-мастеров воздушного боя, или, как принято у нас их негласно называть – асов, должны немедленно взяться сами командиры соединений. Летчик-ас пока рождается у нас сам, рождается в боевой работе, его никто не готовит. Спрашивается, кто воспитывал Покрышкина, Семенишина, братьев Глинка? Никто! Они сами выдвинулись! Кое-кому из них даже мешали, их не понимали, одергивали. Генерал Науменко мне рассказывал, что Покрышкина, за его трудный характер, кое-кто даже хотел из авиации отчислить. Хороши бы мы были, если бы потеряли такого орла! Нет, вы, товарищи командиры, должны обратить особое внимание на работу с лучшими, подающими надежду пилотами. Своевременно ободрить человека, вселить в него уверенность в своих силах, воспитать его политически, повлиять на него морально, своевременно передать ему опыт и знания – все это поможет способному, одаренному от природы пилоту лучше проявить свои способности и действительно стать асом!

Участники совещания в своих выступлениях тоже много говорили о приемах завоевания господства в воздухе, о методах авиационного наступления и о других вопросах.

Очень доволен услышанным был подполковник Дзусов. В сущности, все, что рекомендовал командующий ВВС страны, уже применялось в его 216-й дивизии, особенно в 16-м гвардейском и 45-м истребительных полках.

На совещание были приглашены отличившиеся младшие офицеры-летчики, воюющие с боевой инициативой, применяющие новые тактические приемы. Особенно маршала заинтересовало выступление командира эскадрильи майора Покрышкина, его соображения о новых тактических приемах ведения боя в истребительной авиации. Разработки Александра не только были признаны новаторскими, но они легли в основу директивы командующего ВВС, направленной в войска 14 мая 1943 года.

Не думал тогда Александр Покрышкин, что пройдет несколько лет и многое из того, что родилось в пекле ожесточенной битвы на Кубани, ляжет в основу будущих уставных положений в ВВС и что на протяжении длительного времени в аудиториях академий к этим операциям будут неоднократно

возвращаться как к классическим примерам оперативного новаторства.

После совещания с командованием ВВС в частях прошли конференции по обмену опытом. На конференцию в корпус Савицкого по старой памяти пригласили Покрышкина. Позже для передачи опыта в каждый полк из корпуса Савицкого был направлен летчик из 16-го гвардейского истребительного полка. Так «этажерка Покрышкина» начала распространяться по авиационным частям на Кубани.

Наряду с изучением теоретических положений командиры авиационных дивизий и полков стали выезжать на главную радиостанцию наведения и наблюдать оттуда за боями подчиненных им подразделений. Такая форма учебы позволяла быстро вскрывать недоработки в боевой подготовке вверенных частей. Частенько на радиостанции бывали приезжие генералы из Москвы.

Как-то большая группа генералов наблюдала с командного пункта 4-й армии, как восемь наших истребителей «Як-7» вели воздушный бой против двенадцати «мессершмиттов». Бой наши «Яки» вели плохо, их командир нервничал, а немцы буквально издевались над его пилотами. Генералы тоже стали переживать, кричать и ругаться между собой, заявляя, что таких летчиков нужно списать в пехоту.

Тут вдруг откуда-то сверху на немцев неожиданно свалилась четверка «кобр». С первой же атаки были подбиты два, со второй – еще два «мессершмитта». Два немецких летчика сразу погибли, а два болтались на парашютах. Остальные быстро ретировались.

Оказалось, что это Покрышкин со своей группой возвращался из патрулирования в районе Керчи и Темрюка. Немцев наши не преследовали – боеприпасы и горючее были на исходе. Поэтому четверка тоже, не мешкая, пошла в Поповическую.

Генералы сразу прекратили ругаться и на радостях стали названивать в 16-й полк – поздравлять гвардейцев. Среди генералов были люди из Москвы, прибывшие для изучения опыта передовиков. «Вот это асы, настоящие асы, – с видом знатоков толковали они, – вот так надо воевать». Потом достали блокноты и стали записывать фамилии летчиков – Покрышкина, Степанова, Федорова, Труда.

К 15 мая советские войска окончательно прекратили наступление. Для прорыва очередной оборонительной полосы следовало подготовить новую операцию, а для этого требовались время и средства.

Маршал Жуков с сопровождающими его генералами возвращался в Москву в плохом настроении. Очистить Таманский

полуостров не удалось, и он ожидал упреков от Верховного.

Через два дня после убытия маршала из состава фронта в резерв Ставки забрали несколько артиллерийских, зенитно-артиллерийских и танковых частей и соединений. Несмотря на такое серьезное ослабление огневых и ударных сил фронта, его новый командующий, И. Е. Петров, получил приказ Ставки подготовить и провести новую наступательную операцию с прежней целью – разгромить 17– ю армию и очистить Таманский полуостров. Подготовка к новой операции началась безотлагательно.

7

Разбираясь с причинами неудач наступления, командующий фронтом понял, что разведка до начала сражения не обнаружила многие цели, которые потом создавали препятствия для продвижения войск.

В период затишья истребители стали активно привлекать к разведыванию расположения сил и огневых средств врага.

Этот день для старшего лейтенанта Николая Искрина, гармониста, весельчака и компанейского парня, сбившего одиннадцать немецких самолетов и награжденного за боевые подвиги двумя орденами Красного Знамени, явно не задался.

С утра в составе четверки под командованием комэска Григория Речкалова он вылетел на разведку в район станицы Неберджаевская, что южнее Крымской. Каждый такой вылет был сопряжен с особым риском – немцы любой ценой стремились блокировать воздушную разведку, не позволяя нашим летчикам прорываться в расположение своих войск, препятствуя сбору необходимой для советских наземных войск информации.

Следом за ними на разведку вылетела пара – Старчиков с Никитиным.

Несмотря на передышку в наземных боях, авиация продолжала свою обычную работу – бомбила и штурмовала «Голубую линию», с помощью истребителей осуществляла прикрытие и разведку.

К своему району четверка Речкалова подошла со стороны Новороссийска на высоте около четырех тысяч метров. Вокруг все было спокойно, прекрасные условия для выполнения боевого задания – поиска немецких танков.

Но это могло казаться только со стороны. Лететь, зная, что на тебя смотрят жерла зенитных орудий, было не очень-то приятно. Все ожидали первого залпа. Если снаряды не заденут, то после дующие уже не страшны. Истребитель всегда может сманеврировать и не дать противнику прицелиться.

Как его ни ждешь, он все равно внезапен. Под машиной замелькали сполохи, она словно охнула и судорожно задрожала. Летчики мгновенно оказались в окружении рваных черных хлопьев. Огонь зенитных батарей оказался до того плотным, что за какие-то секунды в воздухе стало темно от повисших черных бутонов гари. Допустив истребители в зону своего огня, немцы ударили со всех сил, но, на счастье, все мимо.

Искрин с ведомым мгновенно спикировали и, выровнявшись на высоте восьмисот метров, плавно покачивая крыльями, словно

купаясь в воздухе, начали облет местности. Речкалов с Табаченко остались на высоте – прикрывать их от «мессершмиттов». Очень скоро Григорий сообщил, что вступил в бой с немецкими истребителями, потом связь с ним прекратилась. Паре Искрина предстояло работать самостоятельно. Танки, штук двадцать машин, замаскированных рублеными ветками, они разыскали в балке. По тому шквальному зенитному огню, который по ним открыли немцы, сомневаться не приходилось – это были те танки, которые они должны были установить. Сделав противозенитный маневр, пара «кобр» направилась на восток. Едва она успела набрать полторы тысячи метров, как сзади ее внезапно атаковали два «мессершмитта», вызванные, очевидно, зенитчиками.

Возможность для маневра на такой высоте была ограниченна, и Николаю ничего другого не оставалось, как в последний момент внезапно бросить свой истребитель в сторону. «Мессер», словно огненный дьявол, паля из всего бортового оружия, пронесся в каких-нибудь восьмидесяти метрах от хвоста его «кобры», и Николай даже рассмотрел злое, напряженное лицо немецкого пилота за рамкой фонаря кабины.

«Ах ты, гад! Срезать меня захотел», – вскипел Искрин. Он заложил крутой вираж, намереваясь зайти немцу в хвост, который, решив, что с русским покончено, уже пошел на горку, но «кобра», не выдержав такого издевательства, свалилась в штопор. После беспорядочного падения, на высоте около пятисот метров от земли, Николай все-таки вывел машину из штопора и, уже не меняя высоты, они с напарником пошли на свой аэродром.

В землянке командного пункта полка, куда Искрин спустился для доклада, находились командир полка Исаев, его помощник по воздушно-стрелковой службе Покрышкин, недавно назначенный на эту должность, и летчик Никитин, который докладывал о результатах своего полета. В ожидании своей очереди Искрин присел на свободный табурет у стены и стал прислушиваться к разговору. Очень быстро он понял, что Никитин только что совершил вынужденную посадку – посадил свою машину на «живот».

– Где находится самолет? – спросил у Никитина Исаев, подвигая к нему карту на столе. Летчик молча показал пальцем место на карте.

– Хорошо, а в каком состоянии самолет?

– Посадил на «живот» нормально, на мягкую пахоту. Поврежден винт и низ фюзеляжа.

– Ладно, остальное расскажи майору Покрышкину, – приказал командир полка, кивнув головой в сторону сидящего за столом и просматривающего какие-то бумаги Покрышкина.

Никитин подошел и остановился возле майора.

– «Мессы» прихватили? – строго, не поднимая головы от бумаг, осведомился Покрышкин.

– Нет, товарищ гвардии майор, сам подставил самолет под трассу.

– Как подставил, проморгал, что ли? – Покрышкин поднял голову от бумаг и снизу вверх смотрел на Никитина упорным, немигающим взглядом.

– Нет, не проморгал. Отлично видел, как появилась пара «охотников». Предупреждал Старчикова несколько раз: где и что делают «мессера», а ведущий не реагировал – тянул, по-видимому, на свою территорию.

– Он же вел разведку, – вставил Исаев.

– Какая там, к черту, разведка, когда «худые» атакуют, – возразил Никитин. – Надо было принимать меры: уходить или вступать в бой.

– А ты для чего там был? Надо было атаку и отбить, – продолжил Покрышкин.

– Отбить, значит, вступить в бой, что разведчикам запрещено – это во-первых, – стал объяснять Никитин. – Во-вторых, я не имел права принимать решения на бой. Поэтому я ждал решения ведущего.

– А если бы ты имел такое право, что делал бы?

– Ушел бы переворотом, когда «мессера» свалились с высоты, потом продолжил бы разведку.

– У Старчикова радио работало?

– Конечно. Он говорил мне: «Смотри за ними».

– Ну и ты? – Покрышкин улыбнулся.

– Я и смотрел и докладывал до тех пор, пока они не подошли на дистанцию двести метров. Потом решил сорвать их атаку – бросил свой самолет между «мессом» и ведущим…

– Опасно подпускать на двести метров. А если бы он открыл огонь и сбил бы Старчикова?

Лицо Покрышкина опять стало серьезным.

– Могло и так быть. Но я знаю, что «охотники» не стреляют с такой дистанции, поэтому решил подождать…

– Ну и что?

– Сорвал «мессу» прицельную стрельбу по Старчикову. Он крутнул переворот и остался невредим. Тогда второй «месс» пальнул по мне и ушел вверх. Я тоже перевернулся вслед за ведущим, когда стал выводить машину из пикирования, почувствовал – подбит. Ручку добрал полностью на себя, а самолет идет градусов тридцать к горизонту. Так и пошел домой.

– Старчиков тебя прикрывал?

– Нет, один шел.

– Садился как?

– Сначала решил прыгать с парашютом – сбросил дверку, смотрю – подо мной лес. В лес не стал прыгать. Когда лес кончился – высота для прыжка уже была мала. Пошел на посадку без шасси и щитков.

– Самолет что, так и шел под углом?

– Так с углом и шел. Я решил – убиваться, так с музыкой. Резко дал мотору полный газ. Смотрю – самолет вышел в горизонт. Так и сел. Приземлился нормально.

– Да-а… Интуиция, – задумчиво проговорил Покрышкин, потом спросил: – Раньше знал что-нибудь о гироскопе?

– Знал, – замялся Никитин, – ну, например, о гироскопическом моменте винта, о прецессии гироскопа…

– При заходе на посадку, конечно, о гироскопе не думал?

– Нет, разобрался только по дороге, пока добирался до КП.

– Знаешь, что такое интуиция?

– Примерно. – Никитин опять запнулся. – Наверное, можно сказать так – способность к мгновенной концентрации знаний и опыта в нужный момент…

– Вот-вот… Понял теперь, какая цена знаниям? Жизнь! Ясно? Постоянно нужно пополнять знания… Ну ладно, как вообще самочувствие?

– Нормальное, товарищ гвардии майор.

– Ступай. – Он улыбнулся своей широкой, доброй улыбкой. – Да, – бросил он вслед уже выходящему Никитину, – позови сюда Старчикова.

Покрышкин поднялся из-за стола и подошел к Искрину.

– Устал, Николай? – Они не виделись с утра. – Давай докладывай командиру, что вы там нашли.

Искрин подошел к столу командира полка и коротко, по-деловому, доложил о результатах разведки, указал на карте место, где были обнаружены танки. Исаев поблагодарил за проделанную работу и предложил пока отдохнуть.

Когда Николай выходил из штабной землянки, у входа он столкнулся со Старчиковым. «Торопится, – подумал он, – сейчас Покрышкин пропишет ему патефонные иголки для одного места, мало не покажется».

Искрин направился к землянке, где летчики обычно отдыхали между боевыми вылетами. Внутри на топчанах уже лежали несколько человек. Перекинувшись парой фраз с уже отдыхавшим Речкаловым, Искрин достал папиросы и только собрался прикурить, как телефонист объявил: «Командир вызывает – всем бегом!»

– Группа «юнкерсов» в сопровождении «мессершмиттов» на подходе к аэродрому у Красноармейской. Покрышкин, немедленно подымайте группу в воздух! – приказал Исаев.

На аэродроме у станицы Красноармейская базировался один из полков «яковлевых» из корпуса генерала Савицкого. Надо было срочно оказать ему помощь. В воздух поднялись Покрышкин со Степановым, Речкалов с Табаченко и Искрин со Старчиковым. Последний был назначен ведомым в наказание за небрежность, проявленную в предыдущем вылете.

Перед взлетом, на ходу, Покрышкин о чем-то договорился с Речкаловым. Пока шли к Красноармейской, набрали высоту около шести тысяч метров. Как ни торопились, а все-таки опоздали – немецкие бомбардировщики уже отбомбились, но, судя по тому, с какой плотностью зенитного огня они столкнулись, особого вреда бомберы не принесли. Они уже убрались восвояси, а шестерка «мессершмиттов» продолжала крутиться над аэродромом, изредка постреливая из пулеметов.

– Атакуем с ходу! – скомандовал Покрышкин.

Шесть против шести… Все сразу вступили в бой. Своего Покрышкин поджег с первой же атаки. Искрин со своим противником начал с лобовой. Дав три очереди из пушки с дальней дистанции, Николай ухитрился поджечь «мессер». Такое при лобовой атаке бывало крайне редко. Но фашист, уже весь объятый пламенем, продолжал переть, не сворачивая, намереваясь, очевидно, произвести таран, а возможно, он просто был убит. Но Николаю вторично повезло. Плоскость у немца прогорела, и он закувыркался вниз.

Не успел летчик опомниться от такого невероятного момента в боевой практике, как обнаружил, что сверху, под большим углом, на него валится другой «мессер». «Ведомый того, заклятого», – мелькнуло у него в голове. Скорость еще была приличная, и, не раздумывая, он выхватил машину вверх и пошел прямо с немцем в лобовую. Тот явно не ожидал такого поворота событий, не выдержал, метнулся в сторону и, набирая скорость, со снижением, стал удирать. «Струсил, сволочь!» – процедил сквозь зубы Николай и, прибавив обороты мотору, устремился вслед за немцем. С дистанции сто пятьдесят метров он открыл огонь из пушки, прибавив к ней крупнокалиберный носовой пулемет. Очевидно, он попал «мессеру» в мотор, потому что винт у него заклинило, машина задымила, и пилот пошел на вынужденную посадку. Приземлился он на нашей территории где-то в районе станицы Славянской.

Убедившись, что немец подбит, Искрин энергично развернулся, намереваясь направиться на поиски своих, как

вдруг, со стороны слепившего его солнца, увидел парочку «худых». Видимо, к первой шестерке подошла помощь.

Николай прикинул: немцы были уже метрах в трехстах от него, высота маловата, а ведомый Старчиков где-то оторвался. «И надо же так вляпаться, – с досадой подумал он, – один против двоих и в такой невыгодной позиции». Однако, надо было что-то предпринимать.

Искрин резко бросил свою машину вправо. Не помогло, немцы подошли еще ближе. Тогда он заложил крутой вираж, но опоздал… С тупого желтого рыла «месса» понеслись трассы, и пилот тут же почувствовал сильный удар по корпусу машины, она сразу стала плохо слушаться руля. «Попал-таки, гад! Видимо, перебил рычаги управления хвостового оперения», – мелькнула в голове мысль. Самолет стал заваливаться – Николай мгновенно дал газ до отказа. Так не хотелось терять машину, совсем еще новенькую, недавно полученную.

«Кобра» начала было поднимать нос, но тут же сорвалась в плоский штопор. «Теперь уже все. Надо прыгать!» Искрин дернул аварийный рычажок – отлетела боковая дверь, теперь можно было выбираться на плоскость, но его что-то держало – привязные ремни. Отстегнул их и вывалился из кабины, покатился по плоскости, сорвался с нее, и в это мгновение кувыркающийся истребитель ударил его по ноге стабилизатором. «Проклятая «кобра», с ней и расстаться по-человечески нельзя», – мелькнула мысль, потом в глазах стало темнеть, и, уже теряя сознание, он последним усилием воли выдернул кольцо парашюта.

Очнулся Николай от удара об землю. Дул сильный ветер, и парашют потащил его по земле. С трудом он отстегнул лямки и в горячке попытался встать на ноги. Страшная боль пронзила ушибленную ногу, и он вновь упал, потеряв сознание. Над ним на бреющем прошли две «кобры», но он на них не реагировал.

Очнулся он от конского храпа. Открыл глаза. Перед ним на гнедом старом мерине сидел солдат.

– Как вы себя чувствуете, товарищ командир? – спросил солдат.

– С ногой плохо, – прохрипел летчик.

– Лежите спокойно. Сейчас подойдет полуторка, и мы отвезем вас в госпиталь. Мы видели ваш бой. Боялись, что вы совсем разобьетесь – уж больно долго вы не оставляли подбитый самолет.

В это время Покрышкин со Степановым ходили внизу и вели по рации открытые переговоры с Речкаловым. Последний, докладывая об обстановке в воздухе, несколько раз называл Сашу по фамилии. Они рассчитывали, что немцы клюнут и начнут за

ним охоту. После выхода из атаки вверху их должен был подсекать Речкалов.

Покрышкин видел, как к раненому Искрину подошла машина, как солдаты погрузили его в кузов и куда-то повезли.

Через пару минут он заметил пикирующий на него «мессершмитт». В своих расчетах он не ошибся.

8

Они не успели даже отдохнуть после очередного вылета, как послышалась команда: «Внимание! 7-я и 8-я эскадрильи в воздух! Курс на Красноармейскую!»

Все сорвались и побежали к своим машинам. Уже в воздухе Крупински поставил задачу: «В районе Красноармейской шестерка «мессершмиттов» сражается с русскими и нуждается в помощи. Атаковать русских истребителей!»

На подходе к Красноармейской со станции наведения сообщили: «Для «Карая-1». Группой истребителей под Красноармейской командует Покрышкин! Внимание! Покрышкин в воздухе!»

Хартманн почувствовал неприятный холодок в груди. Встречаться с советским асом у него не было никакого желания. Но тут в наушниках послышался голос Ралля, возглавлявшего группу вылета:

– Буби! Этот Покрышкин сейчас внизу. Что-то у них произошло с летчиком из их группы, кажется, он ранен. У тебя появился прекрасный шанс отквитаться!

«Теперь уклониться невозможно. Иначе засмеют», – подумал Хартманн.

– Понял, «Карая-1»! Понял вас!

Лучшему снайперу группы не подобало уклоняться от боя с противником. Он осмотрелся. От немецкой шестерки осталось только два самолета. Остальные пылали кострами на земле. Правда, у русских тоже вверху оставалось только три самолета, да еще Покрышкин с ведомым находились внизу.

Подкрепление с ходу вступило в бой с верхней тройкой. Эрих искал Покрышкина. «Так, вот они, ходят внизу, видимо, охраняют сбитого товарища. Меня явно не видят. Что ж, можно попробовать», – решил он.

– Ханс! Оставайся вверху и наблюдай за обстановкой, – приказал Эрих ведомому и бросил машину в пике.

Скорость стремительно росла, в ушах появилась сверлящая боль. «Поймать «кобру» в рамку прицела, – шептал он, весь сосредоточившись на этой важной операции. – Черт, почему она все время уходит из рамки, почему ее невозможно удержать? Может, я не взял упреждение?..»

Земля стремительно набегала, пора было выводить самолет. Зная по опыту, как трудно выходит «Ме-109» из пикирования, Хартманн решил отказаться от этой затеи. Раз атака не получается, надо быстро уходить наверх. Он со всей силы потянул

рычаг на себя.

От чудовищной перегрузки на мгновение потемнело в глазах. Его «мессершмитт» нехотя поднял нос и пошел свечой на горку. Ослепленный солнцем, не успев прийти в себя после пикирования, Хартманн по инерции продолжал двигаться по восходящей, когда вдруг почувствовал сильный удар по машине. «Всё! Сбит! – мелькнуло в затуманенной голове. – Почему Ханс не прикрыл?!»

Он окончательно пришел в себя, в глазах прояснилось. Эрих сразу же осмотрелся. Так и есть – красноносая «кобра» разворачивалась для повторной атаки. «Где Биркнер? Ясно. Связан боем!»

Меж тем его машина падала. «Спокойно, Эрих, спокойно, – как всегда в минуту опасности, заговорил он с собой в голос. – Вспомни, как ты это делал на планере. Выровняй машину. Так, хорошо… Теперь тяни до нашей территории. Осталось немного, а высота у тебя была приличная…»

Навыки планериста и на этот раз не подвели, позволили успешно произвести аварийную посадку, уже пятую по счету за время его пребывания на Восточном фронте. Хорошо еще, что хоть поле на этот раз подвернулось не минированное.

Грязный, полуоглохший, с разбитой при посадке бровью, он молча лежал в кузове грузовика и терпеливо ожидал, когда пехотинцы наконец доставят его в расположение группы. Перед глазами вставали картины происшедшего. «Почему этот Покрышкин так ловко уходил из прицела? – не давала ему покоя мысль. Наконец его осенило: – Мой бог, да потому, что он летел с горизонтальным скольжением. Как я сразу не догадался! Хорошо, а почему меня подстрелили, как куропатку, почему моего ведомого так своевременно блокировали? Уж слишком много совпадений… Тут что-то не так…»

Позже, когда обработанный санитарами, он лежал в палатке на постели, ему удалось связать концы с концами: русские их просто одурачили, и жертвой их хитрости стал он, Эрих Хартманн, один из лучших снайперов 3-й группы. Вот так! Теперь понятно, почему русские, сменив позывные и прекратив в эфире называть друг друга по именам и фамилиям, сегодня над Красноармейской вдруг открыто стали называть фамилию Покрышкин. Несколько дней эта фамилия совершенно не встречалась в эфире. Расчет был на то, что мы «клюнем». И они не ошиблись. Вот она, расплата за охоту на Фадеева. От досады у него выступили слезы на глазах.

Тогда, 5 мая, в организации засады на Фадеева участвовали сам капитан Ралль и летчики из соседней эскадры.

Командиром группы Ралля назначили в марте, и очень скоро все почувствовали, что пришло другое время. Дисциплина в группе с прибытием нового командира, а также комэска 7-й Вальтера Крупински, быстро поднялась.

Сам Ралль был прекрасным снайпером, предпочитающим всегда атаковать противника сзади и снизу. Именно снизу, по его убеждению, самолет противника лучше всего виден и более всего уязвим.

Это Ралль придумал посылать для расчистки неба над Крымской «наживку» – два истребителя, которые привлекут к себе внимание наиболее азартных бойцов, а потом на них можно наваливаться всей группой. На такую «наживку» и «клюнул» Фадеев. Правда, бой принял такой размах, что пришлось вызывать помощь из соседней эскадры. Летчики из 54-й эскадры на «Фокке-Вульфах-190» и добили Фадеева. Сколько радости и торжества было потом.

Главную роль, конечно, сыграл Герхард Коппен. Именно он сумел зайти Фадееву в хвост и вцепиться в него мертвой хваткой. И хотя Коппена в упор расстрелял ведомый русского аса, Герхард, уже мертвый, продолжал нажимать гашетки и все-таки ранил русского.

А сегодня русские перехитрили Ралля, только расплачиваться пришлось ему, Хартманну. Повезло еще, что жив остался. А ведь тогда, вечером, на поминках души храброго рыцаря Коплена, Эрих дал себе зарок не бросаться очертя голову на русского, даже если это будет Покрышкин или кто другой. Немецких летчиков быстро выбивают, и если дело пойдет так дальше, скоро некому будет воевать. Слово себе дал, а все равно попался.

При осмотре Хартманна врач определил у него сильное нервное истощение и порекомендовал командованию отправить его в краткосрочный отпуск. Командир 52-й эскадры полковник Храбак издал приказ, и Эрих, не мешкая, отправился на поезде в Штутгарт. Теперь все его мысли были связаны с домом, и он с нетерпением ожидал встречи с родителями, с любимой Урсулой.

9

– Сергей прилетел! Сергей прилетел! – неслась по аэродрому радостная весть. Приземлился Сергей Иванов – летчик связи 216-й дивизии, доставлявший в штабы полков всевозможную документацию, а вместе с нею и почту. Сейчас на аэродроме всех интересовали только письма. Лишь они позволяли фронтовикам обмениваться новостями с родными, узнавать, чем живет страна, что происходит в дорогих сердцу каждого краях. Письма – это маленький праздник на войне, и равнодушных тут не было.

Бодро пофыркивая мотором, «У-2» катился по аэродрому к месту своей обычной стоянки, и все бежали туда.

Покрышкин тоже выскочил из землянки и скорым шагом направился к месту сбора. От Марии уже пятый месяц не было никаких вестей, может быть, хоть на этот раз повезет.

Самолет газанул в последний раз, крутнулся на месте и затих, словно притомившийся после скачки конь. Летчик, совсем еще молодой парень, не торопясь выбрался на крыло, достал из кабины сумку, секунду постоял, ожидая, пока все подойдут поближе, затем спрыгнул на землю и тотчас оказался в кругу галдящей, словно стая птиц, молодежи. Никто не обращал внимания на звания и должности, все кричали, перебивая друг друга.

Наконец началась раздача писем. Сергей достал из сумки перевязанную бечевой пачку, развязал ее и начал громко выкрикивать фамилии. И тут началось: девушки его целовали, мужчины шутили, хлопали по плечам, крепко жали руку. Те, что получили письма, отходили в сторону. Очень быстро около Сергея остались лишь те, для которых праздник на этот раз не состоялся. Не получившие весточки из дома стали грустными и печальными.

Счастливцы наслаждались каждый на свой лад: одни сразу нетерпеливо вскрывали конверт и впивались глазами в исписанные листки. Прочитав и успокоившись, они начинали спокойно перечитывать письмо. Другие отходили в сторону или старались уединиться, чтобы там, без спешки и помех, спокойно прочитать дорогие сердцу строчки, подумать над ними, помечтать.

Саша даже не поверил своим ушам, когда Сергей выкрикнул: «Покрышкину». Сдерживая волнение, он пробился сквозь кружок девчат и взял письмо. Почерк Марии… Наконец-то! Он отошел к своему самолету и быстро распечатал письмо. Мария! Жива-здорова, часто думает о нем, скучает. Сильно переживает, когда

читает в газетах статьи о жестоких воздушных боях на Кубани. И в конце: целую, твоя Мария.

Саша так разволновался, что не находил себе места. «На фронте сейчас затишье, нужно с нею повидаться», – начало созревать у него решение.

По привычке, заложив руки за спину, он расхаживал перед своим самолетом туда и обратно, а Чувашкин, на этот раз не получивший известий из дома, издали, исподтишка, наблюдал за своим командиром.

«А что, сейчас пойду к Исаеву и отпрошусь на день-два. Что тут до Миллерова, доберусь за часика полтора. Имею я право повидать свою жену или нет?!»

– Решено! – вдруг громко произнес он и, не отвечая на недоуменный взгляд Чувашкина, энергичным шагом направился на КП.

– Товарищ командир! – с порога обратился он к Исаеву, в задумчивости расхаживающему по землянке. Они что-то обсуждали с начальником штаба, который с кучей бумаг сидел за столом.

Командир полка остановился и вопросительно посмотрел на вошедшего.

– Товарищ командир, разрешите на денек слетать к жене, Марии. Она сейчас находится под Миллеровом.

– К жене? – удивился Исаев. – Это к кому же, к той самой блондинке из Манаса?

– Да, к ней, – как можно спокойней подтвердил Александр.

– А я и не знал, что ты женат. Ох, уж эта мне любовь! – воскликнул Исаев и опять зашагал по землянке. Потом неожиданно остановился перед Покрышкиным и сказал:

– Ладно, лети!

И, повернувшись к начштаба, приказал:

– Начштаба, приготовь приказ!

– А можно на «Ут-2»? – решился Александр еще на одну просьбу. «Ут-2» был самолетом связи полка.

– Бери, бери… Вижу – пропал Покрышкин! – захохотал Исаев и хлопнул Сашу по плечу: – Но учти, послезавтра быть в полку!

– Есть послезавтра быть в полку! – Саша радостно козырнул и выскочил из землянки.

В последнее время Исаев заметно изменился. После того, как о Покрышкине стали писать газеты, после его встреч с командующим армии Вершининым, повышения в должности по инициативе штаба дивизии, высокой оценки, данной летчику маршалом авиации Новиковым на совещании в Пашковской, командир полка стал подчеркнуто любезен и осторожен. Недавно

он сам предложил Покрышкину поменять его «тринадцатую» на одну из недавно полученных «кобр» с более мощным двигателем и, соответственно, вооружением. Новая модификация – «Р-40».

Гриша Чувашкин очень удивился, услышав от Покрышкина:

– Видал? Новые машины пригнали. Будь здоров! Одну из них мы с тобой получаем. А что, разве не заслужили?

Пришлось Грише закрашивать семнадцать звездочек на «тринадцатой» и переносить их на новую машину. Старую передали летчику Самсонову.

– А какой номер будем на ней рисовать? – спросил Гриша после того, как Покрышкин опробовал новый самолет и окончательно принял решение на нем летать.

Подумав, Покрышкин сказал:

– Нарисуй 100. Круглая цифра и удобный будет позывной – «Я сотка». Хорошо звучит, правда?

– Да, – согласился Гриша, – а еще было бы здорово, если бы вы их нащелкали столько же, в аккурат сотню.

На том и решили – рисовать номер 100.

Аэродром под Миллеровом он нашел быстро – над ним все время кружили наши штурмовики. Приземлившись и зарулив на указанную ему стоянку, Покрышкин выбрался из своего старенького «Ут-2» и не спеша пошел вдоль стоянок самолетов, мысленно прикидывая, у кого можно узнать, где располагается интересующая его медицинская часть.

Аэродром жил обычной фронтовой жизнью. Одни самолеты только что вернулись с боевого задания: механики, стоя на стремянках, раскрыв капоты, возились с моторами, в очередь к самолетам выстраивались бензозаправщики, грузовики с бомбами и снарядами. У других техники заливали в баки горючее. Третьи, заправившись горючим, пополнив боеприпасы, по очереди выруливали на старт. В центре этого водоворота стоял инженер полка, зорко наблюдая за работой конвейера. При его внеплановых остановках он вмешивался и давал необходимые команды.

Около одной из стоянок находился «стартер» – полуторка со специальным устройством на ней для запуска авиационных двигателей. На его подножке сидел пожилой усатый шофер. Подойдя поближе, Саша сразу его узнал – старый знакомый по Манасу. Водитель, увидев Александра, вскочил.

– Капитан Покрышкин! Здравия желаю! – воскликнул усач.

– Теперь уже майор. Здравия желаю! – улыбнулся Саша.

«Вот сейчас у него и узнаю, как там вела себя Мария. В случае чего – сразу полечу обратно», – ни с того ни с сего вдруг решил он.

– Ну как там у вас на Кубани дела? – поинтересовался усач. – Много немцев насбивали?

– Да, было жарковато… – рассеянно ответил Саша.

– А мы вас вспоминали, когда встречали вашу фамилию в газетах. Да, хорошее время было в Манасе, – вдруг мечтательно заговорил о прошлом шофер.

– Да, здорово было… Море, – согласился Саша.

– А вина сколько, а девчата какие, – подхватил его мысль шофер.

– А ты случайно не помнишь, была там медсестра Мария? – как бы между прочим спросил Александр.

– Ну как же не помнить! – оживился шофер. – Очень хорошо помню. Блондинка, симпатичная такая. Душевная дивчина. Так хорошо меня тогда пролечила. А недавно руку мне перевязывала. У нас все ее уважают. Постойте, – вдруг хитро прищурился шофер, – а вы часом не к ней прилетели? Ну конечно, к ней. Как я, дурень, сразу не догадался. Ведь в батальоне все считают ее вашей женой.

– Точно, к ней, – в тон шоферу весело ответил Покрышкин. – А ты не подбросишь меня к ее санчасти на своем «стартере»?

– О чем разговор! Конечно, подвезу, – охотно согласился водитель. И, усаживаясь на сиденье, добавил: – Вот Машенька обрадуется!

Сначала они заехали в штаб полка штурмовиков, где Саша отметил свое отпускное удостоверение, потом направились в Старую Станицу – место расположения медсанчасти. Находилась она километрах в десяти от аэродрома.

По дороге шофер рассказывал местные новости, но Саша слушал его вполуха. Он все думал о своем поступке, укорял себя за ненужную подозрительность, чувствуя на душе неприятный осадок, – так чисто и доверительно было письмо Марии, а он…

– Вот здесь их санчасть, товарищ майор, – прервал его невеселые размышления водитель. – До свидания. Даст бог, еще свидимся.

Пожав его крепкую мозолистую ладонь, Покрышкин выбрался из кабины полуторки и сразу же увидел группу медиков в белых халатах, стоявших у ворот дома. К ним он и направился, уже издали примечая знакомые лица.

Подполковник медицинской службы Арцимович, врач Дехтярь, медсестра Вера, все знакомые ему по Манасу. Они тоже его сразу узнали, оживились, стали расспрашивать о боях на Кубани. Врач Дехтярь куда-то отошел, но через несколько минут вновь к ним присоединился.

Александр улыбался, односложно отвечал на вопросы и все

думал – как вызвать из медчасти Марию. Кожаный реглан сполз с плеча, он слегка повернулся, чтобы его поправить, и тут же боковым зрением зафиксировал, как с крыльца к нему метнулся кто-то в белом. Он резко повернулся, едва успел раскрыть объятья, как она обвила руками его шею.

– Саша! Милый!

Она прижалась к нему, сердце ее бешено колотилось. Кожаный реглан, небрежно наброшенный на плечи, сполз на землю.

– Мария… Мария… – лишь тихо повторял он.

Голос его предательски сел.

– Мария, – нежно позвал он, но она не отвечала, лишь теснее прижималаоь щекой к его груди, ощущая холодок от орденов. Его губы нежно касались ее волос.

Вид его статной, крепкой фигуры совершенно ее расслабил: увидев его живым и невредимым, она потеряла остатки своей выдержки и уже была не в силах сдерживаться. Постоянная тревога за него и бесконечное ожидание хотя бы коротенькой весточки так измотали ее, что она просто не могла вынести этой ноши.

Она плакала, дрожала от накопившейся тоски и отчаяния, а он, поглаживая рукой по ее плечам и спине, тихо шептал:

– Ну что ты, Мария! Ну успокойся… Я прилетел… Видишь, я жив-здоров!

В ответ она только сильней сотрясалась от рыданий и еще тесней прижималась к нему. Из дома высыпали медсестры, окружили их, посыпались шутки, вопросы.

Саша уже овладел собой, и лишь его рука, по-прежнему гладившая Марию, слегка дрожала. Появление медсестер подействовало на нее успокаивающе. Она отстранилась, поправила волосы и вдруг, с нескрываемой обидой в голосе, спросила:

– Ты почему не писал?

Девчата начали смеяться, приговаривая: «Почему нашу Машеньку мучил, не писал ей».

– Родная моя, – говорил, улыбаясь, счастливый Саша, – если бы ты знала, как я сам ждал твоих писем. Нашего почтальона Сергея просто замучил. Адрес-то все время менялся. Идут где-то мои письма к тебе. А я, как получил твое первое письмо, так сразу и прилетел.

Удивительно, но именно в тот же вечер Марии принесли первое Сашино письмо, в котором он поздравлял ее с Новым, 1943 годом.

Потом они направились к ней на квартиру в старом

бревенчатом доме под железной крышей в стороне от других помещений санчасти. Мария жила вместе с подругой Таисией и еще одной девушкой, Катей, работавшей в штабе. По случаю прибытия Александра девушки к себе уже в тот вечер не возвращались и ночевали у знакомых.

Жизнь Марии, как понял Саша из ее рассказа, была невеселой – с утра до вечера немцы бомбили Миллерово, иногда навещали Старую Станицу, и тогда доставалось и им. С апреля она стала следить за прессой – в газетах часто упоминалась фамилия Покрышкин. Очень опасалась, что среди сбитых мог быть и ее муж. И так день за днем, неделя за неделей.

В БАО ей все сочувствовали, и если находили сообщение о летчиках-истребителях, сразу спешили ее обрадовать. Однажды кому-то из ребят попалась заметка о летчике Покрышеве, о его подвигах на Ленинградском фронте, и ее тут же оповестили:

– Посмотри, Машенька, твой Саша, оказывается, уже на Ленинградском фронте воюет. Да еще как! На-ка, прочти. Правда, газетчики его фамилию переврали.

– Так и инициалы тут другие, не Сашины!

– Ну и что? Ты что, наших газетчиков не знаешь? Они все путают, и имя, и названия.

Как редкие глотки свежего воздуха были для нее скупые газетные строки. Но адресов «кубанских соколов» там не указывали. Оставалось смотреть на дату выпуска газеты и думать: значит, до позапрошлого вторника он был еще жив и здоров.

– Слава богу, меня миновало, – неосторожно заметил он.

– Значит, все-таки было опасно и ты, как всегда, лазил в самое пекло? – сразу насторожилась она.

– Ну что ты, Мария! Обычная наша работа. Ну как мне убедить тебя, что все это чепуха. Это газетчики нарочно придумывают. Не делай из меня героя. Таких, как я, у нас в полку много. Вон Глинка сколько насбивал. Андрея Труда помнишь? Тоже молодец…

Пройдет много лет, и однажды друг их семьи Герой Советского Союза Николай Трофимов расскажет ей: «Самое трудное и опасное Саша всегда брал на себя. Видишь ли, группу самолетов как у нас, так и у немцев, всегда вел самый опытный летчик. Вот их-то, ведущих, и брал на себя Саша. А что значит, к примеру, идти в атаку на ведущего группы бомбардировщиков? Это значит, что по тебе бьют все пушки и пулеметы всех «юнкерсов» из группы – ведь они защищают своего ведущего. Кроме того, по тебе бьют пушки и пулеметы всех вражеских истребителей, которые прикрывают своих бомберов. А с земли огневой заслон ставят зенитки. Так что в момент атаки на

ведущего бомбардировщиков в наш истребитель ежесекундно выпускалось около полутора тысяч снарядов и пуль. И нужно было иметь мужество и умение, чтобы этот заслон преодолевать».

Но это будет гораздо позже, а сейчас он всячески старался отвлечь ее от неприятных мыслей.

– Чем же тебя кормить? – спросила она в растерянности, когда они пришли на квартиру. – Ведь вы, летчики, народ капризный, вам трудно угодить.

– Что приготовишь, то и ладно, – ответил он и протянул ей вещмешок, в который ребята перед отлетом насовали ему продуктов из сухого продпайка. Еда для него сейчас была не столь важной. Он любовался ее нежным, чуть похудевшим лицом. На фоне сумерек ее тонкая фигурка казалась такой уязвимой, и вся она была на редкость трогательной и юной в ладно сидевшей на ней военной форме с погонами сержанта медицинской службы. Его захлестнула такая волна нежности к ней, что он с трудом находил необходимые слова, чтобы поддерживать разговор…

Весь следующий, заполненный счастьем день они гуляли вокруг Старой Станицы – обошли все тропки.

– Любишь? – спрашивала она, оборачиваясь к нему.

– Люблю. А ты? – Он нежно улыбался.

– Люблю!

И они целовались. Это было состояние, которое они оба еще никогда не переживали, счастье, которое могут понять и ощутить только фронтовики.

Саша, не желая носить на душе камень, чистосердечно рассказал ей о своем разговоре с шофером.

– Значит, не веришь мне, раз расспрашиваешь о моем поведении посторонних, – нахмурилась она.

– Почему не верю? – смутился он. – Я ведь тебе сам все рассказал. Просто хотел послушать, что о тебе люди говорят. Приятно было послушать, как тебя хвалят. Даже завидно.

– Вот как. Даже завидно…

В ее голосе было столько нескрываемой иронии, что сомневаться не приходилось – она обиделась.

Немного помолчав, он сказал:

– Ты уж прости меня, Мария. Конечно, глупость я сморозил. Нехорошо получилось. Прости.

Она молчала.

– Так прощаешь?

Он сграбастал ее в свои медвежьи объятия и поцеловал в щеку.

– Злоупотребляете своей силой, товарищ майор. Приходится подчиниться. Так и быть, прощаю.

Он подхватил ее на руки и закружил. Она, смеясь, заметила:

– Вообще, товарищ майор, вы сегодня необычно ласковы. Определенно разлука действует на вас положительно.

– Это просто день такой и ты рядом.

– А как у вас там, в Поповической, проходят вечера? Ну, например, когда вы не летаете. Отсыпаетесь? – спросила как бы между прочим Мария.

– Ну не скажи, – улыбнулся Александр. – Вечера у нас проходят весело и культурно. Есть у нас свой кинотеатр, недавно крутили «Джо из Динки-джаза», имеется полковая самодеятельность, ты должна помнить ее по Каспию. Теперь перед нами часто выступают артисты фронтовых бригад. А начальник связи полка Гриша Масленников, помнишь его, на баяне играл на танцах, оборудовал на аэродроме и в землянках, где отдыхают летчики, радио. Теперь слушаем последние известия, а перед отъездом на ужин музыку.

За ужином я частенько обсуждаю со своими ошибки, допущенные в бою, договариваемся, как будем вести себя на следующий день. После ужина играет баян, ребята поют песни. Молодежь идет на танцы, но я туда не хожу…

– Точно? – Она отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

– Точно, точно… Вот, а еще утром всегда делаю гимнастические упражнения. У нас образовалась большая группа моих последователей. Когда выдается днем свободная минута, играем в футбол, волейбол, городки. Так что жизнь кипит.

Они говорили обо всем, смеялись, шутили. А когда Мария узнала о гибели Вадима Фадеева, то загрустила. В ее памяти он навсегда остался необыкновенно добрым и отзывчивым парнем, и было трудно поверить, что уже никогда она не увидит его мощной фигуры, не услышит шуток и песен, исполненных красивым басом. День пролетел как мгновение, а на следующее утро они отправились пешком на аэродром. Десять километров прошли и не заметили. Остановились на краю летного поля.

– Все, Мария, давай прощаться, – предложил Александр.

– Как, ты не хочешь, чтобы я проводила тебя до самого самолета?

– Нет, не хочу. Женщина, даже жена, не должна приближаться к самолету – плохая примета. Все, милая, до свидания!

Он крепко ее поцеловал и, не оглядываясь, пошел к самолету. Она смотрела, как постепенно удалялась его фигура, и слезинки, одна за другой, предательски покатились из глаз.

Мария дождалась, пока самолет взлетел и растаял в дымке неба. Обратно ее подобрала попутная машина, и через час она

уже была в своей санчасти.

До вечера работала в амбулатории, потом убралась и решила на ночь почитать. Настроение было скверное, не хотелось никого видеть и ни с кем говорить. В голову лезли тревожные мысли: «Как там Саша долетел?»

Вдруг послышался тихий стук в окно. Она выглянула и не поверила своим глазам – перед ней стоял ее Саша.

Забарахлил в полете мотор, объяснил он, и, дабы не стать добычей какого-нибудь шального «мессершмитта», решил вернуться в Старую Станицу.

На следующее утро они опять вдвоем пошли на аэродром. Прощаясь, он пошутил: «Следи внимательно за прессой. Очень может статься, что там сообщат о присвоении твоему мужу Героя».

10

Еще затемно 26 мая командующий фронтом генерал-лейтенант Петров прибыл на наблюдательный пункт 56-й армии. Там его уже ожидали командующий этой армией генерал Гречко и командующий 4-й воздушной армией генерал Вершинин. Гречко был сдержан и немногословен, а Вершинин, по натуре более общительный, пытался даже шутить. Петров по телефону заслушал доклады командующих 37-й армией генерал-лейтенанта Коротеева, 9-й армией генерал-лейтенанта Козлова и 18-й армией генерал-лейтенанта Леселидзе о готовности к действиям.

По решению Петрова главный удар наносился силами 37-й и 56-й армий по центру оборонительного рубежа «Голубой линии». Правее, в направлении на Темрюк, должна была наступать 9-я армия, левее, на Новороссийск, – 18– я. Воздушная армия генерала Вершинина должна поддерживать наступление нанесением ударов по противнику на аэродромах и в воздушных боях над полем боя, а также надежно прикрывать наши наземные войска с воздуха.

Ровно в пять часов утра началась артиллерийская подготовка. Вскоре в небе показалась и наша авиация. Крупные группы бомбардировщиков были направлены на бомбардировку целей в глубине обороны противника на направлении главного удара.

В конце артподготовки, длившейся полтора часа, проверив, дует ли хотя бы слабый ветерок в сторону немцев, Иван Ефимович сказал Вершинину:

– Константин Андреевич, давайте приказ на вылет штурмовиков для постановки дымовой завесы.

Через несколько минут около 20 «Илов» пронеслись низко над землей вдоль переднего края и вылили смесь. Над немецкими окопами повисла белая стена дыма. Смещаясь в глубину обороны, завеса закрыла траншеи и ослепила гитлеровцев. Наши войска пошли вперед. Командующий фронтом напряженно вглядывался в дымовую завесу, но, как и другие, не мог рассмотреть, что там, за ней, происходит. Вскоре выяснилось, что немцы отошли из первой траншеи. Те из них, кто остался, были уничтожены советскими войсками.

К сожалению, ветер в этот день оказался слабым и не понес дымовую завесу дальше, в глубину, как рассчитывал командующий фронтом. Советские передовые подразделения, попав в полосу дымовой завесы, тоже ослепли, их продвижение почти прекратилось.

Через полчаса дымовая завеса стала редеть и вскоре совсем рассеялась. Советские войска вновь поднялись в атаку, но противник уже опомнился. Особенно напряженные бои разгорелись на участке 11-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора Сергацкова. Немцы неоднократно подымались в контратаку.

…На свой аэродром Покрышкин долетел без приключений. Едва зарулил на стоянку и выбрался из самолета, как к нему бросился Чувашкин.

– Товарищ гвардии майор, сегодня… – начал он скороговоркой и вдруг запнулся.

– Что сегодня, Гриша?

Давно уже Александр не видел своего механика таким возбужденным.

– Поздравляю, товарищ гвардии майор! Сегодня передали по радио… Вы – Герой Советского Союза!

– Спасибо, дорогой! – как можно спокойнее ответил Покрышкин, сдерживая мгновенно охватившую его радость. – А еще кого?

– Многим присвоили: Крюкову, Глинке Борису, Речкалову… Еще… Фадееву. Посмертно.

«Эх Вадим, Вадим! – сокрушенно вздыхая, подумал Саша. – Не дожил ты до этого торжества».

В небе послышался гул самолетов. Прямо через аэродром 16-го полка с востока на запад, большими группами одна за другой, шли «петляковы».

– Началось наступление, – пояснил Чувашкин.

«Так вот оно что», – подумал Покрышкин. Подлетая к аэродрому, он сразу заметил отсутствие на стоянках многих самолетов.

– Ну, как вы тут жили? – поинтересовался Александр.

– Плохо, товарищ гвардии майор… Вчера эти гады по нам ударили… Такая неприятность в полку…

– Что случилось?

– «Фоккеры» налетели… Подкрались на бреющем с востока и ударили по стоянке самолетов. Чесноков взлетел, да опоздал – немцы уже начали штурмовку. Почти сразу же загорелся самолет Труда. Его техник Кожевников выскочил из щели и бросился к машине. Мы кричим ему: «Куда! Ложись!» Немцы вокруг так и хлещут зажигательными пулями, трава под ногами горит, а он напрямую, – ничего не слышит и не видит. Добежал, вскочил в кабину, запустил мотор, вырулил из капонира и погнал по полю самолет зигзагами – хотел пламя сбить. Ничего не помогло, пришлось самолет бросать. Только он, весь черный от копоти,

выскочил из машины, как начали рваться баки с топливом. Через мгновение машины не стало. В общем, одного летчика ранили, а инженера убили. Будто знали, сволочи, что вас дома нет…

– А при чем здесь я?

– Может, побоялись бы. Ведь предупреждают же они всех своих летчиков, когда вы находитесь в воздухе.

– Кого убило?

– Инженера Урванцева. Он в будке находился, не стал прятаться в щель. Пуля попала ему прямо в висок. А фамилию летчика не помню. Он из молодых. Сначала ему ногу ампутировали, а вскорости он помер.

– Ладно, я пошел на КП.

«Вот так и живи на войне, – размышлял Саша по дороге на командный пункт. – Свою радость дели на всех и взамен получай долю общей горькой печали».

У командного пункта, за грубо сколоченным столом, на котором стоял репродуктор, сидел бессменный начальник связи полка Масленников. Рядом стояли командир полка, замполит и несколько летчиков. Увидев Александра, Погребной шагнул к нему навстречу, и они крепко, по-мужски, обнялись. В этом объятии было все: радость по случаю присвоения Саше Героя и горе в связи с новыми утратами.

– Как раз вовремя прибыл! – приветствовал Александра Исаев, пожимая ему руку. – Сегодня с рассвета воюем. Наши пробивают «Голубую линию». Поставлена задача: прикрыть их с воздуха. Там сейчас такая мясорубка, какой давно уже не было.

Выяснилось, что советские войска начали с утра наступление в районе станиц Киевская и Молдаванская, прорвали первую полосу немецкой обороны и продвинулись вглубь на три, местами на пять километров. Немцы опомнились и со всех аэродромов Крыма, Таманского полуострова и юга Украины подняли в воздух бомбардировщики, которые устремились сюда, на крошечный участок фронта. Пехота подвергается массированным бомбардировкам.

Все истребители 4-й воздушной армии поднялись в воздух для отражения небывалой по мощи атаки.

Покрышкин подошел к капитану Масленникову:

– Ну что там?

– Дерутся. Вот послушай.

Из динамика слышались торопливые, неразборчивые, тревожные команды, предупреждения, короткие ответы.

– «Мессеры» сверху!

– Андрей, сзади «фоккер»!

– Валя, прикрой! Я ударю по «юнкерсам».

Было ясно, что группа Крюкова одновременно дерется с бомбардировщиками и истребителями противника. Исаев не выдержал и стукнул по столу кулаком.

– Так и есть! Встретили «юнкерсов» и бросились на них… А «петляковы» остались без прикрытия!

– Не может этого быть, – возразил Покрышкин. – Пал Палыч зря в бой не ввяжется. И ребята с ним опытные.

– Полетели и молодые…

Масленников предложил:

– Попробуйте связаться с Крюковым по радио. Может, удастся.

Исаев взял трубку и начал называть позывной Крюкова, но тот не отзывался.

– Далеко очень, не слышит, – вздохнул капитан.

Исаев с раздражением бросил трубку и спросил, обращаясь к начальнику связи:

– Почему на КП нет более мощной радиостанции?

– Не дают, да и по штату не положено.

«Есть один!» – азартно разнеслось из динамика. Опять послышались залпы торопливых команд, тревожные предупреждения и просьбы о помощи. Одна фраза прозвучала просто набатом: «Смотри, смотри! На нас сыпятся «фоккеры», а шестерка «мессов» навалилась на «петляковых».

В воздухе, без сомнения, было жарко. На КП все напряженно молчали, вслушиваясь в неразборчивый гомон взволнованных голосов. Исаев, бледный, с застывшим лицом, стоял согнувшись, прижав ухо к наушнику. Это были очень тяжелые минуты для командира полка: он боялся, что наши бомбардировщики остались без прикрытия и сделались легкой добычей для немецких истребителей. За это из штаба дивизии по головке не погладят.

Радио замолкло, и Исаев выпрямился.

– Кажется, бой кончается, – заметил он и тут же дал команду полковому врачу: – Приготовить санитарную машину!

Радио продолжало молчать, все встревоженно переглядывались. Исаев снял фуражку, бросил ее на стол и грузно опустился на скамейку. Но ненадолго. Через минуту он снова вскочил и стал тревожно вглядываться в пустой горизонт на западе.

– Должны бы уже появиться…

Заложив руки за спину, комполка стал расхаживать вокруг стола.

– Почему Крюков ввязался в драку с «юнкерсами»? «Петляковы» должны бы уже возвратиться, а их нет… Что, если их

посбивали?

В этот момент на горизонте показались наши «петляковы». Над ними точками маячили истребители.

– Идут! – закричали все хором. Потом стали торопливо считать: – Один, второй, третий… Одного нет! Кого?!

Когда истребители подошли к аэродрому, стало ясно, что в группе отсутствует Труд.

Покрышкин ожидал Крюкова у капонира. Но Пал Палыч, заглушив мотор, продолжал сидеть в кабине неподвижно. «Что с ним? Уж не ранен ли?» – встревожился Александр и быстро поднялся по крылу к кабине.

Крюков сидел, откинув голову назад, с раскрасневшимся лицом и закрытыми глазами – наслаждался покоем после тяжелого боя. Знакомое Саше состояние: в такие секунды кажется, что все тело перемолото и невозможно пошевелить ни рукой, ни ногой.

Словно хорошо потрудившийся рабочий, Пал Палыч неспешно выбрался из кабины. Из его нижней губы сочилась кровь. Видно, треснула в бою от напряжения, из-под шлемофона виднелись мокрые пряди волос. Не торопясь, Крюков снял сдвинутый на затылок шлемофон и вытер платком лицо и шею. Потом хрипло сказал:

– Тяжелый бой был! Крепко пришлось подрожать. Думал, пропаду… – Потом неожиданно улыбнулся Покрышкину: – Привет, Саша! Повидал Марию?

Они пожали друг другу руки.

– Повидал, все нормально. Ну, говори! – поторопил его Покрышкин.

– Погоди, дай сначала папиросу!

Пал Палыч еще оставался во власти пережитого. Закурив, он пару раз глубоко затянулся, поправил изрядно поношенный ржавого цвета реглан. Тут подошли летчики из его группы.

– Когда наша шестерка пришла с «петляковыми» в район «Голубой линии», – начал рассказывать Крюков, – там было уже полно самолетов. «Юнкерсы» и истребители. Решил атаковать «юнкерсы». Громя стаю немецких бомбардировщиков, мы отвлекли на себя все их истребители и тем самым помогли нашим «петляковым» успешно отбомбиться. Но ты прекрасно представляешь, что это такое – шестерка против огромной стаи. Когда один «мессер» ухитрился и зашел мне в хвост, Труд стремительно его атаковал и очередью отрубил ему хвост. Немец закувыркался вниз, летчик выпрыгнул с парашютом.

Через мгновение – смотрю, а Труд уже пикирует вниз…

– Это «фокке-вульф», метров с восьмисот, пустил очередь и случайным попаданием перебил ему тросы управления, – вмешался ведомый Труда, молодой летчик Тищенко. – С большим трудом ему удалось вывести машину из штопора. Дальше не видел – на меня навалилась пара «мессершмиттов».

– Он потянул домой, но четверка «мессеров» почуяла добычу, – продолжил Валентин Степанов. – Мы с Чистовым бросились на помощь, троих связали боем, но один гад таки увязался за Андреем. Уравнял скорость с его машиной и стал хладнокровно расстреливать его в упор – даст очередь, отойдет, посмотрит, снова подойдет и опять пальнет. Я все вижу, но оторваться от насевших на меня не могу! Наконец я от них с помощью Чистова оторвался, – продолжил Степанов. – Сразу кинулся к Труду. «Мессер» начинал очередную атаку. Раздосадованный тем, что русский так долго не падает, он совсем забыл об осторожности. Я зашел поближе, так, чтобы наверняка. Ударил со всех стволов, он сразу загорелся и стал падать.

Я пристроился к Труду. Полуразбитый, охваченный пламенем, с развевающимися лохмотьями обшивки, самолет Андрея пошел к земле.

Как потом выяснилось, больше всего Андрея в этот момент бесило сознание собственной беспомощности. Пригнувшись за бронированной спинкой, он все внимание сосредоточил на управлении своим искалеченным самолетом. А тот с каждой секундой все меньше и меньше повиновался.

Сначала «мессер» искалечил плоскости, потом окончательно разбил руль поворота, пробил огромную дыру в фюзеляже. Осколки влетели в кабину, со звоном посыпались стекла приборов. Языки пламени забегали по плоскости – в кабине потянуло тошнотворной гарью.

Труд глянул вниз – он все еще находился над вражеской территорией. «Сгорю, но прыгать не буду, – решил он. – … Наконец внизу мелькнула линия окопов, вторая, третья… – лихорадочно прикидывал Труд. – Все, наша территория, можно прыгать! Авось парашют спасет!..»

Он отстегнул ремни, отстрелил дверь, схватился за кольцо парашюта – а земля, вот она, метрах в тридцати. Пламя душило и жгло. Закрыв одной рукой глаза, второй дернул ручку управления самолетом на себя… последовал удар о землю, и все… он потерял сознание.

11

– Эх, не могли уберечь! – резко бросил Покрышкин и пошел к своему капониру. Погиб Андрей Труд! В голове не укладывалось.

Кажется, что это было совсем недавно. 20 июля 1941 года. В полк прибыло семнадцать молоденьких сержантов, только что окончивших Качинскую авиашколу. Они ходили по полю в новеньких, еще топорщившихся гимнастерках, таких же новеньких пилотках и ремнях, и озорные мальчишеские глаза их горели любопытством.

Старые летчики, глядя на них, иронически улыбались. Покрышкин, сам сравнительно недавно окончивший эту же школу, был настроен снисходительно и с любопытством присматривался к этим юнцам.

Вечером, после ужина, он наткнулся на них возле барака. Уже смеркалось, яркие звезды дрожали в небе, пахли цветы на клумбе, возделанной в мирное время старательным садоводом совхоза, в котором расположился полк. Сержанты сидели на бревнах, покуривали, зажав папиросы в кулаке, чтобы не были видны огоньки, и слушали одного, довольно высокого, худощавого, который что-то им рассказывал.

– О чем беседуете? – поинтересовался Покрышкин, останавливаясь возле них.

– Так, о всяких случаях, товарищ старший лейтенант, – отозвался, подымаясь с бревна, высокий, статный сержант с открытым русским лицом. За ним поднялись остальные и окружили Покрышкина.

Саша подал руку красивому парню.

– Никитин, – представился тот. «Бывают же такие», – подумал Александр, глядя на этого парня. Своей фигурой он напоминал ему известное скульптурное изображение – молодой парень в летной форме, прикрывая от солнца глаза рукой, задумчиво смотрит в небо.

– Труд, – протянул руку высокий, худощавый, тот, что несколько минут назад что-то рассказывал остальным.

– Конечно, бой – это труд, – ответил Покрышкин, не поняв сразу, что хотел сказать высокий сержант.

– Это фамилия у него такая – Труд, товарищ старший лейтенант, – пояснил Никитин.

– А я и говорю, что на фронте тоже нужен Труд, – схитрил Александр. Сержанты рассмеялись, а больше всех смеялся виновник их веселья. Теперь Саша его вспомнил: целые дни он крутился возле летчиков, жадно слушая их рассказы о воздушных

боях и задавая им наивные вопросы. Покрышкину запомнилось это смуглое лицо с большими серыми глазами. На губах у него все время блуждала улыбка, а выражение глаз напоминало ему кота, который напроказил и смотрит, где и что еще плохо лежит.

– Ну как вас там, в Каче, с пляжа гоняли? – вдруг спросил Александр у Труда.

Тот удивленно встрепенулся:

– Да. А вы откуда знаете?

– А как же, – усмехнулся Покрышкин, – это ведь традиция. Мы, думаешь, не любили купаться? Ого-го! Еще как! Возьмешь, бывало, книги – и под обрыв. А там часовые. Верно?

– Точно, – подтвердил Труд.

– Ну вот… А на чем летали?

– На «И-16».

– Стреляли? Воздушные бои были?

– Немного, – неуверенно ответил Труд.

Покрышкин от удивления аж присвистнул:

– Ну, братцы, вам придется еще подучиться, прежде чем воевать!

Сержанты разом загалдели, что они готовы к бою, умеют стрелять по наземным целям, и что в случае чего каждый из них готов на все.

Он молча ждал, пока они успокоятся. Он уже целый месяц воевал на фронте, и этот небольшой срок разделял его с сержантами, словно широкая бурная река. Они стояли еще на том, мирном берегу, и важно было передать им сейчас все то, что фронтовики постигли за этот месяц, узнав о боях и повадках противника.

– Дело хозяйское, конечно, командир полка решит, – заговорил он, когда они немного угомонились, – но будь моя воля, я бы вас пока что к полю боя не подпускал бы на пушечный выстрел. Вот овладеете новой материальной частью, научитесь стрелять, драться, тогда – вы люди. А сейчас – что? На один зуб «мессершмитту»!

Саша как в воду глядел. Через несколько дней командир полка майор Иванов отправил сержантов в тыл учиться под руководством своего заместителя капитана Жизневского.

Спустя двадцать дней, как раз, когда Покрышкин с товарищами летал в Москву за новыми «Мигами», Жизневский, по просьбе Иванова, прислал в полк троих, лучше других зарекомендовавших себя в учебе: Труда, его друга, неисправимого фантазера Данилу Никитина, и немного мечтательного парня Сташевского.

Летать им пришлось не на «Мигах», как они мечтали, а на

«чайках», которым острый на язык Труд дал язвительную кличку «уйди-уйди», но что поделаешь – скоростных истребителей тогда на всех не хватало.

Свои первые боевые вылеты Труд и Никитин провели, прикрывая Грачева, летавшего на единственном в полку штурмовике «Ил-2». Вначале им крепко доставалось от него за нерешительность в действиях во время штурмовок. Но при налете на мост под Бориславом Труд неожиданно отличился: лишь он один из семи «чаек» ухитрился, несмотря на бешеный зенитный огонь немецкой артиллерии, положить свои бомбы точно в цель и вдребезги разнести переправу. В строю он шел последним, поэтому виновника события установили быстро.

Не забыть Саше Ростов в октябре сорок первого. С Дона дул пронизывающий ветер. Холодные серые тучи роняли на город хлопья мокрого снега. Было сыро, тоскливо и неуютно. Ростовчане, угрюмые, сосредоточенные, разговаривали негромко, словно боялись пропустить что-то особенно важное и значительное для себя.

Город, израненный бомбами немецкой авиации, опоясанный валами наскоро сооруженных укреплений, оклеенный плакатами и воззваниями, приобрел фронтовой вид. По улицам проходили грузовые трамваи, нагруженные пушками и боеприпасами, проносились забрызганные грязью мотоциклисты, нестройным шагом двигались ополченцы с винтовками на плечо. Студенты и домохозяйки строили баррикады на перекрестках, один за другим с вокзала уходили на север эшелоны с заводским оборудованием, санитарные поезда.

В изодранном реглане, заросший, с бородой и грязной, заскорузлой тряпкой на глазу, Покрышкин брел по проспекту Буденного, раздумывая, где может находиться сейчас его родной полк и можно ли до него добраться. Он только что вышел из окружения после того, как был сбит в неравном бою с «мессершмиттами» под Ореховом.

И вдруг прямо перед собой он увидел знакомую долговязую фигуру летчика, с любопытством посматривающего по сторонам. «Эй, сержант, – позвал он летчика. – Что это вы так зазнались? Старшим ведь положено отдавать честь». От неожиданности Труд замер и вытянулся в струнку, вглядываясь в стоящего перед ним незнакомца. Прищурив здоровый глаз и улыбаясь необычной, как бы робкой улыбкой, освещавшей его грубоватое, резко очерченное лицо, на него смотрел до боли знакомый человек и, тем не менее, он его не узнавал.

– Ну что ты так на меня уставился? – еще шире улыбнулся Покрышкин, показывая свои ровные, крепкие зубы. – Это я,

Покрышкин, не узнаешь?

– А вас в полку, товарищ старший лейтенант, уже зачислили в без вести пропавшие, – в растерянности пролепетал Андрей.

– Поторопились! Живой я пока, видишь.

Тогда Саша несказанно обрадовался однополчанину – значит, свои где-то рядом. Ради этой встречи стоило две недели месить грязь Приазовья, брести ночами наугад, ползти днем под пулями и многое чего еще. Они завернули в первый попавшийся ресторан, сели за стол и заказали чаю. Труд, все еще не пришедший в себя после столь необычной встречи, как завороженный смотрел на Покрышкина. Ему-то первому Саша и рассказал о своих приключениях.

После гибели Кузьмы Селиверстова, в октябре сорок первого, командир полка предложил Покрышкину заняться обучением молодых полетам на «Миге». В течение двух недель, невзирая на погоду, он возился с ними на аэродроме под Зерноградом и добился своего: они стали неплохо летать.

После праздников сержанты вернулись в полк, а чуть позже, уже зимой, Труд с Никитиным получили первое офицерское звание и стали регулярно летать на разведку. Летать было трудно и опасно. Приходилось уходить далеко в тыл врага, пробиваться сквозь густую завесу заградительного огня, ускользать от назойливых «мессершмиттов», стаями носившихся над железнодорожными станциями. Подвесив под плоскости бомбы, Труд и Никитин забирались на высоту в шесть тысяч метров и, держась выше разрывов зенитных снарядов, пересекали линию фронта. Идя заданным маршрутом, они время от времени снижались, присматриваясь к тому, что делается на земле, и снова набирали высоту.

Когда рейд подходил к концу, разведчики заглядывали на вражеский аэродром близ Донецка, пересчитывали стоявшие там самолеты, пикировали, сбрасывали бомбы и, набрав на пикировании большую скорость, уходили бреющим домой. Каждый раз после посадки Андрей отдувался и вытирал перчаткой потный лоб.

Пятого мая 1942 года, над своим аэродромом, подбив немецкий корректировщик «Хеншель-126», Никитин схватился с тремя «мессершмиттами», таранил один из них и погиб геройской смертью.

А Труд к июню сорок второго уже считался в полку опытным летчиком: за плечами у него было семьдесят девять боевых вылетов, восемь воздушных боев, а на груди – орден Красной Звезды.

Потом был Каспий, Манас и любовь к Марии.

Здесь, на Кубани, он был ведомым Фадеева. Вадим погиб, а теперь вот и Андрея не уберегли…

Как раз в это время, когда Саша с горечью думал о своем боевом товарище, Труд очнулся и обнаружил, что он находится в каком-то просторном помещении, вокруг него были люди в белом. Он сообразил, что это госпиталь, но как он в него попал – не помнил. Как и многие летчики, Андрей очень опасался тяжелых ранений, и теперь его первой мыслью было – целы ли руки и ноги. Вспомнил, как недавно Коля Искрин, у которого ампутировали ступню, говорил ему, что он все время чувствует, будто болят отрезанные пальцы, и такое ощущение, будто нога цела.

И сейчас, лежа на госпитальной койке, он думал: «Значит, верить себе нельзя! Надо поднять руку и посмотреть. Поднять. Легко сказать. А если вместо руки обрубок?» От этой мысли Андрея прошиб пот. «Нет, лучше подождать… А чего ждать? Уж лучше – сразу…»

И, стиснув зубы, он резко выхватил из-под простыни правую руку. Рука была как рука – обычная. От напряжения Андрей ослабел и вновь потерял сознание.

Когда он вновь пришел в себя, сразу вспомнил о своих сомнениях и тут же быстро поднял левую руку.

– Осторожно, молодой человек, это вам не танцевальная площадка, – раздался рядом чей-то ворчливый голос.

Только теперь Андрей сообразил, что он лежит на чем-то жестком, как оказалось, на столе. Он хотел было запротестовать, потребовать, чтобы его положили на мягкую, удобную постель, как вдруг почувствовал, что над его лбом работают и что при этом раздается странное поскрипывание. Он очень удивился этому обстоятельству. Потом, когда он понял, что это хирург сшивает разодранную кожу у него на лбу, он опять потерял сознание.

Возвращалось оно медленно. При этом глаза все время слипались, размыкать ресницы было больно, к тому же они его не слушались. Наконец, собравшись с силами, он потянулся к ним рукой, но его тут же одернул женский голос:

– Осторожнее, товарищ! У вас ожог первой степени. Вы что, хотите внести инфекцию?

Андрей покорно опустил руку.

Наконец операция закончилась. Он смутно слышал, как хирург отдавал какие-то короткие команды, почувствовал, как ловкие, искусные руки начали быстро бинтовать его голову. Некоторое время спустя Андрей ощутил облегчение и понял, что его на носилках несут в палату, а потом и вовсе забылся

тревожным сном.

Когда он проснулся, первое, что увидел: у его койки, в углу палаты, сидя на корточках, клюет носом пожилой пехотинец в испачканной глиной шинели и грубых, покоробившихся от болотной воды башмаках с обмотками.

– Браток, – тихо позвал Андрей, с трудом шевеля губами. – Браток, ты откуда?

Боец сразу встрепенулся и привстал.

– Слава богу, товарищ командир. Очнулись! – сказал он и по привычке погладил свои рыжеватые прокуренные усы. – А я вот вас дожидаюсь…

Андрей недоуменно уставился на него своими большими серыми глазами, которые одни, да еще рот, оставались незабинтованными.

– Я же вас сюда препроводил, товарищ командир! – быстро заговорил боец, с опаской оглядываясь вокруг. – Значит, когда вы были сгоревши, то есть не вы, а машина ваша, то вас, извиняюсь, как бревно, шарахнуло из машины прямо в плавни. Аж брызги полетели вокруг! Ну мы так тут рядом были, сразу кинулись за вами в воду. А самолет как рванет! Аж нас взрывной волной с ног повалило. Повскакивали мы, вытащили вас, на полуторку и сюда. Дозвольте вам, товарищ командир, награды ваши передать. Я их снял, а то их еще затеряют тут. Я уж сколько раз приходил, все ждал, когда вы, значит, себя припомните.

Он вынул из кармана аккуратно завернутые в газету ордена и медали и положил их на тумбочку возле кровати. Глаза у Андрея увлажнились.

А боец все топтался возле него, смущенно поглаживая прокуренные усы и чего-то ждал. Наконец, улучив минутку, когда медсестра отошла в дальний угол, он нагнулся к Андрею и, обдавая его жарким дыханием, смешанным с запахом махорки, прошептал:

– Может, не побрезгуете, товарищ командир. Тут у нас старшину сегодня убило, а у него в баклажке спирту немного было. Ну, ребята и сказали, захвати для товарища летчика, может, жив останется, пусть за свое и за наше здоровье хлебнет.

Андрей молча протянул руку. Боец сунул ему флягу и, заслоняя его от сестры, громко заговорил о чем-то постороннем. Труд глотнул обжигающей горло жидкости и вернул флягу. По телу сразу побежало тепло. Улыбнувшись бойцу, он откинул голову на жесткую подушку и забылся. Боец растерянно глянул на него, потом, убедившись, что Андрей дышит, хитро подмигнул, завинтил флягу и, высоко поднимая одеревеневшие ноги, чтобы не стучать башмаками, осторожно зашагал к выходу.

– А что это вы тут до сих пор топчетесь? – спросила, подозрительно глядя на него, медсестра, только теперь обратившая на бойца внимание. Тот выпрямился, крутнул ус и отрапортовал:

– По делу я, ордена товарищу герою доставил…

12

Наступление войск на главном направлении фронта 26-го мая развития не получило. Только на отдельных участках частям 56-й армии удалось захватить первые позиции и овладеть несколькими опорными пунктами.

Это была явная неудача, и больше других по этому поводу переживал сам командующий фронтом Петров.

Перед отъездом с командного пункта он приказал Вершинину:

– Требую, Константин Андреевич, организовать ночные налеты на вражеские аэродромы. Надо снизить активность вражеской авиации. Но эти ваши налеты озлобят врага. Предвижу, что в небе будет жарко.

Предвидение Петрова оправдалось. На следующий день тяжкие бои завязались не только на земле, но и в небе. В районе Киевская – Молдаванская все кипело, громыхало и сотрясалось. Тысячу четыреста самолетов бросила Германия на боевые порядки советских наступающих войск. Действуя в нарастающем темпе, немцы на исходе дня совершили звездный налет, численностью до шестисот самолетов. Разбитые на большие группы по 40-60 бомбардировщиков в каждой, они атаковали позиции наступающих войск с разных направлений. Господство в воздухе снова перешло к люфтваффе – удары с воздуха стали настолько мощными, что советские наземные войска приостановили наступление, а на отдельных участках фронта даже вынуждены были отступить.

Воздушные бои продолжались и в после дующие дни и часто принимали размах настоящего воздушного сражения. Советских истребителей, патрулирующих над линией фронта, явно не хватало. Они не успевали перехватывать бомбардировочные группы противника, и зачастую воздушный бой начинался после того, как бомбы уже были сброшены на цель. Нередко не удавалось даже прорваться к бомбардировщикам – немецкие истребители связывали наших воздушными поединками.

Наиболее простым выходом из создавшегося положения стало решение командующего 4-й воздушной армией увеличить число патрулирующих истребителей за счет сокращения сопровождения своих, а также организовать перехват германских бомберов еще до их подхода к линии фронта. Наши бомбардировщики и штурмовики стали летать крупными соединениями, защищая себя сами. В результате потери противника резко возросли.

– Константин Андреевич, в чем, по-вашему, причина неудачи? – спросил Вершинина командующий фронтом при очередной встрече на КП.

– Летчики-истребители почти непрерывно ведут борьбу с авиацией врага, – стал объяснять командующий воздушной армией, – однако срывать их бомбовые удары не всегда удается. Немцы дополнительно подбросили на это направление бомбардировщики с аэродромов юга Украины, в результате чего они стали превосходить нас. Мы не можем завоевать господства в воздухе.

– Да, это серьезный фактор, – согласился командующий, – а вы, Андрей Антонович, – обратился он к командующему 56-й армией генералу Гречко, – в чем видите причину неуспеха наступления?

– Местность для наступления очень тяжелая. Нанесение главного удара силами двух армий по центру полуострова, конечно, наиболее выгодно, так как мы кратчайшим путем выходим к Керченскому проливу. Но на этом участке «Голубая линия» имеет наиболее сильные укрепления и огневое насыщение. Мы не можем подавить огонь обороны. У нас не хватает артиллерии, особенно тяжелой. Авиация противника господствует в воздухе.

Наступление целесообразно приостановить до создания необходимых условий для успешного решения боевых задач.

Командующий фронтом и сам сознавал целесообразность прекращения атак. Он выезжал на передовые наблюдательные пункты артиллеристов и изучал рубежи обороны противника. На первый взгляд и препятствий-то никаких эта местность не представляла – так, длинная гряда небольших, покрытых травой холмиков. Но холмики эти, высотой в три-четыре метра, были насыпные. Каждый из них – маленькая крепость, с тремя-четырьмя пушечными и пулеметными дотами и дзотами, взаимодействующими между собой и с соседними узлами обороны. За первой линией холмов проходит вторая огневая линия, за второй – третья. А все вместе они составляют передовую позицию оборонительного рубежа «Голубая линия». Перед первыми холмами расположены проволочные заграждения в несколько рядов и минные поля. Подавить такие доты очень сложно, и бить по ним надо только прямой наводкой мощными пушками. А пушек не хватает.

Меж тем истребители продолжали свою тяжелую, изматывающую работу. На этот раз патрулировать вылетели четверкой – Покрышкин в паре с молодым летчиком Малиным и вторая пара – Старчиков с Торбеевым. Погода в этот день была не

ахти какая – два яруса облаков. Нижний стлался почти у земли, на высоте около пятисот метров, верхний держался высоко. Зная, что немцы любят подходить к цели именно такими коридорами, прикрываясь ими, Покрышкин решил ходить «маятником» между двумя ярусами облаков.

Во время очередного крутого набора высоты Малин оторвался от патруля. Попытки установить с ним связь по рации оказались безуспешными. Патруль остался выполнять боевое задание втроем. Вскоре последовало сообщение с поста радионаведения:

– Для «сотого»! Северо-западнее – две группы «Юнкерсов-88». Интервал между группами – одна минута.

С юго-запада – группа «Хейнкелей-111». Верхний ярус – возможны «мессершмитты».

– Понял вас, – коротко подтвердил прием сообщения Покрышкин.

Они крались к полю боя, прячась между двумя слоями облаков, замышляя, по всей вероятности, звездный налет – группы сходились с разных направлений.

«Так, – быстро прикинул Покрышкин. – Немцев, по самым скромным подсчетам, больше тридцати, к тому же они идут с разных направлений. Наш авианаводчик уже вызвал с аэродромов дежурные подразделения, я это слышал по рации. Однако пока они подойдут, немцы уже отбомбятся. Попробую для начала хотя бы помешать бомбометанию, а там видно будет».

– Тридцать второй! Иду в атаку! Прикрой!

Это команда для Старчикова.

Он свалился на «юнкерсы» сверху, как хищный сокол, под небольшим углом к их боевому курсу. Их было больше, чем «хейнкелей», и они уже приближались к нашим войскам. Прицелился в флагмана, всадил ему с маху пару очередей – и сразу в сторону. Флагман загорелся, и вся группа, как по команде, начала сбрасывать бомбы на свою территорию.

Когда отваливал, увидел совсем рядом тупой нос второго бомбардировщика, ощетинившийся вспышками стреляющих пулеметов. Пропустив его вперед, Саша энергично развернулся и сразу же открыл по нему огонь сзади. «Юнкерсы» окончательно рассыпались, потеряли строй и кинулись врассыпную в облака.

Флагман второй группы, очевидно, увидел, что произошло с его товарищем, потому что развернулся и начал уходить в сторону. Группа последовала за ним. Тройка «кобр» бросилась в погоню за второй группой «юнкерсов», но тут же послышался предостерегающий голос авианаводчика:

– «Хейнкели»!..

Патруль успел перехватить «хейнкелей» в самый последний

момент, когда все они уже были на боевом курсе. Поручиться, что ни одна бомба с этих машин не упала на нашей территории, Саша не мог. «Земля» потом сообщила, что один бомбардировщик из головного звена, подбитый Покрышкиным в первой же атаке, взорвался на собственных бомбах между нашими и немецкими окопами. Остальные повернули и до линии фронта не дошли.

Три атаки «кобр» заняли совсем немного времени. Два пылающих костра обозначили место падения бомберов. Пока они разворачивались, пока освобождались от бомб, подоспели вызванные истребители. Патруль, в меру своих сил и возможностей, боевую задачу выполнил.

Покрышкин осмотрелся – Старчикова с Торбеевым на месте не было. Он остался один, боеприпасы на исходе. В стороне промчался фашистский самолет, которого настигал наш «Як». Однако в тот момент, когда уже можно было открывать огонь, «Як» почему-то отвалил и нырнул в облака. «Странно… Уж не затевают ли немцы очередную пакость, – подумал Покрышкин. – Не буду искушать судьбу».

Нырнув в облака, он пошел к себе в Поповическую.

– Старчиков с Торбеевым прилетели? – спросил Саша у подбежавшего к самолету Чувашкина. Он уже выбрался на крыло, снял парашют.

– Дома. Старчикову повредили самолет. Как машина, есть замечания?

– Машина нормально, но свечи проверь. Пришлось несколько раз форсировать мотор. Да, Григорий, можешь еще пару звездочек нарисовать.

– Есть, товарищ майор! – весело козырнул Чувашкин.

Подбежали Старчиков с Торбеевым.

– Живы, товарищ гвардии майор? – спросил Старчиков.

– Я-то жив, а вот вы почему ведущего оставили в бою? – строго спросил Покрышкин.

Старчиков потупился. Он еще не забыл, какую взбучку получил от помощника командира полка за полет с Никитиным в разведку, за то, что потерял Труда в бою.

– Ну, что молчишь, докладывай. – Покрышкин надел свою мятую фуражку и выжидательно смотрел на Старчикова.

– Так драка же была, товарищ майор. Сверху свалилась четверка «мессеров». Мы, прикрывая вас, завязали бой, одного завалили. Но мне немцы тоже машину повредили, пришлось вернуться.

– Так, понятно. Ну а ты, Торбеев, что скажешь о драке?

– Я?.. – растерялся Торбеев.

– Да, ты. Что ты видел?

– Бой видел… Все видел, – заторопился летчик. – Ох, и много же было всяких самолетов. Просто страшно было!

– Ну а сам стрелял?

– А как же! Ни одного патрона не осталось. – И уже тихо добавил: – Только все мимо…

– Потому что издалека стрелял. А надо подходить ближе. Понял? Но молодец, что не оторвался от своего ведущего. А вот Малин не удержался. Кстати, о нем что-нибудь известно? – обратился Покрышкин к Старчикову.

– Известно, товарищ гвардии майор. «Мессы» подловили. Тяжело раненного отправили в госпиталь.

– Понятно. Ты это, если на следующий раз будешь уходить, предупреждай ведущего. А то смотался втихаря, словно тебя и не было. Понял?

– Понял, товарищ гвардии майор, – четко отрапортовал Старчиков. Он радовался, что сегодня так легко отделался, что командир его не отчитывал.

– Ладно, свободны. Пойду на КП.

«Вот опять бросили молодого в эту мясорубку, – с горечью думал Саша, шагая на КП. – Вон в сорок первом, как было трудно, а Иванов молодых учил, прежде чем в бой бросал. Если будем так молодыми разбрасываться, скоро некому будет воевать».

На следующий день он повел в бой весь полк – двадцать шесть летчиков. Встретили они около ста двадцати пяти бомбардировщиков, которых прикрывали десять истребителей. В ходе этого неравного боя восемнадцать немецких машин было сбито и четыре повреждено. За боем с пункта наведения наблюдал сам командующий вместе с офицерами из штаба армии. Все видели, как один «мессер», неудачно атаковав наш самолет, бросился удирать. Вдруг по динамику открытым текстом раздалось: «Нет, дружок, за сделанную шкоду надо отвечать». И в то же мгновение послышались звуки стрельбы. Видно было, как один «мессер» закувыркался, а «кобра» свечой ушла в небо. «Узнаю Сашу по почерку», – заметил Вершинин.

Тут же одна «кобра» метнулась за «мессершмиттом» на горку. «Тищенко, осторожно, зависнешь!» – послышался в динамике голос командира группы. Он всех видел, всем успевал подсказывать, как лучше действовать. Но Тищенко в азарте забыл об опасности. Кончилось все тем, что его самолет, как и предполагал Покрышкин, завис. Пока молодой пилот опрокидывал свою машину, немец, заметив его оплошность, с полупереворота ударил по нему и повредил его самолет. Фашист тут же попытался провести повторную атаку, но, попав под шквальный огонь «сотой», развалился в воздухе на куски.

Тищенко вышел из боя и со снижением пошел в сторону Краснодара.

«Здравствуй, Мария!

У нас опять жарко. Работаем с утра до вечера. Недавно командующий вручил мне высокую правительственную награду. При вручении присутствовали представители от партийных органов и комсомола, и я познакомился с секретарем Краснодарского крайкома комсомола Георгием Куция, которого часто видел в Краснодаре до войны на различных комсомольских мероприятиях. Мы разговорились, вспомнили довоенный Краснодар. Оказалось, он тоже был «фабзайцем», после окончания ремесленного училища, как и я, был направлен на завод, в литейный цех. Я работал слесарем-лекальщиком, а он формовщиком в литейном цехе. Завод меня направил в авиацию, а его – на комсомольскую работу. Всем нам дал путевку в жизнь комсомол. На судебном процессе над изменниками Родины, проходившем в Краснодаре, я был представителем от нашей дивизии. Там я встретился с прославленным русским писателем Алексеем Толстым. Я спросил его, почему наши литераторы так мало пишут об авиации. Он объяснил, что авиация дело сложное и, чтобы писать о ней, ее нужно хорошенько изучить и самому прочувствовать.

Хочу напомнить тебе, Мария, чтобы ты не вздумала задирать нос перед людьми, что у тебя муж Герой и о нем в газетах пишут. Помни, мы с тобой ничуть не лучше других. Смотри, не зазнавайся, не подводи меня.

Обо мне не беспокойся. Неоправданного риска я никогда не признавал, но давно подметил, что тех, кто уж очень себя бережет, чаще всего и сбивают. А меня и раньше сбить было не так-то легко, а теперь и подавно. Ведь у меня есть ты, а я очень хочу с тобой встретиться. Так что будь спокойна за меня. Обнимаю и крепко целую тебя. Твой Александр».

13

Вечером, 5 июня, состоялось заседание военного совета фронта, на которое были вызваны командующий 4-й воздушной армией Вершинин, командующий артиллерией фронта Сивков, начальник оперативного управления штаба Котлов-Легоньков, начальник разведывательного отдела Трусов. Доклад сделал начальник штаба фронта Ласкин. Коротко и ясно генерал изложил взгляды командующих армиями и позицию штаба фронта.

Вопросы в основном задавали командующий фронтом и члены военного совета. Под конец совещания Петров подвел итог:

– Первое. О «Голубой линии» противника мы говорим много, но знаем ее недостаточно, а вернее, слабо. И огневые средства врага мы не можем подавить не только из-за нехватки артиллерийских средств, но и потому, что не обнаружили многие цели, которые мешали продвижению войск. Значит, надо полнее и точнее знать расположение сил и огневых средств врага. Второе. Мы не смогли завоевать господства в воздухе, поэтому авиации противника удалось многое сделать, чтобы наши войска не смогли развить наступление. Значит, надо ударами по аэродромам ослабить силы авиации врага. И в небе следует иметь больше наших истребителей, а тем, которые есть, прикрывать войска более активно. Третье. Черноморский флот и Азовская флотилия представляют собой большую силу. Но в проводимой операции они не имеют активных задач, и поэтому их боевые возможности используются не в полной мере. Четвертое. Стрелковые подразделения, саперы и артиллеристы недостаточно подготовлены к совместным действиям при прорыве укрепленной обороны. По этой теме надо провести усиленную учебную работу с командующими, штабами и войсками. И в заключение изложу свою оценку сложившейся обстановки на фронте и наши задачи. Затишье на всех фронтах говорит о том, что стороны усиленно готовятся к решающим летним сражениям. А наш фронт по приказу Ставки проводит наступательную операцию. Однако ни на одном из направлений, в том числе и на главном, войска не только не смогли прорвать оборону, но даже захватить первые позиции. По данным разведки, гитлеровское командование продолжает непрерывно возводить новые укрепления как на самой «Голубой линии», так и в глубине Таманского полуострова. Начавшееся лето работает на руку противнику: буйно разросшаяся зелень маскирует и укрывает заграждения и огневые точки. Это говорит о том, что на самом южном фланге советско-

германского фронта противник рассчитывает удержать за собой полуостров и Новороссийск. И мы видим, как цепко и упорно дерутся гитлеровцы за каждую позицию, за каждый окоп. Местность на Тамани способствует противнику в достижении его целей. Для прорыва такой укрепленной обороны у нас явно не хватает артиллерии, а вместе с тем и умения. Ставка не может направить фронту дополнительные артиллерийские соединения, и вы знаете почему.

Иван Ефимович намекал на предстоящее сражение под Курском, к которому Ставка усиленно готовилась.

– Но ведь во фронте много своих сил, – продолжил генерал, – которые либо не в полной мере, либо не так умело нами используются. Все это ведет к ненужным потерям и нашим неудачам. Считаю целесообразным наступательные действия на всех направлениях временно прекратить, закрепиться на достигнутых рубежах и приступить к более тщательной подготовке операции. Будем ее готовить, памятуя о том, что сильную четырехсоттысячную семнадцатую армию немцев на Тамани обязаны разгромить мы с вами, войска нашего фронта, совместно с Черноморским флотом и Азовской флотилией. Больше некому. Для этого надо теперь же начать глубокую и всестороннюю разведку противника во всей полосе фронта и на воде. Готовить операцию всесторонне, тщательно по всем службам, обратив особое внимание на взаимодействие родов войск. Все время подготовки операции использовать на обучение войск и штабов прорыву укрепленных районов.

На следующий день Петров направил в Генеральный штаб подробный доклад о ходе проводившейся операции и попросил утвердить его решение о прекращении наступления. Ставка с его мнением согласилась.

…Несмотря на затишье в наземных боях, на аэродроме, как всегда, стоял несмолкаемый гул моторов. Одни машины взлетали, другие возвращались с боевых заданий. Шла привычная боевая работа 16-го и 45-го истребительных полков, дислоцирующихся в станице Поповической.

У командного пункта 16-го полка выстроились в шеренгу восемь молодых летчиков – лейтенанты, старшины, сержанты и даже один рядовой. Новое пополнение, которое только что Пал Палыч Крюков привел из Тихорецкой.

В сторонке, неподалеку от шеренги, новый командир 216-й авиационной дивизии, теперь уже полковник Дзусов, в хорошо пригнанном новом обмундировании, о чем-то беседовал с командиром полка подполковником Исаевым.

Все построенные – бывшие летчики 84-го истребительного

полка, недавно участвовавшие в изнурительных боях в предгорьях Северного Кавказа. На устаревших истребителях «чайка» они по нескольку раз в день вылетали на штурмовку вражеских позиций, оказывая посильную помощь наземным войскам.

Те, кому довелось провести сентябрь и октябрь сорок второго на рубеже реки Терек, до конца своей жизни сберегут память о тех суровых днях, когда густая, тяжелая пелена пыли и порохового дыма затягивала солнце, когда скалы крошились под ударами немецких бомб, когда все вокруг гудело, тряслось, рассыпалось и гибло, и только упрямые, закопченные, полузасыпанные землей оглохшие бойцы в выгоревших гимнастерках вели упорные многодневные бои, не допуская врага в глубь Кавказа. И в том, что наши выстояли, была скромная заслуга летчиков 84-го.

Когда советские войска отбросили немцев к устью Кубани, истребительный полк вывели из боя на переформирование и освоение новой техники. На широком зеленом поле у станицы Тихорецкой его летчики стали осваивать новый американский истребитель «Белл Р-39 Аэрокобра» под руководством Героя Советского Союза Бориса Глинки, грузноватого, степенного украинца, любителя борщей с пампушками.

Молодежь училась жадно и нетерпеливо. За прошедшие полгода они столько натерпелись от «мессершмиттов», что теперь каждому из них хотелось поскорее встретиться с «худыми» на скоростных, хорошо вооруженных «кобрах» и рассчитаться за все – за погибших боевых друзей, за свои ранения и ожоги, за все, что им пришлось пережить и перетерпеть.

И вот сейчас восемь пилотов из полка, стоя в шеренге под теплым южным солнцем, нетерпеливо ожидали, как же решится их судьба.

– Покрышкин! – перекрывая гул моторов, зычным голосом крикнул комдив.

От группы летчиков, что шла с самолетной стоянки на КП, отделился худощавый майор. Слегка прихрамывая на правую ногу, он быстро подошел к Дзусову и отдал честь.

Молодые летчики все как один повернули головы в его сторону. О Покрышкине писали в газетах, его фамилия упоминалась в сводках Информбюро, среди летчиков о нем ходила молва как о новаторе воздушного боя на вертикалях, а теперь вот он, собственной персоной, стоит перед ними. Они смотрели на него во все глаза.

Выше среднего роста, плечистый. Аккуратно застегнутая гимнастерка в разводах на спине и под мышками от пота, как и у его спутников, оживленно что-то обсуждавших до этого, а теперь

притихших в сторонке. На широкой, мускулистой груди сверкала Звезда Героя, два ордена Ленина и орден Красного Знамени. Авиационная фуражка, сидевшая на голове «блинчиком», была чуть сдвинута на нос, отчего глаза оставались в тени. В левой руке он держал перчатки, тонкий шлем, на боку на ремешке висел планшет.

– Покрышкин! Вот, пополнение прибыло, – сказал комдив, кивнув головой в сторону стоявших в шеренге летчиков. – Будешь учить молодых по своей системе. Ваши летчики, вам и карты в руки.

– У меня есть другие карты, товарищ комдив, – ответил майор, похлопав рукой по своему планшету.

– Одно другому не помеха, – властно сказал Дзусов. – Будешь летать и учить молодежь!

– Есть! – козырнул Покрышкин.

– Идем, познакомлю тебя с ребятами.

Они подошли к крайнему в шеренге.

– Знакомьтесь, – громко объявил Дзусов, – помощник командира полка по воздушно-стрелковой службе Герой Советского Союза гвардии майор Покрышкин.

Потом подошел к первому в шеренге.

– Так, ваша фамилия?

– Старший сержант Голубев, – представился высокий голубоглазый парень с вьющимися каштановыми волосами и орденом Красной Звезды на груди.

– Где учился?

– В Ачинском аэроклубе и Ульяновской школе.

– Потом?

– В летной школе на Кавказе работал инструктором.

– Давно на войне?

– С тринадцатого ноября сорок первого года.

– Хорошо.

Покрышкин стоял рядом с комдивом и делал в своем блокноте заметки для памяти. Следующим был лейтенант со следами ожогов на щеках и кончике носа, аккурат в тех местах, которые не защищены шлемофоном. Этот летчик сразу напомнил Покрышкину другого, тоже лейтенанта, с обезображенным ожогами лицом, в запасном полку в Ставрополе, куда он прибыл за пополнением. Многие летчики на фронте больше всего опасались тяжелых ранений, после которых можно стать калекой. Решив, что вид такого летчика может морально угнетать молодых пилотов, да и не только их, майор не стал брать лейтенанта в свой полк, а чтобы никого не обидеть, вообще в тот же день покинул запасной полк.

– Лейтенант Клубов, – представился статный, с хорошо развитой мускулатурой лейтенант. На его выпуклой груди блестели орден Красного Знамени и орден Отечественной войны.

– Где горел? – спросил Дзусов.

– Под Моздоком, товарищ полковник.

– Знакомые места, – оживился комдив, щуря черные осетинские глаза. – На чем летал?

– На «чайках».

– У нас «кобры». Видал?

– Видел. Осилим, товарищ полковник.

– Сколько вылетов? – поинтересовался Покрышкин.

– Двести сорок, – отчеканил лейтенант, блеснув из-под нависшего лба сияющими глазами светло-карего цвета.

– Результат?

– Сто пятьдесят успешных штурмовок, четыре сбитых самолета.

– Теперь здоров? – спросил Дзусов.

– Хоть сегодня в бой.

– Хорошо. Кто следующий? – Комдив подошел к молоденькому лейтенанту с пушком на подбородке.

– Лейтенант Цветков!

– Давно в армии?

– С тридцать второго года.

– Ого! – недоуменно воскликнул полковник. – С пеленок, что ли?

– Воспитанник части, – пояснил Цветков.

– А на войне?

– С двадцать второго июня сорок первого года. Начал со Львова.

– Хорошо. Следующий, – продвинулся Дзусов.

– Лейтенант Трофимов, – степенно козырнул невысокий худенький летчик с выразительными голубыми глазами.

– Воевал?

– Три сбитых, товарищ полковник.

– А что такой худой, плохо кормили?

– Не в коня корм, – бросил реплику сосед, удивительно похожий на Трофимова, только поплотнее его. В строю хрюкнули. Дзусов строго посмотрел на соседа.

– Лейтенант Карпов, – невозмутимо козырнул летчик.

Комдив молча миновал его и подошел к следующему.

– А вы?

– Солдат Сухов.

– Как так солдат? Зачем мне солдат? Проверить! – Комдив повернулся к Покрышкину.

– Я летчик, товарищ полковник. Только после школы воевал в кавалерии, – объяснил стройный, подтянутый солдат. Гимнастерка, брюки, обмотки на ногах – все было на нем старенькое, выцветшее, но чистое и отглаженное. А выражение его лица, особенно озорных черных глаз, как бы говорило: «Пожалуйста, проверяйте. У меня все в порядке».

– Есть проверить! – повторил указание Покрышкин и невольно улыбнулся. Этот паренек ему сразу чем-то понравился. Так же представились другие летчики: Жердев, Кетов, Березкин.

Комдив уехал по своим делам, а Покрышкин задержался: хотелось поподробнее узнать о каждом новичке. На вид они выглядели неплохо, только вот Березкин. Худенький, не развит физически, не имеет опыта боевых действий. В 84-м полку летал на связном «По-2».

– Значит так, – объявил Покрышкин. – Сейчас пойду на задание, как вернусь, так и начнем занятия.

В первые жаркие июньские дни он часто летал на боевые задания, естественно, сильно уставал, поэтому занятия с молодыми летчиками проводил в основном на земле.

Оперативный отдел штаба 4-й воздушной армии, выполняя указание командующего фронтом генерал-лейтенанта Петрова, особое внимание стал уделять организации патрулирования истребителей над сухопутными войсками. Теперь прикрытие наземных войск и отражение массированных налетов противника они стали осуществлять путем выноса зон патрулирования за линию фронта на территорию, занимаемую врагом, и, кроме того, пролетом пар и групп истребителей в глубь немецкой территории с целью своевременного предупреждения КП истребительных частей о приближении вражеских самолетов и перехвата их на дальних подступах к прикрываемым зонам.

Такие полеты отнимали у летчиков много сил и энергии. Но уже седьмого июня немецкое командование приступило к переброске бомбардировочных подразделений на центральный участок Восточного фронта под Белгород и Курск. Количество самолето-вылетов в люфтваффе на Кубани резко сократилось.

Теперь Покрышкин мог всерьез взяться за молодых. Начал он с того, что слетал с каждым на «спарке» по кругу и в зону пилотажа, потом с каждым в паре, приказывая им по очереди выполнять роль то ведущего, то ведомого. Ребята оставили хорошее впечатление, их можно было быстро подготовить.

Но Березкина, по его мнению, следовало отправить обратно в запасной полк. Какой из него истребитель – машину пилотирует, как свой «кукурузник», шарик скольжения у него без движения, взлет и посадка мягкие. Покрышкин смотрел, смотрел, потом

решительно заявил:

– Слезай! Ты что – молоко возить собрался или воевать? Так летают школьники, а не истребители! Понял? Иди походи по аэродрому, присмотрись, как другие летают, а потом еще раз попробуем…

Березкин чуть не заплакал от обиды. С восьмого класса он начал мечтать об авиации, стал заниматься спортом для укрепления мышц, добился, чтобы его приняли в аэроклуб и, наконец, стал пилотом. Вроде бы неплохо освоил «кобру», и на тебе, обратно в запасной полк.

– Не расстраивайся, Славик, – утешал друга Костя Сухов. – Еще не все пропало. Ведь он же не поставил вопрос о немедленном возвращении в запасной полк. Так? Он только сказал – иди присмотрись. Значит, у него есть на тебя виды. Согласен? А раз так, значит, надо налечь на учебу. Забудь, чему тебя учили в аэроклубе, всем этим дамским штучкам… Машиной нужно управлять по-мужски, решительно и резко, чтобы она чувствовала твердую мужскую руку. Понял?

Костя не заметил, как стал подражать Покрышкину в его манере говорить с человеком. А Слава, горько переживая, что завтра-послезавтра его друзья пойдут в бой, а он останется на аэродроме «волам хвосты крутить», и не подозревал, что Покрышкин просто применяет в отношении его своеобразный воспитательный прием. Считал, что каждый человек должен пробивать себе дорогу своим трудом, и чем с большими трудностями он столкнется, тем злее будет, и это пойдет ему на пользу в этой страшной войне. Бесцеремонно убрав молодого летчика с самолета, он раззадорил его, а теперь наблюдал, как он себя будет вести и что будет предпринимать.

Меж тем молодежь постигала секреты летного мастерства. Пуская учеников себе в хвост, Покрышкин показывал им свои приемы ухода из прицела противника, заставляя при этом каждого четко повторять все свои эволюции.

Улетая на очередное задание, он оставлял ребятам свой уже порядком истрепавшийся альбом и приказывал разобрать очередные фигуры, подготовить к его возвращению вопросы. Через час и двадцать минут, объявлял он, занятия будут продолжены. И точно, через час двадцать его машина заруливала в капонир, Покрышкин выбирался из кабины на крыло, вытирал вспотевший лоб, брал из протянутой Гришей Чувашкиным пачки папиросу, делал для успокоения несколько глубоких затяжек, потом говорил технику:

– Нормально. Тяпнул «месса»… Можешь нарисовать еще звездочку.

Потом спрыгивал на землю, отходил в сторонку, чтобы не мешать специалистам, подготавливающим истребитель к очередному вылету, и начинал разбор полета с летчиками своей группы.

Каждый из них докладывал: что делал, что видел, на что обратил внимание. Молодежь слушала одного – завидовала: какой дерзкий, смелый; слушала другого – недоумевала: переоценил противника, третьего – «слона» не заметил. А ведь все они обсуждали один эпизод.

Наконец наступала очередь Покрышкина: короткими, точными фразами он оценивал прошедший бой, его сильные и слабые стороны, указывал, кто и как вел себя во время схватки, кто добился победы или преимущества над противником, разъяснял, в чем оно выразилось, отмечал, кто допустил ошибки и какой маневр надо было осуществить, чтобы уйти от немца. Молодежь слушала и восторгалась – вот это класс!

Потом Покрышкин шел докладывать командованию полка о результатах вылета, а молодежь его сопровождала, пока пути их не расходились: он на КП, они – в класс, который в Поповической назвали академией в землянке.

– Так как ты стал кавалеристом, Сухов? – неожиданно спросил Покрышкин, когда они в очередной раз возвращались с разбора полета.

– Давай, Костя, расскажи со всеми подробностями, – предложил Александр Клубов. – О верблюдах, о фотографии…

– А вы разве слышали об этом? – удивился Покрышкин.

– И не один раз, – со смехом подтвердил Виктор Жердев. – В резерве, бывало, сидим, делать нечего, мы то и дело упрашивали его: расскажи, Костя, как ты воевал на верблюдах.

Сухов не стал ломаться. Как только друзья умолкли, он приступил к повествованию:

– На гражданке я занимался фотографией в артели «Красный фотограф» в Новочеркасске…

Ребята тут же по ходу начали вставлять различные словечки, но он не обращал на них внимания. Стал рассказывать, как мечтал об авиации, как пошел в райком комсомола, когда ему исполнилось семнадцать, и выпросил путевку в Ростовскую авиационную школу. Уже во время войны его послали в Ейское училище морской авиации, окончить которое он не успел – немцы подошли к Кавказу и пришлось эвакуироваться. К этому времени немцы взяли Ростов. Из курсантов срочно сформировали батальон и отправили его на передовую. Так Костя попал в кавалерию, в корпус Кириченко. Воевал на Черных землях пулеметчиком. По калмыцким степям их часть передвигалась на

верблюдах. Ребята тут стали спрашивать, не плевались ли верблюды, но Костя невозмутимо продолжал свой рассказ… Его ранило. Когда лежал в госпитале, пришел приказ: всех летчиков, оказавшихся в пехоте, вернуть в авиачасти. Так он и остался в летчиках рядовым солдатом. Эту историю он рассказывал уже не одному начальнику, но никто ему не верит…

Молодежь остановилась; им пора было поворачивать к своей землянке. Минут через двадцать вернется майор и начнутся занятия.

Теперь они регулярно изучали конструктивные особенности и вооружение немецких самолетов, тактику немецкой авиации. Пользуясь моделями самолетов, сделанных умельцами-техниками, они разыгрывали различные варианты воздушных боев, отрабатывали наиболее выгодные маневры при атаке и обороне.

– Нам навстречу летит девятка «юнкерсов», – давал очередную вводную Покрышкин, вспомнив одну из своих схваток над Крымской. – Клубов, ты ведущий шестерки истребителей. Твое решение?

Клубов объясняет, как он думает организовать атаку.

– Схватка уже началась. Из облаков вываливается шестерка «мессершмиттов». Твое решение?

Чаще всего он разбирал отдельные поучительные бои, проведенные истребителями 16-го полка. На занятия часто приходили Пал Палыч Крюков, Сергей Лукьянов. Покрышкин нередко ссылался на их боевой опыт на занятиях по тактике боя. Если разбирал ошибки какого-то летчика, фамилию старался не называть. Щадил его самолюбие.

Майор постоянно учил молодых ориентироваться в пространстве, в происходящих событиях, мгновенно реагировать на действия противника. «Ищите немца. Не он вас, а вы его первыми должны найти. Внезапность и инициатива – это победа. Атакуйте смело, решительно. Маневрируйте так, чтобы обмануть, перехитрить врага. Если не сбили – сорвите его замысел. Этим вы уже многого достигнете!» – толковал им майор. Молодые были в восторге. «Наш Суворов в воздухе», – называли они его между собой.

О том, как нелегко даются победы, Покрышкин знал не понаслышке. Только в течение апреля – июня сорок третьего года 16-й гвардейский истребительный полк потерял на Кубани двадцать пилотов, и каких! – Вадима Фадеева, Степана Вербицкого, Николая Науменко, Владимира Бережного, Александра Мочалова, Валентина Степанова, Николая Искрина, Александра Голубева и многих других.

Александр не только скорбел по ушедшим однополчанам – он постоянно думал и анализировал причины, повлекшие эти потери. Теперь, получив под свое крыло молодых, но уже опаленных войной ребят, он решил добиться, чтобы в будущем таких потерь не было. Хватит тасовать летчиков в группах! Он воспитает эскадрилью асов, мастеров воздушного боя, спаянную, действующую в групповом воздушном бою четко, как часы. И он действовал.

Как же надо было любить свое дело, верить в свою правоту, каким надо было быть энтузиастом, чтобы наряду с каждодневной опасной, нервно изматывающей боевой работой регулярно проводить с молодыми пилотами занятия, совершенно не предусмотренные никакими официальными инструкциями! Прав был Андрей Труд, сказав однажды, что воля Покрышкина не знает преград, она может даже подзаряжать аккумуляторы. Позже эта фраза станет в полку крылатой.

Кстати, Андрей поправился и прибыл в полк после ранения. Наблюдая, как Покрышкин все свободное от полетов время отдает молодым, как после очередного боевого дня он до поздней ночи засиживается над схемами воздушных боев, чтобы на очередном занятии на следующий день дать молодым пилотам краткие и точные рекомендации, Андрей стал даже ревновать друга. Мастер на всякие шуточки и розыгрыши, он при случае заговаривал о том, что Саша со своими учениками, наверное, позабыл старых друзей, да что там друзей, но и кого-то более важного, намекая на Марию. Но Покрышкин, увлеченный делом, на его шуточки не обращал внимания. А Труд вздыхал и бежал хлопотать по своим комсомольским делам.

Майор придумал для молодых пилотов новый вид тренировки в прицеливании и ведении огня. Они уже стреляли из ШКАСа по макетам в капонире. Прицел на пулемете был поставлен настоящий, самолетный. Но этого Покрышкину показалось недостаточно. Теперь пулемет с тем же прицелом поставили на треногу и он стал «путешествовать» по окраинам аэродрома: то в одном месте поставят, то в другом, то дальше, то ближе, и летчики вместе с учителем тренируются в прицеливании по реальным самолетам с разной дистанции, под разными ракурсами. Таким образом они отрабатывали определение дальности до цели по величине проецируемого в прицеле изображения.

А вот и движущаяся цель – на посадку идет «кобра». На этот раз тренога поставлена недалеко от посадочного «Т». Летчики поочередно тренируются.

– Открывать огонь с большой дистанции, – тут же поясняет

Покрышкин, – это стрелять в белый свет. Происходит большое рассеивание пуль. Чтобы бить врага наверняка, надо подходить к цели как можно ближе – на сто, а то и пятьдесят метров. У меня, например, оружие пристреляно на сто метров, и я стараюсь бить по кабине. Фиксирую вражеский самолет в прицеле и…

– Аллес капут, – подсказывает конец мысли подошедший Андрей Труд.

Все улыбаются. Покрышкин строго смотрит на Андрея, потом неожиданно широко улыбается и подтверждает:

– Так точно, товарищ гвардии лейтенант!

Ребята начинают дружно хохотать. Небольшая разрядка в занятиях тоже необходима.

Возглавив воздушно-стрелковую службу, гвардии майор Покрышкин стал по существу заместителем командира полка, причем и по другим вопросам. Молодые на земле от него ни на шаг – ходят за ним по летному полю, как цыплята за наседкой, прислушиваясь к каждому его слову, присматриваясь к каждому его жесту, подражая ему во всем, даже в манере говорить.

«Здравствуй, Саша!

Наконец-то почта стала работать нормально, и я без задержки получила от тебя письмо. Ты улетел, и жизнь для меня сразу поблекла.

Работы прибавилось и у нас. Из-за непрерывных дежурств по двое-трое суток не удается сомкнуть глаз. В голове постоянно только одна мысль – добраться до постели и уснуть.

Недавно я отличилась. Моя Таисия уехала в район авиабазирования за медикаментами, в пути у них сломалась машина и они заночевали в степи, благо, что сейчас тепло. Катю срочно вызвали на дежурство в штаб, и я осталась в нашем огромном и пустом доме одна. Темно. На улице ветер, грохочут листы железа на крыше, слышатся близкие разрывы бомб в Миллерове, которое немцы продолжают регулярно бомбить. В общем, обстановочка еще та!

Лежу на аптечных ящиках и прислушиваюсь к каждому шороху. Думаю, хоть бы пистолет какой дали, что ли! Страшно ведь одной.

Вдруг вижу: в темноте что-то мелькнуло. Вот опять что-то бежит по одеялу… Присмотрелась – мамочка родная, мыши!

Подскочила, стала лихорадочно одеваться, в голове только одна мысль – бросить все и бежать в санчасть. Оделась, и уже на пороге меня как током ударило: здесь ведь Таина аптека, у нее там медикаменты, спирт, перевязочные материалы, инструменты. Не дай бог что-нибудь пропадет – все, не миновать Таисии трибунала. Хороша же я буду – подведу самую близкую подругу! Нет, решила я, буду коротать ночь на аптечных ящиках, одетая, в сапогах, там меня мыши не достанут, но на душе зато будет спокойно.

Когда вернулась Тая и я ей все рассказала, она вполне серьезно заметила, что теперь она во мне уверена и что на меня можно положиться. Вот такой я «герой».

Часто думаю о тебе и скучаю. Здесь все мне о тебе напоминает. Иду тропинкой в санчасть и думаю: здесь мы шли вместе с Сашей. Даже не верится, что это было. Обо мне не беспокойся, тебя я не подведу. До свидания. Успехов тебе в твоем трудном деле и будь все-таки осторожнее. Не рискуй понапрасну. Крепко тебя целую. Твоя Мария».

14

Александр Клубов управлял самолетом уверенно и сильно. Не высказывая по своему обыкновению одобрения вслух, Покрышкин лишь коротко заметил: «Летать можешь, скоро пойдешь со мной ведомым».

Неплохо показал себя Трофимов, хоть и молодой, а напористый. Впрочем, чему удивляться – ведь за плечами у него уже семьдесят две штурмовки, тридцать два воздушных боя, девять самолетов, сбитых в групповых боях, и один индивидуально. Это был уже сформировавшийся воздушный боец.

Хорошо работали в воздухе лейтенант Цветков и старший сержант Голубев. Они цепко держались за Покрышкиным и четко повторяли все его маневры. Хотя Голубев был несколько педантичен – сказывался опыт инструктора в летной школе, тем не менее он демонстрировал быстроту реакции и высокий уровень внимания. «Отличный будет из него ведомый», – решил Покрышкин.

Чрезвычайное происшествие неожиданно случилось с Суховым. В одном из учебных полетов его «кобра» неожиданно сорвалась в штопор, и ему пришлось покидать ее на парашюте.

Исаев метал громы и молнии. Как это, без всяких причин разбить новенький истребитель. От сурового наказания Костю спасло только заступничество Покрышкина. Майор тут же собрал молодых и подробно объяснил, что происходит с самолетом, когда он штопорит. Движениями рук и ног Саша наглядно показал, как «кобру» надо вводить в фигуру и как из нее выводить, то есть как выводить самолет из обыкновенного плоского перевернутого штопора.

Ни словом Саша не обмолвился об этом ЧП – раз ученик допустил промах, это его недоработка.

Наконец он решил ввести в бой первую пару из числа нового пополнения – Трофимова и Клубова. Светает, на хронометре пять часов. Бледный худосочный месяц повис на очень высоком и чистом небе. Тонкий прозрачный слой тумана нехотя медленно отрывается от земли. Роса крупная, тяжелая, серебрится. Трава набухла, отяжелела от росы, не в силах шелохнуться. Скоро покажется солнце.

На аэродроме прохладно, четко слышны голоса техников, остро ощущается запах бензина. Группа уже построилась для предполетного инструктажа. Покрышкин сосредоточен и, как обычно, немногословен. Коротко напомнил задачи каждого при патрулировании, как держать строй, как действовать при встрече

с бомбардировщиками, если они придут без прикрытия, как группа должна вести бой, если бомберов будут прикрывать истребители, и, наконец, как действовать, если встретят одних истребителей.

В заключение сказал:

– Неуклонно соблюдать отработанный план, в воздухе не болтать. Вы, Трофимов и Клубов, летите первыми из всей вашей группы. Смотрите же, не подведите своих товарищей, ведь они будут равняться на вас. Все! По машинам!

Солнце едва оторвалось от горизонта, когда они поднялись в воздух. Внизу простирались зеленые луга, синей стеной на юге виднелись плавни Кубани, бескрайнее, розовое от солнечных лучей море впереди да далекие контуры крымских берегов, смутно угадывающиеся в голубой дымке.

Клубов невольно залюбовался этой картиной, но тут же спохватился: в воздухе нужно быть предельно внимательным, это знает каждый, даже начинающий летчик.

Подошли к Киевской. Бурые всплески пыли, шапками покрывающие изорванные обстрелами траншеи, трассирующие струи, перекрещивающиеся в воздухе, – все указывало на то, что на земле шел интенсивный бой. К самолетам, не доставая их, тут же потянулись цепочки малиновых шариков – это трассирующими били немецкие «эрликоны».

Клубов был уже опытным летчиком, не раз видевшим с воздуха наземные бои во время штурмовок позиций противника. Но полет над полем боя на скоростном истребителе вызывал совершенно новые ощущения. Ему хотелось поскорее встретиться с «мессершмиттом», попробовать себя и новую машину в бою, но противник, словно чувствуя его нетерпение, не появлялся.

Время патрулирования истекло, и шестерка ушла на свой аэродром. Молодые пилоты были раздосадованы, но Покрышкин только улыбался – для первого раза было вполне достаточно, что они осмотрелись в районе боевых действий и освоились с новой, непривычной обстановкой. Даже опытным истребителям нужен вот такой «холостой» пролет, чтобы они уверенно чувствовали себя в новой машине.

– Слетали нормально, – отметил майор на разборе вылета. – Только ты, Клубов, чего ради болтался то назад, то вперед. Самолет в паре должен идти как влитый. Смотри, чтобы больше этого не было. Понял?

– Есть идти как влитый! – бодро отрапортовал Клубов, и в его карих, глубоко посаженных глазах блеснули лучики смеха. Об этом замечании он вспомнит через несколько дней, когда в первом боевом вылете Николай Карпов, перестраиваясь, врежется

в его «кобру» и обоим летчикам придется спасаться на парашютах.

На следующий день нетерпение Клубова было вознаграждено. Во время учебного вылета они с Покрышкиным отрабатывали один из боевых маневров, а ребята находились в сторонке и наблюдали. В этот неподходящий момент на них напали «мессершмитты».

Покрышкин дал команду всем рассредоточиться, а сам вступил в бой с ведущим немецкой группы. Схватка продолжалась недолго. Очень скоро немец закувыркался к земле.

«Где вы? – запросил своих по рации Александр. Оказалось, Клубов находится над ним и ведет бой с «мессершмиттом». – И кто бы мог подумать, – с удовольствием наблюдая за решительными действиями ученика, улыбнулся Покрышкин, – на земле такой спокойный, даже флегматичный, а тут словно его подменили. Какие сильные, резкие движения!»

В этот момент немец кинул свою машину в пике. Клубов повторил его маневр. «Ме-109» попытался уйти, взмыв свечой вверх, Клубов сел ему на хвост. Теперь каждый маневр немецкого пилота он повторял чуть быстрее и чуть точнее. Наконец при очередном пикировании Александр поймал немца в прицел и при его выходе из пике точным ударом поджег. Это был бой зрелого мастера, другого слова не подберешь!

15

После десятого июня обстановка на фронте стала заметно меняться. Немцы начали понемногу отводить свои разбитые и потрепанные авиационные подразделения, готовя их к предстоящему сражению на Курской дуге. Становилось ясно: превосходство в авиации на Кубани переходило на сторону советских вооруженных сил.

Отказавшись от попыток завоевать на Таманском полуострове господство в воздухе, гитлеровцы решили сделать ставку в районе Курской дуги. Напряжение в воздухе спало, и хотя столкновения происходили, количество их участников было гораздо меньшим, чем пару недель назад.

Четырнадцатого июня черед получить боевое крещение настал для Голубева, Цветкова, Жердева и Сухова.

Ранним утром в составе восьмерки они вылетели в район Темрюка на прикрытие наших штурмовиков. В таких случаях встречи с немецкими истребителями были неизбежны, поэтому Покрышкин приказал: внимательно следить за каждым маневром командира группы и ни в коем случае не отрываться. Ведомым с майором шел Чистов. Пару прикрытия вел капитан Лукьянов.

Над Темрюком восьмерка набрала высоту четыре тысячи метров. День был солнечный, ясный, видимость отличная. Летчики отчетливо видели Таманский полуостров, Новороссийск, Керчь и даже юго-восточный берег Крыма.

Противника обнаружить не удалось, поэтому пара Лукьянова осталась на высоте, а Покрышкин с молодыми пилотами снизился на две тысячи метров. Вскоре они заметили отдаленные зенитные разрывы, что указывало, что немцы находились где-то поблизости. Ведомые регулярно докладывали об обстановке в воздухе, указывали, где находятся наши «Ил-2». Вдруг в эти спокойные переговоры вмешался голос со станции наведения. Полковник Дзусов, по привычке немного растягивая слова, сообщил:

– Выше вас «мессершмитты»!

Покрышкин не реагировал. На верхнем ярусе Лукьянов – он свое дело знает. Молодежь насторожилась, но спокойствие ведущего передалось и им. Внимательно наблюдая за «соткой», они четко следовали в строю. Все понимали, что с секунды на секунду должны развернуться события, к которым они так тщательно готовились. «Ага, голубчики, караулят в стороне, выжидая, когда «Илы» начнут отваливать от цели, – подумал Покрышкин, заметив в стороне группу «мессершмиттов». – Это

для них самый выгодный момент для нападения, ведь боевой порядок штурмовиков в этот момент нарушается».

– Пошли вниз! – скомандовал майор.

Шестерка «кобр» спустилась вовремя. Два «Ме-109 Г-4» на бреющем, как ужи, заползали в хвост «ильюшиным», закончившим штурмовку. Немцы норовили всегда подкрадываться к штурмовикам снизу, ибо там, в районе масляного радиатора, у этого самолета было самое уязвимое место.

– Пропустим! – предупредил Покрышкин.

Ему хотелось, чтобы его действия были понятны молодым пилотам. Он пропускал немцев вперед. Для наших штурмовиков опасности пока не было, поскольку они находились вне пределов действенного огня немецких истребителей. Такой маневр позволял шестерке «кобр» занять удобную для атаки позицию.

– Атакую ведущего! Прикройте меня! – раздалась команда.

«Сотка» подошла к немцу вплотную и в упор открыла огонь.

Голубев пришел в восторг – он такого еще не видел. Все, как на показательных учениях!

Внезапная гибель ведущего испугала ведомого, и он сразу отскочил в сторону. Чистов было кинулся за ним, но вовремя вспомнил указания на сей счет: в схватку вступать только в случае крайней необходимости и только по команде Покрышкина – и вернулся на место. Их задача – прикрывать ведущего, наблюдать и оценивать события.

Боевая дисциплинированность молодых пилотов позволила Покрышкину продолжить этот своеобразный урок. За «Илами» снова увязались два «мессера», но на этот раз они были от штурмовиков на короткой дистанции. Теперь надо было действовать стремительно.

– Скоростная атака! – последовала новая команда командира.

Они свалились на немцев сверху, применив один из эффективных приемов боя на малых высотах. «Мессеры» начали метаться, но патруль накрыл их плотным огнем, не позволяя вырваться. Покрышкин вновь ударил по ведущему. Тот сорвался вниз, врезался в сопку и взорвался. Его ведомый метнулся вверх, но там его уже ожидал Лукьянов, который сверху наблюдал за боем и был начеку. Немец опять кинулся вниз, прижался к земле, но капитан, следуя за ним, уже на бреющем расстрелял его в упор.

Голубев ликовал. Он был на седьмом небе от счастья – попасть в полк, где летчики так классно воюют! Как ему повезло. На мгновение у него мелькнула мысль: а может, это был не обычный бой, а нечто из ряда вон выходящее? Могло же ему

просто повезти! Вот на земле, наверное, будет торжество…

Но на земле все было как обычно. Едва они выбрались из кабин своих истребителей и собрались вокруг командира, как Покрышкин, не повышая голоса, строго спросил:

– Голубев! Расскажи по порядку все, что ты видел.

Начался разбор полета. Задавая вопросы, Покрышкин пытался выяснить, как молодые летчики восприняли бой, правильно ли они поняли его маневры. По-видимому, результатами опроса он остался доволен, потому что в конце разбора сказал:

– Групповой бой требует свободы маневра для каждого пилота и вместе с тем определенной собранности, компактности группы, чтобы я мог нацеливать удары каждого из вас. Теперь настало время, когда тесный строй уступает место иным боевым порядкам, порядкам с большими дистанциями и интервалами. Но как бы ни был широк по фронту, растянут в глубину и эшелонирован по высоте наш боевой строй, каждый из вас должен занимать в нем то место, которое я, как командир, вам определил. От стремления и навыков строго держать свое место во всех трех измерениях подчас будет зависеть исход боя, а если хотите, и ваша личная жизнь. Зарубите себе на носу – отставшего бьют! Тот, кто пренебрегает этим правилом, быстро станет жертвой «мессершмиттов». Понятно? Свободны.

Строй стал расходиться, но Покрышкин вдруг остановил Голубева:

– Вот что, Жора. Будешь летать моим ведомым. Понял? – И, пристально посмотрев в глаза молодому пилоту, добавил: – Имей в виду, раньше со мной летал другой Голубев. Старшина. Поговори с летчиками. Они тебе расскажут, что это был за человек. Но летать со мной трудно. И опасно, немцы за мной охотятся. Тот Голубев не удержался, и немцы его сбили. Понял? Так что подумай. Неволить не буду…

Он, как всегда, говорил отрывистой скороговоркой, искоса наблюдая за сержантом: не струсит ли? Но этот Голубев, как он потом рассказывал, вначале несколько растерявшись от такой чести – летать с самим Покрышкиным, быстро оправился, тряхнул упрямо курчавой головой и заявил:

– Волков бояться, в лес не ходить!

Лицо Покрышкина вдруг осветилось широкой, доброй улыбкой.

– Сразу видно сибирского охотника! Мы ведь, кажется, почти земляки? – спросил он и протянул Голубеву руку.

– Так точно, я из Ачинска, – вежливо ответил сержант, пожимая протянутую руку майора.

– И в Новосибирске бывал?

– В тридцать четвертом, на слете авиамоделистов.

– Вот как! И что же?

– Третье место по фюзеляжным моделям.

– Неплохо, – одобрил Покрышкин. – Когда-то я и сам занимался этим делом. Там же, в Новосибирске, только было это года на три-четыре раньше.

На мгновение он задумался – видимо, вспомнил свою юность, потом продолжил:

– В общем, так… Ты должен научиться читать мои мысли… Давай иди сейчас к техникам и скажи, чтобы мой и твой самолет подготовили к вылету. Пойдем сейчас с тобой парой.

– Есть, – козырнул Голубев.

Передав техникам Чувашкину и Ухову приказ командира, он направился к друзьям – его буквально распирало от сногсшибательной новости и хотелось скорее о ней сообщить им.

Все молодые пилоты обрадовались, лишь Слава Березкин никак не реагировал: судьба его по-прежнему была неопределенной. Тут еще Покрышкин придумал ему новое занятие: перегонять с тыловых баз на аэродром новые самолеты. «Что же мне, вечно оставаться извозчиком?» – жаловался он друзьям. Правда, когда Покрышкин рассказал ему, как он использовал аналогичное задание еще до войны, когда перегонял с одного аэродрома на другой «Миги» – тренировался летать на бреющем и отрабатывать фигуры высшего пилотажа, Березкин заметно приободрился.

Через час самолеты были готовы, летчики забрались в кабины, и Покрышкин подал команду: «Запуск!» Они запустились, вырулили на старт. Обычно истребители взлетали друг за другом, но Голубев занял на старте позицию рядом, давая понять, что намерен взлетать парой, одновременно с командиром.

Покрышкин бегло взглянул на него и тут же подал команду: «Пошли!» Две «кобры» взлетели одновременно, набрали высоту около трех тысяч метров, и Покрышкин начал крутить… Перегрузка была такая, что с крыльев срывались белые струи воздуха. Голубев все выдержал, не оторвался, экзамен сдал.

Теперь, когда воздушные схватки стали завязываться реже, Покрышкин предложил своим ученикам проводить на земле воображаемые бои. С моделями самолетов в руках, они то кружась на месте, то приседая, то поднимаясь, старались перехитрить друг друга и словчить так, чтобы вывести свою модель в хвост противнику. Увлекаясь, они горячились, начинали спорить, и тогда майор останавливал их, сам брал в руки модель и точным движением выводил ее в самое выгодное положение.

Придумывая что-то новое, он часто повторял:

– Запомните! Если вы навязываете бой на виражах, рассчитывайте свои силы. Летчик сильно страдает от перегрузок на виражах. Кроме того, немцы не любят лобовых атак, уклоняются от боя на виражах, избегают правых разворотов, чаще всего используют левые фигуры. Врагу надо навязывать неудобные для него фигуры, при которых дают себя знать конструктивные недостатки «мессершмитта». Например, немец взмыл вверх, гнаться за ним бесполезно. «Мессер» быстроходнее в наборе. Лучше уйти в сторону и встретить его на вираже, атакуя в лоб. Понятно? Свободны…

На следующем занятии он в очередной раз заставил ребят чертить схемы воздушных маневров. Каждый должен был толково их объяснить. Нечеткость и рыхлость речи подчиненного его раздражала. «Учитесь говорить кратко, – требовал он. – Летчик обязан четко и ясно излагать свои мысли. Доклад военного человека – зеркало его души и мысли. Тот, кто мямлит и заикается на земле, тот и в воздухе будет мешкать. Замешкаешься в воздухе, через три секунды ты труп, мешок мяса с костями!»

Чтобы летчики развивали речь, они по его требованию должны были в свободное время читать книги. Сам он тоже постоянно читал.

Однажды он достал из своего чемодана завернутый в клеенку томик стихов Есенина и сказал:

– Стихи тоже нужны летчику. Вот Есенина в свое время ругали… Но как он любил Россию! Вот почитайте… Это надо понять! Стихи тоже помогают драться… Почитайте про березки, про солнце, про русскую деревню, и сразу злее станете. Это нам нужно сейчас. Жалко, нет с нами Вадима Фадеева, тот много знал стихов.

Еще Покрышкину очень нравились стихи поэта Симонова. Он частенько вырезал их себе из «Красной звезды».

Чем ближе молодые летчики узнавали Покрышкина, тем больше к нему привязывались. Он привлекал их своей противоречивостью. Суровый, иногда нетерпимый воин, оказывается, любил стихи и книги, всегда сдержанный, немногословный, подчеркнуто официальный в делах служебного характера, он вдруг мог оказаться любителем спорта и разных шуток, заботливым и добрым без какой-либо рисовки человеком. Для него ничего не стоило вдруг схватить крепыша Клубова в свои медвежьи объятия и затеять с ним борьбу, или в перерыве предложить ребятам погонять в футбол на ровной площадке, затеять какое-нибудь другое соревнование.

Майор понимал, что затишье на фронте скоро закончится, и

потому торопился как можно быстрее натаскать молодых. Скоро им предстояло занять постоянное место в боевом строю истребителей.

17 июня для всей 216-й истребительной авиадивизии стало большим торжественным днем: приказом Главнокомандующего дивизия была преобразована в гвардейскую и получила номер 9. За исключением 16-го все полки дивизии тоже получили новую нумерацию. 45-й соседний полк теперь стал 100-м.

В реляции по случаю преобразования дивизии упоминались ратные подвиги летчиков, многие из которых – братья Глинки, Покрышкин, Семенишин, Речкалов, Приказчиков, приобрели в стране широкую известность.

Упоминался в реляции за боевые подвиги и Андрей Труд – одиннадцать сбитых самолетов. Лечение в госпитале прошло удачно: на лице почти не осталось следов от ожогов. Ранение на него не повлияло: он был все такой же веселый, неугомонный шутник. Не верилось, что совсем недавно он пережил трагедию.

С новым пополнением он быстро нашел общий язык. Особенно часто его можно было видеть с «тремя Николаями» – Трофимовым, Карповым и Чистовым, очень похожими друг на друга. Их даже частенько путали.

16

Утром капитана Бориса Глинку дежурная по этажу в гостинице разбудила случайно, но по привычке он вскочил и быстро привел себя в порядок. Младший брат Дмитрий еще спал. Пошли вторые сутки, как они находились в Москве, в Главном штабе ВВС.

Минут тридцать спустя братья завтракали в штабной столовой. Стоявший у окна моложавый статный майор повернулся к другому, сидящему за столом, и сказал:

– Миронов, ты интересовался… Вон Покрышкин.

При упоминании фамилии Покрышкина еще два офицера, сидевшие неподалеку, подошли к окну и стали смотреть. Борис тоже поднялся.

Покрышкин, в полевых кирзовых сапогах, в хлопчатобумажной гимнастерке с помятыми погонами, с поблескивающей Звездой Героя на груди, держа в руке свою примятую фуражку, неспешно шел в сопровождении какого-то подполковника, видимо, из кадров, по двору, метрах в пятнадцати от окна.

Глинке, как боевому летчику, стало приятно. В интересе московских офицеров к Покрышкину он уловил не просто любопытство, а уважение профессионалов, и еще раз подумал, какие все-таки замечательные летчики выросли в 216-й, а ныне 9-й гвардейской дивизии.

То, что москвичи знали Покрышкина в лицо, Бориса не удивило. Еще весной многие генералы и офицеры приезжали на стажировку в штаб 4-й воздушной армии на Кубани и могли наблюдать с радиостанции у Абинской или с КП 56-й армии покрышкинские «показательные» бои с немецкими истребителями. Дрался он так, что командующий армией Вершинин, помимо ордена Красного Знамени, наградил его именным оружием – пистолетом с дарственной гравировкой, а сама 4-я воздушная армия, благодаря целой группе асов, подготовленных Покрышкиным, стала известной во всех частях военно-воздушных сил страны. Портреты героев неоднократно помещались в центральных газетах.

Сам Борис тогда тоже отличился. В районе Мысхако, во главе четверки «кобр», на встречных курсах он однажды атаковал группу немецких бомбардировщиков и сбил двоих, один за другим, по очереди, а остальных разогнал. Командующий воздушной армией, наблюдавший с земли за этой схваткой, тут же наградил его именными золотыми часами. А брат Дмитрий…

В этот момент его размышления прервал офицер, сидевший за соседним столом. Это был тот высокий, что стоял у окна.

– Представляешь, – рассказывал он своему товарищу. – Налет бомберов продолжается уже два часа. Наконец шестерка «Яков» пробилась сквозь заслон «мессеров» к «юнкерсам» и с первой же атаки подбила одного из девятки бомберов. Окрыленные успехом, они не заметили, как на них сверху бросилась восьмерка «мессершмиттов». Она сразу же сбила двоих.

Ну, думаем, труба нашим, тем более что к восьмерке немцев подошла еще четверка. Итого их двенадцать.

В этот момент мое внимание привлек пробившийся сквозь общий гам и крики в динамике отрывистый басок, скороговоркой подавший команду: «Ведомый! Бей «худых»!»

Офицер наведения вдруг просиял, и это меня озадачило. Чему, думаю, он тут радуется. На нашу четверку «Яков» наваливается куча «мессершмиттов», а он веселится.

А старший лейтенант как ни в чем не бывало кратко кому-то сообщает: «Тринадцатый! Вас вижу!»

Посмотрев на нас, стоявших с озадаченным выражением лица, офицер наведения показал на маячившие сзади «мессеров» точки и выпалил: «Покрышкин!»

Меж тем события развивались стремительно. Звено наших «кобр» буквально свалилось на противника, но, к нашему изумлению, не на «мессеров», а на «юнкерсов», что продолжали полет к цели.

Наводчик, опасаясь, что атакующие «кобры» подставятся «мессерам», с тревогой закричал в микрофон: «Тринадцатый! Сзади «худые»!». И тотчас раздался торопящийся, но теперь явно ворчливый басок: «Вижу, не мешай!»

Атака была молниеносной. Покрышкин с близкой дистанции срезал ведущего бомбера, развалившегося от его удара буквально на куски. Вторая пара покрышкинского звена с ходу сбила замыкающего группы бомбардировщиков. У фашистов началась паника: оставшиеся без командира экипажи стали поспешно освобождаться от бомб.

Мы наблюдаем, что же будет дальше. Наши «Яки», потеряв двух товарищей, отчаянно отбиваются и пытаются оторваться от наседающих «мессеров». Одна из немецких четверок бросила «Яки» и метнулась за звеном Покрышкина. Но тут же сзади, сверху, ее атаковала четверка «кобр» из второго эшелона покрышкинской группы. Не успели мы сообразить, в чем дело, как два немецких пилота уже повисли на парашютах. Каково, а?

Офицер отхлебнул из стакана чаю и продолжил:

– Ладно, смотрим дальше, как будет развиваться бой. «Яки»

по-прежнему держат оборону. Одного из них подбили, он потянулся на восток, а остальные, в виражах, пытаются его прикрыть. И опять, как минуту назад, на фашистов со стороны солнца спикировала пара «кобр». Тут же один из «мессов» вспыхнул. «Сколько же их там еще у Покрышкина?» – спрашиваем мы у наблюдателя. Он отвечает: «Обычно в «этажерке» у Александра Ивановича три полки, так что, может быть, это он сам уже повторил атаку».

Вот так я тогда заочно познакомился с Покрышкиным, а теперь надеюсь, что смогу познакомиться с ним лично, – закончил свой рассказ офицер. По всей вероятности, это был представитель управления по военно-стрелковой службе. Они поднялись и направились к выходу.

«Однако засиделся я тут, – спохватился Борис, – может, там меня уже разыскивают». Он торопливо закончил завтрак и вышел из столовой.

Четверть часа спустя братья Глинки и Покрышкин встретились в одном из пустых кабинетов и, чтобы скоротать время в ожидании вызова к высокому начальству, решили написать письма родным, благо чистая бумага на столах имелась. Они хорошо знали друг друга – служили в соседних полках 9-й дивизии, дислоцировались в Поповической, на одном аэродроме, иногда вылетали вместе на боевые задания, поэтому ничуть не удивились этому срочному вызову в Москву. Обычное явление в военное время. Гвардейцы уже побывали в управлении кадров, побеседовали с направленцами и узнали, зачем их вызвали.

Настроение у Покрышкина было хорошим. Усмехаясь, он рассказал Глинкам, как вчера, прямо после боевого вылета, не дав возможности даже переодеться, его посадили в «Виллис» и повезли в штаб армии. А Глинки, возмущаясь, рассказали, как дежурный не дал им пообедать, съесть шикарный украинский борщ, приготовленный хозяйкой, где они квартировались. А уж о традиционных вареных яйцах и говорить нечего. Вот так, впопыхах собрались, прибыли в штаб армии, а оттуда на «Дугласе» все трое добрались до Москвы.

Продолжая писать, Покрышкин заметил, что если ничего не изменится, то сегодня их должен принять кто-то из командования и вручить им эту американскую медаль, ради чего, собственно говоря, их и вызвали в Москву. Может быть, даже удастся к вечеру вылететь обратно, на что Дмитрий философски заметил, что прежде всего им надо будет «обмыть» эту медаль здесь, в Москве, а потом уж возвращаться. К тому же ему хотелось бы кое с кем повстречаться – он намекал на встречу с женщиной, которой уже ухитрился назначить свидание.

Потом все замолчали и углубились в написание писем. Первую страницу письма Покрышкин написал спокойно и довольно быстро, но следующая, где речь зашла о брате Петре, вызвала у него сильные переживания.

Еще в Краснодаре, в кулуарах суда над предателями Родины, куда политотдел дивизии направил его по партийной разнарядке, к нему подошел какой-то незнакомый сержант и спросил, был ли у него брат по имени Петр. Александр невольно насторожился – само слово «был» таило в себе какую-то недобрую весть.

Получив подтверждение, сержант рассказал, что он служил с Петром на финской границе, где их и застала война. В первые же дни немцы отрезали их и прижали к Ладожскому озеру. Боеприпасы кончились, и перед отходом бойцы потопили свои пушки. Потом собрали плоты и поплыли ночью через бушующее от ветра озеро, надеясь под покровом темноты спастись от немецкой авиации и добраться до своих. Петр, с небольшой группой бойцов, вооружившись гранатами, остались прикрывать отход своих товарищей. Они надеялись потом пробиться к своим через леса. Еще долго отплывшие на плотах слышали позади себя стрельбу и взрывы. Больше сержант Петра не видел. Сдаться в плен такой человек, по его мнению, не мог. Скорее всего он пошел на врага с гранатами и погиб смертью героя.

О рассказе сержанта Покрышкин хотел написать в Новосибирск еще с Кубани, но все не решался. Вот и сейчас попытка написать о смерти брата вызвала у него сильные переживания. Он мотал головой, потом, не выдержав, воскликнул:

– Черт возьми!

– Ты о чем? – не понял младший Глинка, Дмитрий.

Покрышкин тут же спохватился и, не желая рассказывать братьям о сокровенном, схитрил:

– Эти командированные, черт бы их подрал. Вчера вечером привязались в гостинице – давай в нашу компанию. Неудобно было отказываться – все-таки старшие офицеры приглашают…

«Вот он где пропадал», – подумал Борис, вспомнив, что товарищ вернулся в номер поздно ночью.

Ему действительно после вчерашнего хотелось спать, а тут еще воспоминания… Подумав, он решил не писать домой о случившемся с братом. Ведь матери ждать все-таки легче, чем знать, что ее сына уже нет в живых. К тому же он мог найтись, на войне всякое бывает. «Обо всем расскажу сам, когда представится случай побывать дома», – решил Александр.

Тут в кабинет зашел майор и предложил Покрышкину следовать за ним. Саша быстро сложил письмо, спрятал его в

нагрудный карман, где лежал партбилет, кивнул Глинкам и пошел за ним по длинному коридору в самый конец здания.

Там они пересекли приемную, в которой сидело несколько генералов, с любопытством посмотревших вслед двум майорам, и вошли в просторный, отделанный дубовыми панелями кабинет. Слева в нем находился огромный стол заседаний, обитый зеленым сукном. Вдоль стен стояли стулья. В глубине кабинета виднелся небольшой рабочий стол с приставным столиком и двумя креслами по бокам. Над столом на стене висел портрет Сталина.

Где-то посередине кабинета их уже ожидал главнокомандующий ВВС маршал авиации Новиков.

– Товарищ маршал! – представился Александр, следуя инструктажу адъютанта, данному по пути. – Гвардии майор Покрышкин за получением награды Соединенных Штатов Америки по вашему приказанию прибыл!

– Здравия желаю, майор! – улыбаясь, ответил маршал и пожал Покрышкину руку. – Ну проходи, садись вот сюда, в кресло. Вот видишь, опять мы свиделись, только теперь при других обстоятельствах. Смотри-ка, ты уже Героем стал, повышен в звании. Если так дело пойдет и далее, ты меня скоро догонишь. А?

Покрышкин смущенно молчал, не зная, что в таких случаях надо говорить. Но маршал сам разрядил обстановку, предложив рассказать о делах на фронте. Саша коротко доложил о воздушных боях, о сбитых самолетах противника, о потерях в дивизии.

Выслушав майора, маршал заговорил об историческом значении воздушных сражений на Кубани, о роли 4-й воздушной армии во главе с ее командующим Вершининым в достижении выдающихся результатов…

– О ваших победах на Кубани на «кобрах», – продолжил маршал, – узнали в Европе и Америке. Президент Соединенных Штатов Америки Рузвельт обратился к товарищу Сталину с предложением наградить лучших советских летчиков, летающих на американских истребителях, боевой наградой США.

Взяв со стола документ, он зачитал поздравление американского президента летчику Покрышкину и затем произнес:

– Вы, Покрышкин, – первый летчик-истребитель в наших Военно-воздушных силах, которого награждают золотой медалью США «За выдающиеся заслуги». Надеюсь, что это только начало. Соединенные Штаты – первая из зарубежных стран, которая так высоко оценила ваши геройские подвиги.

Потом маршал вручил майору награду, разъяснил, где ее следует носить, по-отечески обнял смутившегося Александра и добавил:

– Это тебе, Саша, стимул к новым подвигам, ведь воевать еще придется долго. Только прошу тебя не зазнаваться, ведь твою кандидатуру одобрил сам товарищ Сталин. Помни об этом!

Такие же награды были вручены Борису и Дмитрию Глинке. После награждения героев повезли на выставку трофейного немецкого оружия в Парке имени Горького, где на фоне немецких самолетов их снимали фотокорреспонденты газет.

Вечером летчики «обмыли» свои награды. На следующий день, возвращаясь в Поповическую на попутном «Дугласе», Покрышкин вспоминал прием у маршала. Из головы не выходили слова: «Прошу не зазнаваться». Понятно, что Новиков имел в виду. С мая 1943 года в 16-м полку постоянно находился кто-то из корреспондентов центральных газет. Особенно часто и много писала об Александре «Красная звезда». Слава его, родившаяся на юге, стала распространяться по всем фронтам. Теперь о летчике Покрышкине знали не только в авиации, но и в других родах войск. Описания его подвигов в воздухе, начав появляться в приказах и директивах главкома ВВС, постепенно перешли в приказы Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Помимо статей в газетах, во всех республиках СССР появились листовки с его портретом, изданные Главным политическим управлением РККА.

«Нет, не слава для меня сейчас главное, – думал сквозь дрему Александр, – хотя, конечно, приятно, что о тебе все знают, даже, наверное, в Новосибирске. Для меня сейчас самое важное – подготовить молодых пилотов к предстоящим боям, обучить их тактике воздушного боя и основам применения боевой техники. Вот о чем мне следует думать сейчас».

Даже в эти, может быть, одни из самых счастливых минут своей жизни, он не забывал о своих боевых товарищах. И они платили ему тем же. Какую бы должность Покрышкин ни занимал, он всегда оставался для них Сашей, их верным боевым товарищем, внимательным и строгим учителем. Как должное они воспринимали его главное наставление – девять десятых искусства истребителя – это учеба и труд, и лишь одна десятая – вдохновение.

17

Двадцать восьмого июня командующий Северо-Кавказским фронтом генерал-лейтенант Петров получил из Ставки директиву: «Сосредоточенными ударами главных сил фронта сломить оборону противника на участке Киевское, Молдаванское и, проведя последовательные наступательные операции, иметь конечной целью очищение района Нижней Кубани и Таманского полуострова от противника».

Фронт приступил к мощной артиллерийско-авиационной обработке обороны противника, намереваясь использовать в центре сильную ударную группировку.

Ставка, как и командующий фронтом, понимали, что нанесением сосредоточенного удара главными силами фронта рассекалась вся 17-я немецкая армия, окружалась наиболее сильная ее группировка в районе Новороссийска и наши войска кратчайшим путем выходили к Керченскому проливу, лишая противника возможности эвакуировать свои войска и технику в Крым. Но это была только одна сторона дела. Вторая – это сугубо стратегические соображения Ставки. Дело в том, что Красной Армии в самые ближайшие дни предстояло решать важную задачу по разгрому главной гитлеровской группировки в районе Курской дуги. В этой связи крайне необходимо было активизировать действия некоторых фронтов, которые оттянули бы на себя силы противника, не позволили ему снять с их участков войска и перебросить их на Курскую дугу.

Против Северо-Кавказского фронта действовала мощная группировка почти в четыреста тысяч немецких солдат и офицеров. При хорошо подготовленной обороне часть ее можно было бы перебросить под Курск, тем более что дуга была неподалеку. Все это противник мог осуществить, если бы Северо-Кавказский фронт оставался в обороне, а его командование утешало себя тем, что у него нет сил для организации наступления.

Активность Северо-Кавказского фронта не допустила также участия в сражении под Курском больших сил авиации противника. Все эти причины и обусловили получение фронтом задачи на наступление.

В день активизации фронта командующий воздушной армией Вершинин находился на радиостанции командного пункта в районе станицы Абинской.

Примерно в 11 часов дня в небе над станицей появилось восемь «мессершмиттов». Заметив парочку «аэрокобр»,

барражировавших между Краснодаром и Абинской, немцы стали занимать исходные позиции, рассчитывая атаковать русских с разных ракурсов.

Вершинин, зная, что в воздухе Покрышкин, взял у дежурного офицера трубку и произнес открытым текстом: «Саша, ну-ка проучи этих спесивых стервятников». В ответ послышался знакомый быстрый басок: «Вас понял, вижу цель».

В то же мгновение пара «аэрокобр», круто спикировав, с ходу подожгла ведущего немецкой группы. Фрицы взвились, как ужаленные. Бой разгорелся такой жестокий, что наблюдателям было даже страшновато смотреть – сплошной шквал огня, страшный вой моторов, работавших на пределе своих возможностей.

Пока подошло подкрепление, вызванное станцией наведения, на землю упали еще два «мессершмитта». Один из немецких летчиков опустился в поле на окраине Абинской. Когда солдаты привели его в штаб и офицеры стали его допрашивать, он, все еще пребывая в шоке, все время лепетал: «Меня сбил Покрышкин», и было непонятно, то ли он был так напуган, что его сбил советский ас, то ли гордился этим.

Как выяснилось позже, Покрышкин увидел немецкие самолеты издалека, но, не желая себя демаскировать переговорами по радио, молчал, чем ввел немцев в заблуждение. Знал он также от «Тигра» и о том, что на радиостанции находится сам «Хозяин» – так в кулуарах штаба армии между собой офицеры звали командующего, – поэтому, услышав его призыв, он тут же пошел в атаку.

За этот бой Вершинин наградил Александра вторым орденом Красного Знамени. И это при том, что в штаб армии уже поступило представление за подписью командира 16-го полка на присвоение гвардии майору Покрышкину второй Звезды Героя Советского Союза.

Любил и уважал Александра Ивановича генерал Вершинин, что тут говорить! К тому же он не забывал слова маршала Новикова при отлете из Краснодара: «Прошу, Константин Андреевич, следить за ростом таких летчиков, как Покрышкин. Берегите их и своевременно поощряйте за умелые воздушные бои. Покрышкин разработал новую тактику кубанских воздушных боев: «этажерку», «соколиный удар» и другие боевые приемы, которые мы будем применять во всех ВВС. Благодаря Покрышкину и вы становитесь другим командующим…»

Следить и поощрять было проще, но вот как уберечь майора, если он всегда впереди и всегда первым идет в пекло?! Вот вопрос.

В эти дни Покрышкин часто водил в бой группы, продолжая настойчиво работать с молодежью. Все они уже побывали в боях. Особенно хорошо себя зарекомендовали Александр Клубов, Николай Трофимов, Виктор Жердев, Георгий Голубев. Но были и такие, с которыми необходимо было еще работать. В его восьмерку вошли: он с Голубевым, Жердев с Суховым – первое звено; Клубов с Трофимовым, Федоров с Трудом – второе звено. Командир второго звена – Александр Клубов. Все они потом станут Героями, а Саша Клубов – дважды.

Новое наступление, как и ожидалось, развития не получило. Советские войска несли неоправданные потери, и военный совет фронта счел необходимым временно наступление приостановить. Все понимали, что установившееся на Кубани затишье будет длиться недолго. Просто центр тяжести военных действий переместился на те фронты, где имелось больше возможностей для маневра крупными силами пехоты и танков. А здесь, на Кубани, военные действия стали носить характер охоты: немцев искали в плавнях, путешествуя по пояс в воде. Каждая коса, каждая полоска сухой земли были взяты на учет, и за них дрались не на жизнь, а на смерть.

С пятого июля советские войска вступили в упорные бои с наступающим противником на орловско-курском и белгородском направлениях. Все летчики 9-й гвардейской дивизии внимательно следили за развитием событий на центральных фронтах, размышляя, что же будет дальше. Все они хорошо помнили наступление немцев летом сорок второго года… Шахтерские поселки, горящие заводы Донбасса… Бесконечные колонны немецких танков и бронемашин… Неужели все повторится опять?

Не верилось. Теперь даже у истребителей вон какая техника, люди стали опытными. Они понимали, что на Курской дуге развернулось сражение небывалого размаха и накала. Две огромные армии сошлись вплотную и, стараясь друг друга одолеть, напрягали до предела свои силы.

Так в ожидании прошла неделя. Курская дуга по-прежнему сохраняла на карте свои прежние очертания. По опыту летчики знали – самая страшная в таких боях именно первая неделя. Но раз на карте ничего не меняется, стало быть, наступление немцев провалилось, хотя под Обоянью сотни танков сталкиваются грудь в грудь, горят и давят друг друга нещадно.

Командующий фронтом понимал, что скоро из Ставки вновь поступит директива о переходе в наступление. Под Курском шли тяжелые бои, наши войска отразили удары противника неимоверной силы и сами перешли в контрнаступление. Значит, вот-вот будет дано указание перейти к активным действиям и

здесь, на Кубани. По опыту Петров знал, что после приказа о наступлении времени на организацию операции не будет.

Прорывать придется сильно укрепленную «Голубую линию». В директиве Ставки могут быть некоторые перемены в деталях, но в целом, конечно же, будет поставлена та же задача – освободить от врага Таманский полуостров. Наши силы по сравнению с предыдущим наступлением ослаблены: Ставка вывела из Северо-Кавказского фронта четыре армии, оставив генералу Петрову столько же, четыре общевойсковых армии. Правда, в оперативном подчинении у командующего находился Черноморский флот и с воздуха фронт поддерживала 4-я воздушная армия.

После долгих и тщательных размышлений генерал Петров пришел к выводу: ключевой позицией «Голубой линии» является укрепленный Новороссийск. С его потерей начнет рушиться оборона гитлеровцев. Значит, надо брать Новороссийск. Но как? Окружить, обходить или штурмовать?

Обстановка осложнялась еще и тем, что предыдущая неудачная операция предельно насторожила немцев в Новороссийске, вынудила их провести ряд мер по укреплению обороны. Но ничего другого для направления главного удара Петров не видел.

А в это время по всему фронту, с севера на юг, от моря северного до моря южного, словно ветром, стала разноситься солдатская молва: «Теперь наш черед!» Нигде не сообщалось, что Советская Армия летом начнет большое наступление, но всеобщая уверенность, что фашистов вот-вот погонят на запад, крепла час от часу.

Как-то вечером Покрышкин случайно подслушал разговор двух мотористов, возившихся у самолета.

– Ты что думаешь, – говорил степенный, лет сорока механик, воевавший в полку еще с Молдавии, с первого дня войны, – долго мы еще здесь сидеть будем. Не-ет, уже получен приказ – идти в наступление и брать Донбасс, Киев, Одессу. Просто по соображениям военной тайны об этом приказе не говорят, но верным людям из старослужащих эта тайна доверена.

– Ну да, скажешь ты, Петрович, такое! – возражал молодой. – Виданное ли это дело, чтобы мы наступали летом? Летом гитлеровцы наступают, а наше дело зимнее. Тогда фашист становится хлипким и духом убывает.

– Ну что ты тут мне толкуешь, понимаешь! – разгорячился пожилой. – Если хочешь знать, наше командование не может больше терпеть, чтобы фашисты жрали украинское сало и убивали наших людей. Вот оно и решило: душа у народа горит, и стыд великий будет всем нам, если мы не погоним фашистов уже

сейчас. Вот вам приказ, передайте его вашим верным солдатам – и в добрый час, ни пуха вам, ни пера.

Подумав, молодой моторист решил:

– Ну, раз такое дело, надо новый факел вязать. Работать нам придется до утра.

– А ты как думал? – с оттенком превосходства заметил пожилой. – Так бы и дал я тебе, салаге, на перине нежиться, когда мы в наступление идем!

Покрышкин невольно улыбнулся и тихонько отошел, чтобы не смущать собеседников. В душе у него шевельнулось теплое чувство к этим технарям. Мало кто знает, в каких условиях они работают, как в дождь, снег или пургу, зной или мороз они могут любой летающий гроб за одну ночь превратить в самолет, лишь бы утром летчик на нем фашистов бил. Никто их подвигов не знает, героев им не дает, но эти скромные, незаметные трудяги войны, поди ж ты, не только работают по-ударному, но еще могут воодушевлять молодых бойцов получше всяких официальных лекторов и пропагандистов!

Тридцать первого июля 9-я гвардейская истребительная дивизия получила приказ перебазироваться в состав 8– й воздушной армии Южного фронта и перелететь в район Донбасса.

Прощай, Кубань! Ты оставила неизгладимый след в памяти всех, кто сражался в небе и на земле.

Лишь 9 сентября советские войска приступят к освобождению Новороссийска, а затем и всего Таманского полуострова.

Вперед на Донбасс, Мариуполь и Крым

1

Покрышкин приземлился на новом аэродроме первым. Знакомая станица – здесь он изучал «мессершмитты» в сорок втором году в группе генерала Науменко. Вон в той отдаленной хате ему пришлось просидеть под арестом несколько часов, пока бдительный командир зенитчиков устанавливал его личность.

Командир полка Исаев, занятый отправкой технического состава и эвакуацией всего хозяйства, остался в Поповической. Александру, как его помощнику, надлежало решать текущие вопросы на месте самостоятельно.

Летчики прибывали поэскадрильно. Несмотря на сильный, порывистый ветер, все садились нормально. Едва приземлившись и зарулив в указанное место, летчики выскакивали из самолетов и бежали на КП – каждому хотелось поскорее узнать, что там нового на Курской дуге, не собираются ли 9-ю дивизию перевести под Белгород или Орел.

А Курская дуга уже стала постепенно разгибаться. Советские войска освобождали один город за другим. Почувствовав, что проигрывают сражение, немцы стали перебрасывать войска с Донбасса под Харьков.

Еще 17 июля Южный фронт под командованием генерал-полковника Толбухина начал наступление. Миусская операция, подобно операции Северо-Кавказского фронта, сковала крупные силы противника и не позволила ему перебросить ни одной дивизии под Курск. Но прорвать Миус-фронт толбухинцы не смогли, к тому же 30 июля немцы нанесли сильный контрудар. С целью поддержки своих наземных войск на Иловайском направлении они срочно перебросили сюда с других участков фронта около двухсот самолетов, доведя общий парк до 700 единиц.

9– я гвардейская истребительная дивизия была введена в бой лишь 4 августа, когда период активных действий наземных войск в районе Миуса практически заканчивался. Поэтому полки включились в штурмовки железнодорожных узлов Харцызск, Ясиноватая, Макеевка, уничтожая эшелоны с танками, артиллерией и другой техникой. Попытки «мессершмиттов» противодействовать советским истребителям успеха не имели, поскольку 16-й полк блокировал их аэродромы.

13 августа Юго-Западный и Южный фронты совместно начали Донбасскую операцию. Противостояла нашим войскам группа армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна.

2

Раздался мощный взрыв, за ним второй, третий… Перекрывая один другой, они сплелись в оглушительный вой, гул, треск. Земля, небо, палатки – все судорожно забилось, затряслось, засверкали зарницы, местами вспыхнул огонь… Послышались крики: «Бомбят! Русские прорвали фронт!»

Сонный, не выспавшийся после вчерашнего напряженного дня, Хартманн скатился с кровати, впопыхах оделся и выбежал из палатки. Небо на востоке озарялось отдаленными вспышками, слышался грохот артиллерии.

Зловещая тень советского бомбардировщика дальнего действия маячила над аэродромом в Кутейникове. Он уже сбросил свой груз и теперь, уходя к пылающему востоку, поливал аэродром из пушек и пулеметов. Вдогонку ему робко тянулись разноцветные нити трассирующих очередей «эрликонов». С длинными крыльями и тонким туловищем, бомбардировщик казался каким-то зловещим, страшным хищником.

Наконец пилоты его эскадрильи собрались.

Теперь можно было бежать за указаниями в штабную палатку. Аэродром ожил, загрохотали моторами истребители, засуетились бензозаправщики, машины с боеприпасами, стартеры, рота обслуживания, ликвидирующая воронки. Над полем еше не разошлись столбы дыма от взрывов. Расползаясь, они принимали форму гигантских грибовидных тел.

Когда Эрих вошел в палатку, совещание там уже было в полном разгаре. Командиры эскадрилий, адъютант, командир группы – все обступили и внимательно слушали полковника Храбака. Он ставил боевые задания.

Увидев Эриха, он воскликнул:

– Наконец-то, Хартманн, вы соизволили появиться! Слушайте задание: патрулировать в воздухе весь день и отгонять русские штурмовики. Вот здесь, – он указал пальцем место на карте, – русские совершили прорыв. Пикировщики Руделя намерены задать им жару. Прикрыть наши пикировщики и уничтожить русские штурмовики, если они появятся, – такова наша главная задача на сегодня. Если вражеские самолеты не появятся, что маловероятно, обстреливайте пехоту. Ступайте! С вами бог и удача!

Эрих молча козырнул и вышел из землянки. Семь пилотов, построившиеся в шеренгу, его уже ожидали. Он всмотрелся в их лица – все они были сонные и уставшие.

– Внимание! – И он начал инструктаж, так же, как когда-то

это делал Крупински. Те же слова – держаться парами, бой начинать по приказу. Цель номер один – советские штурмовики. Атакуем по очереди. Одна пара вверху прикрывает нижнюю, вторая атакует. Если русских будет много, каждая пара атакует самостоятельно. Надеюсь, что никто из вас не подведет меня, нарушив дисциплину в воздухе. Все. С богом.

Слова те же, но настроение у всех сейчас было другое.

Все побежали к своим машинам, к счастью, не пострадавшим от ночной бомбежки. Видимость уже значительно улучшилась.

– Все в порядке? – по привычке спросил у Биммеля Эрих, прекрасно зная, что у механика истребитель всегда готов к вылету. Тот молча кивнул. Вид у него был удрученный, видимо, ему досталось во время бомбежки. Забираясь в кабину и запихивая под себя парашют, Эрих в который раз подумал, что ему здорово повезло с механиком – у парня просто золотые руки.

Он взлетел первым. Набрав высоту, оглянулся и проверил, все ли на месте. «Мой ведомый лейтенант Пульс, – считал он. – Вторая пара – лейтенант Ори Блессин с сержантом Юргенсом. Дальше – второе звено. Командир Ханс Биркнер с ведомым лейтенантом Гельмутом Липфертом. Дальше – фельдфебель Бахник с лейтенантом Вестером. Он недавно прибыл в группу после окончания летного училища, и за ним нужно присмотреть в бою. Все на месте».

Готовая к бою восьмерка направилась к переднему краю, обозначившемуся на горизонте черно-белыми столбами дыма. Хартманн прикинул – лететь предстоит минут десять, и тут же его мысли переключились на другое.

Вспомнился отпуск в Штутгарте, время, когда можно было от всего отключиться и хотя бы спокойно спать по ночам. Бомбардировщики англичан и американцев еще не добрались до предместий Штутгарта, но общая атмосфера в семье была просто удручающей. Невеста Урсула была в отчаянии – выживет ли он в этой войне. Отец после каждого выступления маршала Геринга и министра пропаганды Геббельса с горечью твердил об ужасающей ошибке фюрера, развязавшего войну, которую Германия никогда не выиграет. Бедный отец, он еще не видел, что творится на Восточном фронте, сколько здесь гибнет немцев.

Богатый жизненный опыт старика и знание человеческой психологии позволяли ему трезво оценивать обстановку. Обо всем, что ожидает Германию, он не раз говорил сыну еще в тридцать девятом году, но тогда Эрих отца не слушал, считал, что старик отстал от жизни и ничего в ней не понимает. Он, как все немцы, был влюблен в фюрера и верил только ему.

Слухи о массированных налетах союзников расползались по

всей Германии, и практика доктора Хартманна, как и других немецких врачей, увеличивалась с каждым днем, косвенно подтверждая выводы старика. Впервые вся семья была в панике. Эрих опасался за жизнь родителей, они считали, что он погибнет на фронте. Урсула постоянно плакала, повторяя, что она несчастна.

И хотя последние дни его пребывания в отпуске были отравлены нескрываемой тревогой родителей, физически Эрих оправился и почувствовал себя значительно лучше.

Свою эскадрилью после возвращения он нашел в Угриме, в районе Орла. В воздухе велись жаркие бои, обе стороны несли большие потери. У самого Эриха дела пошли хорошо, и он, следуя неуклонно своей тактике, начал сбивать советские самолеты. В основном это были «Ла-5». Под Орлом 52-я эскадра воевала против «Яков» и «лавочкиных». Девятого июля был сбит и не вернулся на аэродром его учитель Пауль Россманн. Альфред Гриславски был ранен еще на Тамани, когда, купаясь в Черном море под Анапой, он наступил на противопехотную мину на пляже. Сам Эрих после сражений на Кубани дал себе зарок не связываться больше с гвардейцами, летающими на «аэрокобрах». Но очень скоро они сами напомнили о себе.

После поражения под Орлом и Курском 52-ю эскадру перебросили на несколько дней под Харьков, а потом в Донбасс. Тут ей и пришлось вновь встретиться «со старыми знакомыми» – «аэрокобрами» с красными носами и вертикальной красной чертой на киле.

Новое столкновение оказалось для немецких асов удручающим – русские просто «заперли» их на аэродромах, не давая возможности подняться в воздух. В это время штурмовики расстреливали из пушек и бомбили крупные узловые станции, не позволяя наземным войскам перебрасывать технику.

Однажды, прямо над немецким аэродромом в Ивановке, произошла настоящая свалка. Первым со своим ведомым поднялся в воздух Вальтер Крупински. Эрих по привычке смотрел им вслед. Но что это? Почему их оказалось трое? Взлетали же вдвоем… А тут появился и четвертый. Только теперь до Эриха дошло, что к Крупински пристраивается пара «аэрокобр». То, чего они так опасались, – случилось. Под шум взлетающих «мессершмиттов» вражеские истребители подкрались незамеченными и уже берут Крупинского с его ведомым в прицел. Видит ли все это майор Ралль, находящийся у командной радиостанции? Успеет ли он предупредить своих летчиков о грозящей опасности, ведь они еще могут ускользнуть от атак «аэрокобр»?

Эрих окинул взглядом небо над головой. Мой бог! Над ним уже был целый рой самолетов. Русские действовали продуманно: одна группа обрушилась на аэродром, вторая охраняла ее от истребителей, которые могли прийти на помощь с других аэродромов. Только этой помощи неоткуда было взяться, потому что соседи тоже были блокированы.

Тут, в Ивановке, вся надежда была только на взлетевшую пару. Эрих хотел взглянуть, что с ней, но не успел. Раздался страшный грохот. Взрывной волной его швырнуло на землю, он сильно ушиб плечо. Когда Хартманн опомнился и подхватился, кругом стоял вой моторов, рвались бомбы, дождем сыпались снаряды и пули. Люди попрятались в щели, а кто не успел, те вжимались в землю, надеясь укрыться хоть за каким-то пригорком или в рытвине. Русские закупорили аэродром и поливали из бортового оружия стоянки самолетов. Где Крупински и его ведомый? Эрих лихорадочно крутил головой. Наконец он увидел один «мессершмитт», который, выпуская хлопья дыма, планировал на аэродром.

Неожиданно русские исчезли. Крупински, используя остатки руля, с развороченным хвостом и пробитым масляным радиатором, шел на аварийную посадку. Уже на подходе к земле он увидел, что наперерез ему взлетает дежурное звено. Вальтер тут же бросил поврежденный самолет вниз, пытаясь избежать столкновения с взлетающими в воздухе. Его «мессершмитт» ударился колесами об землю, дал огромного «козла», вновь ударился об землю, а потом его стало заносить. Крупински ударил по тормозам, самолет резко стал на нос, и пилота бросило головой на прицел.

Оглушенного, перемазанного кровью из раны на голове, мокрого от пролитого бензина, бьющегося в истерике Крупински аварийная группа извлекла из кабины истребителя через пару минут и отправила в госпиталь. Так Эрих Хартманн стал командиром эскадрильи.

Но вот и передний край. Столбы дыма и мерцающие вспышки от разрывов показывали, что на земле идет жаркий бой. Большая группа русских штурмовиков, под прикрытием «Ла-5» и «Як-7», штурмовала немецкие позиции.

Раздумывать было некогда. Эрих с лейтенантом Пульсом первыми пошли в атаку. Пикируя, они обстреливали все, что попадало в прицел. Они проскочили вниз, а затем Хартманн, заложив крутой вираж, зашел в хвост одному из советских штурмовиков и с дистанции в сто метров ударил со всех пушек. Сильный взрыв от штурмовика пошел вниз, его левое крыло отвалилось, и он закувыркался к земле.

Хартманн тут же развернулся, приблизился ко второму штурмовику и расстрелял его в упор. Когда «Ил-2» вспыхнул, Эрих уже его проскочил и, желая оценить обстановку, бросил взгляд вниз, где в поле, под каждым кустом были войска. В это мгновение он почувствовал несколько сильных ударов в самолет снизу. От мотора сразу потянуло дымом.

Он не чувствовал никакого страха. «Какого черта, что случилось, Эрих, – по привычке заговорил он сам с собой вслух. – Зенитки, шальной снаряд в воздушном бою, какое это имеет значение сейчас. Прежде чем этот чертов самолет грохнет, надо развернуться на запад, отключить зажигание и перекрыть подачу топлива».

Через несколько минут дым и огонь исчезли. Он снял очки, и яркое солнце ударило в глаза. Земля пугающе приближалась, и совершалось это гораздо быстрее, чем ему хотелось. Трехлопастный винт заклинившего мотора оказался мощным тормозом, и самолет начал круто снижаться.

Нет, он не снижался, он угрожающе сыпался вниз. «Так можно самого себя загнать в могилу или при ударе потерять сознание, – подумал Эрих. – Нужно постараться сесть нормально. Вон там поле, кажется, это подсолнухи, достаточно большое… Туда… Прижимай его… Прижимай, Эрих… Как планер, на котором мать учила тебя когда-то летать».

Земля, казавшаяся с высоты плоской, спокойной, зашевелилась и ожила. Поле лежало перед ним изогнутыми рядами подсолнухов, поворачивающих свои головы вслед за солнцем. Земля уже совсем близко. Машина ее коснулась и по инерции понеслась по полю, подымая пыль и бросая в воздух стебли подсолнухов. Эрих бросил ручку управления и уперся руками в панель с приборами. Теперь он был готов ко всему: начнет самолет кувыркаться – он пригнет голову к коленкам, резко остановится – не ударится головой.

Ну вот, кажется, пронесло и на этот раз. Эрих отстегнул лямки парашюта и склонился над приборной панелью – строгий приказ требовал, чтобы пилот, покидая самолет при аварийной посадке, забирал с собой бортовые часы. Их не хватало в частях.

Эрих продолжал возиться с винтами, на которых держались часы, когда боковым зрением, через запыленное стекло фонаря, заметил какое-то движение рядом. Подняв голову, он обнаружил, что возле самолета стоит «бюсинг», а из его кабины выбираются два солдата в желтосером обмундировании. У немецких пехотинцев мундиры были серо-зеленого цвета, непроизвольно отметил он.

Когда солдаты приблизились к самолету, у Эриха

зашевелились на голове волосы. Это были не немцы, а какие-то азиаты. До этого момента он был твердо уверен, что приземлился на территории, занятой немецкими войсками.

Солдаты поднялись на крыло и заглянули в кабину. Хартманн сидел свесив голову, и казалось, что он был без сознания. Недолго думая, они принялись вытаскивать его из самолета. Тут Эрих не выдержал и застонал. Солдаты его отпустили, о чем-то посовещались между собой, а потом, путая немецкие и русские слова, стали ему объяснять, что все, мол, «капут», война для него кончилась, он может не волноваться.

Эрих показал рукой на живот, давая понять, что он контужен и не может двигаться. Солдат сбегал к грузовику, принес брезент, и они с его помощью аккуратно затащили летчика в кузов.

Потом его повезли в деревню, там показали доктору. Поскольку Эрих продолжал изображать из себя контуженного, доктор ему поверил и приказал солдатам отвезти его куда-то в тыл.

И они поехали на восток. Один солдат сидел за рулем, а другой находился в кузове, охраняя Хартманна. Неожиданно с запада появился «Ю-87» и стал их быстро догонять. В тот момент, когда самолет уже был над ними, шофер резко затормозил. Сидевших в кузове бросило на кабину. Хартманн, сумевший оправиться первым, вскочил на ноги и со всей силы ударил солдата кулаком по голове. Тот безмолвно сполз на дно кузова.

Хартманн метнулся к заднему борту, спрыгнул на землю и кинулся в высокие подсолнухи, которыми было засажено большое поле неподалеку. Он бежал изо всех сил, ничего не разбирая перед собой и думая только об одном: не выдохнуться, не упасть. Через некоторое время он услышал треск винтовочных выстрелов и свист пуль над головой, но продолжал бежать, не останавливаясь. Вскоре все затихло.

Опомнился Хартманн в каком-то лесочке. Там он пролежал до ночи, а потом осторожно двинулся на запад. Следующий день он вновь пролежал в укрытии, а еще через день благополучно добрался до передовых окопов немецких войск. Его с перепугу обстрелял часовой, но, к счастью, он промазал.

Во время этого вынужденного скитания Хартманн увидел и осознал всю жестокость и тяжесть войны. Оказалось, что война совершенно по-разному воспринимается теми, кто воюет в воздухе, и теми, кто переживает ее ежедневные тяготы на земле.

За эти несколько дней он постарел на несколько лет.

3

Донбасская операция развивалась успешно. 16-й истребительный полк прикрывал с воздуха введенный в прорыв кавалерийский корпус генерала Кириченко.

Они вылетели на рассвете шестеркой, зная, что немцы используют против наступающих толбухинцев большие силы бомбардировочной авиации и норовят бомбить наши войска на рассвете. Шли на высоте около четырех тысяч метров. Видимость была неважной.

Несмотря на утреннюю дымку, по отблескам солнечных лучей на крыльях самолетов Покрышкин все-таки сумел разглядеть группу «юнкерсов», двигающуюся им навстречу. Где-то поблизости должны были находиться «мессершмитты», но их пока никто не видел.

Оставив Труда с ведомым наверху, Саша с четверкой стал готовиться к атаке. К сожалению, слишком поздно он заметил «юнкерсы». Экипажи немецких бомбардировщиков уже встали в круг и приготовились к обороне. Теперь предстояло прорываться сквозь «огненный ёж».

Покрышкин выжидал, высматривая ведущего группы и прикидывая, как его лучше атаковать. Наконец цель была найдена, решение на атаку принято.

С переворотом, круто спикировав, он с большой угловой скоростью начал подворачивать, отрезая стрелкам бомбардировщиков возможность вести по нему прицельный огонь. От страшной перегрузки тело вжалось в стенку кабины, казалось – невозможно пошевелить ни рукой, ни ногой. Наконец он сблизился и… тут же почувствовал, что не рассчитал – сильно разогнал истребитель на пикировании.

Резко вырвав его из пике, он пошел на горку, намереваясь погасить скорость… В глазах на мгновение потемнело. Когда прояснилось, увидел, что его ведомый Голубев тоже взмыл, повторяя его маневр. Больше не следил, было некогда.

Покрышкин повторил атаку. Вот «юнкерс» в прицеле. Короткая очередь – немец как по команде перевернулся, подставив закопченное брюхо. Еще очередь из пушки и пулеметов. «Юнкерс» загорелся, вывалился из оборонительного круга и пошел к земле, оставляя за собой черный, жирный след в небе.

– «Сотка», бей бомберов, идет подкрепление! – послышался голос офицера-наводчика.

Выше Покрышкин заметил какие-то самолеты.

«Подкрепление? Почему идут на меня? «Мессы!» – молнией пронеслось в голове. Скорость на выходе из атаки была еще приличной. Он прибавил мотору обороты и пошел в лобовую – другого выхода не было.

Лобовая атака успеха не принесла никому. Резко развернувшись, Саша стал заходить «мессершмиттам» в хвост, но они неожиданно повернули на запад.

Глянул вниз: «юнкерсы», побросав бомбы куда попало, тоже уходили к своим, а между ними сновали Жердев с Суховым.

Тут появилось обещанное подкрепление – восьмерка «Яков». Они с ходу включились в преследование бомбардировщиков.

– Иду на Куйбышев! Иду на Куйбышев! – послышалось в наушниках.

Это Виктор Жердев сообщал о выходе своей пары к месту сбора. «Пора возвращаться и мне, – подумал Покрышкин. – А где же Голубев?» К месту сбора подходило лишь пять «аэрокобр».

– Где Голубев? – был его первый вопрос своим летчикам на земле. – Кто видел и может доложить?

– Я видел, товарищ гвардии майор, – откликнулся первым Сухов. – Когда вы пошли на горку, он выскочил выше вас. Заметив, что с высоты к вам устремились два «мессера», он пошел наперерез. Прикрыл вас своей машиной.

– А ты, Труд, что ж так плохо смотрел, что не связал боем «мессершмиттов»?

– Смотрел, товарищ гвардии майор, но не смог. Много их было…

– Эх ты, слабак!

Оценка «слабак» из уст Покрышкина была самой что ни есть уничтожающей критикой, и Труд чуть не заплакал от досады на себя.

«Не может быть, чтобы Голубев пропал, – думал Александр по дороге на КП. – Он обязательно вернется, такой летчик не может пропасть. Это надо же – сознательно подставил свою машину под удар немецких истребителей. Можно сказать, грудью прикрыл своего командира! Ну, Жора! Ну силен, брат!»

Проходя мимо второй эскадрильи, он обратил внимание на группу летчиков, собравшихся вокруг Речкалова. Они тоже только что вышли из боя.

– Ну как дела, кубанский казак? – спросил Покрышкин у Олиференко. «Казаком» его окрестили в полку сразу после прихода на Кубань. Расстроенный парень даже не замечал, что к нему обращается помощник командира полка. Забыв от досады, что в таких случаях он обязан по форме доложить о результатах вылета, Олиференко сорвал с головы шлемофон и швырнул его на

землю у своих ног.

– Плохо, товарищ гвардии майор! Никчемный из меня получился истребитель. Одним словом, слабак!

– В чем дело? Объясни толком.

– В том-то и дело, товарищ гвардии майор, что толку во мне никакого. Подкрался к «фоккеру», стрелял, стрелял, а толку никакого. Он себе летит дальше, и все!

– И даже спасибо не говорит! – вставил Речкалов.

Летчики дружно засмеялись. Улыбнулся и Покрышкин.

– А ты понял, почему его не сбил?

– Потому, что не попал.

– А почему не попал?

Олиференко озадаченно молчал, притихли и остальные.

– С какого расстояния начал стрелять?

– Метров с двухсот, как положено по инструкции.

Покрышкин отошел в сторонку, выбрал место почище, взял палочку и, рисуя на земле схему, подробно объяснил, как расходится пучок пуль и снарядов при стрельбе в воздухе.

– А ты подойди к «мессеру» поближе, ударь по нему, скажем, метров со ста и тогда не будешь в отчаянии бросать шлемофон на землю. Правда, для того, чтобы подойти к противнику на такое расстояние, надо иметь выдержку, волю, наконец, просто злость на врага! Понял?

– Понял, товарищ гвардии майор!

Посмотрев на расстроенного Олиференко, Саша положил ему руку на плечо и сказал:

– Ты это, особенно не горюй. У меня тоже раньше были такие ошибки: стрелял по инструкции. Впереди еще много боев. Еще не одного фашиста отправишь с небес на землю.

Повернулся и пошел на КП. Этот Олиференко ему определенно нравился. Человек оставил тихую, безопасную должность командира эскадрильи связи при штабе армии и пошел в полк рядовым летчиком-истребителем. А ведь у него на Кубани осталась семья, родители. Не хочет он отсиживаться на теплом месте, хочет добиться заслуженной славы фронтовика, стать асом. И такой своего обязательно добьется.

Среди дня из разведки вернулся командир звена лейтенант Цветков. Вернулся один, без ведомого, Славы Березкина.

Докладывал Цветков командиру полка Исаеву, Покрышкин стоял рядом.

Оказалось, что на обратном пути они встретили «раму» – «Фокке-Вульф-189», которую прикрывали четыре «мессера». Цветков завязал с ними бой, а Березкину приказал атаковать корректировщик. Он видел, как Березкин неоднократно атаковал

ее, но она каждый раз выворачивалась и уходила из-под огня. Тэгда Слава пошел на таран – на скорости ударил «раму», и она развалилась. Цветков видел, как Березкин выпрыгнул с парашютом, но не смог зафиксировать, где он приземлился. Дрались они над передним краем, куда его отнес ветер, трудно сказать.

Сам Цветков, отбиваясь от «мессершмиттов», одного подбил.

В полку все переживали по поводу гибели Березкина, которого любили за добрый нрав. Летчики считали, что он пошел на таран, потому что его, человека честного и смелого, мучила совесть, что он до сих пор не сбил ни одного самолета. Однако напрасны были эти переживания. В тот же день, вечером, позвонили из штаба наземной части и сообщили, что лейтенант Березкин жив, но ранен, поэтому отправлен в санчасть. Ветер оказался попутным и помог ему спланировать на нашу территорию. Костя Сухов от этой радостной вести даже прослезился.

Меж тем наступление наших войск развивалось успешно. Кавалеристы генерала Кириченко вышли в тыл врага и повернули своим левым крылом на Мариуполь. Летая на прикрытие наземных войск, летчики наблюдали радовавшую глаз картину: советские танки, самоходные установки, пехота и кавалерия лавиной катились по дорогам и полям Приазовья на запад, очищая советскую землю от ненавистного врага.

В один из дней Покрышкина с утра неожиданно вызвали в штаб Южного фронта. Он полагал, что ему хотят дать какое-то важное задание, но оказалось, что повод совсем другой. Командующий фронтом генерал-полковник Толбухин вручил ему вторую Золотую Звезду Героя Советского Союза.

В волнующие минуты торжественного награждения Саша почему-то сразу вспомнил Степана Супруна, выдающегося довоенного летчика-испытателя, который первым в него поверил и тогда, во время их совместного времяпрепровождения в доме отдыха в Хосте, убедил его, что у него бойцовский характер и что он обязательно станет летчиком-истребителем. Находясь в шеренге награжденных, Александр ощущал себя невероятно счастливым от осознания, что его заветная мечта сбылась – он стал настоящим летчиком-истребителем, асом, признанным всей страной, десятым по счету дважды Героем страны. Ему очень хотелось, чтобы об этом поскорее узнали Мария и его родные в Новосибирске.

Надо было что-то сказать. Волнуясь, вышел он из строя и, обернувшись лицом к шеренге награжденных, стал внимательно всматриваться в их суровые лица. От их одобрительных улыбок

сразу стало легко на сердце, и его слова, сказанные от души, были ясными и всем понятными.

В полк он вернулся под вечер. Еще с воздуха заметил, что на КП собрался народ. Поставив машину в капонир, он тоже заторопился к месту сбора. Саша еще только приближался, а из толпы уже выбрался улыбающийся Голубев и бросился к нему навстречу. Следом за ним показался перевязанный бинтами Березкин. Едва они пожали друг другу руки, как подбежал Костя Сухов и, сверкая черными глазами, возбужденно затараторил:

– Все было, как я рассказывал, товарищ гвардии майор. Точно! Когда вы атаковали «юнкерса», он пошел наперерез «мессам».

Тут Костя увидел на груди Покрышкина вторую Золотую Звезду и буквально лишился речи. Георгий Голубев лишь застенчиво улыбался. Ему, конечно, самому хотелось рассказать, как все было, но из-за своей скромности он стеснялся, считая, что сейчас не до него.

«Милый Жора! – подумал Покрышкин. – Раньше за такие поступки воинов награждали, о них писали в газетах, а теперь, когда армия наступает, газетчиков интересуют другие подвиги».

Было уже время ужина, и все направились в столовую. И хотя командир полка Исаев не собирал всех в конце дня в столовой, как это обычно делал первый командир полка Иванов, сегодня они сами, по зову сердца, собрались вместе и подняли наркомовские сто грамм за возвращение боевых товарищей, за Сашину вторую Золотую Звезду Героя, за победу. Когда всеобщее возбуждение несколько спало, Саша подсел к Голубеву и сидевшему с краю Березкину.

– Расскажи, как все было, – попросил майор Голубева.

– Угловым зрением заметил – «мессер» у вас в хвосте. Он метрах в двухстах, я – ниже. Вижу его черный живот, кресты на крыльях. Сейчас, думаю, собьет! Ударил по газам. Решил таранить, но от перегрузки не рассчитал и выскочил перед немцем. Вся его очередь пошла в мой самолет. Машина сразу загорелась, стала падать. С трудом вывел ее из падения и потянул к своим. Она горит, в кабине жар, дым, но я решил держаться, сколько смогу. Потом выпрыгнул. Чтобы не расстреляли в воздухе, парашют раскрыл метрах в двухстах от земли. Приземлился прямо к пехотинцам. Они привезли меня на свой КП, дали спирту, а потом доставили в полк.

– Хорошо! Молодец! – В этих двух словах была вся сдержанная благодарность Покрышкина. Потом он повернулся к Березкину: – Ну а ты почему на таран пошел?

Слава, бледный, еще больше похудевший за эти два дня,

сидел за столом и старательно наблюдал, чтобы его кто-нибудь случайно не толкнул. Он уже рассказал летчикам, как, приняв за немца, его обстреляли наши пехотинцы.

Все знали, что таран – это подвиг. К этому приему на третьем году войны прибегали лишь в исключительных случаях, когда складывалось безвыходное положение. Березкин же мог повторить атаку, положение его было отнюдь не критическим, поэтому мотивы его поступка майору были непонятны.

– Да я и не собирался таранить, товарищ гвардии майор, – покраснев, неожиданно ответил Березкин. – Просто я с ним столкнулся, вот и все.

Сидевшие рядом летчики засмеялись.

– Как же так? Не понял? – удивился Покрышкин.

– Так получилось… Жаль, что самолет угробил…

– Самолет найдется. Хорошо, что жив остался.

Слава удрученно вздохнул.

– Ну, рассказывай все по порядку, как было.

– Значит так. «Раму» я атаковал сверху. Думал, она вильнет в сторону – тут я ее и прошью. Но немецкий стрелок успел полоснуть по мне из пулемета. Ногу что-то обожгло, я на мгновение растерялся и… удар, треск, самолет закрутился, еле выбрался из кабины… Вообще, рана у меня пустячная, товарищ гвардии майор. Полежу в полковой санчасти, пока кость срастется?

– Нет, Березкин, – возразил Покрышкин. – Лечиться, брат, надо серьезно. Хочешь снова держать штурвал – ложись в госпиталь. Завтра же отправим тебя самолетом. Понял?

– А потом вы меня примете? Я хочу вернуться только сюда.

– Зачем об этом говорить заранее. Вылечишься – тогда и решим. А сейчас иди отдыхать.

Покрышкин не любил загадывать и давать пустых обещаний.

После ужина друзья собрались в украинской хате отметить Сашину вторую Золотую Звезду. Хозяйка, у которой его разместили, приготовила скромную закуску, начпрод по такому случаю поставил на стол два чайника водки. Под «Авиационный марш» в исполнении приглашенных сельских музыкантов – скрипка, баян и пианино, произносились слова поздравлений от замполита Погребного, боевых друзей.

На следующий день Березкина на «По-2» отправили в госпиталь, а полк вступил в бои за освобождение Мариуполя.

Молодые летчики летали много и азартно. Клубов, Трофимов, Жердев, еще недавно считавшиеся молодыми истребителями, теперь сами водили в бой группы и успешно справлялись с выполнением боевых заданий.

Особенно выделялся Александр Клубов. О нем ходили разговоры, что он сорвиголова, отчаянной души человек, с трудной и не всегда прямолинейной биографией. Но Покрышкин на эти разговоры внимания не обращал – он и сам был такой. Для него было важно, как покажет себя человек в бою. А этот спокойный, несколько медлительный на земле парень с красивыми, печальными светлокарими глазами под выпуклым лбом, любитель поэзии и русских романсов, в воздухе совершенно преображался. У него было редко встречающееся в жизни сочетание качеств – холодная, расчетливая голова и сердце дерзкого, решительного бойца. Природный истребитель. Очень быстро он на равных вошел в когорту лучших летчиков полка и наравне с ветеранами Крюковым, Федоровым, Речкаловым самостоятельно водил группы на боевые задания.

В конце августа Клубов со своей шестеркой вылетел на прикрытие наступающих советских войск в районе Федорово-Ефремово. При патрулировании они встретили группу из пятидесяти «лапотников» полковника Руделя, намеревающихся сорвать продвижение конников Кириченко.

На этот раз немцы применили новый боевой порядок «Клин». Пикирующие бомбардировщики «Ю-87» летели группами по шесть, восемь машин, а между ними по два «мессершмитта» сопровождения.

Клубов принял дерзкое решение – атаковать эту армаду в лоб. Подобные атаки шестерка «аэрокобр» произвела несколько раз. В результате этих смелых и ожесточенных атак строй бомбардировщиков был рассеян, а два «лапотника», сбитых Клубовым, остались догорать на земле. Из советской шестерки никто не пострадал.

Как-то Клубов вылетел на разведку один. Уже близились сумерки, полетное время было на исходе, а его все не было. Наконец Покрышкин не выдержал и запросил по радио. Клубов отозвался одной фразой: «Дерусь», – и опять замолчал. У стола с радио на КП установилось тревожное молчание. Все думали об одном: неужели с летчиком что-то случилось?

Но вот на горизонте показалась черная точка. Все вздохнули с облегчением. Она быстро увеличивалась в размерах, уже различались очертания самолета, когда бросилось в глаза его странное поведение. Он то клевал носом, то резко взмывал.

– Все ясно, – сказал Покрышкин. – У него нарушено управление.

Взяв трубку, он запросил по радио:

– Клубов?

Молчание.

– Клубов! Бросай самолет! Бросай самолет! – приказал Покрышкин.

По-прежнему молчание.

– Он или ранен, или у него повреждена рация, – предположил Масленников.

– Очевидно, так, – согласился Покрышкин.

Истребитель стал заходить на посадку. От его кульбитов у всех на душе скребли кошки. Он делал такие клевки, что, казалось, вот-вот врежется в землю. В последнее мгновение Клубов слегка приподнял нос самолета и мастерски посадил его на живот.

– Ур-ра-а-а! – понеслось по аэродрому. Все сорвались и понеслись к затихшей «аэрокобре».

– Доктор! Машину к самолету! – подал команду дежурному врачу Исаев.

Клубов как ни в чем не бывало вылез из кабины на крыло, спустился на землю и стал неторопливо осматривать израненный самолет. Увидев огромную дыру в фюзеляже, он остановился, сдвинул шлемофон на затылок и задумчиво проговорил:

– Как же ты дрался, дружище!

Потом повернулся, разыскал среди обступивших самолет Покрышкина, подошел к нему и четко, как положено по уставу, доложил:

– Товарищ командир! Боевое задание выполнено. В результате воздушной разведки…

Он стал докладывать о результатах разведывательного полета. Все смотрели на него с восхищением. Всегда строгий и сдержанный Покрышкин на этот раз не удержался и, едва подчиненный закончил свой доклад, стиснул в объятиях этого невозмутимого крепыша.

– Ну, рассказывай, что там было, – нетерпеливо спросил майор, когда всей компанией они направились на КП.

– Когда возвращался с разведки, – оживившись, на ходу стал рассказывать Клубов, – над передним краем на меня навалились шесть «мессов». Действовал, как вы учили. Двадцать секунд на одного и отрыв! Мотал их на вертикалях, пока двоих не подловил. Но один попался опытный и цепкий. Сблизился и ударил по мне сразу из трех пушек. Я горкой вверх. Скорость у меня упала. Немец развернулся и опять повторил маневр. Я успел по нему пальнуть под углом в девяносто градусов. Удалось его отпугнуть, и я пошел вниз. Когда я в очередной раз сделал горку, тут уж он открыл огонь с упреждением и угодил мне в фюзеляж. Пробил огромную дыру. Пришлось штопорить, когда выводил, думал, гробанусь. Домой летел, как говорится, «на честном слове

и на одном крыле». Точнее, на одном моторе. Он, гад, перебил мне трос стабилизатора.

– Ничего, – утешил его Покрышкин. – За одного битого двух небитых дают. Ошибку ты, брат, допустил, не надо было вниз уходить…

– Да уж потом понял, – застенчиво улыбнулся Клубов, – да поздно. Ничего, я его раскраску запомнил, мы еще с ним сочтемся.

Не менее интересным летчиком был Николай Трофимов. Он обращал на себя внимание удивительным спокойствием в бою, уверенностью и умелыми действиями. Покрышкин в своей группе всегда поручал ему прикрывать сверху ударную четверку. Обнаружив противника, Николай спокойно, так, словно он был занят обычным житейским делом и хотел сообщить о своих намерениях товарищу, докладывал командиру: «Справа ниже «мессеры»! Иду в атаку».

Во время наступления летчики обычно летали до позднего вечера. Но если на земле бывали заминки, тогда у летчиков появлялись свободные вечера, и все направлялись в импровизированный клуб в каком-нибудь полуразрушенном доме. Как обычно, из БАО крутили какой-нибудь старенький рваный кинофильм. Летчики, техсостав садились на пол и терпеливо ждали, когда во время очередного перерыва киномеханик перемотает пленку и начнет показывать дальше.

Обычные будни фронта. В тылу люди с увлечением следили за сводками Информбюро, где фигурировали отбитые у врага города и села, указывалось число взятых в плен немцев, техники. Они не представляли, насколько порой томительны бывали на фронте вечера, особенно у авиаторов, где нет непосредственно передовой и где летчики и техсостав в свободное время иногда просто не знали, чем занять эти несколько часов, неожиданно появившихся в постоянно напряженных буднях. Днем еще можно было сгонять в футбол, пойти выкупаться, а вечером? Фильмов новых нет, книг нет, артисты не приезжают, все девчата под строгим контролем. Одним словом, тоска!

И тут на выручку приходили танцы. Неизменным их «организатором» был Андрей Труд. Проводили на улицу тусклый свет, выравнивали возле клуба площадку, появлялся в руках безотказного Григория Масленникова баян, и танцы начинались. Танцевали все: кто с санитаркой из санчасти, кто с укладчицей парашютов, кто с подавальщицей из столовой, а кому не хватало дамы – со своим братом-истребителем.

Звуки баяна смешивались со смехом девчат, малиновым звоном орденов и медалей на груди, шарканьем по земле

кирзовых сапог. Над площадкой подымалась пыль, взвивался вверх крепкий дым самосада.

В сторонке от танцующих, в тени дерева обычно располагался замполит Погребной. Не перебрал ли кто лишних сто граммов за ужином или спирта у механиков? Как ведут себя молодые ребята с девушками? За всем наблюдал его зоркий глаз.

Сегодня, в сторонке от танцующих, на завалинке, расположились Покрышкин с летчиком из соседнего полка Иваном Бабаком. Прекрасный пилотажник, Иван уже «оперился», сам водит на задания боевые группы, да вот не ладится у них дело, никак не наловчатся ребята сбивать немецких бомберов. Вот и решил сегодня Иван посоветоваться, поднабраться, так сказать, опыта у прославленного аса, дважды Героя Советского Союза, но по-прежнему простого и доступного, своего в доску гвардии майора Александра Покрышкина.

– Не так вы атакуете, – разъясняет Ивану майор. – Для начала надо рассеять строй. Я, к примеру, одну пару или две всегда посылаю в атаку спереди, в лоб, под небольшим ракурсом. Понял? – Иван кивает головой. – Они сосредотачивают весь огонь на ведущем и поражают его. Уходят истребители под бомбардировщики. Поскольку сближение идет очень быстро, стрелки не успевают поразить их спереди. Фашисты, опасаясь наших атак сзади, идут в плотном строю, поэтому они не могут доворачивать свои машины, иначе столкнутся. Ведущего подбиваем, он падает, сплошной строй нарушается, все бомберы рассыпаются, паника…

Покрышкин из скромности умолчал, что ведет эту пару или четверку обычно он сам, старается поразить ведущего тоже он, ну а когда начинается паника…

– Вот когда начинается паника, тут то мы и начинаем бить их парами. Понял?

Покрышкин сделал паузу, давая Бабаку возможность обдумать услышанное, потом продолжил:

– Меня часто спрашивают: каким образом я успеваю быстро подобраться к противнику и закончить бой двумя-тремя очередями. Я объясняю, что атакую, как и многие, с задней полусферы, но начинаю атаку не строго с хвоста (сзади), а тогда, когда противник находится ниже и немного впереди меня. Имея превышение (это исходное положение я достигаю маневром), я круто сваливаю самолет в пике и только на выходе из него оказываюсь на короткий промежуток времени в хвосте противника или чуть ниже его. Подобная атака настолько внезапна и скоротечна, что атакуемый не успевает ничего предпринять…

Он опять помолчал, потом продолжил:

– Не раз приходилось слышать, как прилетевший пилот с возмущением рассказывает: «Подошел почти вплотную, бил, бил, – не горит!» У тебя такое было?

– Сколько раз! – подтвердил Бабак.

– Вот видишь. В действительности тут как обстоит дело. Во-первых, этот летчик уже совершает ошибку в том, что выходит на одну плоскость с «мессершмиттом» задолго до дистанции убойного огня. Ведь противник может это учесть и произвести маневр. Во-вторых, летчик не проявляет достаточной выдержки, боится, что противник ускользнет от него, и начинает слишком рано стрелять. В результате он только пугает немца, а тот делает соответствующий контрманевр и уходит. В-третьих, летчик стреляет не прицельно, а по трассе. Подобная тактика напоминает ночного сторожа с колотушкой, который заранее дает знать ворам, где он ходит.

Танцы уже закончились, все разошлись, а они все беседуют, обсуждая различные варианты боя. Покрышкин терпеливо слушает возражения Ивана и не менее терпеливо объясняет ему, в чем он ошибается. У Саши особое умение разбираться в тактических основах воздушных боев.

4

Советские войска приближались к реке Молочной. Противник лихорадочно укреплял оборону.

Из штаба фронта поступило срочное задание – выяснить, подтягивают ли немцы к рубежу Молочной войска из Крыма. Исаев поручил его выполнять Покрышкину с его ведомым Голубевым.

Они взлетели утром. Маршрут Александру был очень хорошо знаком. Именно в этих местах два года назад он был подбит «мессершмиттами» и с огромным трудом вместе с отступающими войсками выходил из окружения.

Вначале они шли с противозенитным маневром, потом, набрав высоту, сблизились и пошли ровно. Пересекли Крым, развернулись и взяли курс на Мелитополь – главный опорный пункт немецкой обороны. На подступах к городу обнаружили колонны немецких войск, продвигавшиеся в сторону реки Молочной.

Потом пошли на запад от Мелитополя, обнаружили там несколько полевых аэродромов с самолетами на них, нанесли все данные на карту.

На обратном пути, недалеко от переднего края, встретили одиночный бомбардировщик «Ю-88», который, очевидно, тоже возвращался из разведки. Как потом сообщалось в сводке, отправленной в штаб дивизии, «в результате смелых и решительных атак, сочетая огонь с маневром, товарищ Покрышкин сбил «Ю-88». Атаку производил сзади, в хвост. Огонь вел с дистанции двести метров». Возвращался с разведки, не хотел рисковать добытыми сведеньями, потому и стрелял с дальней дистанции, так объяснил Саша свои действия Голубеву.

Он сидел в углу штабной землянки, готовил донесение о результатах разведки, когда вниз спустился Речкалов, срочно вызванный командиром полка.

– У твоей машины есть подвесные бачки? – спросил у него Исаев.

– Нет.

– А где же они?

– Бросил в Поповической, как все.

– Тогда возьми у Покрышкина. Пойдешь со своим ведомым на разведку в Крым.

– Из-за этих бачков лететь в самое пекло?! И на черта он таскает их за собой? – в сердцах выпалил Григорий.

Тут уж Покрышкин не выдержал. Он стремительно поднялся,

подошел к сидящему за столом Исаеву, положил перед ним свое донесение, потом повернулся к Грише и, глядя на него в упор своим острым ястребиным взглядом, отрезал:

– Хорошо! Я еще раз схожу с Голубевым на разведку. Но ты, Речкалов, запомни этот разговор. Когда наши отрежут Крым, я с этими «чертовыми» бачками буду перехватывать «юнкерсы» далеко над морем. И ты тогда не проси их у меня. Понял?!

Речкалов стоял в растерянности. Он не видел Покрышкина в углу землянки, «сморозил» глупость, чувствовал себя неловко и попытался было что-то объяснить, но Саша его уже не слышал – в проеме двери только мелькнула его широкая спина.

Едва Александр поднялся с ведомым в воздух, как вслед за ними вылетели наши бомбардировщики с заданием атаковать выявленные разведчиками аэродромы. Подобная оперативность радовала летчиков, они понимали, что за всем этим стоит умелое руководство воздушной армией со стороны ее командующего Тимофея Хрюкина.

Следующий день принес изменения в фронтовой обстановке. Корпус Кириченко неожиданно приостановил свое наступление, споткнувшись на оборонительном рубеже немцев севернее Большого Токмака. Немецкое командование тотчас же бросило на него большие группы бомбардировщиков. Представитель 8-й воздушной армии при штабе Кириченко вызвал для прикрытия войск истребители. На земле и в воздухе завязались ожесточенные бои. Все указывало на намерение немцев удерживать район Большого Токмака всеми имеющимися у них силами.

С утра, с разрешения командира полка, Покрышкин с ведомым вылетели на «свободную охоту».

Вначале им попалась «рама».

– Вижу слева выше «раму», – коротко доложил Голубев.

Покрышкин развернулся для атаки, а ведомый оттянулся, оберегая ему хвост. Приятно было летать с Георгием: он улавливал мысли командира на лету, мгновенно повторял его эволюции, обеспечивал ведущему свободу маневра, всегда занимая позицию по отношению к Покрышкину таким образом, чтобы иметь хороший конус обзора.

Атака! Немец вывернулся из-под огня, но выскочил прямо на Голубева. Очередь из пулеметов, и «рама» закувыркалась к земле. Почин сделан!

«Свободная охота» считалась у летчиков-истребителей высшей формой боевой деятельности. Не каждый для нее подходил. Иной пилот прекрасно дрался в групповом бою, отлично сопровождал свои штурмовики или бомбардировщики,

был достаточно зорок и внимателен в патрульной службе. Здесь его ободряло своеобразное «чувство локтя» – близость товарищей, голос авианаводчика, видимые позиции своих войск.

«Охотники» всего этого лишены. Вдвоем или вчетвером они уходили за линию фронта на большую глубину, устраивая нечто вроде воздушных засад и неожиданно для врага атакуя его самолеты, в самом зародыше разрушая планы немецкого авиационного командования. «Охотники» сбивали транспортные и штабные самолеты, терроризировали немцев на огромном пространстве. Сотни случайностей и непредвиденных обстоятельств встречали летчика в «свободной охоте». Надо было быть уверенным в себе, в своей машине, в своем напарнике и культивировать в себе чувство единоличного господства на обширном пространстве, чтобы быть настоящим «свободным охотником».

«Свободная охота» далась 16-му полку не сразу. Были «холостые» вылеты, когда пилоты возвращались на аэродром без результатов. Были и неудачи, когда враг успевал предупредить атаку охотников, и летчикам от нападения приходилось переходить к обороне, трудной и опасной, поскольку бои шли над вражеской территорией, далеко от линии фронта. Командир полка Исаев из-за этих первоначальных неудач пытался было совсем отказаться от «свободной охоты». Но не таков был Покрышкин, чтобы отступить перед трудностями.

Он продолжал упорно охотиться, воодушевляя своим примером остальных. Мало-помалу и другие летчики стали привозить «добычу». Фото-кинопулеметы фиксировали на пленке подбитые вражеские самолеты, подожженные эшелоны и автомашины. Изучая эти фотоматериалы, летчики восстанавливали картину боя и тут же вырабатывали новые, более действенные тактические приемы.

Свободный поиск летчики 16-го гвардейского полка вели не только в период затишья на фронте, но и в самое горячее время, когда казалось, что главная задача – это расчистка воздуха над полем боя. Тем самым летчики как бы раздвигали границы участка фронта, над которыми им приходилось действовать. Воздушное патрулирование, вылеты по вызову рации наведения и другие обычные формы работы командир 9-й гвардейской дивизии полковник Дзусов сочетал всегда с действиями нескольких пар «свободных охотников».

Сегодня все боеприпасы у охотников пришлось потратить на штурмовку немецких автомашин. Они уже возвращались, когда в наушниках послышалось: «Для «сотки»! Для «сотки»! Севернее Большого Токмака бомберы. Атакуйте!» Это передавала станция

наведения 8-й армии.

Пока они дошли до Большого Токмака, высота уже была набрана. С первого же захода Покрышкин поджег «юнкерс». На горке увидел, что на них кинулась шестерка «мессершмиттов».

Двое против шести, боезапасы на исходе – тут уже было не до бомбардировщиков. С трудом вырвались и ушли домой.

В ходе боя Покрышкин заметил, что «юнкерсы» подходили к Большому Токмаку с северо-запада, вылетая с аэродромов, расположенных где-то под Кировоградом. Раз так, решил он, то встречать их следует у Днепра, на дальних подходах к цели.

Едва они приземлились, как в полку появился комдив. Сначала он «разогрелся» на Исаеве, а потом взялся за Покрышкина – «ни черта не умеете воевать, плохо прикрываете конников» – гремел он. Дождавшись, когда Дзусов немного успокоился, Покрышкин вставил:

– Прикрываем как положено, товарищ командир.

– Что толку в таком прикрытии, – опять завелся полковник. – Вы или бродите где-то так, что вас не видно и не слышно, или «карусель» с «мессершмиттами» крутите. А «юнкерсы» в это время свободно делают свое дело!

Дзусов, судя по всему, получил свое от начальства и теперь раздавал подчиненным.

– Если мы и дальше так будем гудеть над кавалеристами, то хоть угробимся там все, все равно не остановим падающих бомб, – вновь возразил Покрышкин. – Бомберов надо ловить на маршруте, как мы это делали на Кубани. А для этого нас надо посылать не парами, а шестерками и восьмерками!

– Бросьте убеждать меня своими теориями! Патрулируйте как положено, чтобы я не выслушивал нарекания от командования! – заявил Дзусов и, махнув рукой от досады, пошел на КП.

А Саша, посмотрев ему вслед, почему-то вспомнил трудные времена сорок первого года, когда комдив Осипенко тоже кричал и посылал их на «Мигах» парами на прикрытие своих войск. Схватки с «мессершмиттами» всегда были неравными и редко кончались в нашу пользу. Но ведь тогда самолеты были слабее и их катастрофически не хватало, двум-трем пилотам приходилось летать на одном самолете. А сейчас? Что заставляет сейчас, на исходе сорок третьего года опять возвращаться к этой порочной тактике? И только ли это? А что делается в воздухе? Патрули не проявляют осмотрительности, плохо наблюдают за полем боя. Немцы часто обманывают нас. Высылают группы истребителей для очистки воздуха, которые не столько его чистят, сколько затягивают наши патрули на малые высоты, а в это время большие группы бомбардировщиков безнаказанно бомбят пехоту.

Развели кучу наводчиков. На Кубани мы знали только одного «Тигра»! А тут? Каждый командует, кричит, матерится. В эфире шум, гам. Рации забивают друг друга так, что невозможно подать команду своей группе. Черт знает что!

Вычислив время полета «юнкерсов», он подумал, что хорошо бы вылететь восьмеркой и встретить их на подходе, как полагается, но ведь Исаев не разрешит, он без указания из штаба ничего делать не будет.

После полудня, на свой страх и риск, Покрышкин вылетел четверкой. Второй парой шли Виктор Жердев с Костей Суховым.

Как он и рассчитал, «юнкерсы» появились на большой высоте со стороны Никополя и без прикрытия. Видимо, их группа расчистки уже была над передним краем.

Четверка «аэрокобр» еще до Большого Токмака набрала высоту и сейчас, сближаясь с бомбардировщиками, стремительно снижалась.

– Сомкнуться плотней! Бью ведущего! – подал команду Покрышкин.

В последнее мгновение ему показалось, что на крыльях стремительно приближающихся бомбардировщиков он различил красные звезды.

– Не стрелять! Наши!

Четверка истребителей нырнула под армаду. Как виденье над ними пронеслись желтые кресты.

– Немцы!.. – и от злости на себя командир ругнулся.

Резкий переворот. «Сотка» оказалась среди бомберов.

«Где ведущий! Вот он! – молнией неслись мысли в голове. – Поймать в прицел… Есть!.. Огонь!»

Он ударил со всего бортового оружия – пушки и шести крупнокалиберных пулеметов. В то же мгновение на месте бомбардировщика перед его истребителем возник огромный огненный шар. Здоровенный обломок обшивки немецкого самолета пронесся рядом, чиркнув по плексигласу кабины. Самолет врезался в огромный шар из пламени, его сильно тряхнуло, что-то ударило в обшивку. «Все… конец! – мелькнула в голове мысль… Нет еще. Все осталось позади, машина продолжала лететь. «Юнкерс» взорвался! Наверное, снаряд попал во взрыватель бомбы. Вот это рвануло! Такого со мной еще не бывало», – подумал Покрышкин.

Он крутнул головой: слева и справа шли бомбардировщики. Один из них горел, видимо, его поджег взорвавшийся сосед.

Саша довернул машину, поймал в прицел крайнего справа и дал очередь. Из крыла «юнкерса» вырвалась струя дыма. Немецкий пилот круто развернулся, свалился в пике и стал

уходить. Покрышкин бросился вдогонку, полоснул его очередью по левому мотору и добил. Сразу же резко бросил машину вверх.

Осмотрелся. Правее падал «юнкерс», подбитый парой Жердева. Чуть выше в небе висели парашютисты – экипаж подбитого бомбардировщика. «Вспомни Васю Островского, которого они безжалостно вот так расстреляли!» – всплыло в памяти. И пальцы непроизвольно нажали гашетку.

Из боя четверка вышла на последних граммах горючего. Сели на ближайшем аэродроме, домой вернулись только вечером. При осмотре машины были обнаружены многочисленные пробоины, на капоте и крыльях брызги масла, копоть.

На следующий день Дзусов передал им благодарность от конников за этот бой над Большим Токмаком.

5

Как-то незаметно подошла осень. На фронте очередное затишье. Для авиаторов отдыха, как всегда, не было: подъем по сигналу боевой тревоги – обычное явление. Особенно донимали пролеты над аэродромом дальних разведчиков. Они появлялись, как правило, в одно и то же время на большой высоте. Жизнь на аэродроме сразу замирала. Хотя «аэрокобры» неплохо маскировались, тем не менее, они могли быть обнаружены разведчиками, и потом по аэродрому мог быть позже произведен воздушный удар.

Подумав, Покрышкин решил устроить засаду. План сводился к тому, чтобы, используя немецкую педантичность, встретить немецких разведчиков где-то вдали от аэродрома. Исаев с предложенным планом согласился.

И вот утром, в строго определенное время, Покрышкин и Голубев, оба в кислородных масках, поднялись в воздух. Обычно «Ю-88» ходил на больших высотах, так что с земли иной раз его можно было заметить только по следу инверсии, белой полосой возникавшей в небе.

Планируя перехват, Покрышкин, против обычая, решил держаться не выше, а метров на тысячу ниже немецкого разведчика. Так удобнее было наблюдать.

Они ходили в намеченном районе довольно долго, но немца все не было. Покрышкин даже забеспокился: пропустили! Но вот зоркий Голубев со своей обычной точностью доложил:

– Идет. По курсу, выше…

Они не стали сразу бросаться на разведчика, решили – пусть немцы, если они даже и заметили «аэрокобры», думают, что русские их не видят и летят куда-то по своим делам. Получалось, что советские истребители как бы расходились с немецким разведчиком на встречных курсах, а плавный набор высоты, который наши начали производить, вряд ли был заметен для немецкого экипажа.

Так обе стороны двигались секунд сорок. За это время, по расчетам Покрышкина, немцы должны были успокоиться и считать, что русские их не преследуют. И вот, когда «Ю-88», продолжая лететь на восток, стал почти теряться из глаз в синеве неба, «аэрокобры» резко развернулись и отсекли ему путь отхода.

Сближение длилось довольно долго. Но Покрышкин не волновался: он был уверен в успехе. Так оно и случилось. Заметив за собой погоню, пилот «юнкерса» попытался ускользнуть от атаки «аэрокобр» резким снижением. Истребители устремились за

ним и стали пикировать с высоты восемь с половиной тысяч метров.

С дистанции в сто метров Покрышкин открыл огонь: сначала хладнокровно расстрелял стрелка, а потом перенес огонь на правый мотор. Не выходя из пикирования, немецкий самолет развалился на куски.

С того дня вражеские разведчики перестали летать над аэродромом.

6

В октябре бои под Мелитополем разгорелись с новой силой. Особенно упорными они по-прежнему были в районе Большого Токмака. 16-й полк часто менял в это время свою дислокацию, прикрывая то войска, штурмующие Мелитополь, то своих старых друзей – конников Кириченко, наступающих в направлении станции Пришиб. 23 октября Мелитополь был взят, фронт прорван.

Во время очередного перебазирования полка Исаев, самостоятельно пилотируя «Ут-2», при посадке дал такого «козла», что самолет после удара колесами об землю подскочил в очередной раз и перевернулся. Летевший с ним инженер полка Копылов отделался легкими ушибами, а самого командира врачи увезли в госпиталь. Таковы были на фронте последствия боязни летать и потери летных навыков.

На место происшествия очень быстро прибыл комдив Дзусов. Выслушав доклад Покрышкина, он подумал и сказал:

– Значит, Исаев в госпитале. И, видимо, надолго туда попал. Что ж, давай принимай полк и командуй!

Узнав о приказе комдива, все летчики дружно потянулись к штабной землянке. Крепким рукопожатием и простыми, сказанными от чистого сердца словами, они выражали свою радость и готовность во всем поддержать «своего Сашу».

Новая должность – исполняющий обязанности командира полка – возлагала на Александра большую ответственность, и он это прекрасно понимал. Но размышлять особенно было некогда, надо было действовать. Наши войска, преодолев оборонительные рубежи противника в районе Большого Токмака, возобновили наступление, и штаб дивизии потребовал обеспечить прикрытие с воздуха наступающих войск. Боевые группы одна за другой подымались в воздух.

Зато вечерами, как в старые «ивановские времена», каждая эскадрилья садилась в столовой за свой стол. Ужин начинался с краткого слова исполняющего обязанности командира полка, в котором, отметив, как прошел очередной рабочий день, он хвалил лучших, называл имена героев. Бессменный Масленников обеспечивал музыку. Все понимали, что они собирались, чтобы после напряженной боевой работы укрепить свой дух, поднять настроение, поддержать раненых, поздравить тех, кто завоевал боевую славу.

Освободив почти всю Северную Таврию, Южный фронт, переименованный в 4-й Украинский, с 20 октября, блокировал

противника в Крыму с суши.

Герой Советского Союза генерал-лейтенант Тимофей Хрюкин, один из самых молодых и талантливых командующих воздушной армией в Военно-воздушных силах страны, стремительно вышел из кабинета командующего фронтом Толбухина и энергичным шагом направился к выходу из штаба.

Этот невысокий, плотно сбитый любимец Сталина делал все так быстро, что даже его адъютант, молодой, крепкий лейтенант, не всегда за ним поспевал.

Вот и сейчас, «проспав» выход своего начальника из кабинета командующего фронтом, он бросился за ним бегом и вскочил на заднее сиденье «Виллиса», что называется, в последнее мгновение.

– На аэродром! – коротко бросил Хрюкин шоферу и, повернувшись к адъютанту, приказал: – Позвонишь в 16-й. Он только что перебазировался в Асканию-Нова. Сообщишь, что я вылетаю. Сам останешься на аэродроме и будешь ждать моего возвращения.

– Есть позвонить и ждать вашего возвращения.

К концу октября советские войска, очистив от немцев Таврию, устремились к Крыму. Конный корпус генерала Кириченко во взаимодействии с другими частями вышел к Перекопу. Встречными ударами немцы на некоторое время задержали продвижение конников, но части генерала Крейзера, сломив сопротивление гитлеровцев, форсировали Сиваш и захватили большой плацдарм в северной части полуострова.

Конники и пехотинцы повторяли путь героев Гражданской войны. Как их отцы и деды, шагая по грудь в холодной сивашской воде, таская на своих плечах ящики со снарядами и патронами, они бесстрашно продвигались вперед. По ним била немецкая артиллерия, их бомбили тяжелыми фугасами «юнкерсы», но они, шаг за шагом, упорно продвигались к плацдарму.

Генерал армии Толбухин потребовал от авиаторов во что бы то ни стало прикрыть Сиваш с воздуха и оказать помощь штурмовиками наступающим войскам.

Сидя в задней кабине легкого «По-2», рассеянно наблюдая за барражирующей вверху четверкой «Яков» сопровождения, Хрюкин размышлял о предстоящем разговоре. Он летел в полк, которым временно командовал известный летчик, настоящий ас, дважды Герой Советского Союза, более того, любимец командующего ВВС Новикова.

Но как он проявит себя в новом качестве, сможет ли справится со столь ответственным заданием – вот что беспокоило генерала. Он хотел сам познакомиться с полком и его

командиром, посмотреть, как там налажены дела, и, если понадобится, оказать помощь на месте.

«Говоришь, он молодой, – мысленно спрашивал себя генерал. И, словно желая рассеять все свои сомнения, сам же себе отвечал: – А сам-то ты что, старый? Вспомни, как ты начинал».

Действительно, в двадцать шесть лет он добровольцем отправился в Испанию, водил там на бомбежку фалангистов группы наших бомбардировщиков. В тридцать девятом попросился в Китай, бомбил там самураев, участвовал в сверхдальних, сопряженных со смертельным риском полетах на бомбежку Формозы, потопил однажды японский авианосец, и ничего. Бог не выдал и свинья не съела.

После Китая, даже не дав отдохнуть, ему приказали принять полк под Ленинградом. А там началась война с белофиннами. Окончил ее он командиром дивизии. Нынешнюю войну встретил командующим 12-й воздушной армией, и встретил достойно. В первый же день войны его летчики сбили тринадцать вражеских самолетов.

Потом был Карельский фронт, а в августе сорок второго, в самый трудный для страны период войны, по приказу Новикова он принял командование 8-й воздушной армией в Сталинграде. Никогда не забыть ему 23 августа, когда более двух тысяч немецких бомбардировщиков бомбили город. И он, собрав волю в кулак, твердо руководил своими немногочисленными частями. Именно там, в Сталинграде, он приобрел известность как мужественный, стойкий и выдержанный командир.

Так почему же новый комполка не справится с ответственным заданием?

За этими размышлениями незаметно пролетело время. «По-2» плавно пошел на посадку. Еще с воздуха Хрюкин успел заметить строй полка, вытянутый перед стоянками машин.

Весело пофыркивая мотором, маленький самолет приблизился к строю и, газанув мотором последний раз, замер в указанном ему месте. Командарм ловко выбрался из кабины, спрыгнул на землю и энергичным шагом направился к встречавшим его офицерам. Один за одним быстро сели истребители сопровождения.

Меж тем, с правого крыла строя послышалась команда:

– Смирно! Равнение на Знамя!

С левого фланга появился знаменный взвод с развевающимся впереди него алым знаменем. Четко отбивая шаг, знаменосцы прошли вдоль строя. В напряженной, торжественной тишине все всматривались в Боевое Знамя полка, под которым 16-й гвардейский полк прошел славный боевой путь.

Наконец знаменный взвод встал на правом фланге, и гвардии майор Покрышкин отдал командующему рапорт.

Потом они неспешно пошли вдоль строя, и командир полка представил личный состав.

Закончив знакомство, генерал вернулся к середине строя и обратился к летчикам с речью. Рассказав об обстановке на фронте, он поставил задачу: ни одна вражеская бомба не должна упасть на пехотинцев. Против них сейчас все – холодная вода, пули, снаряды и бомбы. Надо избавить их хотя бы от бомб. Для этого у полка есть силы и возможности, надо только проявить свое умение воевать.

Генерал закончил, начальник штаба подал команду: «Вольно», и личный состав, оживленно разговаривая, стал расходиться.

– Ну, майор, – обратился генерал к Покрышкину, – давай подумаем, как ты будешь выполнять поставленную задачу.

У Покрышкина уже все было готово, продуманно.

– Товарищ командующий, я уже над этим вопросом думал и готов сейчас вам доложить.

– Вот как! Ну, докладывайте.

– Я думаю так, товарищ генерал, – своей отрывистой скороговоркой заговорил майор, – если мы будем решать поставленную задачу путем обычного патрулирования, то тут потребуется не один, а несколько полков.

– Ну и что же ты предлагаешь?

– Одну эскадрилью выдвинуть к Сивашу, а остальные подымать по сигналу, как только появятся бомбардировщики. Но для этого мне понадобится радиолокатор РУС-2 и мощная радиостанция. И чтобы мне не мешал своими указаниями штаб дивизии…

Командующий сразу уловил его замысел.

– Радиолокатор обещаю и радиостанцию тоже. Завтра их сюда доставят. Ладно, давай пройдемся, посмотрим твое хозяйство.

С утра пошли вторые сутки, как полк перелетел в Аскания-Нова. Аэродром здесь был открытый – ни деревца, ни кустика. Но батальон аэродромного обслуживания уже энергично занимался сооружением укрытий для техники и личного состава. Опытным глазом генерал сразу заметил спокойную слаженность в работе техников и другого персонала.

Они остановились около одного из капониров.

– Леса нет, – вздохнул Покрышкин.

– Ройте больше щелей, – посоветовал Хрюкин. – А лес? Вон там, – он кивнул головой на видневшуюся на горизонте рощу. – Поищите там. Только рубите аккуратно. Ведь мы в заповеднике.

Используйте больше кустарник, прошлогодний камыш на берегу озера. Вот видишь, майор, теперь тебе приходится думать не только о том, как сбивать фашистские самолеты, но и как укрывать свои. Трудно?

– Справимся, товарищ генерал.

– Не сомневаюсь. Теперь вот что, надо проследить, чтобы в штабе своевременно писали аттестации на людей, чтобы летчики без задержки получали очередные звания. Во время войны люди всегда нуждаются в проявлении к ним внимания. Ты это должен хорошо знать по своему опыту. Уметь командовать – необходимое качество любого начальника. Но не менее важно уметь по достоинству оценить подчиненного и вовремя его поощрить.

Они обошли еще несколько стоянок, где генерал побеседовал с летчиками и техниками. Потом направились к его самолету.

– Товарищ генерал, летный состав у нас в полку плохо обут, – заговорил о наболевшем Покрышкин. – Сапоги у всех так износились, что у летчиков просто неряшливый вид.

– Почему же не замените?

– Интенданты не дают. Говорят, «срок не выносили».

– Срок? – удивился Хрюкин. – Разве летчики виноваты, что здесь распутица и месяцами им приходится месить грязь?

– И мы так говорим, но интенданты нас не слушают.

– Сапоги будут!

Хрюкин крепко пожал майору руку и сел в кабину своего самолета.

Покрышкин ему понравился. Деловит, перед начальством не суетится. Оставалось дождаться, как он проявит себя в деле.

7

– Федорова на КП! – объявил посыльный в общежитии.

Капитан Аркадий Федоров, крепкий парень, бывший шахтер, уже опытный летчик, быстро подхватился и побежал к штабу. Первое, что ему бросилось в глаза, когда он спустился в землянку, была фигура Покрышкина, склонившегося при свете коптилки над картой. В полумраке неясного освещения на груди майора тускло поблескивали две «Золотые Звезды» Героя.

Федоров доложил о своем прибытии.

– Садись! – кивнул Покрышкин на табурет и опять погрузился в изучение карты. Наконец, видимо, все обдумав, он поднялся и, прохаживаясь по землянке, отрывисто заговорил:

– Значит так. Задачу ты знаешь – прикрыть Сиваш. Ты со своей эскадрильей сейчас вылетишь в Дружелюбовку и будешь там дежурить. С появлением на горизонте немецких бомбардировщиков будешь выпускать в воздух дежурное звено. Его задача – сковать истребители прикрытия. Бензозаправщики и машины с боеприпасами уже туда направились. Там БАО организует площадку к твоему прибытию и питание для летчиков. Понятно?

– Понятно. А как действовать дальше?

– Мы будем отсюда вести наблюдение с помощью локатора. Он позволит нам обнаруживать бомбардировщиков задолго до их подхода к линии фронта. Я буду выпускать в воздух основные силы, ориентируясь на данные локатора, и звонить тебе, чтобы ты подымал в воздух оставшихся. Понял?

– Понял. Можно действовать?

– Давай.

Покрышкин прекрасно понимал, что с Хрюкиным надо работать четко и собранно. Слова командующего перед отлетом: «Вы взяли на себя большую ответственность», – были отнюдь не пустым сотрясением воздуха. Совсем недавно за неудачный бой против «хейнкелей» командующий приказал отдать под суд командира полка и командира атаковавшей группы.

Уже через час планшетист сообщил об обнаружении в воздухе немецких бомбардировщиков. По сигнальной ракете в воздух поднялась эскадрилья Речкалова. К моменту подхода немцев они уже были над Сивашом. Несколько минут спустя в воздух поднялась группа Федорова.

Конвейер наладился довольно быстро. Если Покрышкин вылетал с группами Клубова или Еременко, он руководил боем по радио, ориентируясь в обстановке с помощью локатора.

Необходимость в непрерывном патрулировании над Сивашом отпала. Четкость поступающей информации позволяла в нужный момент концентрировать над проливом крупные силы истребителей. А летчики из эскадрильи Федорова ухитрялись даже в вечерние сумерки перехватывать немецкие бомбардировщики.

…Они взлетели шестеркой, получив данные о подходе немецких бомбардировщиков. Никак не могли их визуально поймать. Наконец в синеве неба глаз поймал стаю самолетов, за ней еще и еще.

Клубов сразу же передал по рации на КП Покрышкину о подходе не одной, как предполагалась, а трех девяток бомберов. С ними, конечно, были «мессершмитты». То, чего Клубов больше всего опасался, случилось – противник оказался выше его шестерки, не успевшей после взлета набрать высоту.

Он весь сосредоточился на одном: как можно скорее набрать высоту, без нее «юнкерсов» не достать. Мотор его «аэрокобры» работал во всю мощь.

Он чувствовал, как от волнения бьется сердце. Казалось, что своими ударами оно трясет самолет, и от этого мотор дает перебои. «Как там остальные? Жердев с Суховым сумели забраться намного выше. Прекрасно! Они скуют истребителей. Табаченко со мной, Труд с Олиференко держатся несколько в стороне. Все правильно. Ребята приготовились к жестокой неравной схватке».

Сближение на встречных курсах шло очень быстро. «Мессы» уже заметили шестерку «аэрокобр» и неторопливо отходят в сторону солнца, маскируясь в его лучах и как бы специально подставляя своих бомбардировщиков русским. «Старый прием! Они рассчитывают, что мы будем атаковать бомберов в «лоб». Нет, друзья, мы не дураки лезть на мощное вооружение!»

«Ю-88» были уже близко. И тут Клубов окончательно убедился, что при встрече его группа окажется ниже их. «Как быть, – быстро соображал он. – Если будем набирать высоту, мы опоздаем, и они сбросят бомбы на переправу. А потом? Потом проскочим их и уже не в силах будем догнать. Опасно! Тут надо действовать только наверняка!»

От всех этих мыслей его пробивал озноб и появлялось нетерпение – так и хотелось поднять нос «аэрокобры» и ударить в лоб.

– Разворот на 180! – подал он команду.

Четверка развернулась и пошла с бомберами параллельным курсом. Клубов выжидал, хотя выжидать было просто страшно: с каждой секундой противник приближался к переправе.

Немцы летели как на параде, красиво и грозно. От их спокойствия и на наших накатывала предательская волна неуверенности. Но нет, не так уж они спокойны. Пулеметы стрелков развернулись в сторону «аэрокобр», и наиболее нетерпеливые уже начали стрелять. Белые нити трасс гасли в воздухе, не доставая истребителей. «Значит, все-таки нервничают. Это хорошо. А что делают «мессеры»? Почему не нападают? Вон в чем дело. Хотят подловить нас, когда мы пойдем в атаку на бомберов. С высоты они моментально проглотят нас, а если мы уклонимся – потеряем время и позволим «юнкерсам» прицельно отбомбиться. Дальше ждать нельзя – надо спровоцировать немецких истребителей».

– Андрей, к «юнкерсам» чуть подойдем. Пока не атакуй, жди команды! Мы с Табаком берем первую, тебе вторая! – передал Клубов по рации Труду.

– Понятно! – послышался в наушниках отрывистый голос Труда. – А кому третья?

– Это – потом!

Едва они подвернули к «юнкерсам», как немецкие истребители, словно цепные псы, сорвались с привязи. Наперерез им бросились Жердев с Суховым, но немцы, тертые калачи, быстро разобрались, что к чему. Пара их осталась с Жердевым, а четверка устремилась вниз.

«Их – восемь, – считал Клубов. – А где же еще пара? Ага, вон она, наверху, готовая в любую секунду прийти на помощь своим. Хорошо, сволочи, продумали маневр: на каждую «аэрокобру» послали одного своего, держа двоих в резерве. Они навязывают нам бой на вертикалях. У них высота, скорость, да и «мессер» силен в вертикальном маневре. Нет, на вертикальный маневр мы не пойдем, будем вести бой на виражах, а там посмотрим, чья возьмет».

Четверка немецких истребителей пошла в атаку одновременно. «Вот оно – решение вопроса, – мгновенно осенило Клубова. – Выход из-под удара «мессеров» станет началом нашей атаки против «юнкерсов». Только бы точно рассчитать: опоздаем – сразу попадем под огонь «мессеров», поторопимся – они успеют подвернуть и атакуют нас при сближении с бомбардировщиками. Что там наверху?»

Вверху Жердев схватился с парой «мессершмиттов». Два других, прячась в лучах солнца, продолжали выслеживать себе жертву.

Четверка «мессеров», разогнавшаяся на снижении, уже зашла в хвост нашей основной группе. Пора!

– Атакуем! – подал команду Клубов.

Резким маневром он вывернулся из-под удара «мессера» и нырнул под головную группу «юнкерсов». Труд – нырнул под вторую. «Мессеры», развив большую скорость на пикировании, проскочили мимо.

Клубов ощутил себя словно под какой-то темной, зловещей крышей. Исчезло солнце, лишь черные, зловещие кресты уставились на него со всех сторон. Он сбросил скорость, и ему показалось, что его машина застыла на месте, не двигается. Чуть приподняв ее нос, он упер его прямо в мотор «юнкерса». Очередь. Из флагмана посыпались какие-то куски, он шарахнулся влево и ударил крылом соседа. В то же мгновение из него полетело вниз что-то черное, хвостатое. Бомбы! Инстинктивно Клубов бросил машину вниз и в сторону. Пронесло! Теперь можно осмотреться.

Первая девятка бомбардировщиков, освободившись от бомб, стала поспешно разворачиваться назад. Вторую группу разгоняют Труд с Олиференко. И только третья продолжает лететь прежним курсом.

Табаченко, прикрывая Клубова, схватился с двумя «мессерами». Пока он их удерживает, но долго такая игра продолжаться не может. Надо ему помочь!

Заметив приближающуюся «аэрокобру», «мессы» бросили Табаченко и ушли на солнце.

Хорошо видно было, как немецкие истребители, словно птицы, отряхиваясь от дождя, перекладывают машины с крыла на крыло, выбирая момент, чтобы снова броситься сверху на «кобры».

Пока они приводили себя в порядок и осматривались, Клубов с Табаченко повернули к третьей группе бомбардировщиков. И тут Александр заметил на подходе уже четвертую стаю, летевшую ниже первых трех, рассчитывающую, очевидно, в сумятице боя незамеченной проскочить к переправе.

– Тигр! Тигр! Я Сокол! Срочно нужна помощь! – передал Клубов на КП. Теперь только бы Покрышкин не опоздал.

Пара «мессеров», до сих пор сидевшая в засаде и высматривающая добычу, кинулась на Труда с Олиференко. Занятые боем, они ничего не замечали вокруг. Александр даже растерялся – то ли своих ребят выручать – «мессы», судя по всему, пилотируют асы и своего они не упустят, то ли продолжать атаковать третью и четвертую группы бомбардировщиков.

Взглянул наверх: вокруг Жердева с Суховым уже носился целый рой «мессершмиттов». Очевидно, немцы запросили помощь, и она уже прибыла. Слетанная пара наших держалась молодцом.

Все, больше ждать нельзя. Так и не успев передать Табаченко

команду заняться четвертой группой бомбардировщиков, Клубов бросился на выручку Труду.

Ему хорошо было видно, как Андрей сблизился с отставшей от группы тройкой «юнкерсов», пытавшейся прорваться к Сивашу, и в упор расстрелял ее ведущего. Но он также видел, как желтое, тупое рыло «мессершмитта» уже подворачивалось к машине Труда. «Неужели не успею?» – в отчаяньи подумал он.

От огромной перегрузки на вираже у него потемнело в глазах, но даже ничего не видя, он изо всех сил продолжал вращать самолет, рассчитывая, что интуиция его не подведет, что расчет будет точным и он окажется в хвосте фашиста. Наконец в глазах стало светлеть, и он с радостью убедился, что нет, он не ошибся в расчете, более того, немец уже был в перекрестье его прицела, но вот беда, Труд был на той же линии. А впереди горящий «юнкерс».

«Пулеметом!» – Он нажал гашетку и просто физически ощутил, как его трасса, словно шпага, пронзила «мессера». Мелькнул язычок огня, «худой» окутался дымом. Но из машины Андрея тоже выскочили искры, показался черный дым.

Труд прыжком отскочил в сторону, и дымя, круто начал снижаться. Успел-таки «мессер» его достать. «Где Олиференко? Он должен сейчас прикрыть своего ведущего, иначе немцы его добьют!»

Клубов лихорадочно крутнул головой. Но где там, Олиференко, сам связанный «мессершмиттами», вертелся, как вьюн, и никому помочь не мог.

– Меня охранять не надо: выйду из боя сам, – раздался в наушниках голос Труда, уже оценившего обстановку.

«Черт, как быть с третьей группой «юнкерсов», – занозой в голове мысль. Клубов рассчитывал разбить ее вместе с парой Труда, а потом прийти на помощь Табаченко и завершить разгром бомбардировщиков, но атака немцев на Андрея нарушила все его расчеты.

Меж тем третья группа была уже близко от переправы, и раздумывать уже было некогда. Клубов бросился на нее. Вся девятка бомберов, словно слитая из одной глыбы металла, приближалась к Сивашу. «Только бы сзади меня никто не атаковал», – успел подумать Клубов, как в наушниках раздалось:

– Сокол! Атакуй бомберов! Тебя прикрываем!

«Саша Покрышкин пришел», – подумал он, и на душе потеплело. Теперь можно действовать спокойно. Он оглянулся, пытаясь понять, какую позицию заняла пара Старчиков-Торбеев из эскадрильи Федорова, но толком ничего не рассмотрел, потому что третья стая бомберов была уже у него над головой. Пришлось

мотором притормаживать свой истребитель.

Поймать в прицел задний «юнкерс» было делом одной секунды. Огонь из всего бортового оружия, и бомбардировщик камнем пошел к земле. Не теряя времени, он ударил по второму, третьему… Они, словно стадо коров на выпасе, кинулись в разные стороны. Один замешкался, и этого оказалось достаточным, чтобы получить очередь по мотору. Пытаясь выскользнуть из прицела, «юнкерс» кинулся вниз, но разве может уйти от истребителя такая неуклюжая махина? Пушка ударила безотказно.

Швырнув «аэрокобру» точно мячик вверх, Клубов вышел из атаки. Теперь был черед Старчикова с Торбеевым.

Оглянулся. Небо очистилось от вражеских истребителей. Внизу Табаченко с подоспевшей на помощь парой «аэрокобр» разгоняли остатки четвертой девятки «юнкерсов». На земле пылало несколько костров. По ярко-красному огню с траурной окантовкой легко было догадаться, что это горели упавшие на землю самолеты.

Азарт боя прошел, он стал успокаиваться и подводить итоги. Задачу выполнили, но какой ценой. Жив ли Труд? Он успокаивал себя тем, что бой пришлось вести парами, а потом и в одиночку, но тут же представлял, какой нагоняй будет от Покрышкина. Ведь фактически каждый действовал самостоятельно, вдали друг от друга. Нарушили установки группового боя.

По рации он передал, чтобы все шли на переправу, но «земля» разрешила возвращаться домой.

Вот и посадочный знак. Самолет, словно обрадовавшись, что бежит наконец по земле, ведет себя безупречно. Несколько минут, и машина в капонире.

Первым на крыло забрался Виктор Жердев:

– Ну как, цел?

– Цел, а ты?

– Самолету немного досталось.

– А как с остальными? – забеспокоился Клубов.

– Все возвратились.

– И невредимы?

– У Табаченко несколько пробоин от «Юнкерсов». Но это ерунда: на час работы технику. Сильно пострадала машина Труда.

– Сам-то он цел?

– Герой, вон собрал вокруг себя молодых, рассказывает им…

Клубов выбрался из кабины самолета, и они пошли к собравшимся вокруг Труда летчикам. Судя по всему, Андрей уже заканчивал свой рассказ:

– И вот, когда положение казалось мне совсем безвыходным,

тут и появился «сотый». Скажу вам, братцы, это мгновение, когда один «мессер» из этой волчьей стаи вдруг на моих глазах развалился на куски, а все остальные шарахнулись от меня в стороны, как от прокаженного, и рядом мелькнула «аэрокобра» с номером «100» на фюзеляже, а потом свечой ушла в небо, это мгновение не забуду, наверное, до самого гроба. А далее, словно поддерживая своим крылом мою израненную машину, он привел меня на аэродром. После посадки Саша подошел ко мне, осмотрел мой избитый самолет и сказал только одно слово – «слабак». Правда, потом добавил: «Так и убить могли, соображать надо».

– Хватит травить. Пошли, «слабак», на разбор полета, – подал голос Клубов.

Все обернулись и рассмеялись. Андрей тоже улыбался. Они смотрели друг на друга и радовались, что, несмотря на такой тяжелый бой, все остались живы и здоровы.

Итог боя: девять вражеских машин уничтожены и три подбиты… Успех объяснялся правильными тактическими приемами. Никто ни словом не обмолвился о самом главном – о боевой спайке и взаимовыручке. Боевая дружба стала для них такой же потребностью, как необходимость в полетах. В бою особенно отличился Табаченко, действия же командира группы при докладе оценит Покрышкин.

8

Погода периодически портилась, облачность опускалась до 100-200 метров над уровнем моря, и воздушные схватки над Сивашом прекращались.

В один из таких ненастных дней Покрышкин вызвал Голубева:

– Готовься, будем охотиться над морем. Солнца нет, ориентироваться будем по компасу. Над морем с курсом 180 обрати внимание и запомни, под каким углом к оси полета, то есть фюзеляжу, идут волны. Они хорошо заметны по барашкам. В случае, откажет компас – можно таким способом выйти к своему берегу, а то улетим куда-нибудь к берегам Турции.

В полку знали, что в плохую погоду немцы, маскируясь облачностью, интенсивно летают между Одессой и Крымом.

Они взлетели и на небольшой высоте направились в сторону моря. Под крылом замелькали раскисшие дороги, безлюдные села – Чаплинка, Колончак, Скадовск. Потом пронеслась Тендеровская коса, и вот оно, море. Хорошо видны пенистые загривки волн. Серая, однообразная гладь. Она словно гипнотизировала – терялось восприятие окружающего, даже шум мотора слышался плохо. Усилием воли они сосредоточились на показаниях приборов, пытаясь освободиться от наваждения, но и стрелки приборов вдруг угрожающе сдвинулись к критическим отметкам, мотор загудел вроде бы не так…

Чертовщина какая-то! Тряхнув головой, Александр пришел в себя, запросил Голубева, – все ли у него в порядке. Получив подтверждение, что все в норме, приказал поменять курс, от берега уже отошли на довольно большое расстояние. Сменили раз, два, три… Пусто. Может, немцы решили сегодня не летать?

Он появился неожиданно, под самыми облаками. Огромный, трехмоторный «Юнкерс-52». Теперь только бы незаметно к нему подобраться. Саша опустился к самой воде и стал неспешно подкрадываться к транспортнику. Вот он уже в мертвой зоне. Экипаж наверняка не предполагает, что в такую погоду истребители решатся летать над морем.

«Какая все-таки махина! С такими еще не доводилось встречаться», – мелькнула в голове мысль.

Он хорошо знал их по описаниям: машины с малой скоростью, без брони, защитные пулеметы только сверху и по сторонам. Подходи сзади, снизу, и ты недосягаем. А гореть они должны, как бензиновые бочки.

Саша подошел поближе. Видно, как из моторов

выплескивались блеклые струйки пламени, подсвечивая большие толстые крылья с зловещими черными крестами. При виде фашистских опознавательных знаков внутри пробежал холодок и все тело напряглось, словно изготовилось к удару.

Пора! Саша нажал гашетку, но пушка и крупнокалиберный пулемет молчали. «Черт меня дернул лететь на машине Исаева», – ругнулся про себя Покрышкин, еще раз пожалев, что на его верной «кобрятке» отказала рация.

Он вновь прицелился, нажал гашетки пулеметов на крыльях и выпустил длинную очередь. Из крыла «юнкерса» показался огромный, черно-красный язык и, словно испугавшись, тут же исчез. Транспортник совсем опустился к воде, но после второй очереди наконец загорелся и плюхнулся в море. Раздался взрыв, по воде стало расплываться пламя. Все, один готов! Начало положено.

Воодушевленные, они вновь приступили к поискам и уже через несколько минут встретили другой «юнкерс». Не успел Покрышкин решить, как его лучше атаковать, как вдали показалась целая группа самолетов. Заниматься ими было не с руки, кончалось горючее. Саша решил, что для первого случая достаточно будет и двух, а с остальными придется отложить до следующего раза.

Второй «юнкерс» свалился в воду после первой атаки. Домой они вернулись в хорошем настроении, сразу же отдали пленку на обработку. Когда ее проявили, все летчики с любопытством стали разглядывать кадры, запечатлевшие горящий «юнкерс» и его падение в воду.

– Саша, дай бачки. Хочу тоже слетать, – загорелся стоявший тут же Речкалов.

– А твои где?

– Ну вот, запел старую песню, – обиделся Григорий. – Сам же знаешь, что оставил их в Поповической.

– Тогда ты спой новую, ту, что ты пел в землянке…

– Злая у тебя память, Саша!

– Не злая, а строгая! Я предупреждал тебя, что бачки нам понадобятся…

Речкалов совсем расстроился. Саша, обняв его за плечи, сказал:

– Подожди немного. Вот слетаю еще несколько раз, уточню маршруты, тогда полетишь и ты, и другие.

Григорий хотел что-то сказать, но тут подбежал техник.

– Товарищ командир! Привезли сапоги и уже начали их кому попало раздавать!

– Как так?

– Говорят, что из штаба дивизии приказали в первую очередь выдавать сапоги связистам, писарям и машинисткам.

Все сорвались и, перегоняя друг друга, понеслись на склад. Когда подбежал Покрышкин, новенькие «кирзачи» уже пошли по рукам штабистов.

– Отставить! – скомандовал майор. – Погрузить все сапоги обратно на машину! В первую очередь новые сапоги получат те, кто месит грязь на аэродроме. В помещении можно посидеть и в старых. Начальник штаба, проследите! – Он повернулся, кивнул стоящему тут же Голубеву, и они пошли к самолетам. Через полчаса летчики были над морем. На этот раз ситуация повторилась, и они вновь уничтожили «юнкерс», причем на том же месте. Сомнений не было – действительно, ими была найдена трасса постоянного курсирования немецких самолетов. Теперь нужно найти у моря подходящую площадку, посадить на нее звено истребителей, и они начнут «щелкать» «юнкерсов», как орехи.

Едва они приземлились, как Чувашкин сообщил:

– Товарищ майор, вас комдив просил срочно позвонить. Говорят, больно грозен…

Покрышкин заторопился на КП.

– Товарищ командир, Покрышкин докладывает. Спрашивал меня?

– Ты почему без моего разрешения вылетел? – загремел в трубку Дзусов.

– Так воевать вроде никому не запрещено, товарищ комдив.

– А тебе вот я запрещаю летать на море!

– Как так?

– А вот так. Другим можно, а тебе нельзя!

– Товарищ комдив, там, над морем, немецкие самолеты целыми стаями ходят…

– Все равно. Одна пуля попадет и… У нас дважды Героев немного. Вон Борис Сафонов так и погиб…

– Она везде может быть, эта пуля…

– Отставить возражения! Командующий армией тебе запретил, понял?.. Да, вот еще что: мне тут доложили – партизанишь, орел?!

Покрышкин сразу догадался, что он имеет в виду, но схитрил:

– Не понял, товарищ комдив.

– Не понял… Ты все хорошо понял! Почему наши команды отменяешь?

– Я же просил у командующего для полка, товарищ комдив. Ребята разутыми по аэродрому ходят, а сапоги начали

распределять среди штабистов.

– Вон оно что! Ну, тогда правильно сделал. Завтра быть у меня к десяти часам!

– Есть быть к десяти часам. – Подумав о запрете комдива летать над морем, Покрышкин решил, что Дзусов просто перестраховывается. Он не знал, что комдив только что получил от командарма Хрюкина указание подготовить представление на присвоение Покрышкину третьей звезды Героя, что робкие возражения Дзусова о том, что такого в Советской Армии еще не было, что наверху их могут неправильно понять, было решительно отвергнуто заявлением о том, что он, Хрюкин, уже обо всем договорился с командующим фронтом Толбухиным и членом военного совета фронта, а если понадобится, то и самому товарищу Сталину может позвонить. Командарм был очень доволен организаторскими способностями Покрышкина как командира полка и его опыт прикрытия наших войск при форсировании Сиваша предложил использовать во всех авиационных частях.

На следующее утро, несмотря на запрет, Покрышкин с Голубевым все-таки слетали на море, но вернулись ни с чем – погода стояла такая, что, видимо, и немцы перестали летать.

К десяти часам, как было приказано, Александр явился в штаб дивизии. Там уже было весело, звучали оживленные голоса, в том числе и женские. «Гости у нас», – шепнул ему на ходу дежурный.

Действительно, в кабинете комдива, за столом, уставленным закусками и бутылками с водкой, сидели несколько незнакомых гражданских мужчин и женщин – делегация из города Мариуполя, имя которого присвоили 9-й гвардейской дивизии после его освобождения.

Покрышкина представили и предложили место за столом. Тут же подняли тост за героев, и одна бойкая женщина, сидевшая рядом, захотела непременно чокнуться с дважды Героем, на память, так сказать.

Саша попытался отказаться, ссылаясь, что сегодня еще надо лететь на задание, но где там. Подвыпившие гости навалились с уговорами: «командир отменит задание», «ради встречи», «я была о летчиках другого мнения», даже всегда строгий Дзусов, и тот подмигнул – выпей, чего там! Пришлось согласиться и выпить стакан водки.

Он просидел с гостями около часа. Заметив, что в окне посветлело, он вежливо со всеми простился, пригласил в гости в свой полк и отправился на аэродром.

Там его уже ожидал Речкалов – они договорились слетать на

«охоту» и, если получится, заглянуть на немецкий аэродром под Одессу, где, по данным разведки, собралось много самолетов.

Взлетели нормально. Облачность по-прежнему была низкой, небо затянуто грязно-серыми облаками. Над морем немецких самолетов не оказалось, и они взяли курс на Одессу. Уже было известно, что ночью должен состояться налет наших бомбардировщиков на эту базу, поэтому неплохо было побеспокоить немцев пораньше. Аэродром охранялся многочисленными зенитными батареями, пройти к нему незаметно было непросто.

Решили схитрить. Набрав высоту, пересекли линию фронта и взяли курс в сторону солнца, стали как бы обходить немецкий аэродром стороной. Быстро на скорости выполнили этот маневр и оказались перед целью со стороны солнца, полагая, что теперь удастся незаметно подкрасться к аэродрому.

В этом районе небо было чистым. Когда вдали показалось чуть окрашенное розовой дымкой заката летное поле аэродрома и стали заметны слегка искрящиеся под лучами солнца фонари кабин немецких самолетов, они убрали обороты своих моторов и какое-то время планировали бесшумно. «Пора!» – подал команду Покрышкин, и две «кобры», войдя в отвесное пике, словно две стрелы, выпущенные из тугого лука, понеслись вниз.

А на немецком аэродроме шла обычная кропотливая жизнь. С посадочной полосы рулил на стоянку только что приземлившийся «хейнкель», несколько самолетов ходило по кругу, ожидая своей очереди на посадку, на стоянках в образцовом порядке расположившиеся самолеты обслуживали бензозаправщики, возле них копошились техники и мотористы.

В эту обычную «мирную» жизнь внезапно ворвались звуки пушечно-пулеметных очередей. Речкалов стрелял по самолетам, готовившимся к посадке, Покрышкин ударил по цистерне с горючим. Очередь! Очередь! Еще очередь! Пулеметная трасса, словно огненная струя, прошила бензовоз. Взрыв! Два красноносых истребителя на бреющем пронеслись над аэродромом и свечами ушли на высоту.

Покрышкин оглянулся: немцы в панике бегут, падают на землю, торопятся укрыться. У посадочного знака груда обломков от только что сбитого Речкаловым бомбардировщика. Все в панике. То, что надо!

Переворот, пике, новая атака… Теперь трассы тянутся к самолетам на стоянке, к другим бензовозам, к складу с боеприпасами. Взрывы… Огонь по земле…

Очередь! Очередь! Очередь! Хотелось их бить и бить. Маленькие советские истребители, словно кнутами, хлещут по

телу целого воздушного флота… На аэродроме полная растерянность…

Однако пора уходить. Немцы начали оправляться. Сообразив, что в небе только два истребителя, они кинулись к зенитным установкам, к стоянке «мессершмиттов», один из них даже попытался взлететь, но Речкалов срезал его очередью на разбеге.

«Довольно! Уходим!» – скомандовал Покрышкин.

Крутой вираж, еще один, и истребители исчезли в небе. На обратном пути они решили проверить дорогу вдоль моря. По ней к Николаеву двигался сплошной поток автомашин. С первой же атаки Саша поджег бензовоз, на дороге образовалась пробка. Сделав второй заход, он прицелился в легковую машину.

Нажал на гашетку. Что такое? Очередь впилась в землю рядом, подняв фонтанчики земли от разрывов крупнокалиберных патронов. Чертова водка, она таки дала о себе знать, повлияла на расчет при прицеливании! Саша встряхнулся, собрался и ударил еще раз. Теперь все было в порядке – легковушка вспыхнула, как спичечный коробок.

Домой добрались без приключений. Сели, зарулили в капониры, заглушили моторы. Саша закрыл глаза, сразу зарябили самолеты на аэродроме, замелькали машины на дороге, бегающие фигурки немцев… Во всем теле усталость, не хотелось двигаться, говорить…

– Неплохо, а, Саша?

Это над ним склонился Гриша Речкалов. Лицо раскраснелось, глаза блестят. Он доверчиво улыбается, от былых обид не осталось и следа.

– Ты обедал, Саша?

– Нет.

– Я тоже. – Он показал рукой в сторону столовой. – Пойдем, перекусим.

В комнате отдыха, служившей одновременно столовой, в углу для них оставили на столе еду. С аппетитом съели по тарелке борща, по миске каши с мясом и запили компотом.

Вышли на улицу. Уже вечерело.

– А давай-ка мы зайдем в общежитие, посмотрим, что там наши ребята делают, – предложил Покрышкин.

– Давай, – охотно согласился Речкалов.

Пока добрались до барака, совсем стемнело. Из окошка виднелся тусклый свет. Они вошли в коридор и сразу услышали голос Кости Сухова:

– Ну поболтали мы с девушками и пошли домой, уже подошло время отбоя…

– А может вам девчата дали отбой? – с невинным видом

поинтересовался Труд.

– Возможно и так, – согласился Костя, продолжив: – Мы с Жердевым перед походом к ним для храбрости немного выпили…

– Чего? – опять перебил кто-то.

– Спирта, чего ж еще. Ну вот, значит, бредем, шлепаем по лужам. Дождь ведь прошел. Вокруг темень – хоть глаз выколи. Идем, идем и вдруг на что-то натыкаемся. Что за наваждение? Щупаем – оказывается, проволочная сетка. Решили через нее перелезть. Мы были уверены, что идем в правильном направлении. Жердев начал взбираться в одном направлении, а я в другом. Спрыгнув на землю, я шагнул вперед и вдруг вижу: передо мной два огромных горящих глаза, как у совы, а над ними рога. Я назад к изгороди – рога за мной. Я подскочил к сетке, уцепился за нее руками и только стал подтягиваться, как вдруг эти рога как дадут мне под зад! Меня словно катапультой перебросило на другую сторону сетки. Оглянулся – вижу, в сетку уперся мордой козел, архар какой-то. «Костя, тут бизоны!» – кричит мне Жердев. Бросился ему на помощь. Смотрю – его тоже что-то взметнуло и он как шлепнется возле меня… Ну, думаю, дела-а!

Летчики дружно закатились смехом. Когда они немного успокоились, Сухов продолжил:

– Поднялись, значит, мы и стали себя осматривать. Как будто все цело, только и у меня и у Жердева новенькие галифе оказались на заднице распоротыми. Пришлось просить девчат зашить эти чертовы прорехи…

– Хороши кавалеры! – послышался знакомый Покрышкину голос.

«Березкин! Славка Березкин здесь!» – обрадовался он.

– Да, ребята, дорого обошлось нам это свидание, – продолжал Сухов. – На следующий день мы еле откопали трофейные золотые часы Жердева – так этот проклятый бизон втоптал их в землю… Так что ты, Славка, мотай на ус и хорошо запомни тропки, по которым придется ночью ходить!

– Нет уж, хватит с нас двоих гуляк! – раздался голос командира. – Березкина я вам не отдам!

Все живо повернулись в сторону входивших в барак Покрышкина с Речкаловым.

– А я и не собираюсь с ними объединяться, товарищ гвардии майор! – воскликнул Слава, вскакивая с нар.

Еще более похудевший, чем раньше, взволнованный, он тут же стал рассказывать о своих приключениях в госпитале.

– … А во время комиссии, товарищ гвардии майор, – с гордостью закончил Слава, – я вертел рукой, а у самого аж искры

летели из глаз от боли. Но я держался, виду не подавал. Мне предложили месячный отпуск, но я отказался, потому что решил сразу же вернуться в свой полк…

– Хочешь летать? – спросил Покрышкин.

– Хочу! – твердо ответил Березкин.

По тому, как блестели его глаза, с какой завистью он посматривал на Жердева и Сухова, видно было, что теперь его не остановить. Ведь они прибыли в полк вместе, а у друзей на груди уже было по ордену. «Милые вы мои, глупые пацаны, – с отеческой нежностью думал о них Покрышкин, – никуда от вас эта проклятая война не денется». Но вслух, как всегда, коротко бросил:

– Пока отдыхай, там посмотрим!

На следующий день Речкалов со своим ведомым отправился на охоту в море, и где-то в районе Одессы они сбили летающую лодку «Савойя».

А Покрышкин решил потренировать Березкина. Сначала они сделали несколько кругов в районе аэродрома, потом пошли на прикрытие войск. Первый блин вышел комом: у Березкина закапризничал мотор, и он вернулся. Во время второго вылета он открыл свой боевой счет – подбил «юнкерс». Чтобы выработать у парня чувство охотника, Саша вывел его в атаке вплотную на бомбардировщик, в последний момент отошел в сторону, давая Березкину возможность точно ударить с бортового оружия.

Вечером Слава с восторгом рассказывал ребятам, как заходил с майором в атаку, как прицеливался, и они, слушая его, ободряюще улыбались. Улыбался своей доброй, широкой улыбкой и Покрышкин: на парня не повлияло ранение и неудача при встрече с «рамой». Теперь можно было не сомневаться – такой будет настоящим бойцом.

9

Погода окончательно испортилась, и летать стали только на «свободную охоту». По указанию командующего штаб 8-й воздушной армии принял решение организовать конференцию с целью обобщить опыт лучших «воздушных охотников». Руководить конференцией предложили генералу Савицкому. Тот сразу по прибытии Покрышкина, включил его в группу по организации конференции.

В выступлениях участников было много поучительного. Немцы, запертые в Крыму, сносились с материком только морем и по воздуху. Их многочисленные транспортные самолеты постоянно курсировали между Крымом и территорией Румынии. Все понимали, что тактика свободной охоты позволяла 8-й армии, расположившейся на аэродромах вдоль моря, уничтожить немецкую транспортную авиацию и тем самым ускорить разгром врага в Крыму.

Материалы конференции штаб армии направил в Мос кву.

Из госпиталя вернулся командир полка Исаев и сразу же начал делать ошибки. Вечером, в день его прибытия, локатор зафиксировал приближение группы немецких бомбардировщиков. Покрышкин приказал выслать на перехват два звена: одно из Аскания-Нова и второе – из Дружелюбовки. Но Исаев этот приказ отменил: время, мол, позднее, при посадке могут быть неприятности. Никакие уговоры на него не действовали. В результате немцы повредили переправу.

Накануне нового, 1944 года, командующий воздушной армией генерал Хрюкин отдал приказ: 16-й гвардейский истребительный полк вывести на отдых и доукомплектование на аэродром в районе села Черниговка.

Отсюда в октябре сорок первого Покрышкин прорывался из немецкого «котла», здесь, во время отступления, были сожжены документы ряда частей, здесь Саша собственными руками сжег свой «Миг», чтобы он не достался врагу, здесь только мгновенная реакция истребителя спасла его, сидевшего за рулем полуторки, когда из хаты по ним хлестанул из автомата один из мотоциклистов-эсэсовцев, уже захвативших окраину села. И вот жизненная спираль замкнулась, точнее, пересеклась на более высоком уровне.

С утра была дана команда на перелет, в воздух уже поднялась первая эскадрилья, готовился взлететь и Покрышкин, но тут прибежал из штаба дивизии посыльной и сообщил, что его срочно

вызывает к себе командующий армией Хрюкин.

«Сейчас поставит мне клизму за переправу, причем с иголками», – подумал Александр, подымаясь на крыльцо штабного дома. Однако, едва увидев приветливое, улыбающееся лицо командарма, он сразу успокоился и забыл о своих опасениях.

– Ну как полеты над морем? Принесли результаты?

– Нормально, товарищ генерал. Счет сбитых увеличился.

– Почему же летчики других полков летают вхолостую? В чем тут дело? – поинтересовался генерал.

– Потому что всякий раз на берег поглядывают. Надо где-то на побережье найти площадку, чтобы летать еще дальше, чем мы. Немцы, по всей вероятности, отодвинули трассу в глубь моря.

– Это верно, – согласился Хрюкин. – Вот что: слетай в полк Морозова и помоги им наладить перехват.

– А может, этим делом займется наша эскадрилья? Я бы высадился с ней где-нибудь на побережье и…

– Нет-нет, Покрышкин, ваш полк уходит на отдых.

– Тогда разрешите мне взять с собой своего ведомого. Может быть, у Морозова придется сделать несколько показательных вылетов.

– А-а, ты опять за свое! – насторожился командующий. – Я же запретил тебе летать над морем и не хитри, пожалуйста. Направляйся в полк Морозова один, на «По-2».

– Есть на «По-2»!

Постояв несколько мгновений молча, Покрышкин наконец решился:

– Товарищ генерал, разрешите обратиться с личной просьбой?

– Обращайтесь.

– Разрешите слетать в Павлоград и на время отдыха привезти к себе в полк жену. Мария Коржук служит медсестрой в 443 БАО 17-й армии.

– Жену? – удивился Хрюкин и пристально взглянул на майора.

– Жену. Точнее, будущую. Мы намерены при первой же возможности расписаться.

– Так что, Покрышкин, у тебя намечается свадьба?

– Выходит так, товарищ генерал.

– Поздравляю, только почему же на время отдыха. Давай переведем ее в БАО твоего полка на постоянную службу.

– Было бы здорово…

– Хорошо, – сказал генерал. – Дам тебе свой самолет. Путь-то немаленький. Еще заморозишь свою любовь. Самолет будет

первого января. С генералом Судец переговорю о ее переводе. Так что счастья тебе и удачи!

Он энергично пожал Покрышкину руку.

– Спасибо, Тимофей Тимофеевич! – совсем не по-уставному поблагодарил растроганный Покрышкин и вышел.

Хрюкин с улыбкой глядел ему вслед. «Не знает Саша, какой сюрприз его ожидает», – подумал генерал и подошел к своему рабочему столу. Открыл одну из папок и стал перечитывать: «… После присвоения звания «дважды Героя Советского Союза» тов. Покрышкин, участвуя в боях за освобождение Донбасса, Мариуполя, Мелитополя и в боях за Крым, проявил новые образцы героизма, отваги и мужества при выполнении боевых заданий командования…»

«Написано все правильно, может, несколько подробно, но так лучше. Ничего менять не надо», – решил Хрюкин и, взяв ручку, приписал свое заключение: «Храбрый из храбрых. Вожак, лучший советский ас. За лично сбитые 53 самолета противника в бою достоин присвоения высшей правительственной награды – трижды Герой Советского Союза. Командующий 8-й воздушной армией генерал-лейтенант Хрюкин. 24 декабря 1943 года».

Подписав постановление, решил: «Завтра же подпишу у командующего фронтом и у члена военного совета. Потом позвоню маршалу».

Счастливый от столь внимательного отношения к себе, Покрышкин поспешил на аэродром для подготовки к вылету на «По-2» в Чаплинку, где базировался полк Героя Советского Союза Морозова.

Встретились они очень тепло. Сослуживцы по одной дивизии, они вместе встретили войну в Молдавии. До войны Саше, а также летчикам Морозову и Колесникову больше всего доставалось от комдива генерала Осипенко.

А когда началась война, сразу выяснилось, кто чего стоит. Анатолий Морозов отличился уже в первый день войны: один немецкий самолет сбил над Кишиневом, другой таранил, но сам благополучно приземлился на парашюте. Покрышкин сбил «мессершмитт» на второй день войны, Колесников тоже себя хорошо проявил.

В полку Морозова собрались опытные истребители, в большинстве своем участники боев за Сталинград. Однако у эскадрильи Алелюхина, выдвинутой к морю для «свободной охоты», дела не ладились. Теперь ее меняла эскадрилья Лаврененко, известного своей храбростью летчика, летавшая тоже на «аэрокобрах». Ей и предстояло передать опыт.

Вечером они с Морозовым ужинали в столовой. Подняли по стопке за встречу, помянули погибших однополчан, вспомнили довоенные встречи в ресторане Кишинева. Из летчиков, начинавших войну в Молдавии, в живых в полку осталось очень мало. Большинство погибло в боях под Сталинградом.

– У вас служил тогда седой такой лейтенант. Где он теперь? – поинтересовался Покрышкин.

– Да, был такой. Тоже на Волге погиб, – ответил Морозов.

– Жалко парня. Умный и храбрый был летчик.

Буквально за несколько дней до начала войны Покрышкин беседовал с этим лейтенантом, и тот, ссылаясь на свой печальный опыт во время финской войны, советовал молодому пилоту критически воспринимать действительность и больше думать головой, прежде чем действовать.

На следующий день Морозов собрал весь личный состав полка, и Покрышкин поделился с ними своим опытом «свободной охоты». А к вечеру Саша возвратился в Аскания-Нова, где на пустынном аэродроме его дожидалась «сотка» да верный Гриша Чувашкин. Солдаты из БАО грузили оставшееся имущество.

Уже темнело, когда Покрышкин поднялся в воздух. По небу ползли низкие зимние облака. Земля местами покрылась снегом. Проложив курс, Саша летел по компасу, и штурманские навыки его не подвели. Черниговку, село, растянувшееся на добрый десяток километров вдоль балки, он нашел безошибочно.

10

Степное село. Тихо кругом, слышны детские голоса. Мирная жизнь, и не верилось, что еще вчера летчики вылетали на боевые задания.

Полк приводил себя в порядок, обустраивался. Уже подъехали машины с имуществом, подобрали помещение для столовой, все готовились к встрече Нового года. Последний день сорок третьего уходил в историю.

Покрышкин разместился в центре села, рядом со старенькой, ветхой церковью. Новый год по традиции встречали у него на квартире, но на этот раз веселья что-то не получалось. Встреча больше напоминала прощальный ужин: замполит Погребной уезжал в Москву на учебу, четверо летчиков во главе с Клубовым летели в Баку за новыми самолетами, Покрышкин – за своей Марией в Днепропетровск.

После двенадцати часов ночи все вышли во двор. Было тихо, чистое небо было усыпано яркими звездами, в окнах сельских хат светились тусклые огоньки, слышались песни. Вполне мирная жизнь. Несколько месяцев для отдыха, о чем еще можно мечтать на войне?

На следующий день прибыл «По-2» командующего, в него загрузили меховой комбинезон для непривычного к полетам пассажира, высказали на дорогу массу пожеланий, и Саша взлетел.

Через пару часов он уже был в селе, очень напоминающем Черниговку, быстро разыскал санчасть, аптеку, открыл дверь и вот она, его Мария.

– Откуда ты, Саша? – спросила она первое, что ей пришло в голову.

– С неба, вестимо, – улыбаясь, ответил Александр.

Тут она бросилась ему на грудь. Он даже растерялся от этой непривычной для себя ситуации.

– Что с тобой, Мария? Ну успокойся, – приговаривал он, нежно целуя ее в голову.

Появилась Тая. Увидев плачущую подругу, она тоже принялась ее успокаивать. Тут-то и выяснилась причина слез его любимой.

Оказывается, с осени к Машеньке стал приставать штурман одного из истребительных полков, базирующихся рядом с селом. Получив «поворот от ворот», узнав, что Мария является женой Покрышкина, этот несостоявшийся кавалер стал распускать сплетни, порочащие Александра. Поведение девушки задело

самолюбие штурмана и, желая хоть как-то себя утешить, он стал рассказывать в санчасти якобы услышанную им по рации новость. Будто бы Покрышкин и братья Глинки сбросили на немецкий аэродром вымпел с вызовом немцев на бой, и что всех троих немцы убили.

Трудности военного быта, постоянные неурядицы, частые бомбардировки настолько измотали нервы Марии, что, услышав бредни этого штурмана, она неожиданно почувствовала себя плохо и слегла. Оправилась она только к вечеру следующего дня.

Саша решил тут же разобраться со штурманом, и девушкам стоило немалого труда его удержать и вообще отговорить от этой затеи. На следующее утро «кавалер» сам прибежал с извинениями, но Покрышкин уже остыл и объясняться с ним не стал.

На оформление перевода Марии ушел целый день. Пришлось ей расстаться не только с близкой подругой Таисией Поповой, но и с мечтой о Ленинградской военномедицинской академии, куда они с Таей с таким трудом добились направления.

Начальник санслужбы БАО, раздосадованный, что у него забирают лучшую операционную медсестру и что теряется надежда добиться своего от приглянувшейся ему девушки, разорвал ее представление к ордену Красной Звезды и медали «За боевые заслуги». «Ей награды теперь ни к чему. У ее мужа столько орденов, что им на двоих вполне хватит», – со злостью заявил он присутствующим медсестрам.

Ночью шквалистый ветер перевернул «кукурузник», и весь следующий день ушел на его ремонт. Вечером Саша с Марией пошли на танцы в местном гарнизоне и сразу стали там объектом всеобщего внимания – всем хотелось посмотреть на дважды Героя Советского Союза. После танцев командир местного авиационного полка пригласил гостей к себе на ужин.

На квартире их встретила молодая красивая девушка. «Моя жена» – небрежно представил ее майор, и тон, с которым он произнес эти слова, вызвал у гостей неловкость. Настроение испортилось, и очень скоро они стали прощаться.

Мария уже вышла во двор, а Александр, прикуривая, задержался на пороге.

– Кто такая? – спросил он, кивнув головой в сторону девушки.

– Да так… Случайно встретил и забрал к себе в часть, – смущенно ответил майор. – У меня ей неплохо живется.

– Понятно.

Покрышкин пожал майору руку и вышел. На улице было прохладно, подмораживало. От полной луны и ярких звезд кругом было светло, как днем.

– Что, Саша, заинтересовался? Может, ты и меня так же устроишь? – неожиданно спросила Мария.

Александр понял, что она слышала его разговор с майором.

– Ну что ты такое говоришь, Мария?

Он понимал, что девушку беспокоит неопределенность ее положения – вроде бы жена, но не официальная – и пытался ее как-то успокоить. Эта «походная» связь майора бросала тень и на их отношения.

– А почему бы нет? Устроишь меня в свои БАО – и мне тоже будет у тебя хорошо. Потом найдешь себе другую…

Голос ее звенел, чувствовалось, что она вот-вот расплачется.

– Брось, Мария, говорить глупости…

– Ну если это глупости, то почему же мы до сих пор не расписаны?

– Мария, мы же договаривались… Вспомни! Зарегистрироваться в первом городском загсе. Так?

– А может, он нам и не встретится, этот городской загс. Ведь аэродромы находятся в поле, а не в городе…

– Так, все! Разговор окончен! – сказал, как отрубил, Покрышкин. – Завтра, как прилетим, пойдем и распишемся в сельсовете Черниговки. Согласна?

Она промолчала, лишь украдкой вытерла слезинку, сбежавшую по щеке. Расстроенные, некоторое время они шли молча.

В Черниговку вылетели на следующее утро. Солнце, нехотя выползая в холодную, неприветливую местность, медленно поднималось, подрагивая оранжевым диском. Метнувшиеся по степи лучи заиграли на снегу и изменили цвет всего неба. Из темного оно сразу же поголубело, бледнея все больше и больше. Восточная закраина, вначале побагровевшая, вскорее затрепетала струйчатыми тонами светлого золота.

«По-2» болтало. Он часто проваливался в воздушные ямы, отчего Марии казалось, что она летит не на самолете, а едет на телеге по ухабистой дороге, как это часто бывало в детстве. С непривычки ее быстро укачало, и Саша, подбадривая, нет-нет да повторял: «Слабачка! А еще в жены летчиков выбилась». Она только беспомощно улыбалась.

Наконец прибыли. Марию летчики тут же торжественно вынесли на руках и усадили в кабину полуторки, потом все забрались в кузов и поехали на квартиру Покрышкина отмечать прибытие жениха и невесты.

На следующий день Гришу Чувашкина послали раздобыть муки и мяса. Саша предложил приготовить к свадебному столу его любимое блюдо – сибирские пельмени.

Потом, скинув ремень и гимнастерку, он взялся колоть дрова. С малолетства привычный ко всякой работе, обладая недюжинной силой, он шутя разделался с небольшим штабелем дров – как семечки их пощелкал и помог хозяйке уложить наколотые поленца ровными четвертинками.

Тут прибыл Чувашкин, Саша осмотрел привезенное мясо, и уже через час стряпня была в полном разгаре. Хозяйка Наталья готовила салат из соленых огурцов, капусты и картошки, а Саша и под его руководством Чувашкин и Андрей Труд споро делали пельмени. Мария тоже участвовала. Она раскатывала нарезанное маленькими кружочками тесто в крохотные тонкие блинчики, а Чувашкин с Трудом во второй или третий раз – для большей надежности – пропускали фарш через мясорубку, взятую в полковой столовой. Саша успевал приглядывать за помощниками, поправлять и подбадривать их, выполняя, как всегда, самые трудные и ответственные операции: кончиком финки проворно клал небольшие кусочки фарша на раскатанные блинчики, затем, подготовив таким образом несколько рядов, быстрыми движениями мгновенно защипывал края.

Всем друзьям было объявлено: в четырнадцать ноль-ноль свадебное мероприятие. Форма одежды – парадная.

В назначенное время в большой, сравнительно прохладной комнате за столом, по-праздничному уставленным едой и питьем, расселись: молодожены во главе стола, по обе стороны от них Пал Палыч Крюков и Сергей Лукьянов, оба со звездами героев на груди, потом друзья-летчики, все наглаженные, с орденами.

По инициативе хозяйки Натальи были приглашены еще трое – худой, с тонким орлиным носом и вислыми, как у запорожца, усами, старик Иван – родной брат хозяйки, и две женщины: седая, неулыбчивая соседка и Ганна, молодая, красивая женщина с сильным телом и высокой грудью.

Старика посадили подальше. Едва он сел за стол, как начал рассказывать Косте Сухову, как невесело и трудно им жилось при немцах. Хотя наведывались они в Черниговку не часто, но внезапно и довольно опустошительно: рыская по хатам и погребам, забирали вещи и продукты; год назад, неожиданно оцепив село, угнали всех мужчин от семнадцати до пятидесяти пяти лет, а отступая – увели лошадей.

Стол по военному времени получился обильный: тарелки с салатами и солеными огурцами; два блюда с розоватыми, веером разложенными ломтиками сала – начпрод дал; большущая, только что снятая с плиты сковорода тушеного картофеля; горки нарезанного армейского и местного хлеба, две тарелки мелко нарезанной колбасы из продпайка. И под занавес предстояли

пельмени.

И питья тоже хватало: несколько бутылок водки, полученных у интендантов, в графинах – самогон и пенистая брага в высоких бутылках.

Первый тост за молодых поднял Пал Палыч – ветеран полка. Все выпили и дружно взялись за еду.

Слава Берзкин проголодался, но, чувствуя себя несколько стесненно в компании старших, ел медленно и осторожно, стараясь правильно держать вилку, от которой совсем отвык.

Подействовала ли на него выпитая водка или брага, стакан которой он выпил в два приема, но почувствовав себя уверенно, он стал украдкой поглядывать на Марию.

Для него все было пленительно в этой невысокой девушке: и прекрасное живое лицо, и статная женственная фигурка, и мелодичный звук голоса с легким украинским акцентом, и голубые сияющие глаза, светлые волосы, подвитые и аккуратно уложенные, наконец, то вопрошающее любопытство, с каким она смотрела на летчиков, появившихся в полку после Каспия.

Держалась она со всеми непринужденно и просто, как подобает женщине в ее положении. Иногда их взгляды на мгновение встречались, и с невольным трепетом он ловил в ее глазах поощряющую приветливость и ласковость, волнующие его. Ему казалось, что до этой минуты никто и никогда так не смотрел на него. Ему только так казалось, потому что подобным образом она смотрела на всех Сашиных друзей.

Андрей Труд, самый учтивый и предупредительный, успевал галантно ухаживать за женщинами: подкладывал им на тарелку закуску, предлагал хлеб и наливал брагу в стаканы. Понаблюдав, Слава решил последовать его примеру и, поддев большой ложкой горстку салата, хотел положить его на тарелку Ганне, но она поспешно и весело воскликнула: «Дякую! Нэ трэба!» – подтвердив свой отказ энергичным жестом; ребята с улыбкой посмотрели на Березкина и он, в смущении зацепив рукавом какую-то тарелку и едва не опрокинув ее, решил больше не высовываться.

Приятно опьянев и ободренный приветливостью Марии, Слава начал было поглядывать на нее чуть длительнее, как вдруг она мгновенно осадила его: посмотрела в упор строго и холодно, с оттенком горделивой надменности.

Ошеломленный, он представить себе не мог причины подобной перемены. «Неужели позволил себе лишнее?» – подумал он.

Хмель развязал всем языки и растопил первоначальную сдержанность. Тосты следовали один за другим, даже уже прокричали: «Горько!» – и жених с невестой поцеловались.

Меж тем пельмени, сваренные в крепком мясном бульоне, были разложены по тарелкам, и жених сам показал, как их надо есть. Пельмени, политые острым соусом, сделанным из уксуса и горчицы, имели необыкновенный успех, и не удивительно, что два больших блюда с ними были быстро опустошены.

Со Славой творилось что-то небывалое. Еще никогда в жизни он не испытывал такого волнения при виде молодой женщины, хотя влюблялся уже не раз, причем впервые, когда ему было пять или шесть лет. Последний предмет его сокровенных воздыханий, медсестра Настенька из госпиталя, где он недавно находился на излечении после столкновения с немецким самолетом, осталась в тыловом госпитале, ничуть не подозревая о его чувствах.

Он уже достаточно опьянел, но для храбрости решил выпить еще. Неожиданно для самого себя, он взял со стола графин, наполненный самогоном, и налил себе в стакан.

До этого дня ему никогда еще не приходилось выпивать столько водки, и добавлять к ней «первача» ему явно не следовало. Однако его подзадорило высказанное ранее Иваном замечание, что, дескать, немцы слабоваты против русских – пьют крохотными рюмочками, – а также повлияло присутствие Марии и стремление обрести наконец в компании смелость, чтобы, как Виктор Жердев, на которого чему-то про себя усмехаясь, довольно откровенно посматривала Ганна, тоже познакомиться с кем-нибудь из местных девчат. Недовольство, появившееся на лице Покрышкина, показалось ему явно несправедливым – да что, в самом деле, он хворый, что ли?

С небрежным видом – мол, подумаешь, эка невидаль! – он поднял стакан и выдохнув воздух, как учили его пить спирт на аэродроме авиамеханики, выпил его до дна. Последнее, что ему запомнилось, был задумчивый и грустный взгляд хозяйки Натальи.

Самогон продрал горло, потом он почувствал его отвратительный вкус. Ему сразу сделалось жарко и неприятно; он сидел стесненный, ощущая ядреный самогон не только в голове, но и во всем теле, ничего не видя и не замечая вокруг. Через несколько минут он понял, что совершил непоправимое – он пьянел стремительно и неотвратимо; все вокруг стало затягивать туманом – и стол, и лица друзей как бы размывались.

Он поднялся и, удерживая равновесие, пошатываясь и на что-то натыкаясь, двинулся к дверям.

Гриша Чувашкин догнал его в сенях и, полуобняв, вывел на крыльцо.

– Пойду… Постою у ворот, подышу воздухом, – сказал Березкин и нетвердой походкой двинулся к смутно видневшейся в

темноте ограде.

Он оперся на изгородь, склонил на руки голову. Вокруг все вращалось, словно он крутил «бочки» на своей «аэрокобре».

Совсем рядом, чуть ли не задевая его хвостами и тихо повизгивая, возились, играя, две собаки. Во рту от самогонки было противно.

Из хаты доносились звуки баяна, шарканье ног, веселые голоса и смех.

Немного погодя к воротам вышел Костя Сухов, обеспокоенный внезапным исчезновением друга. Присветив фонариком и увидев Березкина, стоявшего у ограды, он подошел к нему и обнял его за плечи:

– Куда ты пропал? Пойдем танцевать…

– Сейчас, вот проветрюсь немного.

Помолчав, Костя вдруг заговорил:

– А какой все-таки молодчага наш командир! Настоящий сокол, и не только в бою! Заметил: как все смотрят на него восторженно и влюбленно, даже селяне, которые знают его без году неделю!

– Так уж и все?

На Березкина напал похмельный дух противоречия.

– Ей-богу все! О жене я уж не говорю, но даже местные, которые раньше его не видели… Молодец, – воскликнул Костя восхищенно, – ничего не скажешь. Вон сколько водки выпил, и как стеклышко! А я вот еле держусь. Вот так, Слава, запомни: женщинам нравятся сильные и решительные. Вон какая красавица у него жена…

– А я не ставлю себе целью кому-нибудь нравиться. Тем более женщинам. Меня это ничуть не волнует, – упрямо заявил все еще хмельной Березкин.

В хате гости под баян затянули песню.

– Вот жалко, что Саша Клубов улетел в Баку, – продолжил свой монолог Костя. – Он бы сейчас на свадьбе спел. Слава, ты помнишь как Саша Клубов вместе с Николаем Лавицким пели в клубе русские романсы, потом песни на стихи Есенина. Народ даже всплакнул.

– Помню, – оживился Березкин. – Потом они по очереди читали стихи Пушкина, Блока. Это когда артисты задержались, помню. Ветераны тогда вспоминали летчика Фадеева. Говорили, что он тоже здорово исполнял русские романсы и знал много стихов. Вот если бы они с нашим Клубовым объединились, вот это был бы дуэт!

– Ну что, пойдем в хату? – спросил Костя. Он уже начал на морозе подмерзать.

– Пойдем, – согласился Березкин, окончательно пришедший в себя, готовый присоединиться к веселившимся гостям.

Свадьба гуляла до отбоя. На следующий день молодые расписались в сельсовете Черниговки и получили свидетельство о браке.

В полку началась напряженная учеба – занятия в классе, полеты над заснеженной степью. Методика учебы была выработана на Каспии, отточена и усовершенствована на Кубани.

Учились все, в том числе и сам Покрышкин. Для себя он придумал особое упражнение: стрельба по наземной цели из перевернутого положения. Пролетая на бреющем над полем, он делал горку и, перевернув машину, прицельно стрелял по кучкам соломы. Правда, долго тренироваться не пришлось.

Едва он приземлился, как его срочно вызвали к комдиву в штаб дивизии. Доложив о прибытии, он застыл в ожидании, прикидывая, какое поручение ему может дать полковник.

– Ты чего это фокусы устраиваешь? – вдруг строго спросил Дзусов, подняв голову от бумаг.

– Это не фокусы, товарищ полковник, это новый тактический прием, и я его освою!

– Я и не сомневаюсь, что освоишь. А ты подумал, что на тебя смотрят молодые? Они же, подражая тебе, обязательно попробуют этот прием и побьются. У них ведь нет твоего уменья.

– Виноват, товарищ полковник, этого не учел, – признался Александр, испытывая чувство неловкости за свою неосторожность. – Больше этого не будет.

– Если понял, то свободен! – и Дзусов опять занялся служебными докуметами.

Но не прошло и нескольких часов, как полковник вновь вызвал Покрышкина. «Неужели опять по поводу этих полетов», – с тревогой подумал Александр, подымаясь на крыльцо штабного домика. Но увидев приветливое лицо комдива, успокоился:

– Все, Александр Иванович, ты отвоевался, – объявил Дзусов. – Только что позвонили из Москвы. Тебя отзывают на повышение. Бери расчет, личное дело, выписывай проездные документы и отправляйся в штаб ВВС. Поздравляю!

Дзусов говорил еще что-то, но Саша стоял в растерянности и ничего не слышал. Так он и покинул штабной домик. В сознании не укладывалось – бросить полк, уйти с фронта…

11

Вечерело. Низкие мокрые облака, казалось, заполонили небо. Оттепель местами оголила землю от снега. В воздухе стояла белесая испарина, похожая на туман.

«О полетах нечего и думать: ни высоты, ни видимости», – думал Покрышкин. Он стоял в тамбуре у окна пассажирского вагона. Мария спала на полке, заботливо укрытая его шинелью. Они направлялись в Москву.

Только вчера полк отпраздновал 26-ю годовщину Красной Армии и Флота. С самого утра летчики начали готовиться к торжественному ужину, наглаживали обмундирование, пришивали к гимнастеркам чистые подворотнички, брились, другие, гремя костяшками, играли в домино, третьи, раздобыв где-то книги, уединились, погрузившись в чтение. В полку имелось с десяток книг, и все они были зачитаны до дыр.

А Покрышкин, в отличие от ребят, готовился к отъезду. Оформил на себя и жену проездные документы, помог Марии собрать чемодан. Вечером, на торжественном ужине, обмыли присвоение ему очередного воинского звания подполковник, а заодно и его проводы. Правда, почему-то никто из ребят, впрочем, и он сам, не верили, что он уйдет из полка. Было вот такое предчувствие.

26-ю годовщину в стране отмечали широко и торжественно. Армия это заслужила. Тысячи воинов были награждены орденами и медалями, на вечерах и собраниях вспоминали героев, павших в боях за честь и славу Родины.

Советские войска успешно наступали на правом берегу Днепра, гнали немцев от блокадного Ленинграда, начинали освобождение Белоруссии. Во многих столицах зарубежных стран в честь годовщины Красной Армии прошли массовые митинги, а в Алжире – парад французских, американских и английских войск.

Как-то незаметно за Донецком потянулись заснеженные поля, на окнах вагонов мороз начал рисовать узоры. Мелькали за окном города, городки и станции, все в страшных руинах. Вокзалы стояли разбитыми, и часто станцию можно было узнать лишь по надписи на уцелевших руинах.

До Москвы добрались без приключений. На Киевском вокзале Александр договорился с каким-то шофером, и тот подвез их на трофейной немецкой автомашине до гостиницы Центрального дома Красной Армии.

Номеров, конечно, не было, но для дважды Героя дали из

резерва. Впервые в жизни они остановились в «люксе». Мария, осмотрев комнаты и ванну, тут же заявила, что вечером она будет наслаждаться.

Утром Покрышкин отправился в кадры ВВС. Уходя, предупредил Марию, чтобы она была внимательна на улице и не забывала отдавать честь старшим по званию, а то прошлым летом, когда он с братьями Глинками прилетал в Москву для вручения им американской медали, все трое имели неприятное столкновение с одним майором: проходя по улице, не поприветствовали его и тот публично отчитал Героев. Так что не засматривайся и не расслабляйся от столичной мирной жизни. Мария заверила его, что будет ходить, не опуская руки.

Из бюро пропусков он позвонил в кадры. Представился. «Минуточку, подождите у телефона», – попросили его. Потом басовитый голос сообщил, что пропуск ему будет заказан через пару минут.

Минут пятнадцать спустя он оказался в большой комнате, где за столами, заваленными папками с личными делами офицеров и прочими бумагами, сидели кадровики, курирующие разные воздушные армии.

Александр быстро нашел своего – куратора 8-й армии, и тот без лишних разговоров отвел его к начальнику отдела кадров генералу Орехову, полному мужчине с одутловатым лицом. Александр узнал его – именно Орехов оформлял авиатехника Покрышкина на учебу в академию имени Жуковского в тридцатые годы.

Как это обычно бывает у кадровиков, Орехов поинтересовался самочувствием Покрышкина и, получив удовлетворяющий его ответ, перешел к делу:

– Так вот, Александр Иванович, – не торопясь, начал генерал, – вам предлагается должность начальника отдела боевой подготовки истребительной авиации Военно-воздушных сил. В вашем подчинении будет группа инструкторов по воздушному бою и стрельбе. Их обязанность – выезжать в полки, дивизии и обобщать их опыт, составлять руководящие документы по боевому применению авиации и лично, непосредственно в боях, проверять, как они выполняются, что в них устарело и требует замены, внесения нового. Личным примером в боях, показом и рассказом учить командиров и летчиков, как правильно, по всем правилам военной науки нужно бить врага. Вы будете осуществлять руководство работой инструкторов, периодически тоже выезжать на фронт и выполнять аналогичные функции. Подчиняться будете начальнику управления истребительной авиации генералу Правдину – опытному боевому летчику,

воевавшему с финнами, на Ленинградском фронте, под Сталинградом, на Юго-Западном фронте…

Покрышкин в растерянности молчал. С должности заместителя командира полка и на такой высокий пост…

Орехов продолжил:

– Вам предлагается высокая должность. Достаточно сказать, что должность старшего инспектора вашего отдела приравнена к должности командира дивизии, а у вас должность еще выше. Вам присвоят генеральское звание, у вас будет персональная автомашина, вам предоставят квартиру в Москве.

Покрышкин по-прежнему молчал. В голове у него был полный сумбур. Орехов, видимо, понял его состояние, и не стал торопить с ответом:

– Подумайте. Я закажу вам пропуск на завтра.

Освободившись, Покрышкин заторопился в гостиницу. Нужно было посоветоваться с Марией.

Она с беспокойством взглянула на него, едва он появился, ожидая, что он что-то расскажет важное, но услышала совсем другое:

– Пойдем пообедаем в ресторане, – предложил Александр.

По его виду она поняла, что он чем-то сильно взволнован.

– Куда?

– Да тут же в гостинице.

– Сашенька, милый, ты даже не представляешь, какие тут цены. При таких ценах мы через два дня останемся без денег. Мы пойдем с тобой в ресторан для приезжих военных. Там можно недорого пообедать.

Пока Александр был в штабе ВВС, практичная Мария уже все разузнала у горничной.

Они нашли удобное место у окна, сделали заказ. Теперь можно было поговорить.

– …Во-первых, я сомневаюсь в успехе этой работы, – скороговоркой возбужденно говорил Александр. – Чтобы инструктору-летчику грамотно воевать, нужно самому хорошо изучить воздушную обстановку того района, где ему придется участвовать в боях, знать особенности, привычки, нравы и традиции полков и дивизий, с которыми он будет летать. А это дается временем, и не малым. Инструкторы будут прибывать в кратковременные командировки. Как же они смогут контролировать работу авиации, а тем более учить показом, как нужно по науке бить врага, когда они сами не имеют возможности глубоко врасти во фронтовую обстановку?

Он налил из бутылки в стаканы пиво и отпил глоток. Она молчала, зная по опыту, что ему нужно дать возможнооть

выговориться.

– Конечно, штабная работа безопасна, – уже спокойнее продолжал он, – но я не люблю командовать из-за стола. Сижу тут в кабинете, а сам все время думаю: как там в полку без меня? Не хочу покидать свой полк. Там мои друзья и мои ученики. Если без меня моих ребят посбивают, я потом до конца жизни не смогу жить со спокойной совестью. А что они скажут, если узнают, что я, задолго до конца войны, уйду с фронта? Скажут: тихой жизни захотел, а может быть, и того хуже. Нет, я не могу, и перед памятью моих боевых товарищей, погибших на фронте, не имею права давать повод для таких разговоров.

Хочу воевать до Победы, дойти до самого Берлина, а потом можно переходить на штабную должность. Согласна?

– Правильно, Сашенька, правильно, – отвечала Мария, ласково поглаживая его руку. – Меня тоже тянет на фронт, там люди как-то лучше.

– Соглашусь остаться, генеральшей будешь!

– Мне все равно, дорогой, где с тобой быть, только бы вместе! Ты обо мне не думай…

– Значит, решено! Давай отметим наше решение пивом!

Наутро Покрышкин явился к начальнику отдела кадров и, едва присев, категорически заявил, что от предложения отказывается.

– Как так «не хочу»? – удивился Орехов. – Ваш опыт нужен другим. Надо вооружать знаниями молодежь…

По всему чувствовалось, что пожилой генерал огорчен.

– Опыт у меня есть, но я чувствую, что с такой должностью не справлюсь.

– Ну, это не страшно. Поможем, если будет трудно.

Поняв, что заранее приготовленные аргументы результатов не принесли, Александр отбросил всякую дипломатию.

– До конца войны с фронта не уйду! – выпалил он, напряженно глядя в глаза кадровика.

Тот молча захлопнул папку с его личным делом и сухо сказал:

– Завтра быть здесь к девяти ноль-ноль. Вас примет Главный маршал авиации. Свободны!

На следующий день майор-направленец провел Покрышкина к уже знакомому ему кабинету.

– Так что, хочешь воевать до полной Победы? – спросил Новиков, и Саше показалось, что они расстались только вчера.

– Так точно, товарищ Главный маршал. Хочу быть на фронте, хочу воевать и уничтожать фашистов, пока их не будет на нашей

земле, – четко ответил Покрышкин.

– Что ж, неволить не буду. Хочешь воевать – возвращайся…

У Саши все запело внутри, и мыслями он уже летел в Черниговку.

– Но есть, брат, у меня к тебе одна просьба, – улыбнулся Новиков. – Поезжай-ка на авиазаводы, ознакомься с новыми истребителями. Дадим вам «Як-3» и «Ла-5 фн». Это отличные машины, будут получше «аэрокобр». А потом зайдешь ко мне, поговорим перед отъездом.

Такое поручение было Александру по душе, он еще никогда не бывал на авиазаводах.

Вечером они с Марией пошли в Большой театр. Достать места недалеко от сцены для Александра не составило труда.

Пришли точно к началу. Театральный зал наполовину был заполнен военными. Слышался тихий говор рассаживающихся зрителей. Мария с непривычки волновалась.

Наконец оркестр грянул марш, занавес раздвинулся, и представление началось. Незаметно они так втянулись в сюжет, что забыли о войне, обо все на свете. Лишь в антракте Мария перевела дух. Ей казалось, что она просидела так, затаив дыхание, много часов.

– Пойдем, прогуляемся, – предложил Александр.

– Ты иди, а я посижу здесь…

Когда, перекурив, он вернулся, Мария с печальным видом изучала программку. И тут до него дошло: да она же стесняется своего солдатского обмундирования. Военная форма – стянутая в талии широким ремнем, отутюженная гимнастерка, юбка, плотно облегающая округлые бедра, и хромовые сапожки на стройных ногах – все ей очень шло. Саше и в голову не приходило, что ей хочется быть, как другие женщины, в нарядном платье, туфельках.

Смахнув слезинку со щеки, она сказала, что все в порядке, чтобы он не беспокоился. Покрышкин ничего не сказал жене.

Утром следующего дня они поехали в военторг. Мария осталась там подбирать себе вещи, а Александр отправился на аэродром – предстояло познакомиться с новыми образцами советских самолетов, которые заводы готовились поставлять фронту.

Известный летчик-испытатель Федрови предложил ему ознакомиться с новым истребителем «Як-3». Саша по привычке обошел самолет, пошатал киль, потом сел в кабину и взлетел. После проведения каскада фигур высшего пилотажа он пришел к выводу, что «Як-3» превосходная по своим летным характеристикам машина, но по сравнению с «мессершмиттом» у

нее слабое вооружение. Были и другие мелкие недоработки.

Все это Покрышкин высказал генеральному конструктору истребителя Яковлеву, что, видимо, генералу не понравилось и он не стал даже беседовать с военным летчиком.

«Странно он ведет себя, – подумал Покрышкин. – К кому же надо прислушиваться, как не к нам, людям, которые будут на этой машине воевать? Да и что может доказать высокомерному генералу подполковник? Он меня и слушать-то не захотел».

Осадок после этой встречи остался неприятный.

В номере Александра ожидал сюрприз: Мария в новом платье и туфлях на высоких каблуках. Она всегда казалась ему красивой, но теперь – у него просто не хватало слов. Он подхватил ее на руки и закружил по комнате.

– Пусти, уронишь… Ой, ой! – ее могли слышать, наверное, в коридоре.

Наконец он успокоился.

– В театр хочу! – потребовала Мария.

– К вашим услугам, о несравненная! – шутливо поклонился Александр и вдруг воскликнул: – Мария! А у тебя красивые ноги!

– Ты только сейчас рассмотрел?

– Да, знаешь, как-то не получалось. Длинная юбка, сапоги, за ними ничего не видно.

– Ах ты, обманщик! – Мария со смехом взобралась на лежащего на диване Александра. – А кто за мной в Манасе подглядывал, когда я подымалась по лестнице, а? Думаешь, я не видела?

– Неужели видела?

Они принялись шутливо бороться, но как может бороться стройная лань с сибирским медведем. В гостиницу из театра они возвращались поздно вечером. На улицах было пустынно и тихо.

– Как изменилась Москва! – сказал Саша. – Словно и нет войны. А в ноябре сорок первого – везде были баррикады, и люди бежали, а не шли.

– А ты что, был в Москве в сорок первом?

– Да, прилетали за «Мигами». Получили и улетели обратно на фронт.

– Смотри, даже не видно нигде развалин от бомбежек, – заметила Мария. – Все уже заделано. Хоть бы один разрушенный дом сохранили для потомков. Как музей.

Они были счастливы от покоя, близости, и черпали его полными пригоршнями, понимая, что через несколько дней их снова ожидает фронт.

На следующий день Покрышкин побывал в конструкторском

бюро С. А. Лавочкина, ознакомился с производством истребителей «Ла-5 фн» на заводе, и окончательно утвердился в правильности принятого решения: немедленно вернуться на фронт. Теперь наши летчики располагали всем необходимым для скорейшего разгрома авиации Геринга.

Перед отъездом состоялась еще одна встреча с Главным маршалом авиации Новиковым. Выслушав впечатления Александра от посещения заводов, Новиков заговорил о предстоящих наступлениях, о командных кадрах авиации, которые за годы войны приобрели огромный опыт ведения боевых операций.

– Тебе, Александр Иванович, очень повезло в боевой жизни, – развивал дальше свою мысль Главный маршал, – поскольку все твои командующие армиями – генерал-лейтенант Вершинин, сейчас – генерал-лейтенант Хрюкин – опытные, знающие командиры. Вот тебе сколько лет?

– Скоро исполнится тридцать один.

– А Тимофею Тимофеевичу Хрюкину – тридцать три. Не намного старше тебя. Но какая у него школа, какой прекрасный боевой опыт! Из всех командующих воздушными армиями на фронтах Отечественной войны он самый молодой и один из самых талантливых. Смелый, решительный, он может на равных разговаривать с командующим фронтом Толбухиным. Вот с кого тебе надо брать пример.

Саша сидел в глубоком кресле, а главком неспешно прохаживался перед ним по кабинету.

– Мне известно, – заметил главком, – Хрюкин представил тебя к награждению третьей «Золотой Звездой». Он высоко ценит и уважает тебя. И хотя у Тимофея Тимофеевича нет столько «Золотых Звезд», как у тебя, у него тоже есть чему поучиться. Имей это в виду. Я хочу, чтобы ты, Александр Иванович, вырос в крупного авиационного начальника. Для этого у тебя все имеется… Значит, все-таки не хочешь оставаться здесь, отправляешься на фронт?

Покрышкин поднялся и стал по стойке «смирно».

– Да, товарищ Главный маршал.

– Хорошо. Отпускаем тебя, чтобы ты там еще подумал над нашим предложением. Желаю тебе успехов на фронте, – Главный маршал улыбался. Он прекрасно понимал, что на фронте Александру будет не до должностей. Но он также понимал, что по своим способностям Александр достоин большего, чем быть заместителем командира полка.

В вагоне поезда, мчавшего их с Марией на юг, Александр вновь и вновь возвращался к словам Главного маршала: «Учиться

у Хрюкина». Значит, предстоит учиться командовать подразделениями.

Москва, с ее заводами, институтами, театрами, штабами, с ее бурной, многогранной жизнью осталась в прошлом. Его ждали родной полк, друзья, новые сражения.

12

В таврических степях весна была в полном разгаре. Черниговка утопала в грязи. С трудом выползая из нее на взлетную полосу, летчики продолжали упорно тренироваться. Полк ожидал передислокации на фронт.

Советские войска захватили плацдарм на правом берегу Днепра, на картах появилось Тираспольское направление. Ветераны горели желанием вернуться на аэродромы Молдавии и в боях над Днестром отомстить врагу за трагические дни июня сорок первого.

Покрышкина неожиданно вызвали в ставку Главного маршала авиации под Ровно. Вылетел туда он в паре с Голубевым. Добирались с посадкой в Ново-Николаевке – пережидали плохую погоду. Наконец добрались до Ровно. Было сыро, шел мокрый снег. Перед ними совершил посадку транспортный самолет из Москвы, в котором прилетели врачи, сотрудники госбезопасности.

Покрышкин сразу заметил, что на аэродроме все были чем-то тревожно возбуждены, озабочены, у многих на лицах нескрываемая печаль.

Вскоре все прояснилось. В этот день в перестрелке с бандеровцами был тяжело ранен командующий фронтом генерал армии Ватутин. В штабе все ходили на головах, на все вопросы был один ответ: «Устраивайтесь ночевать, завтра поговорим».

На следующий день его принял Новиков.

– Знаешь, зачем вызвали? – сразу спросил Главный маршал. Выглядел он неважно: лицо серое, уставшее.

– Нет.

– Назначаем тебя командиром авиаполка, который находится в резерве штаба. Вместо погибшего Льва Шестакова.

«На этот раз не выкрутиться», – подумал с тоской Покрышкин.

– Очень не хочется уходить из своего полка, товарищ Главный маршал.

– Я знаю.

– Тогда разрешите перевод в этот полк нескольких летчиков, с которыми я много воевал.

– Нет, не могу.

– Это – мои воспитанники, товарищи. Будут мне опорой на новом месте.

– Разрешаю взять только ведомого.

– Без них не могу согласиться. Прошу отпустить в мой полк.

Главный маршал посмотрел на Александра, потом безнадежно махнул рукой, что означало: «Возвращайся, что с тебя возьмешь, черта упрямого».

Опасаясь, что он передумает, Покрышкин поспешно козырнул и вышел из кабинета. «Неужели выкрутился, – звенело в голове. – Если до аэродрома не задержат, значит, пронесло».

На аэродроме к нему кинулся Голубев.

– Георгий, бежим скорей, – бросил на ходу Покрышкин, направляясь к своему самолету.

– Домой?

– Да.

– Отлично!

«Нам бы только до Ново-Николаевки долететь, а там заправимся. Впрочем, с нашими бачками топлива хватит до самого дома», – прикидывал Александр, запуская двигатель.

Домой добрались без приключений. Но ждала уже телеграмма из Москвы: «Самолеты готовы. Срочно забирайте. Лавочкин».

Опять был поезд до Москвы, только ехал на этот раз он с Голубевым, потом полет в Горький на «Ут-2», вынужденная аварийная посадка на берегу реки. Покрышкин остался целым и невредимым только благодаря своей реакции и опыту боевого летчика. Потом было знакомство с семьей знаменитого русского летчика Нестерова, получение новых самолетов и возвращение на них в Черниговку. Много разных событий…

Едва Покрышкин спрыгнул с крыла самолета на землю, как увидел, что навстречу бежит всегда спокойный и невозмутимый начстрой полка лейтенант Павленко с какой-то бумагой в руке.

– Вам телеграмма, товарищ гвардии подполковник, – закричал он издали, размахивая сложенной вдвое бумагой.

Покрышкин неторопливо взял телеграмму и стал ее разворачивать.

– Вас назначают командиром дивизии! – не удержался и выпалил лейтенант.

«Как быть? Отказаться и на этот раз? – задумался Александр. – Ведь если стану командиром дивизии, часто летать на боевые задания не смогу. А так хочется сбивать и сбивать этих гадов. Так, а кто подписал телеграмму? Ого! Главный маршал авиации. Эге, брат, это уже не предложение, это приказ. А приказы в армии выполняются беспрекословно. Вот так!»

Он поднял голову, посмотрел на Голубева с Павленко, улыбнулся своей широкой покрышкинской улыбкой и коротко бросил:

– Ну чего застыли, как столбы! Будем жить!

– Ура-а-а! – закричал как оглашенный Павленко, и понесся в штаб. Его просто распирало от радости и от удовольствия, что он первым узнал и теперь оповестит всех об этой сногсшибательной новости…

Они лежали, крепко прижавшись друг к другу, и хозяйская кровать не казалась им жесткой и неудобной, какой была на самом деле.

– Я чувствую, это девочка! – шепотом в который раз уверяла она. Ей страшно хотелось ему угодить. – И будет вся в тебя!

– В крайнем случае согласен и на парня. И пусть будет похож на тебя! – думая совсем о другом, прошептал он.

Час назад он беседовал со своим бывшим комдивом полковником Дзусовым, назначенным командиром авиационного корпуса на Белорусском фронте. Начальник штаба его 9-й гвардейской дивизии, полковник Абрамович, развернул карту и показал прифронтовые аэродромы, на которые через два дня должна перелетать дивизия.

– Справишься с перебазировкой? – спросил Дзусов.

– Если надо – постараюсь, – ответил Покрышкин.

…Они лежали, тесно прижавшись друг к другу, и, целуя ее, Александр не мог не думать о предстоящей передислокации дивизии. Но сейчас его больше волновала ее судьба, и он мучительно соображал: что же делать? Возить жену с собой на фронте было в его понимании безнравственно, ведь он осуждал за подобное поведение других.

– …Я должна теперь спать за двоих, – меж тем шептала она, выговаривая слова с так нравившимся ему мягким украинским акцентом. – Знаешь, по ночам мне часто кажется, что наступит утро и все кончится. И бомбежки, и кровь, и смерть. Скоро будет четыре года – ведь не может же она продолжаться вечно?.. Представляешь: утро, всходит солнышко, а войны нет, совсем нет…

– Завтра я пойду к майору! – неожиданно произнес он и, высвободив руку из-под ее головы, попытался подняться: – Я с ним поговорю! Пусть тебя отправят в Новосибирск, домой, к моей матери. Завтра же!

– Да ты что? – привстав, она поймала его за руку и с силой притянула к себе. – Ложись… Что скажет майор. Только перевелась, теперь поеду домой?

– Нет, нет, завтра же к нему пойду!

– Тише, а то хозяйка услышит! – она прижалась лицо к его щеке и после небольшой паузы, вздохнув, прошептала: – Я все сделаю сама!

Растроганный, он откинул полу шинели и рывком привлек ее

к себе.

– Тихо! – она испуганно уперлась кулачками ему в грудь. – Ты раздавишь нас! Глупыш ты мой!.. Нет, это твое счастье, что ты меня встретил. Со мной не пропадешь!

Она смеялась задорно и беззаботно, но Александру было совсем не до смеха.

– Слушай, ты должна пойти к майору завтра же, с утра!

– С утра?.. Да ты что?

– Я тебя провожу! Объяснишь ему и скажи, что тебе плохо, что ты больше не можешь.

– Но это же неправда.

– Я прошу тебя!.. Как ты будешь?.. Ты должна уехать! Ты пойми, завтра могут начаться бои!

– Бои? – она вмиг насторожилась, очевидно, все поняв. – Нет, это правда?

– Да. Послезавтра дивизия вылетает на фронтовые аэродромы.

Некоторое время она лежала молча. По ее дыханию – такому знакомому – он чувствовал, что она взволнована.

– Что ж… от боев не бегают. Да и не убежишь… Все равно, пока меня комиссуют и будет приказ по дивизии, пройдет несколько дней. Хорошо, я пойду к майору завтра же. Решено?

– Да. И не волнуйся, все оформим в один день.

– Думаешь, мне легко к нему идти? – вдруг прошептала она. – Стыдно ведь! Все остаются на фронте, а я в тыл к спокойной жизни… Опять начнется это ожидание, когда от тебя ни строчки и каждый день ждешь сообщения по радио… И думаешь – а вдруг погиб…

Всхлипнув, она отвернулась и, уткнув лицо в рукав шинели, вся сотрясаясь, беззвучно заплакала. Он крепко обнял ее и молча целовал ее губы, лоб, соленые от слез глаза…

На следующий вечер на станции Верхний Токмак он посадил Марию в поезд и долго стоял на перроне вокзала у окна вагона, до боли вглядываясь в родное лицо. Мысленно он видел ее уже в Новосибирске, в домике над Каменкой, там, где прошло его босоногое детство.

Эпилог

29 апреля 1944 года 9-я гвардейская истребительная дивизия под командованием дважды Героя Советского Союза подполковника Покрышкина Александра Ивановича была переброшена на территорию Румынии, где приняла участие в Ясской операции в составе 7-го истребительного авиакорпуса. За период операции с 10 мая по 5 июля дивизия произвела 900 боевых вылетов, ее летчики сбили 128 немецких самолетов.

В этих боях Герой Советского Союза Александр Клубов сбил 9 самолетов, дважды герой Советского Союза Дмитрий Глинка и лейтенант Петр Гучек сбили по 6 самолетов, капитан Комельков и лейтенант Дольников – по 5 самолетов.

За успешное руководство дивизией подполковнику Покрышкину А. И. было досрочно присвоено воинское звание полковник.

С июля 1944 года дивизия участвовала в Львовско-Сандомирской операции в составе истребительного корпуса генерала А. В. Утина 2-й воздушной армии 1-го Украинского фронта. В ходе операции был освобожден город Львов, оккупанты изгнаны с территории Советского Союза и был захвачен плацдарм на берегу реки Вислы у польского города Сандомир.

Части 9-й гвардейской истребительной авиадивизии непрерывно патрулировали в воздухе, прикрывали наступающие войска, вели воздушные бои, полностью выполнили свою задачу, уничтожив 93 самолета противника и совершив 2205 боевых вылетов.

За боевые заслуги 9-я гвардейская авиадивизия была награждена орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени, а командир дивизии Покрышкин А. И. первым в СССР получил звание трижды Героя Советского Союза. К третьей «Золотой Звезде» он был представлен в декабре 1943 года.

К концу Львовско-Сандомирской операции полки дивизии дислоцировались на аэродромном узле Мокшишув, выполняя задачи по прикрытию своих войск на Сандомирском плацдарме, вели воздушную разведку, вылетали на «свободную охоту».

С 12 января по 16 апреля 1945 года дивизия прикрывала 5-ю гвардейскую танковую армию при форсировании ею реки Одер и захвате плацдарма на правом берегу. Наземные войска взяли крупные промышленные центры Ченстохов и Краков, вышли на границу фашистской Германии и вели бои на ее территории, овладев городами Бреслау, Бунцлау, Лаубан.

По инициативе и при непосредственном участии командира

дивизии А. И. Покрышкина для полетов была использована автострада Берлин-Бреслау, на участке, прилегающем к аэродрому в Аслау. Это требовало от летного состава исключительного мастерства, так как взлетная полоса имела в ширину всего 24 метра.

В один из апрельских дней капитан Луканцев с ведомым Юрием Гольдбергом сбили немецкого аса гауптмана Бруно Ворма. Когда пилоту, задержанному после приземления с парашютом, показали юного Гольдберга и сказали, что сбил его вот этот парень, немец, награжденный за многочисленные победы в воздухе крестом с дубовыми листьями, просто не поверил своим глазам. Такова была выучка в 9-й гвардейской дивизии.

С 16 апреля 1945 года дивизия продолжила боевые действия. В воздушном сражении за Берлин ее летчики оказывали поддержку наземным войскам, разгромили остатки воздушного флота противника, проведя 50 воздушных боев и сбив 56 самолетов. Приказом Верховного Главнокомандующего дивизии было присвоено второе почетное наименование «Берлинская».

В битве за Берлин особенно отличились Александр Покрышкин, Георгий Голубев, Вячеслав Березкин, Григорий Речкалов, Константин Сухов, Андрей Труд, Александр Вильямсон, Александр Закалюк, Николай Трофимов, Дмитрий Глинка, Василий Бондаренко и другие летчики.

После падения Берлина дивизия принимала участие в освобождении Праги – столицы Чехословакии. 10 мая, после капитуляции Германии, две группы летчиков под командованием Героя Советского Союза Константина Сухова и Героя Советского Союза Георгия Голубева совершили последний боевой вылет в Великой Отечественной войне. Во время этого вылета Георгий Голубев сбил последний фашистский самолет «ДО-217».

В июне 1945 года А. И. Покрышкин прибыл в Москву и принял участие в подготовке торжественного парада в честь Великой Победы. Тут он встретился с генерал-полковником Т. Т. Хрюкиным, единственным из всех командующих воздушными армиями награжденным второй звездой Героя Советского Союза.

24 июня 1945 года состоялся Парад Победы. Покрышкин со Знаменем 1-го Украинского фронта шагал рядом с Маршалом Советского Союза И. С. Коневым. Потом он присутствовал на правительственном приеме в Кремле, на котором выступил И. В. Сталин.

На параде и во время приема Покрышкин неоднократно встречался со своими бывшими командующими воздушных армий К. А. Вершининым, Т. Т. Хрюкиным, С. А. Красовским, а также с Главным маршалом авиации А. А. Новиковым.

С А. А. Новиковым была достигнута договоренность, что Покрышкину будет предоставлена возможность поступить на учебу в академию имени М. В. Фрунзе.

Незадолго до окончания академии Покрышкина пригласил на прием недавно назначенный командующим ВВС Московского округа сын И. В. Сталина Василий, имевший к тому времени звание генерал-майора.

Василий Сталин намеревался предложить Покрышкину должность своего заместителя командующего округом. Однако намеченная встреча не состоялась. Прождав Василия более часа в приемной, Покрышкин, сославшись на занятость в связи с экзаменами в академии, отбыл.

Пару месяцев спустя Покрышкин отдыхал с семьей в районе пионерского лагеря «Артек» и по случаю своего дня рождения был приглашен в гости в винодельческое хозяйство в Массандре. Там он случайно встретился с сыном Лаврентия Берии, и во время беседы за столом на вопрос Серго Берии, как он, Покрышкин, оценивает назначение Василия начальником военно-воздушного округа Москвы, Александр Иванович, имевший привычку говорить людям правду в глаза и на этот раз оставшись верным себе, сказал, что у Василия, по его мнению, нет для этой должности ни знаний, ни опыта. Конечно, эти слова стали известны сначала Василию, а потом и его отцу.

По тем временам это был поступок, который мог совершить только человек отчаянной храбрости. Пренебречь предложением сына всесильного диктатора, так невысоко отозваться о его способностях. Неслыханно! Распустились за эту войну! Нужно было одернуть зазнавшихся военных, да так, чтобы все напугались и запомнили, – рассуждал Иосиф Виссарионович.

И он одернул. Главной мишенью стал первый человек в армии маршал Жуков.

А началось все с обвинения Главного маршала авиации Новикова и народного комиссара авиационной промышленности Шахурина в сокрытии дефектов на самолетах, что вызвало авиакатастрофы.

Сталин пришел в ярость, когда узнал от сына Василия и министра госбезопасности Абакумова, что высшие чины авиационной промышленности скрывали дефекты ради получения премий и наград.

В июле 1946 года были арестованы Новиков и Шахурин, а «выбитые» из Новикова показания были использованы против Жукова. В приказе от 9 июня 1946 года, подписанном Сталиным, Жуков обвинялся в «отсутствии скромности», «чрезмерных амбициях». Маршал был снят с должности заместителя

Главнокомандующего Сухопутными войсками и переведен командующим войсками Одесского военного округа.

Снятие Жукова и Новикова имело далеко идущие последствия для армии, послужив началом кампании по развенчанию ряда военачальников – героев Великой Отечественной войны, которых И. В. Сталин просто побаивался и рассматривал в качестве потенциальных противников.

Полковник Покрышкин в эту когорту не попал, но для него вождь придумал иезуитское наказание, которое Александр Иванович почувствует очень скоро.

В 1948 году Покрышкин заканчивает академию и из Военно-воздушных сил его переводят в ПВО. Он получает назначение на должность заместителя командира 88-го истребительного авиационного корпуса под город Ржев. Прославленного, всемирно известного летчика, принимавшего активное участие в общественно-политической жизни страны, выбрасывают из Москвы на периферию, заставляют заниматься сугубо военными делами, жить с семьей в неустроенной квартире.

До смерти И. В. Сталина Покрышкина не повышали в звании, он оставался полковником, хотя занимал должности генерала. Таково было наказание за гордость и человеческое достоинство, за нежелание по-холуйски гнуть спину перед избранными.

Лишь с 1953 года карьера Покрышкина в войсках потихоньку, – не без сложностей, начинает развиваться. Он получает звание генерала. Не без труда ему удается прорваться в академию Генерального штаба, которую он с блеском заканчивает.

В 1968-1971 годах он был заместителем главнокомандующего Войсками ПВО страны, с января 1972 года стал председателем ЦК ДОСААФ СССР, ему присвоено звание маршала авиации. В ноябре 1981 года он назначен инспектором-советником Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. В период службы в частях ПВО он постоянно сталкивался с недоброжелательным отношением карьеристов, завистников, и если в войну он боролся с фашистами, то теперь его противником становятся завистники и всякого рода интриганы.

В 1976 году, на XXV съезде партии А. И. Покрышкин был избран кандидатом в члены ЦК КПСС, был депутатом Верховного Совета СССР 2—10 созывов.

Он награжден пятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова второй степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» третьей степени, медалями, а также иностранными орденами.

Интересна судьба Эриха Хартманна. После боев в Донбассе у него была еще одна памятная встреча с одним из летчиков 9-й гвардейской истребительной дивизии. Произошло это 29 мая 1944 года во время Ясско-Кишиневской операции в Румынии. Вместе со своим ведомым лейтенантом Ори Блессиным Хартманн возвращался после очередного боевого вылета на свою базу в Романе, том самом Романе, который Покрышкин бомбил в одиночку на второй день войны.

Эрих расслабился, размышляя о предстоящей вечерней попойке с румынскими девочками, которую они запланировали с новым командиром группы лейтенантом Батцем. По привычке решив проверить, на месте ли Блессин, он оглянулся и с ужасом увидел, что на хвосте у ведомого висит «аэрокобра» с красным обтекателем. «Вправо! Вправо и крутое пике!» – закричал Хартманн.

На счастье, Блессин среагировал мгновенно. Блестящие трассы русского прошли впритирку с его кабиной. Блессин круто пикировал, а русский уже несся за ним. Хартманн заложил крутой правый вираж и устремился за ними следом. Русский летчик, увлеченный погоней, совсем забыл об опасности. «Ори! Ручку на себя и широкий разворот!» – скомандовал Хартманн. Его ведомый и русский истребитель были на одной линии, что не позволяло ему открыть огонь.

Блессин четко выполнил указание. Эрих довернул, перехватил выполняющую вираж «аэрокобру» и нажал на гашетки. Взрыв подбросил советский истребитель вверх, потом он закувыркался и полетел вниз.

«Вот так, Ори! На его месте могли быть мы с тобой. Вот что происходит, когда не следишь за своим хвостом», – сказал он Блессину, когда они выбрались после посадки из кабин своих истребителей. Вид у обоих был более ошеломленный, чем радостный.

После войны Хартманн был выдан русским американскими войсками, около 11 лет провел в лагерях и в 1954 году вернулся в ФРГ.

Большинство из его сослуживцев по 52-й эскадре погибли на Восточном фронте. Вальтер Крупински остался жив и после войны служил еще в авиации ФРГ, летал на американских реактивных самолетах, как и Эрих Хартманн.